

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

23

Памяти
Людмилы Эдуардовны
Калнынь

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

23

*Памяти
Людмилы Эдуардовны Калнынь*

Москва • 2021

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот,
П. Е. Гриценко, М. В. Ермолова, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова,
Г. С. Кобирина, М. М. Кондратенко, К. Кончевска, Н. Д. Матиив,
С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Я. Ригер, Л. В. Рябец, Е. Серочук,
М. Н. Толстая, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлев (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. А. В. Тер-Аванесова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. – 302 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 23) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 16–17 июня 2020 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Сборник посвящен памяти замечательного диалектолога-слависта Людмилы Эдуардовны Калнынь (1926–2021).

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIII Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 16–17th, 2020 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. This issue is a tribute to an outstanding dialectologist and slavist Ludmila Kalnyn (1926–2021). The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISSN 2618-8589

DOI серии: 10.31168/2618-8589

© Институт славяноведения РАН, 2021

DOI выпуска: 10.31168/2618-8589.2021.23

Содержание

Предисловие	7
<i>П. Е. Гриценко, Л. Э. Калнынь:</i> доминанты гипертекста научного творчества	9
<i>Е. Серочук.</i> Говор — речь устного сообщества.....	37
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Восточнославянский языковой ландшафт и проблемы его изучения	53
<i>Л. В. Рябец.</i> Шаги к полноте диалектного словаря	63
<i>К. Кончевска.</i> Трансграничные польско-белорусские языковые контакты по материалам полевых исследований	75
<i>Н. Д. Матишв.</i> Германизмы в говоре жителей центральной Бойковщины ..	99
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Фитонимы и некоторые микропонимы в польском говоре окрестностей Видз	115
<i>М. М. Кондратенко.</i> Семантические сдвиги в славянских обозначениях времени	121
<i>М. М. Алексеева.</i> Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова)	131
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Русск. <i>сбагриць</i> и <i>багор</i> в славянском окружении	142
<i>Т. В. Шалаева.</i> Мотивационный аспект на картах «Лексического атласа русских народных говоров»	149
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Десемантизация корня как дериватологическая проблема (на материале производных глаголов в русских говорах) ...	158
<i>М. В. Ермолова.</i> О некоторых глагольных особенностях в западнорусских летописях (сочетания « <i>быти</i> + причастие на <i>-ъи/-въи-</i> », плюсквамперфект)	178
<i>Г. С. Кобирина.</i> Ударение префиксальных существительных в украинском континууме: становление нормы	194

<i>Я. Ригер.</i> Тексты из польского села Войтовцы на Подолье (Украина)	205
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Украинские тексты из Боснии и Герцеговины	225
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая.</i> Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая	238
Список печатных трудов Л. Э. Калнынь	281

Предисловие

Очередной, 23-й выпуск серийного издания «Исследований по славянской диалектологии», отражающего проблематику проводимых Институтом славяноведения РАН Круглых столов (здесь — последнего из них, который состоялся 16–17 июня 2020 г.), посвящен памяти выдающегося диалектолога-слависта Людмилы Эдуардовны Калнынь (27 июля 1926 г. — 11 февраля 2021 г.). Она была инициатором этих регулярных форумов, организатором и внимательным редактором последовательных, превращённых в серию публикаций их материалов, неизменным участником обсуждения услышанного, полемического обмена мнениями.

Привлечение к собеседованию диалектологов, принадлежащих разным национальным школам, широта проблем, поднимаемых в докладах, деловая, доброжелательная и, как можно было убедиться, плодотворная атмосфера дискуссий — всё это плоды подвижнической заботы Людмилы Эдуардовны о сохранении благородных традиций славянской диалектологии и поисков новизны в подходах к изучению народных говоров. Исповедовавшийся ею строгий академизм непротиворечиво сочетался с острым интересом к новоявленным, ещё не исследованным диалектными фактам и оригинальному осмыслению диалектных данных, казалось бы, добротнo описанных, вполне систематизированных, знакомых до мелочей.

Настоящий выпуск, в соответствии с широтой взглядов и интересов Л. Э. Калнынь, не ограничен какой-либо узкой «ярусной» тематикой (хотя можно заметить, что значительная часть наблюдений ориентирована на диалектное слово) или аспектной сосредоточенностью предлагаемых разысканий: здесь представлены и общетеоретические работы, касающиеся оснований диалектологического исследования, и конкретный анализ отдельных языковых единиц; последовательно синхронистический аспект одних очерков соседствует с тщательным соотносением разновременных исторических пластов в иных; изучение живой совре-

менной речи поддерживается обращением к фактам письменной традиции; сугубая идиомная монолитность данных, подвергающихся разбору в одних статьях, компенсируется вниманием к явлениям, возникающим в зонах языковых контактов, в других.

Составители сборника считают необходимым продолжать публикацию результатов диалектологических экспедиций, в частности, обширных текстуальных материалов, представляющих ценный источник сведений о современном состоянии территориальных языковых образований.

В сборник включён список учёных трудов Л. Э. Калнынь.

А. Ж.

*П. Е. Гриценко
(Киев)*

Л. Э. Калнынь: доминанты гипертекста научного творчества

Исследования известного слависта Людмилы Эдуардовны Калнынь представляют собой целостный гипертекст, демонстрирующий развитие идей, целей и методов изучения славянских диалектов во второй половине XX — начале XXI вв. В этих работах представлены инновационные приемы и методы изучения диалектов, например, прием моделирования отдельных говоров (реальных коммуникативных диалектных систем) и диалектного языка (конструкта, включающего ряд отдельных говоров); это перспективное направление доказало свою эффективность, его приняли другие диалектологи. Кроме того, Л. Э. Калнынь сформулировала ряд проблем, решение которых направлено на изучение структуры и функционирования диалектов, их статуса в стратиграфии национального языка, ареальных характеристик элементов и явлений, встречающихся в диалектах.

Моделированием охвачены фонологические системы отдельных говоров; слог, его структура и слогаделение; слово как пространство и фактор фонетических изменений. Прием моделирования предполагает последовательное использование наборов дифференциальных признаков изучаемых объектов с учетом регулярности проявления признаков в диалектной речи, условий их нейтрализации. Были собраны обширные эмпирические сведения по русским, украинским, польским и болгарским диалектам, на основании которых созданы их системные описания. Особое внимание уделено статусу современных диалектов на фоне других стратов национального языка, роли народных говоров в формировании и развитии литературного языка, современной языковой ситуации в целом.

В своем исследовании Л. Э. Калнынь продемонстрировала:

- преимущество исчерпывающего системного описания диалекта перед описанием разрозненных структурных элементов, явлений говоров на фоне литературного языка, важность непротиворечивого объяснения предпосылок и хронотопа возникновения структурных и функциональных особенностей современных славянских диалектов;
- важность комплексного подхода, сочетающего синхронное системное описание с диахронным изучением истории каждого структурного элемента и явления, установлением их распространения в национальном и

общеславянском континууме, что обеспечивает достижение полноты познания диалекта;

– эвристическую ценность представляет выявление и детальный анализ не только широко распространенных в диалектном континууме структурных элементов и явлений, но и локально ограниченных, архаичных или, напротив, возникших в результате недавних инноваций;

– необходимость для комплексных исследований последовательного учета социальных, исторических и культурных обстоятельств функционирования диалекта.

Многолетнее активное участие в работе над «Общеславянским лингвистическим атласом» (включая развитие его теоретических основ, составление многочисленных карт и комментариев, выявление и анализ славянских ареалов важных фонетических явлений существенно углубили представления Л. Э. Калнынь о славянском диалектном континууме, его современном состоянии и прошлом.

Ключевые слова: Л. Э. Калнынь, славянская диалектология, фонетика, фонология, история науки, моделирование языка, Общеславянский лингвистический атлас.

Имя известного лингвиста *Людмилы Эдуардовны Калнынь*¹ неразрывно связано с научными поисками в области диалектологии — необычайно сложного и постоянно обновляющегося раздела языкознания, с разработкой и практическим использованием новаторских приемов описания диалектов, оценкой народных говоров как генетической основы национального языка и важнейшей формы его существования, познанием *структуры* и *пространства* как определяющих параметров воплощения диалектов в их бытовании на оси *времени*, типологией славянских языков, теорией и практикой славянской лингвогеографии. Уже в начале своего научного творчества Л. Э. Калнынь не ограничивалась проблематикой одного диалектного языка — русского, уделяя значитель-

¹ Л. Э. Калнынь (27 июля 1926, Москва — 11 февраля 2021, Москва) окончила филологический факультет Московского педагогического института им. В. И. Ленина (1948), аспирантуру Института русского языка АН СССР (1948–1952). С 1 ноября 1952 по 30 октября 2014 — научный сотрудник Института славяноведения АН СССР / РАН. 23 декабря 1952 защитила кандидатскую диссертацию по русскому языку «*Коломенские говоры в их истории и современном состоянии*», а 3 декабря 1976 — докторскую диссертацию по славянскому языкознанию «*Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система*»; автор 11 монографий, около 200 статей, тезисов, докладов, более 50 карт в «Общеславянском лингвистическом атласе», редактор двух выпусков данного атласа и более 20 книг серии «Исследования по славянской диалектологии» (см.: [Список]).

ное внимание диалектам и истории других славянских языков. Постоянное расширение славянской языковой панорамы вскрывало множество структурных различий между славянскими языками, формировало осознание необходимости решения стоящих перед лингвистами проблем — познания современного состояния идиомов, их развития во времени и пространстве. Сложность познания славянских диалектов обусловлена не только структурным многообразием гомогенных явлений, переплетением в истории их развития общих и не повторяющихся эксклюзивных направлений эволюции, но и изменением задач изучения диалектного пространства, несовпадением методологии и/или методики описания говоров в разных славянских научных школах, что создавало определенные препятствия в достижении сопоставимости диалектного материала различных славянских языков и его научной интерпретации.

Многообразие формальных проявлений объектов описания придавало особую актуальность созданию таких моделей исследования и форм презентации материала, с помощью которых можно было бы достичь сопоставимости языковых данных различных диалектов/языков. Принятое в диалектологии исходное положение об индивидуальном, неповторимом характере каждой частной диалектной системы (ЧДС), который обусловлен внутренним устройством (набором и архитектурикой) структурных элементов, определяющими направлениями внутрисистемных изменений и особенностями влияния на диалект внешних факторов, не противоречит возможности, а скорее предполагает последовательное сегментное выделение для некоего множества ЧДС инвариантных черт, составление наддиалектной модели-матрицы, применение которой способно обеспечить непротиворечивое системное (не избирательное) сопоставление диалектов в широком континууме. Создание обобщающей модели устройства диалекта, инвариантной по отношению к отдельным ЧДС, оказалось занятием весьма сложным и трудоемким, но, как показала ее применение, — довольно результативным как в описании структур отдельных диалектов или явлений, так и в сопоставительном изучении некоего множества ЧДС. Моделирование оказалось эффективным инструментом познания диалектов, открыло новые перспективы выявления и презентации структуры каждого изучаемого идиома в его современном состоянии, а также в развитии во времени, углубленного понимания закономерностей функционирования народной речи. Системное изучение диалектов с применением приема моделирования способствовало преодолению господствовавшего в диалектологии менее продуктивного

подхода с концентрацией внимания на совокупности черт говора, отличающих его от литературного стандарта. Сопоставительное изучение диалектов и литературного языка сегодня используется для решения специальных задач, прежде всего для выявления закономерностей формирования литературного стандарта на диалектной основе, определения направлений и интенсивности влияния одной страты на другую.

Хотя почти все научные труды Л. Э. Калнынь относятся к области диалектологии, однако их тематика поражает разнообразием и широтой, а выводы и обобщения оказались релевантными для познания общезыковых закономерностей, приложимыми не только к диалектам; такими же многоплановыми предстают в работах приемы упорядочения, систематизации и экспликации языкового материала. В содержательном плане исследования Л. Э. Калнынь — это *целостный многоплановый гипертекст*, в котором воплощены новые для своего времени идеи и аналитические процедуры познания языка, получившие известность и применение в различных лингвистических школах. В этом динамичном гипертексте четко выражены идейные доминанты на фоне характеристик, оценок многочисленных отдельных языковых единиц, явлений и процессов. Эти доминанты не только определяют линию развития отдельно взятого научного опыта Л. Э. Калнынь, но и в значительной степени характеризуют идейные поиски диалектологов во второй половине XX — начале XXI в., сформировавшие наблюдаемый сегодня портрет русской и славянской диалектологии.

Одна из доминант научного творчества Л. Э. Калнынь — это развитие теоретических основ моделирования различных лингвистических объектов как специального приема упорядочения и экспликации информации о диалектах и языке в целом, создание на основе этой методики описаний фонологических систем отдельных ЧДС и диалектного языка в целом, структуры слога, фонематических синтагматических последовательностей в словоформах, рассмотрение программы слова как предпосылки фонетических изменений. Моделирование актуализировало проблему дифференциальных признаков (ДП) изучаемых языковых единиц (фонем, слога, слова / словоформы), релевантных для их описания, обусловило наполнение новым содержанием понятий *системность*, *структура* применительно к изучаемым объектам. Результат последовательного анализа обширного эмпирического материала с помощью сконструированных инвариантных моделей — это возможность представить бесконечное многообразие речевых проявлений изучаемого объекта в осязаемых не-

противоречивых схемах отношений языковых единиц; одновременно это способ обнаружения многих ранее не известных структурных элементов, их важных признаков, включая частотность появления в речи. Все это значительно расширяет круг важных сведений об устройстве и функционировании диалекта.

Для исследования структуры изучаемых объектов, условий и последовательности их изменений во времени Л. Э. Калнынь опиралась на широкую эмпирическую базу (зачастую это были авторские эксклюзивные материалы, собранные по специальным программам), привлекая сведения из других надежных диалектологических источников, письменных памятников, а также выводы специалистов в области социолингвистики, психолингвистики, истории языка. В ее статьях и монографиях привлекают анализ, оценки многих языковых фактов, явлений, процессов, выводы, обобщения, а также краткие замечания-*реплики*, относящиеся ко многим общим проблемам лингвистики. Независимо от сложности решаемых проблем в ее работах, как правило, четко сформулирован круг задач, определены исходные теоретические положения, эксплицированы и прокомментированы используемые познавательные процедуры; к этим особенностям следует добавить запоминающийся лаконичностью и четкостью, сродни математическим формулам, стиль изложения.

Время научного творчества Л. Э. Калнынь, особенно его начало, совпало с периодом активной трансформации языкознания в России и Европе, наполнения диалектологических исследований новыми материалами и новыми идеями в их осмыслении, с периодом плодотворного развития славянской лингвистической географии; это время возвращения к полноценному (классическому) изучению диалектов вне парадигмы псевдосоциологии и «нового учения о языке», качественно нового прочтения и истолкования лингвистической сущности памятников письменности, проблем истории языка, славянского глотто- и этногенеза, что сопровождалось стремительно возрастающим спросом на новые диалектные материалы и выводы из их анализа. Расширение объема и изменение качества эмпирических сведений о народных говорах в славистике было связано с воплощением идей системного (не избирательного) подхода к анализу диалектов, реализацией масштабных лексикографических и лингвогеографических проектов в разных странах Славии. Все это существенно влияло на характер диалектологического мышления, обусловило формирование пространственной парадигмы познания, при-

дание параметру *пространства* статуса релевантного и обязательного в исследовании языковых единиц наряду с традиционными параметрами *структуры* и *времени*. Важными этапами в развитии диалектологии оказались использование звукозаписи и видеофиксации текстов в процессе их порождения (речеобразования) во время коммуникации в диалектной среде, а также компьютерная обработка и хранение многочисленных аутентичных образцов диалектной речи.

Для Л. Э. Калнынь научный интерес представляло прежде всего внутреннее *устройство* диалекта как образования, объединяющего множество элементов, подчиненных определенным закономерностям отношений; распределение альтернативных единиц, их варьирование в пределах отдельного говора и в более широких пространственных образованиях; набор структурных элементов, архитектоника их связей и подчинений нередко указывают на причины, условия и интенсивность изменения диалекта. Такое видение ЧДС, ее анализ возможны в опоре на широкий и надежный исходный зафиксированный материал, наблюдения за реальной жизнью структурных элементов в речи носителей диалекта. На протяжении всего научного творчества Л. Э. Калнынь высоко ценила добытые в экспедициях диалектные материалы, открытые во время полевых наблюдений не известные ранее диалектные факты, характерные особенности языковых элементов, примечательные проявления диалектной речи, языкового поведения носителей диалекта в своем микросоциуме. Поэтому выражение *диалектология — наука зафиксированного факта*, ставшее в среде диалектологов крылатым, для Л. Э. Калнынь было наполнено глубоким неметафорическим смыслом.

Многие перспективные идеи из того новаторского, что рождалось в дискуссиях лингвистов-теоретиков, лингвогеографов, нашли отклик и воплощение в ее исследованиях. В ряде специальных работ представлена позиция по проблемам, затрагивающим понимание структуры языка: *сущность ЧДС*; отношения между *ЧДС* и *диалектный язык / национальный язык*, а также *диалект — литературный идиом* и др. Поддержав позицию Р. И. Аванесова о целесообразности оперирования понятием *система диалектного языка*, Л. Э. Калнынь четко определила объем данного понятия в общей стратификации национального языка, его отношение к иному базовому понятию диалектологии — ЧДС. Это непосредственно было связано с пониманием предмета, объекта и проблематики диалектологических исследований. В частности, она подчеркивала:

Кардинальное различие между системой диалектного языка и частной диалектной системой состоит в их отношении к речевой деятельности. Всякая частная диалектная система конкретизируется в речевой деятельности определенного коллектива, в котором система реализуется в коммуникативных целях, т. е. всегда может быть установлено однозначное соответствие между диалектной системой и текстом. Система диалектного языка такого соответствия не имеет [Калнынь 1973: 7].

К этой важной для диалектологии и языкознания в целом проблеме — противопоставления ЧДС как реально функционирующей (коммуникативной) системы и диалектного языка как конструкта, системы систем — автор возвращалась во многих публикациях; сегодня данное положение принято в славянской диалектологии как непреложное.

Исследовательский опыт Л. Э. Калнынь изначально формировался в лоне русской диалектологической традиции в процессе изучения русских коломенских говоров. Описание современного состояния диалектного пространства было осуществлено с учетом условий, этапов и источников его формирования, динамики во времени ряда важных структурных особенностей². Отдавая должное трудам ученых предыдущей эпохи, прежде всего А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, других видных лингвистов Московской диалектологической комиссии, автор задалась целью решить ряд задач, опираясь на собственные записи материала (конца 40-х — начала 50-х гг. XX в.), которые дополнила сведениями, собранными для Диалектологического атласа русского языка. В исследовании, выполненном в традиционном для региональных лингвистических описаний формате, также были широко использованы внелингвистические сведения: по этнической истории и истории административной отнесенности изучаемого ареала, данные археологии, топонимики. В основной части работы представлен детальный анализ современной фонетики и грамматики диалектов «Коломенской земли» с привлечением данных из сопредельных территорий, что позволило выявить разновременные вторичные структурные напластования северновеликорусских и южновеликорусских диалектов на основной ареал коломенских говоров. На основании частоты проявления языковых

² Проектом руководил известный диалектолог и историк русского языка Р. И. Аванесов, чей вклад в развитие русской и славянской диалектологии, теории лингвистической географии, фонологии и фонетики Л. Э. Калнынь оценивала высоко, подчеркивая актуальность и востребованность в настоящее время лингвистического наследия ученого [Калнынь 2002].

черт в отдельных ЧДС, особенностей географии явлений, маркирующих южно- или северновеликорусское наречия, автор определила ряд структурных противопоставлений говоров, квалифицировав коломенские говоры как неоднородные, «как пример средневеликорусских говоров с южно-великорусской основой и северновеликорусским наслоением»:

коломенские говоры являются средневеликорусскими говорами древнейшего образования, и [...] основа их очевидна. То обстоятельство, что говоры коломенской территории, непосредственно близкой к Москве, центру Русского государства, имеют южновеликорусскую основу, представляет известный интерес и для истории русского языка в целом, так как они дают материал для изучения соотношения южновеликорусского и северновеликорусского говоров в начальную эпоху формирования русского (великорусского) языка [Калнынь 1955: 87].

Детальный синхронный анализ языкового материала, его историческое комментирование оказались важными также для аттестации собранного для ДАРЯ материала, его ареалогической интерпретации — определения диалектного членения русского диалектного континуума на новой эмпирической базе, более обширной по сравнению с базой известной карты русского языка в Европе Московской диалектологической комиссии (1914 г.). Описание коломенских говоров продемонстрировало важность идеологемы, ориентированность на которую реализована во многих трудах Л. Э. Калнынь: в диалектологии чрезвычайно ценны точная пространственная и временная отнесенность (хронотоп) изучаемых явлений, отдельно взятых элементов структуры, последовательное определение их географии (в данном исследовании пространственные параметры языковых единиц автор передала на попунктовых и изоглоссных картах). Особую значимость таким региональным исследованиям³ придавала подготовка первого в истории русистики атласа (ДАРЯ): региональные исследования как самодостаточные в научном отношении были

³ В эти годы распространение получили региональные диалектологические исследования, направленные на выявление структурных особенностей говоров и их историческое объяснение, представлявшие говоры ряда регионов русского диалектного континуума. Это были прежде всего кандидатские диссертации, выполненные преимущественно по материалам экспедиций авторов (см. работы О. Н. Мораховской, С. В. Бромлей, Т. Г. Стругановой, Л. Н. Булатовой, А. И. Сологуб, О. Г. Гецовой, Т. С. Коготковой, Н. Б. Бахилиной, Г. В. Шайтановой и др.); такой тип монографического описания был широко распространен во многих славянских диалектологических школах периода активного формирования баз данных национальных атласов.

также тесно связаны с общенациональным проектом, обогащая его новыми эмпирическими сведениями, оценками многих языковых явлений. Следует подчеркнуть, что ДАРЯ существенно изменил объем и качество эмпирической информации о современном состоянии русского языка, диалектном членении картографируемой части континуума, что создало предпосылки новой интерпретации истории многих единиц и явлений данного идиома. В ориентации на ДАРЯ как научный проект в процессе его длительной во времени реализации, сопровождавшейся многочисленными обсуждениями методологии его создания и анализом предварительно обработанного материала, сформировался круг лингвистов, для которых *пространство* обрело значение важного параметра, включенного наряду со *структурой* и *временем* в осмысление феномена языка: география языковых явлений оказалась информационно содержательной и зачастую исключительно важной в познании языка. К такому пониманию феномена пространства закономерно приходили многие языковеды, ставившие перед собой задачу обобщения лингвистической информации атласов, определения ее эвристической ценности (см. оценку ДАРЯ [Калнынь 1990; Чекмонас 1992], АУМ [Калнынь 2004]⁴).

Иной тип по сравнению с изучением фонетики и морфологии диалектов отдельного ареала представляет исследование комплексной проблемы, выходящей за пределы отдельного ареала. Л. Э. Калнынь поставила перед собой задачу изучить развитие категории твердости-мягкости согласных, осмыслить ее роль в истории фонологии и фонетики русского языка. Предполагалось определить условия и хронологию становления оппозиции *твердость* : *мягкость* согласных, ее дистрибуцию, влияние на структурный облик диалектов / языка. Формирование и эволюция данного противопоставления затронули консонантизм, вокализм в сегменте вокально-консонантного взаимодействия, поэтому вошли в круг релевантных типологических и ареалообразующих явлений в русском и других славянских языках. Внимание к данной категории обусловлено прежде всего сложностью ее проявления в славянских языках, что зависит от ряда характеристик и процессов, сочетание которых варьируется в пространстве не только славянского макроконтинуума, но и в пределах

⁴ Оценивая АУМ, Л. Э. Калнынь отметила, на фоне других его характеристик, важность сохранения в материалах, комментариях к картам множества единичных и редко фиксируемых структурных элементов, которые могут быть соотнесены с разными этапами истории языка, сигнализировать о скрытых (неявных) процессах, обусловивших их появление в диалектах [там же].

отдельных диалектных языков. Среди предпосылок, влиявших на особенности эволюции данной оппозиции, исследователи отмечают: сохранение / утрату более раннего состояния твердости / мягкости в определенных позициях; характер доминирующей в языке / диалекте тенденции к усилению или редукции данной характеристики согласных; релевантность / нерелевантность ударения, динамики фонетической структуры сегмента слова с соответствующими согласными; позиции в слове; в ряде языков на развитие оппозиции твердости-мягкости согласных могли влиять другие (контактные) языки (так, например, для проявления данной оппозиции в болгарских диалектах релевантным оказалось воздействие турецкого и, в меньшей степени, греческого идиомов [Кочев 1968]).

Приступая к исследованию твердости-мягкости согласных в русском языке, Л. Э. Калнынь ставила перед собой более широкую программу: изучить данное явление также и в белорусском и украинском языках с проекцией на проблему восточнославянского глоттогенеза:

проследить путь развития от особенностей, общих всем восточнославянским языкам, к особенностям специфическим, национально своеобразным, так как именно к этому сводится содержание процесса образования соответствующих родственных языков. Одним из проявлений этого процесса является развитие категории твердых–мягких согласных в славянских языках вообще и в восточнославянских в частности [Калнынь 1956: 121].

В общих чертах формирование противопоставления твердости-мягкости в восточнославянском континууме автору представлялось следующим образом:

...коренные различия в системе твердых-мягких согласных, которые имеются между русским языком, с одной стороны, и украинским — с другой, относятся к сравнительно позднему времени. Во всяком случае смягчение полумягких, закончившееся уже в историческую эпоху, было еще общим для всех древних восточнославянских говоров, как для тех, на основе которых впоследствии образовался русский язык, так и для тех, которые легли в основу украинского языка. К еще более позднему времени относятся различия в отношении категории твердости-мягкости между русским и белорусским языками [там же: 128].

Различия в формировании категории твердости-мягкости согласных в славянских языках Л. Э. Калнынь связывала с разнонаправленностью процесса формирования данного явления, с проявлением тенденции к усилению полумягкости согласных как характеристики фонетической,

позиционно зависимой, и превращением ее в мягкость фонематическую, не зависящую от позиции, — в одном случае; с ослаблением полумягкости до ее значительной утраты — в другом случае. В исследовании категории палатальности важным оказался учет различных словоформ, зачастую — отдельных морфем, а также особенностей словарного состава, включая заимствования и лексику с особенной (нетипичной для изучаемого идиома) фонетикой и грамматикой.

В формировании корреляции твердости-мягкости согласных в восточнославянских языках определяющими оказались падение редуцированных и смягчение полумягких согласных, что позволило выделить три основных этапа данного процесса: до падения редуцированных и до смягчения полумягких согласных; до падения редуцированных после смягчения полумягких; после падения редуцированных [там же: 127–128]. Для дописьменной эпохи автор смоделировала ситуацию, опираясь на результаты этих процессов в различных славянских языках, а для эпохи, засвидетельствованной памятниками письменности, синтезировала данные 95 древних восточнославянских письменных источников и современных русских диалектов (записи материала для ДАРЯ и многочисленные описания говоров разных авторов). Анализ памятников письменности поражает широтой охвата материала, а также вниманием ко многим деталям, кажущимся «мелочами» (как, например, особенности графики памятников), которые, однако, способны приоткрыть завесу сложного, вариативного в конкретных реализациях и длительного во времени превращения качества согласных / гласных, их сочетаний в определенных синтагматических условиях. Показательно в этом плане особое внимание автора к использованию в древних памятниках графем ь и ѣ, которые после утраты ими значения определенных гласных могли употребляться писцами по традиции (особенно написание в конце слова и в ряде суффиксов), а также могли передавать твердость-мягкость предыдущих согласных или же употреблялись непоследовательно, смешивались, сигнализируя о внешнем влиянии (болгарском или сербском) на восточнославянскую графическую традицию [там же: 189–191]. Выборки из памятников однотипных форм, отражающих определенные явления, дают убедительное представление о развитии исследуемой фонетической черты, ее дистрибуции в структуре слова, в словоформах различных частей речи, в словоизменении; такие списки словоформ автор зачастую приводит по отдельным памятникам, что открывает перспективу включения в анализ языкового материала дополнительных сведений о памятниках.

Отметим, что звуковое значение графем *ъ* и *ь* в различных восточнославянских памятниках письменности, как и проблема развития («падения») редуцированных, было предметом изучения во многих работах В. В. Колесова, В. Н. Чекмана, О. В. Малковой, Л. Л. Касаткина, В. В. Иванова, Ю. Шевелева, А. А. Зализняка, А. Н. Залесского и др.; судьбе этих вокалов в славянском макроконтинууме посвящен отдельный выпуск Общеславянского лингвистического атласа [ОЛА 2006].

Л. Э. Калнынь определила репертуар позиций, релевантных для становления категории твердости-мягкости, которые последовательно проанализировала с опорой на широкий круг языковых фактов, которыми аргументирована авторская концепция; эти факты сохраняют эмпирическую самодостаточность как предмет дальнейшего изучения, определения их географии в современных диалектах. Для отдельных из рассматриваемых в русском языковом пространстве особенностей проявления твердости-мягкости автор указывает соответствия в других славянских языковых континуумах; такие изоглоссные связи могут иметь неодинаковые предпосылки и условия возникновения, реализовать различные условия, не представляя генетического тождества или иной детерминированности (к примеру, давние переселенческие движения). Показательно в этом плане, что отмеченное в западной части среднерусских, в южнорусских и севернорусских говорах артикуляционное сближение / неразличение [кʰ], [гʰ] и [тʰ], [дʰ] или изменение (субституирование) [кʰ], [гʰ] соответственно в [тʰ], [дʰ], рассмотренные автором в контексте становления корреляции твердости-мягкости в русском континууме [там же: 214–215], имеют формальные соответствия в ряде западноукраинских (покутских, буковинских, гуцульских) говоров, а также в болгарских (переселенческих в Румынии и многих материковых, в частности юго-западных) диалектах. Условия возникновения указанных одинаковых (близких) изменений, регулярность проявления, а также хронология формирования имеют свои особенности в диалектах каждого из языков, что составляет предмет специального изучения.

Анализ формирования категории твердости-мягкости в русском языке позволил смоделировать условия и этапы данного процесса, определить предпосылки, их сложную комбинаторику в разных ареалах континуума как в современной ситуации, так и на оси времени, установить связь с другими звуковыми изменениями, вскрыть во многом решающее влияние на становление фонологической системы языка с его развитой и устойчивой корреляцией согласных по признаку твердости-мягкости;

одновременно отмечены результаты влияния данного фонетического процесса на трансформацию отдельных зон грамматической структуры диалектов / языка.

Развитие твердости-мягкости в белорусском и украинском языках рассмотрено на фоне истории данной категории в русском языке, что дало возможность констатировать наличие общих эволюционных процессов в период до падения редуцированных. Вместе с тем внимание сосредоточено на особенностях, комбинаторике условий, которые в значительной степени определили структурную индивидуальность каждого исследуемого идиома. В частности, развитие твердости-мягкости в белорусском языке представлено в контексте формирования дзеканья ([д'] > [дз']) и цеканья ([т'] > [ц']); долгих зубных согласных, возникших в результате сочетания мягких зубных со следующим [j] (как [н']/[н] + [j] > [н:']); отверждение [р']; выделение [j] после депалатализации мягких губных в позиции перед гласным; изменение [в], [л], [у] в [ў] и некоторые другие [Калнынь 1959]. Проявление твердости-мягкости проанализировано с учетом различных релевантных позиций: конца слова; перед гласными (отдельно перед каждым гласным); перед безударными гласными, гласными первого и второго предударного, заударного слогов; перед согласными с дифференциацией их по месту образования и отношению к твердости-мягкости; анализ дополнен сведениями о географии многих явлений⁵.

Категория твердости-мягкости согласных в украинском языке рассмотрена на фоне широкого круга проблем истории фонетического строя (а также явлений грамматики) [Калнынь 1962]. При этом часто даны оценки многим языковым фактам, процессам, нередко отличающиеся от ранее известных в науке. Это относится к определению времени и причин ряда изменений, моделированию раннего состояния украинского языка. Оценки многих явлений, предложенная Л. Э. Калнынь аргументация сохраняют актуальность, например, это касается наличия мягких губных на более раннем этапе развития языка, на что указывает наличие вторичных [j], [l'], [n'] после губных перед гласными; оценка [e], [i] как обладав-

⁵ Отсутствие ДАБМ в 1950-е годы, когда проблему твердости-мягкости в белорусском языковом пространстве исследовала Л. Э. Калнынь, оказалось существенным препятствием в привлечении новой необходимой информации по белорусским диалектам. Только после публикации ДАБМ (1963) исследование данной проблемы получило новое развитие (см.: [Чэжман 1970]), хотя и до сих пор остается много дискуссионных вопросов, связанных с объяснением оппозиции твердых-мягких согласных, а также статуса долгих мягких согласных (см.: [Падлужны 2015: 159–165]).

ших в прошлом способностью палатализировать предыдущий согласный [там же: 64–65] и др. Ценные наблюдения и выводы касаются проблем позиционных изменений [e] > [o]; рефлексии [e], [o] в новых закрытых слогах, появления дифтонгов и вторичных монофтонгов, включая новый [i]; особенности смягчения согласных перед [i] из */o/ и [i] из */ě/; конвергенции */ы/ и */i/ и различного развития данных фонем в некоторых украинских диалектах; изменения [a] после исконно мягких согласных и [j] в гласный переднего ряда верхнего подъема и др. Каждое явление, связанное с формированием твердости-мягкости, автор последовательно рассматривала с учетом фонематического / фонетического окружения, способного провоцировать изменение качества предыдущего согласного (перед различными гласными различного генезиса; перед согласными твердыми и мягкими); также учтен характер словоформ: внимание уделено заимствованиям, влиянию грамматики (прежде всего аналогии) на проявление качества согласных по признаку твердости-мягкости. Специальное внимание уделено различию структур ударного и безударного вокализма, изменениям безударных, что влияло на различие / неразличие твердых и мягких согласных [Калнынь 1962]. Подчеркнуто, что

оформление твердых и мягких согласных в самостоятельную фонематическую категорию было вызвано процессами в области вокализма, связанными с падением редуцированных. [...] Со своей стороны, корреляция твердых и мягких согласных фонем на протяжении всей истории своего существования оказала организующее воздействие на систему вокализма [там же: 100].

На основании описаний диалектов и материалов создаваемого в те годы украинского диалектологического атласа автор использовала информацию о географии многих явлений, связанных с развитием твердости-мягкости. Это способствовало определению состава фонем, коррелятивных по данному признаку, перечня позиций противопоставления этих фонем и условий нейтрализации оппозиции твердости-мягкости [там же: 101]. Закономерен вывод о высоком статусе признака твердости-мягкости в общей характеристике консонантизма, архитектонике современных восточнославянских диалектных систем, и как следствие — в дифференциации диалектного пространства (примеры выделения ареалов на основании противопоставления по признаку твердости-мягкости в украинском континууме см.: [АУМ I, к. 90; II, к. 87; III. Ч. 3, к. 14]).

К аналогичному выводу о высокой степени зависимости ареальной дифференциации всей Славии от характера развития категории палаталь-

ности, ее реализации в современных диалектах/языках Л. Э. Калнынь пришла в обобщающем исследовании «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках» (1961). Смоделировав проявление палатальности в праславянском, которое связано с развитием слогового сингармонизма, автор представила современное состояние реализации данного явления по отдельным языкам. При этом неизменными остались применяемые познавательные процедуры: определение репертуара мягких согласных в их оппозиции к твердым коррелятам; квалификация зафиксированных палатальных на оси «фонетичность» vs «фонематичность», описание синтагматических условий утраты палатальности или изменения ее качества (напр.: усиление/ослабление артикуляции t^s , t^s , d^z , d^z , p^l , b^l и др., см.: [Калнынь 1961: 11]); важны сведения об ареальной приуроченности ряда характеристик согласных, звуковых процессов, фонетических реализаций фонем в пределах отдельных славянских идиомов или в контексте межславянских изофон, что прослеживается в описании всех типов консонантов (см., например, замечания о депалатализации / r^z / в славянских идиомах: [там же: 71–74]). Определив направления и условия исторического развития палатальных консонантов от праславянского до современного состояния в различных славянских языках, автор тем самым подготовила основание для обработки и представления материала по консонантизму в Общеславянском лингвистическом атласе.

К изучению проблемы палатальности Л. Э. Калнынь позже возвращалась неоднократно. Эти труды остаются востребованными, о чем свидетельствует обращение к ним исследователей истории фонетики и фонологии разных славянских языков, для которых важны оценки и выводы автора, многие из которых они разделяют (см.: [Иванов 1968: 110, 113, 125, 192, 210, 304, 319, 329; Wexler 1977: 108, 118, 124, 173, 176]).

Особое значение сохраняют четко выстроенные познавательные процедуры, предполагающие, в частности, учет условий реализации фонематических оппозиций, последовательное различение причин фонетических изменений, определение предпосылок и этапов перерастания фонетических явлений в фонологические; важное значение придавалось синтезу и верификации разновременной информации из различных источников. Зафиксированные в монографиях и статьях Л. Э. Калнынь многочисленные структурные элементы — оппозиции, типы изменений, словоформы с нерегулярным развитием структуры в отдельных славянских диалектах, языках — нередко имеют в отдаленных (дистантных)

ареалах такие же или близкие результаты развития, что для славистики также представляет специальный интерес.

Важным этапом творческой биографии Л. Э. Калнынь стало специальное изучение фонологии / фонетики украинских диалектов. Познание диалектов, их черт и явлений по описаниям в специальной литературе уступило место системным наблюдениям автора над структурно весьма сложными говорами карпатского ареала. Известно, что формирование и эволюция этих архаических украинских диалектов происходили под влиянием контактных западно- и южнославянских, венгерских, румынских говоров, что по-разному отразилось на их структуре. Отметим, что сложность и одновременно важность карпатского этнокультурного и языкового «узла» для решения ряда этно- и глоттогенетических проблем славян оказались решающей предпосылкой создания сначала Карпатского диалектологического атласа, а со временем — и более обширного *Общекарпатского диалектологического атласа*, стимулировавших формирование карпатского языкознания и карпатистики как отдельных направлений исследований. Упомянутые лингвогеографические проекты выполнены на материале лексики и семантики с привлечением отдельных сведений по фразеологии, однако без учета фонетики и грамматики. Вместе с тем, информация, изложенная в трудах И. А. Панькевича, Я. Янова, Л. Э. Калнынь, Т. В. Поповой, А. Н. Залесского, АУМ — с одной стороны, и Ст. Стойкова, М. Сл. Младенова, Т. Бояджиева, И. Кочева, БДА, Б. Видоеского, МДА, в описаниях сербских диалектов — с другой стороны, ее сопоставительное («перекрестное») прочтение вскрывает наличие множества украинскокарпатско-южнославянских изофон. Тот факт, что на многих картах ОЛА также отражены различные изоглоссы, связывающие украинскокарпатские диалекты с южнославянскими, подчеркивает закономерный характер их появления. В связи с этим общеславянская ценность изучения фонологии и фонетики украинских карпатских диалектов предстает самоочевидной.

В статьях и специальной монографии об украинских диалектах [Калнынь 1973] автор широко применила прием моделирования фонологических систем. Созданные модели послужили основанием для сравнения с материалами обследованных ранее ЧДС, точного определения репертуара фонем и их оппозиций, условий нейтрализации дифференциальных признаков, выявления фонетических соответствий фонемам (звуковых полей фонем) в говорах, реализованных, допустимых и запрещенных сочетаний репрезентантов фонем в речи. Объектом наблюдений избраны

западноукраинские диалекты карпатской зоны – поднестровский, бойковский, посацкий, причем для обследования были определены те населенные пункты, диалекты которых ранее, в 20–30-е годы XX в., были изучены, что «можно было бы использовать как средство коррекции при сборе материала и его последующей обработке» [Калнынь 1973: 20]; вместе с тем это открывало перспективу сопоставления структуры говора по фиксациям разного времени. Характеризуя теоретические установки данного исследования, автор отметила:

Подход к диалекту как к языку обусловил специфику программы, по которой обследовались диалекты. Она составлена таким образом, что собирание ответов на содержащиеся в ней вопросы должно дать полное представление о составе гласных и согласных звуков в диалекте и тех сочетаниях, в которые они вступают. Программа, с которой мы работали, содержит около 4500 словоформ [там же].

Записи большого количества словоформ составили корпуса материала (из 4 диалектов), последовательный анализ которого оказался информационно весьма ценным. Славистика обогатилась методологически важным опытом системного описания фонологии диалекта, в котором представлены репертуар единиц, их отношения на основе дифференциальных признаков, учтены позиционное поведение репрезентантов фонем в различных сегментах словоформы, правила синтагматики. Анализ звуковой реализации каждой фонемы в различном окружении (вокальном, консонантном, в сочетании с паузой), чередований, взаимозаменяемости (по определенным правилам) во всех релевантных позициях вскрыл многомерность характеристик фонем, стал основанием для определения их количества, условий варьирования, а также релятивного соотношения частотности реализации звукотипов, репрезентирующих фонемы в речи информантов. Применение методики «густой» сетки-вопросника для выявления признакового пространства объекта описания обеспечило его тщательный структурный и функциональный анализ. Такой новаторский прием был воспринят и оказал значительное влияние на описание украинских диалектов (исследования А. Н. Залесского, П. Е. Ткачука, А. И. Мартыновой и др.), стимулировал применение идей моделирования в изучении лексики, грамматики диалектов.

Со временем поле использования приема моделирования диалектов было существенно расширено благодаря изучению слога — структуры слога, закономерностей слогообразования и слогоделения и возникаю-

щих при этом различных фонетических изменений [Калнынь 1985], а также анализу слова как пространства с реализованной определенной фонетической синтагматикой, порождающей фонетические изменения [Калнынь 2001].

Л. Э. Калнынь познала ряд закономерностей внутреннего устройства диалектов, и на этой основе предложила приемы обобщения сложно обозримого (практически бесконечного) множества речевых реализаций элементов и представила их в четко осязаемых структурах и моделях, в которых — при высокой степени обобщения — не происходит редукция структурного многообразия и функциональных особенностей. Познавательная целесообразность таких построений доказана анализом материала, опыт которого — при определенных условиях — может быть применен в изучении других языковых объектов.

В трудах Л. Э. Калнынь продемонстрирована результативность синтеза синхронно-типологического, ареального и историко-генетического подходов в изучении диалектных явлений, что позволяет объяснять причины и пути возникновения форм, явлений и процессов, наблюдаемых в современных славянских диалектах. В одних работах генетизм как методологическая установка исследования присутствует имплицитно, в других — эксплицитован, подчеркнут. Принимая многоаспектность и комплексность подходов к объектам описания, автор всегда разделяла различные направления анализа, поскольку каждый из них требовал применения специальных исследовательских процедур.

Для Л. Э. Калнынь важно было смоделировать не только цепочку изменения явления в пространстве, особенно когда на лингвистических картах предстал весь макроконтинуум Славии с обособленными ареалами противопоставленных и одновременно соотносимых форм, но и хронологическую последовательность различных этапов их развития. Не раз наблюдалась ситуация, когда формально одинаковые континуанты общего исходного состояния фонетического явления в различных диалектных зонах оказывались соотносимыми с различными этапами эволюции, к тому же гетероконтекстными — возникшими в неодинаковых структурных условиях. В выявлении несовпадений моделей развития Л. Э. Калнынь усматривала стимул и одну из задач интерпретации лингвистических карт.

Отдельный важный этап в научном творчестве Л. Э. Калнынь — участие в создании *Общеславянского лингвистического атласа*. В эти же годы шаг за шагом воплощался не менее важный проект — *Диалектоло-*

гический атлас русского языка, обсуждение этапов работы над которым было своеобразной школой для всех диалектологов-русистов; к настоящему времени издание этого фундаментального труда завершено, но весьма далек от финала процесс осмысления глубин его лингвистического содержания и значимости для понимания сущности современного состояния русского языка и моделирования разновременных этапов его становления и развития.

Четкие познавательные установки, анализ большого объема эмпирических диалектных сведений по различным славянским языкам, стремление к исчерпывающей актуализации теоретических положений по разрабатываемым проблемам, содержащихся в работах ведущих ученых, формирование и операциональное применение новых приемов анализа — все это составляет содержание научного опыта Л. Э. Калнынь, обеспечивающее его востребованность. Внимание к трудам Л. Э. Калнынь предсказуемо: и относительно тех исследований, в которых проанализированы важные структурные явления отдельных языков, подробно ею изучавшихся (русского, украинского, белорусского, лужицких, болгарского, польского) и находящихся в центре внимания многих других авторов; и в отношении трудов, теоретические положения которых приложимы ко многим языкам. Однако популярны и часто цитируемы и те работы Л. Э. Калнынь, которые, хотя и посвящены чертам, явлениям диалектов отдельных языков, вместе с тем содержат такую авторскую интерпретацию множества *частностей* в их структурах, эволюции, такие оценки и выводы, которые представляют ценность как теоретическая база для анализа и синтеза сведений по другим языкам, а также как материал для установления изоглоссных связей или типологических параллелей между различными диалектами, языками.

Опыт анализа языкового материала различных славянских языков, знание многогранности существования ЧДС, их формальное и функциональное варьирование сформировали в Л. Э. Калнынь строгую парадигму оценок диалектологических исследований. Ценностными доминантами диалектологического труда является, как представлялось автору, точность экспликации целостной структуры ЧДС, ориентированность анализа материала на вскрытие характеристик, закономерностей, имеющих высокую степень обобщения. Ориентация на такие критерии просматривается в рецензиях, тематических обзорах, составляющих отдельное направление научного творчества Л. Э. Калнынь. Важные оценки,

замечания содержат рецензии на славянские лингвистические атласы, в частности на 1-й том лужицкого атласа — SSA (1967), фонетический том русского атласа — ДАРЯ (1990), 3-й том АУМ (2004), на монографии И. Лекова (о развитии фонологической системы славянских языков; 1962), З. Михалка (о лужицком диалекте Нойштадта; 1965), А. Пецо (о сербских диалектах; 1983), Н. Н. Пшеничновой (о статистической методике типологической классификации русских говоров; 2000); заслуживают особого внимания наблюдения и обобщения, содержащиеся в тематических обзорах о развитии славянской диалектологии в свете представленности данной тематики на международных конгрессах славистов, в лингвистических энциклопедиях. В трудах такого жанра Л. Э. Калнынь зачастую не только анализирует содержание научных текстов, но также оценивает состояние науки о народных говорах в целом, высказывает общие суждения о самом объекте — диалектах, языке, нередко предлагая свое видение задач и направлений их изучения. Общетеоретическое значение имеют многие положения, замечания, эксплицированные в таких рецензиях, обзорах, тезисах докладов, выступлениях на многочисленных конференциях. В частности, автор неоднократно подчеркивала необходимость распространения опыта создания полных описаний диалектов с целью определения устройства и функционирования диалекта как языкового феномена (положение о принципиальной тождественности *диалект* — *язык* как объект исследования подкреплено ссылками на аналогичные мысли в классических трудах Л. В. Щербы, А. Мартине — [Калнынь 2015]), представления и углубленного анализа локализмов (эндемизмов) — структурных элементов, распространенных в ограниченном круге ЧДС и зачастую не представленных на лингвистических картах (отсюда — тезис о целесообразности публикации вместе с картами атласа и исходных материалов о диалектных единицах с сохранением особенностей их формы, значения, функций и распространения, что последовательно реализовано в ОИА).

Важными с общелингвистической позиции представляются замечания о необходимости всестороннего изучения распространения структурных элементов говора в других стратах национального языка, о взаимодействии диалектов и литературного стандарта, о «распределении диалектных форм языка в обществе, [...] связи их с разными коммуникативными ситуациями, [...] оценке диалектов самими носителями и обществом в целом» [Калнынь 1991: 234].

Неоднократно подчеркивая особую ценность лингвистических атласов, их широкие возможности для познания современного состояния и

истории языка, автор пришла к важному выводу об эвристической недостаточности данного источника лингвистической информации, его неполноте; такие суждения относятся и к таким фундаментальным много-томным трудам, как атлас русского языка:

надо расстаться с представлением о том, что русские диалекты достаточно изучены, в частности, на том основании, что они массово обследовались для атласа. Такое обследование в принципе не дает новых сведений, а лишь устанавливает территориальное распределение известных диалектных различий [там же].

В приведенном тексте концептуальное значение изучения диалектов передано словосочетанием *новые сведения*: ради получения новой информации Л. Э. Калнынь обследовала многие ЧДС. Так, в русском диалектном континууме она обследовала сперва коломенские говоры, а позже — севернорусские; только по объемной сложной программе ОЛА обследовала 9 (!) населенных пунктов, и эти материалы представлены во всех выпусках атласа; в украинском континууме предметом изучения стали карпатские диалекты; обследовала отдельные болгарские, польские говоры. Опыт экспедиционной работы позволил ей сделать обобщение, что «в рамках полевого исследования имеются благоприятные условия развития, проверки, уточнения ряда общелингвистических проблем» [Калнынь 1976: 259], а также оценить полевую работу как особый метод извлечения лингвистических данных [там же: 269], в ходе которой диалектолог фиксирует языковые факты, а впоследствии — оценивает их и вводит в описание, пополняя эмпирическую базу лингвистики, давая другим исследователям возможность пользоваться этими данными. Десятилетия изучения диалектов сформировали твердое убеждение Л. Э. Калнынь в непреходящей ценности *полевой* диалектологии, непосредственных наблюдений исследователя над порождением — *творением* — аутентичной речи носителями диалектов, над языковой и традиционной культурной средой. Обобщая собственные наблюдения, а также ценные замечания О. Брока, Л. В. Щербы, С. С. Высотского, Л. Л. Касаткина о речепорождении в диалекте, Л. Э. Калнынь отметила повторяющуюся ситуацию: несовпадение звукопредставлений, существующих в языковом сознании эксплоратора и информанта, которые относятся к качественным характеристикам звуковой реализации фонем. Такая ситуация нередко чревата неточностями в описаниях устройства диалекта, пропусками существенных признаков, характеристик [Калнынь 2009].

В трудах Л. Э. Калнынь многие важные положения, замечания не выделены в отдельную проблему или в специальный структурный сегмент, однако их ценность, как и убедительная аргументация выбора проблематики, задач изучения, приемы формирования корпуса исходного диалектного материала, применяемые аналитические процедуры, самоочевидны для развития славянской диалектологии. Фонологические и фонетические описания (особенно по полной, а не выборочной программе) каждой обследованной ЧДС остаются на длительное время надежным источником сведений об этих отдельных диалектных точках континуума. Излишне аргументировать известное, что каждая такая запись диалекта представляет собой эксклюзивный памятник языка, ценность которого со временем только возрастает.

Сложность и специфичность задач синхронной и диахронной фонологии, фонетики, описательной диалектологии и лигвогеографии, которые занимают центральное место в изысканиях Л. Э. Калнынь, не стали преградой для вовлечения коллег в совместные проекты — экспедиции, обработку полевых материалов, подготовку публикаций — монографий, статей, обзоров; ее соавторами были Л. И. Масленникова, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, М. И. Ермакова и др.; отдельные национальные проекты перерастали в международные, как, например, сопоставительное изучение генетически связанных болгарского переселенческого говора Кирютня в Молдове и исходного говора Кортен в Болгарии [Калнынь 2007].

Особый тип сотрудничества сложился в международном проекте *Общеславянский лингвистический атлас*, куда ведущие диалектологи всего славянского мира вносили опыт своих научных школ, решая сложнейшие задачи типологии и генезиса славянских диалектов.

С первых лет реализации проекта ОЛА Л. Э. Калнынь принимала участие в выработке решений по многим вопросам, связанным с конкретизацией исходных задач атласа, поисками путей практического воплощения проекта. Острые дискуссии, нескончаемые эксперименты с составлением карт были обусловлены необходимостью осмыслить впервые собранный в таком объеме со всего славянского диалектного пространства диалектный материал, найти необходимые приемы его адекватной экспликации на картах. Перед участниками проекта впервые открылась во всей полноте сложность дифференциации славянского диалектного макроконтинуума, представленного рядами междиалектных соответствий, зачастую довольно широкими. Каждый зафиксированный в экспедициях факт, иногда отражающий наложение разных внутри- и внешнеязыко-

вых влияний, а посему демонстрирующий глубокие изменения исходной формы, требовал установления направлений и объяснения причин сложных, нередко — не повторяющихся, эксклюзивных преобразований языковых знаков. Докартографическое исследование материала объединяло приемы историко-этимологического, типологического и ареалогического анализа, всякий раз возвращая к наследию лингвоставистической классики и одновременно актуализируя новые изыскания славистов.

Этапным в истории проекта оказался 1988 г., когда были опубликованы два выпуска атласа: фонетический, посвященный рефлексам праславянского *ǣ, и лексико-словообразовательный, в котором отражена дифференциация названий диких животных [ОЛА 1988а; 1988б]. В этих изданиях были канонизированы важнейшие содержательные и формальные параметры атласа, определена структура тома как специфического издательского формата, уточнены правила представления на картах, в комментариях и сводном индексе эмпирического материала. Все это придало новое направление дискуссиям, которые остались неотъемлемой составляющей в подготовке новых выпусков атласа. Ведь каждый сюжет, избранный для представления в новом выпуске атласа, имеет множество специфических характеристик, коррелирующих с различными лингвистическими проблемами.

В выпусках фонетической серии информация атомарных карт, посвященных отдельным словоформам, обобщена и интерпретирована по отдельным характерным признакам, напр.: при рассмотрении рефлексации посл. *o представлена дифференциация славянских диалектов по типам фонетических рефлексов, наличию/отсутствию протезы в инициальной позиции, по зависимости характера рефлекса от консонантного окружения, по отношению к ударению, к типу ударения [ОЛА 2008, карты 53, 53а, 54, 54а, 55, 56]. Индикатором ареального противопоставления нередко служит фонологический статус рефлексов, соотношение количества словоформ с проявлением в них картографируемого признака и др. Множественность признаков объекта исследования Л. Э. Калнынь использовала и продемонстрировала в ряде дескриптивных штудий, но в картографическом формате такая многовекторность обретает иное сложное выражение — ареальное, наполнена новым содержанием. Информативной оказалась не только синтопия или атопия того самого признака в различных словоформах, но и наложение ареалов различных признаков, что актуализирует извечную проблему закономерного (детерминированного) или случайного совпадения пространственных характеристик диалектных единиц, явлений.

Круг проблем, которые изучала Л. Э. Калнынь, значительно расширен и детализирован в трудах участников диалектологических конференций, издаваемых с 1992 г. в серии «Исследования по славянской диалектологии».

* * *

Исследования Л. Э. Калнынь дают основания утверждать, что в них реализованы многие инновационные для своего времени идеи, разработаны и применены новые приемы анализа языковых явлений и процессов, воплощен ряд важных положений, связанных с изучением и экспликацией славянских диалектов. Многие постулаты, приемы познания, выводы и характер аргументации, равно как и терминология этих работ, сегодня воспринимаются как обычные, устоявшиеся, без коннотаций новизны и ощущения остроты дискуссий, сопровождавших их формирование и утверждение в диалектологическом дискурсе.

Этапной в развитии системного изучения структуры диалекта оказалась идея моделирования языковых объектов, реализованная как отдельная познавательная процедура, как прием, применение которого на этапах собирания, систематизации и анализа диалектного материала оказалось весьма результативным. Моделирование Л. Э. Калнынь применила не только к фонологическим системам ЧДС, но и к слогу и его структуре, а также к слову как пространству фонетических изменений. В основу моделирования положен последовательный учет максимального набора дифференциальных признаков объекта познания с надлежащим вниманием к регулярности реализации каждого признака в речи, к условиям (и причинам) их нейтрализации.

Созданные системные описания русских, украинских, болгарских, польских диалектов остаются в славянской диалектологии среди востребованных ценных источников аутентичной лингвистической информации.

Критическое восприятие и синтез разнородных источников эмпирических сведений, применение различных приемов их обработки формировали требования к аналитическим процедурам, актуализируя при этом:

– учет синхронных диалектных данных, а также сопоставление со сведениями, соотносимыми с отдаленной во времени информацией о тех же ЧДС, включая языковые факты, извлеченные из письменных памятников;

– рассмотрение явлений в избранных точках континуума (отдельных населенных пунктах) с проекцией на широкую пространственную пер-

спективу (в континууме одного языка или общеславянском макроконтинууме);

– описание говоров в парадигме «чистого» структурного анализа диалекта (без учета особенностей социума его носителей с присущей ему культурой и внешними условиями бытования) и в тесном переплетении языковых и внеязыковых факторов, влияющих на структуру и функционирование говора.

Основные теоретические постулаты Л. Э. Калнынь представляются такими:

– диалекты изначально были и остаются в настоящее время важнейшей формой существования национального языка, основой формирования литературного стандарта и ценным источником его развития; в нынешних условиях диалекты продолжают оказывать влияние на общую языковую ситуацию социума;

– основываясь на принципиальном тождестве *диалект — язык* как объект изучения, целью изучения диалектов определено достижение полноты (не избирательного) их представления как многомерного лингвистического объекта, непротиворечивое объяснение предпосылок и хронотопа возникновения, условий развития зафиксированных элементов структуры и особенностей их функционирования в отдельном диалекте и континууме диалектного языка в целом;

– описание диалекта достигает большего познавательного эффекта, когда учтены социальные, исторические, культурные особенности бытования социумов носителей диалекта, установлена связь между элементами языковой структуры и внеязыковыми факторами;

– эвристической ценностью обладают как широко распространенные в диалектном континууме факты и явления, так в равной степени и локальные (эндемичные) структурные единицы, имеющие различную временную отнесенность.

Доминанты научного творчества Л. Э. Калнынь отражают важные характеристики процесса развития славянской диалектологии, в котором сочетаются существенное расширение эмпирической основы познания — языковых фактов, явлений — с разработкой и применением новых аналитических процедур, генерализацией многих выводов и их приложимостью к общелингвистическим проблемам.

Литература

- АУМ — Атлас української мови. Київ, 1984–2001. Т. I–III.
- БДА — Български диалектен атлас. София, 1964–1981. Т. I–IV.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мн., 1963.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.
- Иванов 1968 — *Иванов В. В.* Историческая фонология русского языка. М., 1968.
- Калнынь 1955 — *Калнынь Л. Э.* К истории коломенских говоров // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1955. Т. VII.
- Калнынь 1956 — *Калнынь Л. Э.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1956. Т. XIII.
- Калнынь 1959 — *Калнынь Л. Э.* Категория твердых-мягких согласных фонем в белорусском языке // Ученые записки Института славяноведения. Т. XVII. М., 1959.
- Калнынь 1961 — *Калнынь Л. Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.
- Калнынь 1962 — *Калнынь Л. Э.* Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1962. Т. XXIII.
- Калнынь 1973 — *Калнынь Л. Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973.
- Калнынь 1976 — *Калнынь Л. Э.* [Рец. на:] *Кибрик А. Е.* Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972 // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1976. С. 258–269.
- Калнынь 1985 — *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Калнынь 1990 — *Калнынь Л. Э.* Важный вклад в изучение славянской диалектологии [Рец. на: Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986] // *Russian Linguistics*. 1990. Vol. 14, No. 1.
- Калнынь 1991 — *Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*. М., 1991.
- Калнынь 2001 — *Калнынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Калнынь 2002 — *Калнынь Л. Э.* Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // *Аванесовский сборник*. М., 2002.
- Калнынь 2004 — *Калнынь Л. Э.* О третьем томе «Атласа украинского языка» // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 2001–2002. М., 2004.
- Калнынь 2007 — *Калнынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007.
- Калнынь 2009 — *Калнынь Л. Э.* О психологическом факторе в изучении диалектной фонетики // *Исследования по славянской диалектологии*. [Вып.] 14. Фонологический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009.

- Калнынь 2015 — *Калнынь Л. Э.* О перспективах изучения территориальных диалектов в меняющейся языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015.
- Кочев 1968 — *Кочев И.* О балканском характере мягких согласных в позиции конца слова в болгарском языке // Actes du Premier congres international des etudes balkaniques et sud-est Europeennes. VI. Linguistique. Sofia, 1968.
- МДА — Македонски диалектен атлас. Пролегомена. Скопје, 2008.
- ОЛА 1988а — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ё. Белград, 1988.
- ОЛА 1988б — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.
- ОЛА 2006 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 4а. Рефлексы *ъ, *ь. Загреб, 2006.
- ОЛА 2008 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. Рефлексы *о. М., 2008.
- Падлужны 2015 — *Падлужны А. І.* Фонологический статус долгих согласных в белорусском языке // Падлужны А. І. Выбраныя працы. Мн., 2015.
- Список — Список печатных трудов Людмилы Эдуардовны Калнынь // Наст. изд.
- Чекмонас 1992 — *Чекмонас В.* Диалектологический атлас русского языка: теоретические основания; синхронно-структурный аспект (заметки и размышления) // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Чэцман 1970 — *Чэцман В. М.* Гісторыя праціўпастаўленьняў по цвёрдаці-мяккасці ў беларускай мове. Мн., 1970.
- SSA — Sorbischer Sprachatlas. Bautzen, 1967–1982. B. 1–11.
- Wexler 1977 — *Wexler P.* A historical phonology of the Belorussian language. Heidelberg, 1977.

Summary

Pavlo Yu. Hrytsenko

L. E. Kalnyn': foundations of her scholarship's hypertext

The works of renowned Slavicist Ludmila Kalnyn' constitute an integral *hypertext*, exhibiting the movement of ideas, goals, and methods of studying Slavonic dialects in the second half of the 20th c. and the early 21st c. These works feature innovative methodologies and techniques of dialect research, such as her precise technique of modelling individual subdialects (i.e. actual communicative dialect systems) and dialect language (i.e. a construct comprising individual subdialects); this promising method has proved to be effective and has been adopted by other dialect researchers. Furthermore, she formulated a range of problems solution of which was aimed to the

structure and functioning of dialects, their status in the national language stratigraphy, and areal characteristics of items and phenomena found in dialects.

The scope of dialect modelling includes subdialect phonological systems, syllable-internal structure and syllabification, and word as both the field and the factor of phonetic changes. Her modelling technique involves the sequential use of sets of distinctive features of the objects under study, also taking into account the regularity of manifestation of features in dialect speech and conditions of their neutralization. Empirical databases were created regarding Slavonic (viz. Russian, Ukrainian, Polish, Bulgarian and Sorbian) dialects, including their systemic descriptions. Special attention was given to the status of modern dialects against the background of other strata of the national language, and to their role in forming and present-day development of literary language.

In her research, Kalnyn' has demonstrated:

- the advantage of the exhaustive systemic description of a dialect based on the system of distinctive features over descriptions of random subdialectal features against the background of standard language, the importance of uncontradictory explication of preconditions and chronotope of the origin of structural and functional specificity of modern Slavonic dialects;

- the importance of joint approach combining synchronic systemic description with the elucidation of the history of every structural element and phenomenon, establishing their spread within national and general Slavonic continuum as a means of achieving the completeness of dialectal knowledge;

- the heuristic value of identification and detailed analysis not only of entities and phenomena widely spread within a dialectal continuum, but also of locally limited ones of the ancient origin or, on the contrary, resulting from recent innovations;

- the necessity for comprehensive dialectal studies of consistently considering social, historical, and cultural circumstances of a subdialect's functioning within society.

Many years of her active participation in the work on The General Slavonic Linguistic Atlas (including the identification and development of its theoretical foundations, production of numerous phonetic maps, especially interpretative and generalizing ones), analysis of phonetic Slavonic areas determined the dynamics of her views on many phenomena of Slavonic phonetics. At the same time, working in the international collective, and organizing international conferences dedicated to problems of Slavonic dialectology, led to the dissemination of L. E. Kalnyn's ideas, theoretical generalizations, and practical experience. The trajectory of this experience's emergence is insolubly linked with the conceptual development of present-day Slavonic dialectology.

Keywords: L. E. Kalnyn, Slavic dialectology, phonetics, phonology, history of science, language modeling, The Slavic Linguistic Atlas.

Говор — речь устного сообщества

Говор противопоставляется общенародному, литературному языку отсутствием того, что принято называть письменной традицией. Он опирается на устную передачу, причем устность я понимаю не как «говорение», а как культурный тип. В связи с этим в настоящей статье анализируются последствия функционирования говора в сообществе устного типа, в котором традиция передается от поколения к поколению устным путем. В коллективной памяти носителей нет конкретных текстов или словарей говора. В подобной ситуации непосредственная память информантов ограничивается тремя поколениями. Именно этот временной отрезок доступен исследователям, изучающим изменения, происходящие в том или ином языковом сообществе. В свою очередь архаичность диалектных элементов можно установить лишь после сопоставления их с данными памятников литературного языка.

Ключевые слова: говор, устная культура, устность языка, сохранность говора

В первых научных диалектологических трудах мы находим методологические принципы, которым сегодня следовать сложно, однако некоторые утверждения из этих трудов проливают свет на характерное для того времени (не всегда осознанное) понимание говора. В первом атласе Мечислава Малецкого и Казимежа Нича объект исследования охарактеризован следующим образом:

Каждый информант должен был соответствовать следующим условиям: 1) место рождения — данный населенный пункт; 2) постоянное проживание в одном месте, т. е. подчеркивалась необходимость поиска людей, никогда не выезжавших за пределы родного села или выезжавших на короткое время [...] 3) соответствующий возраст, т. е. предпочтительно 45–65 лет, однако эти возрастные рамки не раз приходилось раздвигать в обе стороны, поскольку нередко встречались превосходные объекты моложе 45 лет или же, наоборот, старики старше 70 лет проявляли необычайную живость ума и удивительную память; 4) **по возможности неграмотность, а по меньшей мере редкое взаимодействие с книгой** (выделено мной. — *Е. С.*); 5) мнение руководства гмины и других жителей, что объект «говорит по-настоящему

по-крестьянски, по-нашему» [...] 6) Какая-никакая смышленость, а также умение рассказывать «байки», поскольку обычно такой человек легче справляется с опросником, нежели человек глупый, даже если последний говорит исключительно на говоре [AJPP: 18].

Принятые принципы позволяли ограничивать число «объектов», обследованных в одном населенном пункте. Об этом однозначно пишут упомянутые авторы:

По сути на вопросы отвечал **один** (выделено мной. — *Е. С.*) информант, с которым исследователь проходил по всем пунктам опросника. Тем не менее помимо одного главного информанта всегда было необходимо опрашивать информантов второстепенных — как для уточнения каких-либо конкретных вопросов, так и для проверки достоверности ответов главного объекта [AJPP: 20].

Отношение к обозначенной выше ситуации в значительной степени будет зависеть от принятых общих принципов, определяющих предмет и область диалектологических исследований [Sierociuk 2005]. Само понимание говора является здесь решающим фактором. В монографических описаниях, как правило, господствует убеждение, что предметом описания должна быть лишь такая коммуникативная ситуация, в которой с относительной полнотой реализуются системные черты, причем в подавляющем большинстве работ (если не во всех) принимаются во внимание фонетические и грамматические явления. Примеров тому множество. Немногим отличается и повсеместно принятое определение говора. Кроме того, удивление вызывает ограничение количества респондентов до одного человека.

В польской литературе есть два основных подхода, один из которых ассоциируется с лодзинской диалектологической школой:

Предметом диалектографических исследований является говор, понимаемый как речь крестьян некоей местности, отличающийся от других говоров рядом диалектных черт. Диалектной чертой мы считаем любую фонетическую, фонологическую, грамматическую или лексическую особенность народной речи, которая выделяет данный говор среди других говоров. Следовательно, к таким чертам относят как инновации (например, мазурение, переход фрикативного *r* в *ż*, исчезновение назальности у гласных, преобразование мягких губных и пр.), так и противопоставленные им характерные для других говоров архаизмы (например, отсутствие мазурения, сохранение фрикативного *r*, сохранение носовых гласных или их разложенных континуантов, сохранение мягких губных и т. д.); как черты, общие для говора и

литературного языка (например, отсутствие мазурения, разложение носовых гласных перед смычными, наличие мягких губных и т. д.), так и черты, чуждые литературному языку; как особенности, сформировавшиеся на данной территории, так и черты, заимствованные из других говоров или из литературного языка вследствие действия тенденции замены диалектных черт чертами, которые считаются более престижными. Эти диалектные черты выделяют и описывают, исследуя контрастирующие языковые элементы отдельных говоров на синхронном уровне [Dejna 1993: 12–13].

Второй подход разработан в краковской школе:

Говор — речь сельского населения на небольшой территории, как правило, в нескольких селах, отличающаяся от литературного языка и речи соседних сел определенными чертами, главным образом, фонетическими и лексическими; второстепенная по отношению к диалекту. Термины «говор» и «диалект» часто употребляются как синонимы. Сельские говоры зачастую называют народными или территориальными, чтобы отличать их от говоров городских и профессиональных. Говор в более общем значении — это сельская речь в целом [Encyklopedia: 108].

В приведенных выше определениях доминирует точка зрения, возникшая в «краковской лингвистической школе», на которую — особенно в области диалектологических исследований — огромное влияние оказала деятельность Казимежа Нича. Об этом недавно писал Дариуш Пивоварчик:

В Польше лишь начиная с Розвадовского, Нича и Лося можно говорить о в полной мере организованной, систематической научной и педагогической деятельности мирового уровня в области польского, славянского и индоевропейского языкознания. Благоприятное стечение обстоятельств позволило этим трем ученым длительное время работать в одном месте и создать лингвистический научный центр (так наз. «краковскую лингвистическую школу»). Результаты их трудов долго ждать не пришлось. **Большинство польских языковедов последующих поколений либо были их непосредственными учениками, либо каким-то образом от них зависели, хотя и получили образование в других центрах** (выделено мной. — Е. С.) [Piwoarczyk 2020: 135].

Представители краковской школы, как следует из приведенных выше цитат, усматривают специфику говора в оппозиции к «литературному языку», сосредотачиваясь в основном на фонетических чертах (а шире — системных). Не принимаются во внимание особенности функционирования говора с опорой на способ передачи между поколениями, традиции.

Учитывая важное для К. Нича условие («по возможности неграмотность, а по меньшей мере редкое взаимодействие с книгой»), необходимо также рассмотреть взаимообусловленность, определяющую функционирование общенародного (литературного) языка и собственно говора.

Литературный язык опирается на письменную традицию. Его грамматические правила подчинены традиции письменных текстов. В целом литературный язык вынуждает пользователя соблюдать правила, содержащиеся в грамматиках, которые редко подлежат изменениям. Лексические же средства – и значения отдельных слов – содержатся в регулярно обновляемых словарях (словарях литературного языка).

Стоит при случае сделать важное, с нашей точки зрения, замечание, касающееся терминологических связей: сам термин «литературный язык» отсылает нас к слову «литера» («буква»), ключевому для письменности графическому знаку. У (пра)славян же засвидетельствовано не только **govoriti*, **gavoriti*, но и **gъvariti*: «пол. *gwarzyć gwarzę* ‘вести доверительный разговор, беседу’» [SP 2001].

В современных польских говорах мы находим доказательства жизнеспособности лексемы *gwarzyć*, которая согласно «Словарю польских говоров» *gwarzyć* [SGP 30: 443] встречается в следующих значениях:

1. ‘пользоваться словами для передачи мыслей и переживаний; говорить’ [...],
2. ‘пользоваться каким-либо языком, владеть им устно’ [...],
3. ‘разговаривать, болтать’ [...],
4. ‘о младенце: гулить’.

Из сказанного выше уже следует, что говор — прежде всего в среде его носителей — однозначно связан с устной передачей. А литературный язык, опирающийся на традицию письма, тоже осуществляет передачу, но в основном при помощи письменных источников. Литературный язык «записан» в грамматиках, которые модифицируются после периодов появления принципиально важных изменений в речи его носителей. Лингвистическая традиция велит периодически публиковать «актуальный» состав лексики данного языка. Оба этих направления, по сути, выполняют роль нормативных источников. Соблюдение норм литературного языка является манифестацией принадлежности к «культурной» прослойке данного народа.

Литературный язык, имеющий длительную традицию письменных грамматик, допускает возвращение в повседневное употребление, в частности, архаических лексических элементов. Это особенно заметно в

случаях исторической стилизации. В традиции письменной культуры возможны также «открытия» забытого литературного творчества, «открытие» забытого писателя. Подобные примеры известны в истории практически каждого языка, культуры каждого народа. Прекрасной иллюстрацией подобного «возвращения памяти» в польской традиции служит творчество Циприана Камиля Норвида, который считается одним из главных польских национальных поэтов. Норвид умер практически в безвестности, а всплеск интереса к его творчеству случился спустя несколько десятилетий после смерти поэта-романтика, когда было обнаружено его поэтическое наследие. Нечто похожее происходило и с различными языковыми памятниками, заново открытыми спустя много лет.

Говоря о лексике, следует отметить актуальные списки новых слов, встречающихся в текстах, обновляемые практически каждые полвека словари, во многом выполняющие еще и функцию нормативных справочников.

Одна из основ культуры письма (традиции письменного языка) — сохранившиеся тексты. Иначе обстоит дело с опирающимися на устную традицию говорами:

Устная культура не располагает каким-либо нейтральным носителем информации в виде списка. [...] В устной культуре нет ничего похожего на учебники или самоучители, например, ремесел [...]. Ведь профессией овладевали в процессе работы (как это до сих пор происходит даже в высокотехнологичных культурах), что подразумевало наблюдение и практику с минимальной дозой вербальных объяснений [Ong 1992: 69].

У говоров, опирающихся на межпоколенческую передачу, нет возможности сохранять тексты. «Устная культура не обладает какими-либо текстами», — пишет Уолтер Онг [Ong 1992: 58]. После чего делает вывод:

Мысль требует определенной последовательности (continuity). Письмо устанавливает <линию> последовательности в тексте, за пределами сознания. Если по причине рассеянности или невнимательности я не понимаю или теряю контекст, из которого вырастает читаемый мной в данный момент материал, то могу восстановить его, просмотрев предыдущий текст. [...] В устной речи ситуация иная. Нет ничего вне нашего сознания, к чему можно было бы вернуться, поскольку устное высказывание исчезает сразу после того, как его произнесли. [...] Избыточность, повторение только что сказанного, гарантирует говорящему и слушающему взаимопонимание.

Поскольку избыточность присуща устной мысли и речи, в глубинном смысле она более естественна для мысли и речи, нежели разреженная (*sparse*)

линейность. Разреженная линейно (иначе: аналитическая) мысль и речь — это искусственное творение, возникшее благодаря технологии письма [Ong 1992: 65].

Обозначенная ситуация прекрасно известна диалектологам, ведь мы постоянно сталкиваемся с ней в ходе полевых исследований. Вероятно, следствием вышесказанного следует считать и некоторые черты диалектного синтаксиса — например, повторение подлежащего.

Обратимся к высказываниям современных жителей деревни:

Na którą furtkę mówili uliczka?

to przeważnie uliczka to była ta furtka co była pirszo wejście na podwyrze (!) ... to była uliczka ... nie ... bo z ulicy wchodzili ... to była uliczka ... ta pirszo furtka ... co wchodź na podwyrze ... nie ... to była uliczka ... no ... i to tam u nos te uliczki ... nie wim co to był za zwyczaj ... teraz już sie odzwyczajili ... a zreszto teraz to już metalowe to by nie wystawił ... ale kiedyś to było tam ... że na Sylwestra wynieśli ... nie ... furtke ... tam schowali gdzieś ... coś tam ... uliczke ... jak kto ... (Горанец, повет Гнезно; запись 2015 г.; инф. 1955 г. р.).

Какую калитку называли уличка?

чаще всего уличка — это была такая калитка, которая была первым входом во двор (!)... это и была уличка... ну... потому что с улицы заходили... это была уличка... та первая калитка... через которую во двор заходят... ну... это и была уличка... ну... и вот там у нас эти улички... не знаю, что это был за обычай... сейчас уже отвыкли ... да и вообще сейчас уже металлические, так что не снимешь... а когда-то было там такое... что на Сильвестра [31 декабря] снимали... ну... калитку... там прятали где-то... что-то там... уличку... кто как...

Приведенный фрагмент снабжен подробной информацией (место записи, год проведения интервью и данные об информанте), поскольку я считаю (и это подтверждают полевые исследования), что указанные данные являются основной информацией, необходимой для лингвистической характеристики речи конкретного языкового сообщества во всей ее сложности.

Еще один пример из того же интервью:

Jak na ten sposób koszenia mówili?

to było na pokos ...

Na pokos?

nie ... na lapke ... a na pokos było odwrotnie ... na pokos to było ... siekli ... to niskie zboża ... owies ... tam coś ... to jak zaczął tak ... to tutaj leciło na ziemie ...

i to te groty były po to ... żeby nie leciało tag na powróż ... jak to mówie ... to sie stowiało ino tak ... jak szła to nogami tu zgorniała ... chwyciła ... i zwióⁿzała ... a jak kto ni umioł sic ... to taki powróż móg zrobić ... bo to ...

Czyli to kosili „na łapkę”?

na łapke to siekli jak siekli tak ... zboże tu rosło ... i z ty stróny ... te ukoszone opirało sie o te stojⁿce jeszcze ... i to musioł tak ... jak kto umioł dobrze sic to tak zacinoł ... że równiutko to musiało być ... a jak któż nie umioł ... to óna chwyciła ... ta co wióⁿzała chwyciła ... a tu jeszcze sie zimi trzymało ... bo pociół zó^mbki ... nierówno ... to sie tag narobiła ... bo musiaa tam wyrwać to ze zimi ... a na pokos to było to ... że przeważnie to nisze zboże to na pokos siekli ... bo ... jak na pokos siekli no pomogli se sic ... a wióⁿzać mogli późni ... to se siek tam ... nie przeszkadzoł ... a tu to musiaa zaroz pozbirać ... bo jak drugi sik to ... ni móg sic ... nie ... to jechali se kawolek ... jedna wioⁿzała a drugi sik ...

A dlaczego mówili, że to kosili „na łapkę”?

na łapke ... no bo to sie opirało ... i tam chwytala ... i wióⁿzała ... no to było na łapke ... a na pokos to spadło ... i pokos ... (Горанец, повет Гнезно; запись 2015 г.; инф. 1955 г. р.)

Как называли такой способ кошения?

Это было на покос...

На покос?

He... на лапку... а на покос было наоборот... на покос было... косили... низкие зерновые... овес... там что-то... вот как начал так... то тут летело на землю... и для этого на косе были грабли ... чтобы не летело куда попало... как я говорю... так это ставили... как шла, то ногами так сгребала... хватала... и вязала... а кто косить не умел... тот кое-как делал... это ведь...

То есть так «косили на лапку»?

На лапку косили, как косили так... здесь зерновые росли... и с этой стороны... то, что скосили, опиралось на то, что еще стояло... и надо было так... если кто умел хорошо косить, то так начинал... ровнехонько должно было быть... а если кто-то не умел... то она хватала... та, что вязала, хватала... а здесь еще за землю держалось... потому что зубчиками скошено... неровно... так тяжело ей приходилось... потому что ей нужно было вырвать все это из земли... а на покос — это было... что обычно низкие зерновые на покос косили... потому что... как на покос косили, ну помогли друг другу косить... а вязать могли потом... вот так там косил... не мешал... а тут ей нужно было сразу пособирать... потому что если второй косил, то... не мог косить... ну... вот и двигались понемногу Одна вязала, а второй косил...

А почему говорили, что косили «на лапку»?

На лапку... ну потому что опиралось... и там хватала... и вязала... ну вот это было на лапку... а на покос упало... и покос...

Эти довольно пространственные примеры однозначно подтверждают мнение У. Онга:

Устные культуры часто используют понятия ситуативно, в функциональном контексте, поэтому данные понятия минимально абстрактны, т.е. сохраняют связь с реальной жизнью человека [Ong 1992: 77].

Приведенные диалектные высказывания подтверждают и другой тезис того же ученого:

Разумеется, у устных культур нет словаря, но и семантические расхождения немногочисленны. Значение каждого слова регулируется тем, что Гуди и Ватт (1968, с. 29) называют <непосредственной семантической ратификацией>, то есть реальными жизненными ситуациями, в которых слова используются здесь и сейчас. Устный ум не интересуется определения (Luria 1976, с. 48–99). Слова обретают значение только в своей неотъемлемой (insistant) естественной среде (*habitat*), которая не является, как в случае словаря, просто собранием разных слов, поскольку включает в себя жесты, голосовые модуляции, выражение лица и всю экзистенциальную ситуацию человека, в которой всегда появляется настоящее, произнесенное слово. Значения слова постоянно актуализируются в момент речи, хотя, безусловно, прежние значения формировали значения нынешние различными способами, которых уже не установить [Ong 1992: 74].

Приведенные выше высказывания очень часто находят подтверждение в ходе полевых исследований. Именно поэтому для лингвистической характеристики (семантика, грамматическая функция) обычно недостаточно одной записи (ср. Примечание 1). Исследование не только значения диалектной единицы требует значительного увеличения количества информантов. Если ограничиться наблюдением за речью одного информанта, то невозможно в полной мере охватить структуру речи представителей данного диалектного сообщества, по-прежнему функционирующего с опорой на устную традицию.

O kim można powiedzieć *konował*?

to jes taki co miał bardzo dużo wiadomości ... samouk ... a nieraz mu sie to nie sprawdzało ... ale on był tak pewny siebie ... że przykładowo ... jak ktoś był

chory ... czy jakieś zwierzeⁿta ... to on tam te swoje moⁿdrości ... a nieraz to nie zdawało ... i tak czeba było wolać weterynarza ... bo ... jego wiadomości nie były tak ... pewne ... (Хойно, повет Равич; запись 2020 г., инф. 1952 г. р.).

Кого можно назвать коновалом?

Это тот, кто очень много знал... самоучка...но у него частенько ничего не выходило... но он был такой самоуверенный ... что например... когда кто-то болел... или какие-то животные... то он там эти свои премудрости... а иногда ничего не получалось... и все равно приходилось звать ветеринара... ведь... его знания были не такие... надежные...

В приведенных выше материалах (второй пример из Горанеца) мы видим еще и иллюстрацию взаимосвязи между литературным языком и говорами. Речь о часто обсуждаемой проблеме «воздействия» средств массовой информации (прессы, радио, ТВ) на говор, под влиянием которых говор должен сдать свои позиции. В нашем случае речь идет о ситуации, когда появляющемуся в вопросе литературному слову *kosić* соответствует диалектное *siec*.

Изменения в диалектной лексико-грамматической системе можно констатировать только на достаточно обширной материальной базе. Таким условиям в значительной степени соответствует корпус говора села Букувец Гурный (повет Лешно), в настоящее время включающий в себя более 600 000 словоформ, в котором для каждой диалектной единицы указан год рождения информанта, его инициалы и дата записи. При выборе собеседников создатели старались соблюдать поколенческую пропорцию: здесь принадлежность к тому или иному поколению обозначается годом рождения информанта, поскольку я исходил из предположения, что на особенности языкового поведения конкретной личности решающее влияние имеет время формирования его языковой компетенции, время овладения им языковой системой, а также культурные связи [Sierosiuk 2003]. Были выделены следующие возрастные группы информантов:

- I. Родившиеся до 1920 года;
- II. Родившиеся в 1921–1945 гг.;
- III. Родившиеся в 1946–1970 гг.;
- IV. Родившиеся в 1971–1995 гг.;
- V. Родившиеся в 1996 и позже.

В приведенных ниже сопоставлениях два первых параметра (инициалы и год рождения информанта) особенно подходят для представленного анализа. В корпусе содержится материал (единицы, зафиксированные только в свободных высказываниях информантов), почерпнутый из более чем 200 часов бесед с почти 70 информантами. Следует отметить, что приведенные ниже примеры (зафиксированные не во всех интервью) прозвучали в свободных высказываниях, а не в результате прохождения опросника.

Для начала давайте взглянем на зафиксированные в текстах деминутивы:

	DRABKA [36×]	DRABECZKA [12×]	DRABINKA [20×]
SzM (1886)	2	–	–
PaK (1910)	8	1	–
UrA (1912)	–	5	–
PoJ (1919)	1	–	–
SoW (1920)	–	1	–
DoS (1921)	1	–	–
MaF (1922)	1	–	3
SwS (1922)	1	1	–
SIJ (1923)	1	1	–
SzA (1923)	2	–	2
SzJ (1925)	–	–	3
PoW (1928)	–	–	2
SoA (1928)	4	–	–
SoF (1928)	–	–	1
LiE (1935)	1	3	1
PoB (1937)	3	–	–
PoC (1942)	4	–	1
GrP (1944)	–	–	1
GuB (1946)	–	–	1
BaK (1947)	–	–	1
SaZ (1948)	7	–	2
WoS (1959)	–	–	2

Приведенные данные отчетливо иллюстрируют изменения в речи разных поколений жителей села. Кроме того, они опосредованно подтверждают, что конкретные формы имеют именно поколенческую привязку.

Из того же корпуса я выписал все вхождения двух словообразовательных вариантов, строение которых — формант *-yszek* — принято считать типичным для великопольских говоров. Эти примеры в свою очередь проливают свет на проблему «категориальной репрезентации» словообразовательных явлений.

	KAMYCZEK [2×]	KAMYSZEK [17×]
SbW (1917)	—	1
SoW (1920)	—	2
DoS (1921)	—	2
MaF (1922)	—	2
SwS (1922)	—	3
SzA (1923)	—	1
SIJ (1923)	—	2
PoW (1928)	—	1
SoA (1928)	1	1
MaE (1929)	—	1
DrX (1970)	1	1

	KAWAŁECZEK [18×]	KAWALYSZEK [2×]
SoW (1920)	1	—
SIJ (1923)	1	—
SzA (1923)	2	2
SzJ (1925)	4	—
PoW (1928)	5	—
SoA (1928)	1	—
ŚlZ (1934)	1	—
GrP (1944)	2	—
PoA (1951)	1	—

Специфическое — и во многом показательное — соотношение зафиксированных форм однозначно доказывает, что свидетельства активного индивидуального употребления словообразовательного форманта не главное при характеристике языковых процессов развития. Приведенные выше примеры нельзя считать доказательством ни доминирования типа *-yszek*, ни доминирования конкурирующего с ним типа с суффиксом *-ek*.

Опыт полевых исследований однозначно доказывает, что степень жизнеспособности конкретной языковой единицы — в данном случае словообразовательного форманта — обусловлена географическим фактором, поскольку распространение конкретных словообразовательных типов очень часто иллюстрируют полевой фиксацией отдельных дериватов. Ареалы образованных с помощью данного форманта лексических единиц не только не накладываются друг на друга, а зачастую выступают на взаимоисключающих территориях (см. *pszen-nisko* — карта 19 и *jęczmien-nisko* — карта 37 в [Sierociuk 1996]).

Однако вернемся к существенной при изучении говора проблеме преемственности традиции (не только языковой) в конкретном сообществе.

У слова (или его значения), вышедшего из повседневного употребления, в диалектной среде нет шансов на возвращение. Разрыв преемственности в диалектном (устном) сообществе приравнивается к полному стиранию из локальной памяти. Заодно возникает проблема «глубины» временной репрезентации материалов, представленных в первую очередь в словарях говоров (а также в монографических описаниях). В качестве примера приведем здесь материальную иллюстрацию слова *bamber* из SGP 3 [SGP 3: 337], где имеем:

1. ‘крестьянин, хозяин’ [...]; **a.** ‘богатый хозяин’ [...]; **b.** ‘хозяин, обычно богатый, немецкого происхождения’.
2. ‘простой, невоспитанный человек’.
3. *во мн.ч.* ‘картофель’.
4. ‘картофельная оладья’.
5. ‘толстый, большой и неподвижный вол’.

Для наших рассуждений существенны значения 3 и 5 по причине времени их фиксации. Ведь это единичные (разовые!) случаи употребления, почерпнутые из изданных в 1875 году материалов Оскара Кольберга [Kolberg 1875]:

Бамбрами называют также в Косцьянском повете определенный сорт крупного бугристого картофеля [Kolberg 1875: 45]; быков в зависимости от ма-

сти [...] или же в зависимости от различных недостатков и достоинств, в них усматриваемых: *ныгус*, *немец*, *пробоц* [...], *пампер* (толстый и маленький), *бамбер* (толстый и крупный, но неповоротливый), *шваб*, *швая* [...] [Kolberg 1875: 104].

Никто из респондентов, опрошенных в ходе интенсивных полевых исследований на указанной территории, не знал этих значений. Следовательно, такая семантика слова *bamber* в говорах уже отсутствует [подробнее об этом: Sierociuk 2019].

Данный пример наглядно иллюстрирует необходимость учитывать временную принадлежность языкового материала (в основном лексического), представленного в лексикографических описаниях. Смену живой лексики в сельской среде во многом определяют экстралингвистические факторы. Распространение электрификации и водопровода естественным образом привело к изменениям в лексике данных тематических полей. На смену прежним десигнатам повсеместно (то есть на всей языковой территории) пришли известные инновации, которые лишь в незначительной степени перенимали прежнюю номенклатуру. Но даже в такой ситуации мы имеем дело с иной словарной единицей.

Сравнение данных из Букувеца Гурного однозначно доказывает необходимость учета поколенческого фактора в диалектологической документации; параллельно возникает вопрос датировки используемого материала. Жизнеспособность локальных языковых форм подчиняется правилам устной традиции, поколенческой преемственности. Эта обусловленность особенно заметна в ситуации сопоставления материала, полученного от носителей данного говора за длительный временной промежуток. В связи с этим было принято решение при сопоставлении региональных словарей, подготовленных познанскими учеными, не включать в документационную базу данные, полученные значительно раньше. Примером может служить заметное ослабление жизнеспособности деминутивной формы типа *kamionek* ‘маленький камень’ в речи жителей Луковской земли.

Составляя вопросник (по которому информантов опрашивает в основном учащиеся старших классов школы), я добавил несколько вопросов для сбора материала, который позволил бы выявить изменения в говорах данной территории. Некоторые слова либо фиксировались крайне редко, либо не были зафиксированы вовсе. Согласно исследованиям, проведенным в 2017 году для нужд упомянутого словаря (SJMZŁ 2019), форма *kamionek*, которая согласно исследованиям 40-летней давности была повсеместно

распространена на этой территории, встречалась уже лишь спорадически. Подобным образом не зафиксировано свидетельств жизнеспособности дифференцированных названий ручек плуга; из ожидаемой пары *roⁿczki* и *czepigi* была зафиксирована только первая; второй формы не удалось записать даже с помощью прямого вопроса «что такое *czepigi*?» [SJMZŁ 2019: 42].

Описанные ситуации однозначно подтверждают то, о чем писал У. Онг: «Устная культура должна постоянно повторять однажды полученное знание, иначе оно подлежит забвению» [Ong 1992: 47].

Эта зависимость опосредованно подтверждается в ходе полевых исследований, когда проблема «исторической глубины» памяти собеседников практически сводится к двум уровням: родители и дедушки с бабушками. Локальная языковая память чаще всего подтверждается утверждениями типа: «так говорила моя мама / мой папа»; иногда историческая жизнеспособность некоей языковой единицы (лексемы, грамматической формы) доказывается словами: «так говорила еще моя бабушка / мой дедушка». Дальше этой границы устная память не простирается. В этой ситуации становится ясно, что жизнеспособность диалектных форм, доступная научному наблюдению, в принципе ограничивается тремя поколениями — ‘я’ : ‘родители’ : ‘дедушки и бабушки’.

Следовательно, архаичность в говорах не может быть описана так, как архаичность в литературном, письменном языке. Ведь литературный язык «располагает» своеобразной архивной документацией; в его случае мы имеем дело с многовековой традицией, что для говора означало бы длительную (до нескольких десятков поколений) преемственность. Это дает возможность выделить периоды в истории развития литературного языка. Эти данные иногда переносят на диалектную среду, поскольку здесь формы, которые везде считаются (на этом основании) архаичными — т. е. с точки зрения истории литературного языка, — с точки зрения носителя говора воспринимаются просто как «старые» («потому что так говорят старые люди») или редкие.

В сельской традиции функционирует еще одно проявление устной культуры — фольклор, в первую очередь рифмованный, песенный. Здесь проблема сохранности стоит несколько иначе, тем не менее отчетливо заметны следы очень древней традиции — до распада праславянской общности. В этом случае есть основания говорить о непрерывном существовании поэтической структуры, функционировавшей уже в период праславянской общности [Sierociuk 1990; 2001; 2009].

Таким образом, традиционное сельское сообщество культивирует устность в двух плоскостях — творческой (песенный фольклор) и повседневной коммуникации, т. е. говора. Очевидно, что обе эти плоскости в силу своих функций имеют разный статус на шкале сохранности. Тем не менее существование обеих предопределяет типичная для устной культуры межпоколенческая устная передача.

Литература

- AGP — *Dejna K.* Atlas gwar polskich. Małopolska, Warszawa, 1998. T. 1.
- AJPP — *Malecki M., Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934. Cz. II. Wstęp, objaśnienia, wykaz wyrazów.
- Dejna 1993 — *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993.
- Encyklopedia — *Encyklopedia wiedzy o języku polskim / pod red. S. Urbańczyka.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.
- Goody, Watt 1968 — *Goody J., Watt I.* The consequences of literacy // Literacy in Traditional Societies. Cambridge, England, 1968. P. 27–84.
- Kolberg 1875 — *Kolberg O.* Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce / przedstawił Oskar Kolberg. Serya IX. Z dwiema rycinami, wedle rysunku B. Hoffa. W. Ks. Poznańskie. Część pierwsza. Kraków, 1875.
- Nowak 1982 — *Nowak H.* Gwary południowej Wielkopolski. Poznań, 1982.
- Luria 1976 — *Luria A. R.* Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations / ed. M. Cole, trans. by M. Lopez-Morillas and L. Solotaroff. Cambridge, Mass.; London, 1976.
- Ong 1992 — *Ong W. J.* Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii. Lublin, 1992 [оригинал: *Orality and Literacy. The Technologizing of the Word.* Methuen; London; New York, 1982].
- Piwowarczyk 2020 — *Piwowarczyk D.R.* Kazimierz Nitsch — współtwórca językoznawstwa polskiego // *My z Nich 4. Spuścizna językoznawców polskich XX wieku / red. nauk. Z. Greń, K. Kleszczowa, Z. Zaron.* Warszawa, 2020. S. 129–140.
- SGP 3 — Słownik gwar polskich, opracowany przez Pracownię Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie / pod kier. M. Karasia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982. T. I, z. 3 (BAŁACHWASTA–BĄGA).
- SGP 30 — Słownik gwar polskich, opracowany przez Pracownię Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie / pod kier. R. Kucharzyk. Kraków, 2016. T. IX, z. 3 (30) (GRZEBŁO–HADENAJSTWO).
- Sierociuk 1990 — *Sierociuk J.* Pieśń ludowa i gwara. Lublin, 1990.
- Sierociuk 1996 — *Sierociuk J.* Budowa wybranych formacji rzeczownikowych — szczególnie nazw miejsc — w gwarach między Wisłą a Wieprzem. Lublin, 1996 [перезидання: Poznań, 2021; <https://wydawnictwo.ptpn.poznan.pl/budowa-wybranych-formacji>]

- rzeczownikowych-szczegolnie-nazw-miejsc-w-gwarach-miedzy-wisla-a-wieprzem/4836/].
- Sierociuk 2001 — *Sierociuk J.* Czy istniał prasłowiański język poetycki? // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2001. T. VIII (XXVIII). S. 127–137.
- Sierociuk 2003 — *Sierociuk J.* Założenia metodologiczne badań języka wsi // *Poznańskie Spotkania Językoznawcze* / red. Z. Krążyńska, Z. Zagórski. Poznań, 2003. T. 12. S. 131–136 [Также: The methodological assumptions about research into language of villagers // *Gwary Dziś* 13 (2020), s. 165–172; http://gwary.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/01/11_Gwary_13_2020_The-methodological-assumptions.pdf].
- Sierociuk 2005 — *Sierociuk J.* Problemy współczesnej dialektologii // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. Z. LXI. Kraków, 2005. S. 67–76.
- Sierociuk 2009 — *Sierociuk J.* Homer i współczesny folklor — różny czas, jedna tradycja // *Мови та культури у новій Європі: контакти і самотність* / ред. П. О. Бех, В. М. Зорівчак, Є. А. Карпіловська та інш. Київ, 2009. С. 453–462 [Также: Homer and contemporary folklore — different time, one tradition // *Gwary Dziś* 13 (2020), s. 153–163; http://gwary.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/01/10_Gwary_13_2020_Homer-and-contemporary-folklore.pdf].
- Sierociuk 2019 — *Sierociuk J.* Bamber — rozwój znaczeniowy wyrazu // *Kronika Miasta Poznania*. 2019. № 2. S. 41–54.
- SJMZŁ 2019 — *Słownik języka mieszkańców ziemi łukowskiej*. Praca na roli i w gospodarstwie / pod red. J. Sierociuka. Poznań, 2019.
- SP 2001 — *Słownik prasłowiański*, opracowany przez Zespół Instytutu Sławytyki PAN / pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2001. T. VIII (GODA–GYŽA).

Summary

Jerzy Sierociuk

Dialect — speech of the oral environment

The dialect contrasts the general language with the literary lack of what is called the tradition of writing. It is based on oral transmission, and I understand orality as a cultural type, not as “speaking”; therefore, the analysis focuses on the consequences of the functioning of the dialect in an oral environment, in which the tradition is passed on by word of mouth based on the (inter)generation transmission. The dialect does not have specific texts functioning in the collective memory, nor does it have dictionaries. In this situation, the direct memory of interlocutors is actually limited to three generations. This time is also available to researchers who want to take into account the problem of changes taking place in this language environment. In turn archaic dialectal elements it is possible to conclude only after the confrontation with general language documentation.

Keywords: dialect, oral culture, orality of language, duration of dialect

*И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова
(Москва)*

Восточнославянский языковой ландшафт и проблемы его изучения

В статье представлены возможности интерпретации карт проекта «Восточнославянские изоглоссы». Авторы демонстрируют несколько типов членения восточнославянского лингвистического пространства, отраженные на картах ВСИ: противопоставление центрального и периферийных (маргинальных) ареалов, «опоясывающий ареал», вертикальное членение территории.

Ключевые слова: восточнославянские изоглоссы, центр и периферия, ареал, вокальность и консонантность.

Одним из значимых лингвогеографических трудов конца XX — начала XXI вв. стал проект «Восточнославянские изоглоссы» (ВСИ), вдохновителем и организатором которого выступила С. В. Бромлей. Этот проект Отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН был задуман и обоснован еще в 80-е гг. XX в. и предполагал общую работу диалектологов академических институтов Белоруссии, Украины и России. Доказательство необходимости подобного исследования содержится в статьях С. В. Бромлей: «Целый ряд различительных восточнославянских явлений невозможно квалифицировать ни как языковые, т. е. противопоставляющие отдельные восточнославянские языки, ни как диалектные, т. е. различительные только в пределах отдельных восточнославянских языков. Это является главным лингвогеографическим критерием, позволяющим квалифицировать восточнославянские языки как самостоятельный и целостный объект лингвогеографии» [Бромлей 1985а: 177]. С. В. Бромлей возглавляла проект ВСИ с 1987 по 1991 г., когда ее на посту руководителя сменила Т. В. Попова. Известные лингвисты Института славяноведения Л. Э. Калнынь и Г. П. Клепикова с интересом отнеслись к теме ВСИ и приняли самое активное участие в ее продвижении. Надо сказать, что названные слависты на разных этапах своей деятельности входили в авторские коллективы фундаментальных

лингвогеографических предприятий¹. Естественно, что опыт работы и глубокое погружение в материал позволили им целостно представить восточнославянский диалектный континуум в контексте всей Славии и сопредельных территорий и дали большие возможности для интерпретации: по мере выхода выпусков ВСИ исследователи стали осмыслять полученные результаты картографирования и выделять релевантные в типологическом и историческом плане зоны и ареалы [Калнынь 2002; Клепикова 2006; Попова 2002, 2006].

Людмила Эдуардовна Калнынь, крупнейший специалист в области фонетики и фонологии славянских диалектов, в рамках проекта написала 6 значимых статей: 1. «Рефлексация праславянского латерального сонанта *//» (ВСИ, вып. 1, 1995); 2. «Протетические согласные перед лабиализованными гласными»; 3. «Сочетание взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами» (вып. 2, 1998); 4. «Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов»; 5. «Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными» (вып. 3, 2000); 6. «Гласные предударного слога» (вып. 4, 2006).

Отделом диалектологии ИРЯ РАН было издано 4 выпуска ВСИ, куда вошло 55 карт всех языковых уровней с подробными комментариями к ним, а также ряд статей общетеоретического характера. Уже после ухода из жизни Т. В. Поповой увидела свет ее работа, подводящая итоги проекта и интерпретирующая восточнославянские изоглоссы с опорой на опубликованные материалы, туда же включен перечень статей всех выпусков [Попова 2017].

Карты ВСИ подтвердили высказанную многими лингвистами гипотезу о том, что северо-восточные русские говоры по ряду разноуровневых явлений соотносимы с говорами юго-западного ареала, куда входит большая часть украинских говоров и часть белорусских [Бромлей 2006; Гриценко 1990: 375; Трубачев 2000]. Юго-западная зона в зависимости от конкретного явления может представлять узкий ареал, включая самые западные и юго-западные украинские территории, или охватывать целиком говоры украинского и белорусского языков, а на некоторых картах к ним примыкают русские юго-западные говоры. Пучки изоглосс, характеризу-

¹ Л. Э. Калнынь — автор Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), Г. П. Клепикова — автор ОЛА, Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА), Т. В. Попова — автор ОЛА, ОКДА, Болгарского диалектологического атласа (Български диалектен атлас).

ющие выделенные территории — северо-восток и юго-запад, перечислены в [Попова 2017: 256–259].

Указанные ареалы прослеживаются на карте Л. Э. Калнынь, посвященной вокальности / консонантности диалектных систем. Сравнение славянских языков по этим характеристикам — одна из типологических задач, давно волновавшая славистов. Так, А. В. Исаченко в своей классификации славянских языков относил восточнославянские языки к радикальному консонантическому типу [Исаченко 1963]. На русском диалектном материале степень вокализованности сонорных и явления, с этим связанные, изучала С. В. Бромлей, полагавшая качество сонорных важнейшим показателем вокальности/консонантности системы говора. Именно она первой обратила внимание на то, что русские центральные и периферийные говоры, так они были названы в труде [Захарова, Орлова 1970], противопоставлены по данному признаку: центральные — более консонантны, а периферийные — более вокальны. В своих выводах С. В. Бромлей шла дальше и, опираясь на работы фонетистов, утверждала: «Важно также, что этот признак позволяет рассматривать русские диалекты в широком контексте других славянских языков, прежде всего восточнославянских, и может служить мерилем их типологического сравнения» [Бромлей 1985б: 28]. Л. Э. Калнынь изучала восточнославянские говоры именно в этом направлении, детально описав инвентарь гласных и согласных в различных диалектах, а также правила звуковой синтагматики [Калнынь 2000]. Со стороны инвентаря всё было достаточно ясно: наличие большего количества используемых гласных единиц соответствует большей вокальности (от 5 до 8 фонем в системе вокализма), а наличие большего количества согласных единиц — большей консонантности. Но в синтагматическом плане дело обстояло гораздо сложнее, автором был проанализирован целый ряд фонетических черт, назовем лишь некоторые из них: спирализация гласного и редукция безударного гласного до нуля, которые снижают уровень вокальности, отношение гласных к ударению, оценка степени консонантности согласных по шкале нарастания консонантных признаков, различного рода ассимиляции (*дн* — *нн*, *бм* — *мм*) и т. д.

С учетом приведенных характеристик удалось выделить основные противопоставленные ареалы: 1. украинские и часть южных белорусских говоров, в которых вокалические черты представлены наиболее концентрированно, 2. северо-восточные русские говоры — со сравнительно высоким уровнем вокальности и 3. между этими ареалами расположены

говору с большей консонантностью — севернобелорусские, а на русской территории — говоры южного наречия и среднерусские.

Противопоставление по признаку вокальности/консонантности показывает, что в центральной части восточнославянской территории преобладают консонантные системы, а на периферии — северо-востоке и юго-западе — отмечены более вокалические. Таким образом, тенденция, уловленная С. В. Бромлей на материале русских говоров, оказалась актуальной для всего восточнославянского пространства: говоры, находящиеся на периферии, отличаются большей вокальностью.

Детальный анализ всех признаков позволил Л. Э. Калнынь утверждать: «Самый высокий уровень консонантности присущ русским говорам, имеющим мягкие губные согласные на конце слова и ассимилятивное смягчение этих согласных перед *к'* (*ба'н'к'и, де'ф'к'и, тря'н'к'и*. — Б. К.). Это говоры юго-востока территории карты. Диалектный регион, в котором эти черты сочетаются с нулевой редукцией безударных гласных, может считаться минимально вокалическим и максимально консонантным во всей Славии» [Калнынь 2000: 25]. Наиболее вокалическими для восточнославянской зоны являются северо-западные украинские говоры в пределах Волынской области, в которых «нет мягких губных согласных, нет мягкого вибранта, звонкие согласные сохраняются на конце слова и перед глухими, происходят изменения в группах согласных...» [там же: 25]; помимо этого, в них отмечаются общеукраинские вокалические черты.

Похожую лингвогеографическую картину демонстрирует и ряд других карт: «Рефлексация праславянского латерального сонанта */l/» [Калнынь 1995], «Формы инфинитива от глаголов с основой на /к/, /г/» [Попова 2000] и «Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных» [Пшеничнова 2000]. В статье Н. Н. Пшеничновой уточняется, что зоны утраты интервокального [j] и стяжения гласных в русских говорах у прилагательных практически совпадают с соответствующими зонами у глаголов. Подводя итоги анализа процессов, связанных со стяжением, исследователь пишет, что «рассмотренное явление хорошо согласуется с идеей о противопоставленности русских периферийных говоров и украинских, части белорусских как говоров более вокальных русским центральным говорам как говорам более консонантным» [Пшеничнова 2000: 46].

Как известно, вопрос о центральных и периферийных (маргинальных) ареалах как в пределах одного языка, так и для совокупности родствен-

ных языков всегда вызывал интерес лингвистов. При этом общепринятым считается положение о том, что именно на периферии сохраняются архаические черты, в то время как зона центра интенсивнее подвержена воздействию инновационных процессов. Но накопленные данные по разным идиомам и разным языковым уровням показывают, что это утверждение не является универсальным: для каждого языкового явления могут существовать свои зоны инновации и архаичности, которые не совпадают с выделенными территориями центра и периферии. Следует подчеркнуть, что нет говоров, однозначно определяемых как только инновационные или как только архаические.

Обратимся в качестве примера к одной из статей академика О. Н. Трубачева, в которой рассмотрен лингвистический ландшафт праславянского лексического диалектизма **kъrmyslъ*/**čъrmyslъ* ‘приспособление для ношения, подвешивания ведер’. На составленной лингвистом по материалам, собранным для ДАРЯ, карте противопоставлена более древняя, с его точки зрения, форма муж. р. *коромысел*, *коромысль* и инновационная ср. р. *коромысло*. Анализируя карту, автор пишет: «На ней четко представлены две главных периферийных (латеральных) зоны с продолжениями более древней формы муж. рода **kъrmyslъ* — западная, сопредельная с однотипными украинскими и белорусскими данными, и восточная, несколько более прерывистая» [Трубачев 2002: 18]. Восточная территория распространения формы муж. р. *коромысел* во многом совпадает с русскими говорами центральной диалектной зоны, в то время как в русских говорах северо-востока, которые по фонетическим признакам считаются более архаическими, представлена форма ср. р. *коромысло*. Вообще лингвистический ландшафт лексического уровня во многих случаях дает более своеобразную картину членения восточнославянского пространства [Букринская, Кармакова 2003].

Далее мы хотим рассмотреть весьма своеобразное членение восточнославянского диалектного континуума, которое прослеживается на материале разноуровневых языковых явлений. Так, выделяется «опоясывающий ареал» (северные и северо-западные русские говоры, белорусские, украинские говоры), который противопоставлен центральным и южным русским говорам. Именно такое членение восточнославянской территории представлено на карте «Глаголы со значением возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)» [Букринская, Кармакова 1995]. Говоры северного наречия и северо-западной диалектной зоны объединяются с украинскими и белорусскими наличием архаической лексемы — глагола *орать*

в значении ‘возделывать землю’ [АУМ 1, к. 143; АУМ 2, к. 124; ДАРЯ III, к. 45; ДАБМ, к. 265]. В современных русских говорах лексема сохраняется лишь в пассивном словаре носителей традиционного говора. В противопоставленном ареале (восточные среднерусские и южнорусские говоры) в указанном значении употребляется другой архаический глагол — *пахать*. При этом глагол *пахать* известен всем русским говорам, а при сосуществовании с глаголом *орать* он имеет несколько иную семантику: ‘рубить лес’, ‘очищать, подготавливать землю под посев’. Такое разграничение значений при сосуществовании отмечалось еще в севернорусских памятниках письменности [Дерягин 1968; Марков 1988]. Кроме того, в севернорусских говорах у глагола *пахать* фиксируется значение ‘мести подметать, чистить, сдувать’ [ДАРЯ III, к. 100; Теплова 1985].

Что касается других восточнославянских языков, то в белорусских говорах *пахать* ‘возделывать землю’ имеет небольшие ареалы, а в северо-западных белорусских говорах известно значение ‘бороновать поле после сева’ [ДАБМ, к. 266]. В большинстве украинских говоров рассматриваемая лексема не отмечается. На соотношение приведенных значений глагола *пахать* и его этимологию существует несколько точек зрения, мы придерживаемся точки зрения А. Вайана, который, проанализировав все значения этого глагола в славянских языках, выстраивает такую зависимость: «значение ‘проветривать’, ‘веять’, ‘сметать, подметать’ соотносится с ‘чистить’, ‘подметать’ в балтийских и германских языках; в свою очередь ‘делать, работать’, а также русское ‘возделывать, обрабатывать землю’ соотносится с верхненемецким ‘подготавливать, заботиться’ и с литовским ‘отделять, подготавливать’ [Vaillant 1964: 91]. В отдельных архаических севернорусских говорах сохранились реликтовые значения этого глагола: ‘припасать, заготавливать’, ‘наготовить, наделать’» [Букринская, Кармакова 1995: 93]. Как видно из приведенного примера, оба глагола принадлежат к архаической лексике, и в этом случае не приходится говорить о зоне инновации.

Похожую ареальную картину демонстрируют словообразовательные модели названия ягод: суффикс *-иц(а)* — *брусни́ца, черни́ца* (рус.), *брусни́ца, чарни́ца* (блр.), *брусни́ця, чорни́ця* (укр.) образует «попоясывающий ареал», в который входят северные и западные русские говоры, белорусские и украинские; ему противопоставлен ареал с суф. *-иц(а)* — *брусни́га, черни́га* — в восточных среднерусских говорах [ДАРЯ, к. 86] и ареал суф. *-ик(а)*: *брусника, черника* (рус.) в центральных и южнорусских говорах. Следует заметить, что модель с суф. *-ик(а)* встречается и в северных гово-

рах, что объясняется, скорее всего, влиянием литературного языка. Академик Н. И. Толстой считает суффикс *-ika* более архаичным и отмечает его наличие в южнославянских языках: сербохорватском и болгарском, при отсутствии в западнославянских [Толстой 1977: 47].

Об «опоясывающем ареале» можно говорить и на материале фонетических явлений. Например, наличие твердых губных согласных (*м, н, б*) на конце слова: *сем, вóсем, гóлу*[п], *прóлу*[п] [ДАРЯ I, к. 70]. В центральных, восточных и юго-восточных русских говорах в этой позиции представлены мягкие согласные. В говорах северного наречия отмечено сосуществование твердого и мягкого вариантов произношения. В белорусских и украинских говорах представлены твердые губные согласные.

Еще один вариант членения лингвистического ландшафта можно назвать условно вертикальным, противопоставляющим восточные и западные территории. Примером тому является карта, посвященная названиям коллективной помощи в сельской работе [ДАРЯ III, к. 55; ДАБМ, к. 315]. Восточный ареал охватывает русские говоры северного наречия, центральной и юго-восточной диалектных зон, где распространены номинации *помочь / помочи, помощь*. Во втором, западном, ареале отмечены названия с корнем **tolk-* — это русские говоры западной диалектной зоны, украинские и белорусские. В белорусских говорах наименования *талака́, то́лака, тало́ка* известны практически повсеместно, лишь в центральных говорах южнее и западнее Минска зафиксировано слово *помочь*. На территории украинских говоров, судя по данным словарей, широко распространено название *толока́*; к сожалению, карта в АУМ отсутствует.

Помимо названного значения, лексемам *толо́ка, толо́к* в восточнославянских языках присуще и иное, с основной семой ‘земля под паром’: ‘нива, оставленная на отдых’, ‘пар, паровое поле’, ‘пар, на котором пасется скот’, ‘парина, паровое поле, на которое пускают скот при трехпольном хозяйстве’, ‘скотный выгон’, ‘сельское общее пастбище’ [Даль; Гринченко; ДАБМ, к. 315]. Значение ‘пар, паровое поле, на которое пускают скот’ отмечается и в польском языке. В материалах ДАРЯ подобные значения приведены единично (Курская, Брянская обл.). Об этих и других значениях приведенных лексем и их этимологии см. [Фасмер; Букринская, Кармакова 2016].

Вертикальное членение представлено и на карте ВСИ «Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот*» [Голубева 2000: 104; см. ДАРЯ II, к. 69]. В белорусских, украинских и западных русских говорах отмечены формы И. п. ед. ч. муж. р. местоимения с основой на *-j-*: *той, тый, тэй*, которые образовались от старого указательного местоимения

ть присоединением окончания прилагательных, с отражением особой судьбы редуцированных. Этой территории противопоставлен обширный ареал — северные, центральные и юго-восточные русские говоры — местоимения *тот*, которое образовано редупликацией: *тътъ* из *тъ*.

Мы рассмотрели далеко не все репрезентативные пучки изоглоссы, представленные в проекте ВСИ, а те, которые, на наш взгляд, являются интересными и своеобразными. В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на тот факт, что центральные и юго-восточные русские говоры выделяются на многих картах чертами, которые не отмечены на других восточнославянских территориях. Эти говоры с точки зрения всего восточнославянского континуума являются восточными периферийными, а противопоставление восточных и западных территорий нуждается в дальнейшем изучении.

Таким образом, изучение восточнославянского лингвистического ландшафта дает богатый материал для уточнения процесса складывания диалектных различий, определения архаических и инновационных явлений, прояснения этимологии слов. Представляется, что различные типы членения лингвистического пространства отражают разные этапы развития восточнославянских идиомов.

Литература

- АУМ 1, 2 — Атлас української мови: в 3-х т. Київ. 1984–2001. Т. 1–3.
- Бромлей 1985а — Бромлей С. В. Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию академика В. И. Борковского. М., 1985. С. 172–179.
- Бромлей 1985б — Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 8–31.
- Бромлей 2006 — Бромлей С. В. Восточнославянские изоглоссы // Восточнославянские изоглоссы. М., 2006. Вып. 4. С. 172–175.
- Букринская, Кармакова 1995 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Глаголы со значением ‘возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)’ // Восточнославянские изоглоссы. М., 1995. Вып. I. С. 90–93.
- Букринская, Кармакова 2003 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003. С. 3–16.
- Букринская, Кармакова 2016 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Названия обычая

- коллективной помощи в сельской работе // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2016. СПб., 2016. С. 77–89.
- Голубева 2000 — *Голубева Н. Л.* Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот, этот* // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 94–105.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь української мови у 4 т. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гриценко 1990 — *Гриценко П. Е.* Ареальне варіювання лексики. Київ, 1990.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
- ДАРЯ I, II, III — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М., 1986; вып. II. Морфология. М., 1989; вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Лексика. Синтаксис. М., 2004.
- Дерягин 1968 — *Дерягин В. Я.* К истории слова *пахать* в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968. Вып. VI. С. 46–51.
- Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Исаченко 1963 — *Исаченко А. В.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1963. Т. III. С. 106–121.
- Калнынь 1995 — *Калнынь Л. Э.* Рефлексация праславянского латерального сонанта */ // Восточнославянские изоглоссы. М., 1995. Вып. 1. С. 14–19.
- Калнынь 2000 — *Калнынь Л. Э.* Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 10–32.
- Калнынь 2002 — *Калнынь Л. Э.* Восточнославянская лингвогеография в ее отношении к славянскому континууму // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. Вып. 8. С. 11–17.
- Клепикова 2006 — *Клепикова Г. П.* Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас» // Восточнославянские изоглоссы. М., 2006. Вып. 4. С. 10–29.
- Марков 1988 — *Марков В. М.* О глаголах *пахать* и *орать* // ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 214–219.
- Попова 2000 — *Попова Т. В.* Формы инфинитива от глаголов с основой на /к/, /г/ типа рус. лит. *печь, беречь* // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 106–119.
- Попова 2002 — *Попова Т. В.* «Восточнославянские изоглоссы» и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. Вып. 8. С. 18–26.
- Попова 2006 — *Попова Т. В.* Синхронная и диахроническая интерпретация северовосточных и юго-западных изоглосс восточнославянского диалектного континуума // Славистика: диахрония и синхрония. М., 2006. С. 600–617.
- Попова 2017 — *Попова Т. В.* Восточнославянская лингвогеографическая проблематика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. Вып. 12. Диалектология. С. 240–262.
- Пшеничникова 2000 — *Пшеничникова Н. Н.* Утрата интервокального [j] и стяжение глас-

- ных в формах прилагательных // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 39–50.
- Теплова 1985 — *Теплова В. Н.* Об употреблении глагола *пахать* в значениях, не связанных с процессом пахоты // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 151–158.
- Толстой 1977 — *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1977. С. 37–56.
- Трубачев 2000 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 4–27.
- Трубачев 2002 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002. С. 5–25.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Vaillant 1964 — *Vaillant A.* Slave *paše-, paxati* // *Revue des études slaves*. 1964. V. 43. P. 90–91.

Summary

*Irina Bukrinskaya,
Olga Karmakova*

East Slavic language landscape and problems of its study

The article presents the history of *East Slavic isoglosses* project (ESI). The authors show the possibilities of interpretation of its materials, analyze selected maps from the ESI issues, representative for classification of the East Slavic continuum. The article discusses topical issues of linguogeography: the opposition between centre and periphery, how vocal or consonantal dialects are, the presence of archaic and innovative phenomena.

Keywords: East Slavic isoglosses, center and periphery, vocality/consonance, lexical and semantic differences.

Л. В. Рябец
(Киев)

Шаги к полноте диалектного словаря

В статье проанализированы основные типы диалектных словарей, созданных на материале украинских диалектов, а также особенности структуры словарной статьи. В последние десятилетия отмечается усиление интереса лексикографов-диалектологов к созданию диалектных словарей разных типов (тематических, идеографических, фразеологических и др.). На примере нескольких словарей гуцульских говоров продемонстрирована полнота представления в них диалектного материала. В частности, рассмотрено использование иллюстративного материала в словарных статьях. Обозначены главные трудности, связанные с процессом создания диалектного словаря. Описаны проблемы, возникающие во время работы с архивной картотекой, на основе которой создается диалектный словарь (на примере «Матеріалів до словника говірок Закарпатської області» Н. А. Грицака). Отмечено, что в последние годы диалектологи пытаются создавать лексиконы с максимальной лингвистической информацией и развернутыми иллюстрациями, используя не только ответы респондентов на вопросы из специальных программ или вопросников, но и большие диалектные тексты, фольклорные источники, а также архивные материалы, чем внесли определенные изменения в методику создания диалектного словаря, а также иллюстрирования слова в диалектном словаре. Диалектные толковые словари дифференциального типа, которым ранее отдавали предпочтение, все чаще уступают место словарям одного говора, где максимально полно представлена вся лексика, которую удалось зафиксировать; популярными становятся словари одной частной диалектной системы, для создания которых привлекают большие массивы диалектных текстов. Использование разных методов и источников для создания диалектных словарей говорит о перспективности таких исследований.

Ключевые слова: украинская диалектная лексикография, диалектный словарь, дифференциальный словарь, параметризация словаря, реестр словаря, иллюстрация, диалектный текст.

Период второй половины XX — начала XXI в. отмечен активным развитием украинской диалектной лексикографии. Расширение эмпирической базы диалектологии актуализировало фиксацию лексических единиц в лексикографических работах разных типов.

Основные теоретические положения, касающиеся современного украинского диалектного словаря, изложены в энциклопедии «Українська мова», где, в частности, отмечено, что «диалектный словарь — это словарь, представляющий лексику территориальных диалектов, ее значения и особенности словоупотребления. По способу объяснения значений большинство диалектных словарей принадлежит к словарям толкового типа. По объему представления лексики и семантики диалектные словари подразделяются на тематические и общие» [Гриценко 2007: 152]. Л. Э. Калнынь в статье «Фонетика в диалектном словаре» также отмечает: «Диалектный словарь по типу содержащейся в нем информации принято относить к жанру толковых словарей. В то же время словарь имеет и признаки переводного словаря, поскольку показывает диалектный эквивалент литературной лексики, а также междиалектные соответствия. Этим определяется объем информации, содержащейся в словарной статье. Помимо сообщения о значении слова даются сведения об особенностях его экспликации как сегмента речи» [Калнынь 2018: 223]. Традиционно диалектные словари создаются в соответствии с дифференциальным принципом по отношению к нормам литературного языка: они охватывают лексику, отсутствующую в словарях литературного языка или имеющую в диалектной речи отличия в морфемной структуре или значении.

Как отмечает П. Е. Гриценко, «понятие *диалектный словарь* сегодня объединяет работы, которые существенно различаются по своим принципам. Эти отличия могут касаться: а) круга носителей диалекта, чья речь представлена в словаре (словарь идиолекта — одного диалектоносителя...; ~ говора; ~ группы говоров; ~ наречия; ~ диалектного языка); б) наличия или отсутствия ограничений в репрезентации лексики говоров. Репрезентация всей записанной в говорах лексики относит такой словарь к типу *полного* словаря; при этом *полный* словарь не значит «исчерпывающий», а лишь такой, за границы которого не выведены элементы, общие с лексикой литературного идиома» [Гриценко 2005: 13].

Сегодня украинская диалектная лексикография очень разнообразна; на фоне словарей дифференциального толкового типа выделяются словари этнолингвистические, диалектно-этнографические, фразеологические, идеографические, эпидигматические и т. д.

Известно, что особенностью диалектных словарей является представление лексики в транскрипционной записи с фиксацией всех имеющих фонетических вариантов. В большинстве диалектных словарей представлена не только лексика, но и фразеология говоров. Специфиче-

ской чертой таких работ является локализация лексики — соотнесение с конкретным диалектом или говором (разумеется, если речь не идет о словаре говора одного села) в пространстве языка, поэтому они также называются региональными диалектными словарями.

Одной из самых сложных задач для диалектолога-лексикографа в начале работы над словарем оказывается формирование его словника, или реестра. На словник словаря в значительной мере влияет то, кто является его автором (ученый, филолог, диалектолог, исследующий диалект, или носитель говора, который стремится максимально полно передать лексическое богатство своего говора и не всегда учитывает научные принципы создания словаря) или редактором (если идет речь о публикации материалов, собранных и подготовленных другим человеком или коллективом, ставших уже архивными), и какие цели он перед собой ставит.

Итак, современные украинские диалектные лексиконы различаются по поставленным задачам, типу, наполнению и объему. Кроме собственно лексиконов в их классическом варианте, созданных на основе научных методологических принципов, существуют:

- ряд словарей или материалов к словарям, опубликованных в научных сборниках (например, в рубрике «Матеріали» в научных сборниках «Діалектологічні студії», издаваемых Институтом украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины во Львове);
- различные по наполнению и форме представления словари-индексы — приложения к описательным диалектологическим работам (диссертациям, индивидуальным и коллективным монографиям и т. д.);
- разные по объему глоссарии, приложенные к хрестоматиям диалектных текстов, присутствующие фактически во всех изданиях этого типа (например, в книге «Говірки Чорнобильської зони. Тексти» также приводятся значения непонятных слов, но этот реестр озаглавлен «Словник рідковживаних слів», он содержит около 210 лексем; слово представлено в фонетической транскрипции, приводится его толкование; локализации и иллюстраций нет) [ГЧЗ: 351–354];
- ответы на вопросы специальных программ (например, записи по «Программе Полесского этнолингвистического атласа» и «Програмі для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови» И. А. Дзензелевского опубликованы в третьем и четвертом томах издания «Говірка села Машеве Чорнобильського району»). В двух первых томах этого исследования, содержащих диалектные тексты, приводятся *глоссарии*, каждый объемом 120 слов (формат представления лексики: транслитерация

лексемы — фонетические варианты — семантика) — в основном это пояснения слов, которые, по мнению составителей, требуют объяснения для широкого круга читателей [Машеве];

- диалектные интернет-словари, интернет-страницы и отдельные группы в социальных сетях, которые собирают диалектную лексику (к сожалению, часто подавая материал непрофессионально).

Стоит также упомянуть несколько изданий, в которых благодаря кропотливому и упорному труду диалектологов архивные материалы превратились в ценные с научной точки зрения и элегантные издания. Особенно много сделано львовскими диалектологами, которые под руководством Н. В. Хобзей в серии «Діалектологічна скриня» в свое время опубликовали такие работы: *Негрич М.* Скарби гуцульського говору: Березови [Негрич]; *Грицак М.* Скарби гуцульського говору: Росішка (вівчарство в текстах) [Грицак 2008]; *Гнатишак Ю., Сімович О., Хобзей Н., Ястремська Т.* Слова з Болехова [Гнатишак] и др. Каждый из этих словарей — особенный, у них разная структура, а словарные статьи имеют разное наполнение.

Продолжается работа в отделе диалектологии Института украинского языка НАН Украины над подготовкой к печати очередных томов «Матеріалів до словника говірок Закарпатської області» Н. А. Грицака, первый из которых (буквы А–Б) увидел свет в 2017 г. [Грицак 2017]. Опыт работы над этим словарем позволяет сформулировать ряд проблем, возникающих во время работы с чужим архивом. *Во-первых*, источник словаря (картотека) достаточно специфичен. Картотека трудно читается, поскольку записи делались не только автором, но и многими другими корреспондентами — любителями из круга друзей и знакомых, учениками школ, где в разное время учительствовал исследователь (такие карточки выделяются детскими почерками), студентами Ужгородского университета. *Во-вторых*, для работы с материалами необходимо было проследить историю появления этой картотеки, историю деятельности Н. А. Грицака, найти и обработать его, к сожалению, немногочисленные публикации, в которых он изложил свои теоретические взгляды и установки. *В-третьих*, надо принимать во внимание и тот факт, что сначала автор планировал представить в словаре лексику своего родного говора с. Росішка (Росішка) и говоров нескольких ближайших населенных пунктов, а впоследствии поставил своей целью составление полного словаря закарпатских говоров. Это, безусловно, повлияло на состояние оформления картотеки — «диалектные материалы на карточках представлены с разной полнотой. Есть карточки, на которых зафиксировано: а) слово

с пояснением значения и иллюстрацией¹ или несколькими контекстами его употребления; б) слово с иллюстрацией, редко — несколькими контекстами, но без указания на его семантику; в) слово с описанием значения, но без иллюстраций употребления в речи; г) только слово без пояснения его значения и без контекста его употребления. Нередко для одного слова собрано значительное количество записей из разных мест; почти все карточки локализованы, а в большинстве указано и имя эксплоратора. В большинстве карточек приведено заглавное слово. Вокабула, а часто и иллюстрации, даются с обозначением ударения, хотя есть немало записей, где ударение не обозначено. Среди записей немалое число представляют фольклорные тексты, фрагменты коломыек, фразеологизмы, присказки, скороговорки, фрагменты рассказов на разные темы, толкования носителями говоров понятий и реалий традиционной культуры; отдельные карточки содержат схематические рисунки соответствующих реалий. Такое разное, неравномерное наполнение параметров картотеки затрудняет работу над составлением словаря в его классическом варианте. Поэтому, собственно, издание и названо не Словарем, а Материалами к словарю. Отдельные словарные статьи представляют максимум информации — вокабулу, фонетические варианты, ударение, семантику, несколько иллюстраций, полную локализацию, грамматические и стилистические пометы, другие же могут содержать только вокабулу, без семантики или без иллюстраций и локализации. Работая с архивом и стремясь к полноте представления диалекта, мы стараемся максимально привлекать имеющийся иллюстративный материал.

В соответствии с задачами, которые ставят перед собой составители, и методами сбора материала диалектные словари показывают разную степень наполнения и способы представления диалектной лексики. В предисловии к диалектному словарю (как и к общезыковому) автор или составитель обязательно говорит (сообщает) об особенностях построения словаря, о структуре словарной статьи и наличии различных помет. Закономерно, что тематический диалектный словарь представляет заглавное слово (преимущественно существительное) в именительном падеже единственного числа (или множественного числа, если слово употребляется только в такой форме), семантику (часто с добавлением фразеологизмов, устойчивых выражений, иллюстраций), а из грамматических характери-

¹ Иллюстрацией может быть словосочетание, предложение, несколько предложений или даже целый мини-текст с описанием действия, явления, процесса и т. п.; изредка также рисунок.

стик — только род или окончание родительного падежа единственного или множественного числа, как того требуют методологические принципы, выработанные еще в середине прошлого столетия [Бурячок 1965].

Сравним для примера несколько словарей, в которых представлены говоры гуцульского диалекта. Так, в предисловии к книге «Гуцульські говірки. Короткий словник» [ГГ] указано, что этот словарь гуцульских говоров, содержащий всего около 7 тыс. слов, является научно-популярным словарем школьного типа, предназначенным для массового читателя; «его объектом является слово как лексико-словообразовательное единство, а не как отражение системных регулярных фонетических и грамматических особенностей, характерных для этих говоров» [ГГ: 3]. Предложенный словарь является дифференциальным. В отдельных статьях есть грамматические пометы — представлено, например, окончание родительного падежа единственного числа имени существительного, — но совсем нет иллюстраций. Устойчивые выражения даются как отдельные словарные статьи.

Источником же труда «Гуцульські світи. Лексикон» Н. В. Хобзей, Т. А. Ястремской, О. И. Симович, А. М. Дидик-Меуш [ГС] стали материалы Картотеки словаря гуцульских говоров, этнографические материалы, а также собственные экспедиционные записи авторов. В книге приводятся не только толкования многочисленных, иногда уже подзабытых слов, устойчивых сочетаний, фразеологизмов, пословиц, поговорок, но и мини-тексты. Устойчивые выражения не вынесены в отдельные статьи, они проиллюстрированы достаточно широкими контекстами. Этот словарь выделяется именно объемом иллюстративного материала и представлением лексемы в широком контексте, что сегодня является основным методологическим принципом в стремлении к полноте представления диалектного материала и системности изучения диалектной речи.

В «Словнику гуцульських говірок Річки та Яворова» М. Н. Астафьевой и А. В. Воронич [Астаф'єва], который мы относим к региональным словарям, материал дается в упрощенной транскрипции для увеличения круга пользователей словаря, но сделана попытка сообщить максимальную информацию фонетического и грамматического уровня, что подкрепляется иллюстрациями разного объема (от одного-двух предложений до целого отрывка текста).

Отдельно стоит сказать о новом труде — «Мовний портрет села Тюдів» М. И. Голянич [Голянич], объем только первого тома которого составляет 1116 страниц (!). Этот труд имеет структуру словаря говора

одного села. Выбранный для исследования говор села Тюдов (Тюдів) Ковшовского р-на Ивано-Франковской области до сих пор не попадал в сетку известных лингвистических атласов, не был представлен ни в одном из диалектных словарей или монографических описаний, поэтому этот словарь существенно дополняет уже известные свидетельства о гуцульском диалекте. Важно, что для автора (она — известный языковед, однако никогда не работала в области диалектологии) этот говор является родным, поэтому здесь воспроизводится говор ее родителей, близких и дальних родственников, односельчан нескольких поколений. Ценно, что формат словаря позволил использовать текстовые иллюстрации разного объема, привести пространные нарративы, широко представить фразеологию. И хотя текст словаря не обременен детальной фонетической транскрипцией, тем не менее он воссоздает выразительный индивидуальный звуковой портрет говора. Словарь отражает способы конструирования высказываний, стилистику аутентичной (природной) коммуникации, приемы традиционного словесного творчества; широко представляет сочетаемость лексем (особенно глаголов). Автору удалось зафиксировать и отобразить разнообразие деталей повседневной жизни родного села, неповторимую локальную культуру гуцульского края. Языковой материал подается в традиционном, знакомом широкому кругу читателей виде. Словарная статья включает заглавное слово, пояснения его значения, иллюстрацию — фрагмент диалектной речи, в котором присутствует соответствующее слово; в словаре используются пометы разного типа. В приложениях помещены фотографии разных лет, подписанные не на литературном языке, а пространными транскрибированными текстами.

Для сравнения, иной труд такого типа (где автор — языковед и диалектолог — составил словарь одного, а точнее, своего родного говора) — «Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району» И. В. Сабадоша [Сабадош] — имеет меньший объем и содержит существенно более лаконичный иллюстративный материал.

Словари, представляющие лексиконы других украинских диалектов, также обладают разной степенью полноты в зависимости от их цели и источников, использованных для их составления. Например, в двухтомном труде Г. Л. Аркушина «Словник західнополіських говірок» [Аркушин 2000] представлены записи из более чем полутысячи населенных пунктов. Сам автор характеризует его как словарь дифференциального типа, составленный в соответствии с традиционными принципами украинской диалектной лексикографии. Структура словарной статьи такова:

заглавное слово, фонетические варианты, грамматические пометы. Лишь для отдельных значений приводятся краткие иллюстрации; для всех значений приводится локализация. Словообразовательные варианты, уменьшительные формы и уничижительные наименования даются как отдельные словарные статьи.

«Короткий словник говірок Рівненщини» А. М. Евтушка, как отмечает сам составитель, «выполнен в несколько упрощенном варианте». В нем систематизирована лексика разных тематических групп из 20 говоров Ровенщины. В словаре нет дополнительных лингвистических помет, нет фрагментов иллюстраций, выбранных из связной речи информантов, нет транскрипционной записи лексем (обозначено лишь ударение) [Евтушок].

Понятно, что записи отдельных лексем по специальным вопросам, без текстов спонтанной речи, не позволяют фиксировать падежные формы, да и для определения семантики это не так важно, но, к сожалению, это не дает полной картины говора, его грамматической системы, а тем более культурного фона диалекта. С активным развитием текстологии возникла потребность и возможность пересмотреть методологические основы составления диалектного словаря. Стремление к полноте представления диалектного материала требует приведения в словарной статье не только фонетических вариантов базовой лексемы, ее лексических значений и локализации, но и более основательной грамматической информации о лексеме, о ее «жизни» (функционировании) в речи, более пространного иллюстративного материала.

Проблему сочетания разных форм фиксации фактического материала в диалектологии, с отдельной целью грамматического описания, детально разработал А. А. Колесников в своей монографии «Морфологія українських південнобесарабських говірок: генеза і динаміка» [Колесников 2015]. Отдельно ученый отметил, что «... сейчас диалектная грамматика нуждается в отказе от сугубо формального подхода (поиска форм, отличающих единицу диалектного членения от литературного языка и иных территориально-языковых образований) в пользу исследования диалектного материала на основах системности, с использованием диалектной текстологии (наряду с вопросником), с применением функционального и когнитивно-дискурсивного анализа (разностороннего освещения языковых явлений с точки зрения когнитивных и коммуникативных функций)» [Колесников 2015: 142]. Параллельное использование специальной программы-вопросника и текстов из одного говора позволяет максимально

полно зафиксировать ее лексикон, грамматические особенности и осуществить взаимопроверку записанного разными способами материала.

Обобщая уровень и способ представления диалектной лексики в лексикографических трудах, П. Е. Гриценко отмечает, что «имеющиеся сегодня источники информации об украинской диалектной лексике демонстрируют неполноту, лакунарность материала, наличие разнообразных ограничений в его представлении, что было обусловлено принципами создания трудов разного типа, уровнем теоретического осмысления лексики говорков как объекта изучения» [Гриценко 2005: 19].

Поскольку диалектная речь многогранна, ее трудно, а подчас и невозможно втиснуть в жесткие рамки и выработать унифицированный подход к представлению разноаспектного диалектного материала в лексикографической работе. В предисловии к книге «Гуцульські світи. Лексикон» Н. В. Хобзей отмечает, что «новый мир и новый читатель диктуют иной формат лексикографических трудов, в которых можно найти и языковые, и культурные явления» [ГС: 14]. Такой словарь, по мысли Н. В. Хобзей и Т. А. Ястремской [Хобзей 2008], должен объединять принципы современной лексикографии и быть доступным для неспециалиста, каждая словарная статья должна раскрывать конкретные понятия, часто представляя достаточно большие контексты (своеобразный текст, рассказ-миниатюра, коломыйка и т. д.). Такой лексикон должен быть иллюстрированным (рисунок или иллюстрация должны сопровождать толкование, если читатель не обладает ясным представлением об описываемой лексеме).

А. И. Мартынова, представляя проект «Словника середньонадніпрянських говірок», отметила, что «успех лексикографического труда зависит не только от полноты его словника, но и от точности передачи значения заглавного слова или его оттенков. Словарная статья должна четко и исчерпывающе представлять лексему, ее семантическую структуру, а также стилистические свойства, сферу употребления, особенности сочетаемости» [Мартынова 2012: 181].

Сегодня диалектологи записывают диалектную речь, не только используя вопросники или специальные программы, но и обязательно фиксируя более широкий контекст, связные тексты или целые рассказы, истории; в этом случае во время составления словаря есть возможность представить больше фонетических и словообразовательных вариантов, интересные грамматические формы, более полные иллюстрации, точнее определить семантику или дать пояснения или описание реалии (явления, процесса, народного обряда и т. п.) устами самих носителей говора.

Наличие разных типов словарей свидетельствует о поиске диалектологами таких форм и методов представления диалектного материала, которые удовлетворяли бы стремление исследователей диалектной речи точно, а главное системно воспроизвести собранный материал. И хотя долгое время диалектологи считали дифференциальный принцип построения диалектных словарей наиболее экономным и рациональным, но попытки представить диалектный материал в ином формате подтвердили эффективность иных моделей.

Источники

- Аркушин — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок: в 2 т. Луцьк, 2000.
- Астаф'єва — *Астаф'єва М., Воронич Г.* Словник гуцульських говірок Річки та Яворова. Київ; Івано-Франківськ, 2014. Кн. 1.
- ГГ — Гуцульські говірки: короткий словник / уклад.: Г. Гузар, Я. Закревська, У. Єдлінська та ін.; відп. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.
- Гнатишак — *Гнатишак Ю., Сімович О., Хобзей Н., Ястремська Т.* Слова з Болехова. Львів, 2017.
- Голянич — *Голянич М.* Мовний портрет села Тюдів. Івано-Франківськ, 2018. Т. 1: А–М.
- Грицак 2008 — *Грицак М.* Скарби гуцульського говору: Росішка (вівчарство в текстах). Львів, 2008.
- Грицак 2017 — *Грицак М. А.* Матеріали до словника говірок Закарпатської області. Київ, 2017. Вип. 1 (А–Б).
- ГС — *Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г.* Гуцульські світи. Лексикон. Львів, 2013.
- Євтушок — *Євтушок О. М.* Короткий словник говірок Рівненщини. Рівне, 1997.
- Машеве — Говірка села Машеве Чорнобильського р-ну. Київ, 2003–2005. Ч. 1–4. [Ч. 1: Тексти / уклад.: Ю. І. Бідношия, Л. В. Дика. Київ, 2003; Ч. 2: Тексти / уклад.: Г. В. Воронич, Л. А. Москаленко, Л. Г. Пономар. Київ, 2003; Ч. 3: Матеріали до Лексичного атласу української мови / уклад.: Ю. І. Бідношия, Г. В. Воронич, Л. В. Дика, Л. А. Москаленко, Л. Г. Пономар. Київ, 2003; Ч. 4: Матеріали до Полського етнолінгвістичного атласу / уклад.: Ю. І. Бідношия, Г. В. Воронич, Л. В. Дика, Л. А. Москаленко, Л. Г. Пономар. Київ, 2005].
- Негрич — *Негрич М.* Скарби гуцульського говору: Березови. Львів, 2008.
- Сабадош — *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.

Література

- Бурячок 1965 — *Бурячок А. А.* Інструкція для складання діалектних словників української мови // Праці XI Республіканської діалектологічної наради. Київ, 1965. С. 214–226.

- Гриценко 2005 — *Гриценко П. Ю.* Українська діалектна лексика: реальність і опис (деякі аспекти). Діалектна лексика: лексикологічний, лексикографічний та лінгвогеографічний аспекти. Матеріали доповідей Міжнародної наукової конференції. Глухів, 2005. С. 5–33.
- Гриценко 2007 — *Гриценко П. Ю.* Діалектний словник // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2007. С. 152–154.
- Гриценко 2014 — *Гриценко П. Ю.* Про один тип джерел сучасних діалектологічних студій // Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст. Київ, 2014. С. 145–154.
- ГЧЗ 1996 — Говірки Чорнобильської зони. Тексти / за ред. П. Ю. Гриценка. Київ, 1996.
- Калнынь 2018 — *Калнынь Л. Э.* Фонетика в диалектном словаре // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. С. 223–227.
- Колесников 2015 — *Колесников А. О.* Морфологія українських південнобесарабських говірок: генеза і динаміка: монографія. Ізмаїл, 2015.
- Мартінова 2012 — *Мартінова Г. І.* Специфіка реєстру й тлумачення лексем у словнику середньонадніпрянських говірок // Українська і слов'янська тлумачна і перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові. Київ, 2012. С. 183–184.
- Хобзей 2008 — *Хобзей Н., Ястремська Т.* Діалектний словник: автор і читач // Сучасні проблеми мовознавства і літературознавства. Вип. 12: Українська діалектна лексика як об'єкт словникарства та лінгвогеографії (до 100-річчя від дня народження М. А. Грицака). Ужгород, 2008. С. 203–205.

Summary

Liudmyla Riabets

Steps to complete dialect dictionary

The article analyzes the main types of dialect dictionaries created on the basis of Ukrainian dialects, as well as the peculiarities of the structure of the dictionary entry. In recent decades, there has been an increase in the interest of lexicographers-dialectologists in the creation of dialect dictionaries. On the example of several dictionaries in which the Hutsul dialect is presented, the completeness of the representation of dialect material in them is demonstrated. In particular, the use of illustrative material in dictionary entries is considered. The main difficulties associated with the process of creating a dialect dictionary are outlined. The article describes the problems that arise while working with the archival card index, on the basis of which a dialect dictionary is created (for example, «The Materials for the Dictionary of the Ukrainian Dialects of Transcarpathian Region» by M. Grytsak). It is noted that in recent years dialectologists

have been trying to create lexicons with maximum linguistic information and detailed illustrations, using not only the respondents answers to questions from special programs or questionnaires, but also dialect texts, folklore sources, and archival materials, which made certain changes in the methodology of creating a dialect dictionary, as well as illustrating a word in a dialect dictionary. Dialectal explanatory dictionaries of a differential type, which were previously given preference, are increasingly being replaced by dictionaries of one dialect, where they represent as fully as possible all the vocabulary that they managed to register; dictionaries of one particular dialect system are becoming popular, for the creation of which large dialect texts are used. The use of different methods and sources for the creation of dialect dictionaries speaks of the prospects of such studies.

Keywords: Ukrainian dialectal lexicography, dialectal dictionary, differential dictionary, parametrization of dictionary, register of dictionary, illustration, dialectal text

Перевод с украинского М. Н. Толстой

*Катажина Кончевска
(Краков)*

Трансграничные польско-белорусские языковые контакты по материалам полевых исследований

В статье представлены промежуточные результаты исследования языковых контактов в малоизученном узком ареале польско-белорусского и белорусско-польского пограничья. Обращено внимание на его специфику, представлена социолингвистическая характеристика и выделенные языковые коды, проиллюстрированные диалектным материалом. Материал для исследования был собран в 2015–2019 годах при реализации индивидуального исследовательского проекта, в процессе единовременных полевых экспедиций, которые в 2017–2019 годах осуществлялись в сотрудничестве с Этнографическим музеем Кракова. Исследовательский интерес к данному ареалу был вызван его малоизученностью, труднодоступностью и наличием населенных пунктов, жители которых идентифицируют себя как польскую шляхту. Территория, на которой проводились полевые экспедиции, более пятисот лет являлась частью одного участка Гродненского уезда, государственная граница разделила его в 1948 году. Неравномерные процессы заселения приграничья ввиду его ландшафтных особенностей, а также исторические и политические факторы повлияли на формирование в исследуемом ареале сложной социолингвистической ситуации. В настоящее время в нем проживают представители православной и католической конфессии, преимущественно поляки и белорусы по национальности, являющиеся потомками крестьян и малоземельной шляхты. В статье рассмотрены языковые коды, которыми пользуются их носители («па-польску», «па-просту», «па-беларуску»), представлены языковые особенности, а также диалектный материал, иллюстрирующий каждый из кодов. Высказаны методологические замечания по проведению диалектных исследований на трансграничных территориях. Промежуточные результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что в исследуемом ареале преобладает продуктивный билингвизм с диглоссией, а социолингвистическую ситуацию определяют как экзоглоссную, несбалансированную, четырехкомпонентную.

Ключевые слова: польско-белорусские языковые контакты, методология диалектных исследований, польско-белорусское пограничие, Гродненщина

Введение

Целью статьи является представление промежуточных результатов исследования языковых контактов в узком ареале польско-белорусского и белорусско-польского пограничья¹, являющимся своеобразной *terra incognita*, в том числе в диалектных исследованиях. Мы обратим внимание на его специфику, представим социолингвистическую характеристику и выделенные нами языковые коды, которые проиллюстрируем диалектным материалом. Материал для исследования был собран в 2015–2019 годах при реализации индивидуального исследовательского проекта, в процессе одиночных полевых экспедиций, которые в 2017–2019 годах осуществлялись в сотрудничестве с Этнографическим музеем Кракова.

Исследовательский интерес к представленному ареалу изначально был продиктован несколькими факторами: его малоизученностью, труднодоступностью и наличием населенных пунктов, жители которых идентифицируют себя как польскую шляхту. Полевые экспедиции расширили область исследований, акцентируя внимание также на проблематике исторического многоязычия и трансграничных языковых контактов, поскольку засвидетельствовали выраженную корреляцию между современной социолингвистической ситуацией и историческими процессами освоения этой территории, а также особенностями ее сословной составляющей.

Теоретические и методологические замечания

Теория и методология исследований языковых контактов на пограничье представлены в предметной литературе достаточно широко [Thomason 2001]. Поскольку целью нашей статьи является презентация практических результатов полевых экспедиций, мы обратим внимание только на избранные теоретические положения. Исследования на пограничных территориях требуют от исследователя владения понятиями лингвистического дискурса из области ареальной лингвистики, диалектологии, культурной лингвистики и социолингвистики. Основными из них являются: мультилингвизм; *semi-communication* [Haugen 1966: 280–297]; билингвизм как альтернативное использование двух языков [Weinreich 1953], в том числе искусственный [Гавранек 1972: 97], чистый и смешанный [Щерба 1974: 313–318], ак-

¹ В связи с этим мы акцентируем внимание исключительно на полевых материалах, без описания богатой предметной литературы, посвященной польско-белорусскому пограничью [Konczewska 2021].

тивный [Крысин 2004: 468–474], продуктивный и рецептивный; диглоссия [Ferguson 1959: 325–340, Fishman 1967: 29–38]; концепция сферы, *domain of language behavior* [Fishman 1965: 67–88] и среды [Аврорин 1975: 26–37] употребления языка; примарный и секундарный язык; *lingua receptiva* (LaRa) [Thije 2013: 137–139]; *lingua franca*; языковая интерференция, переключение кодов (*code-switching*). Однако необходимо осознавать, что универсальные понятия, выработанные на протяжении нескольких десятилетий на основании наблюдений контактов различных языков мира, не всегда находят применение в сложных реалиях пограничья, о котором Кшиштоф Заяс метко заметил, что это «наше специфическое, центральноевропейское изобретение, которое получило свою популярность благодаря многозначности самого термина “пограничье”, несущего коннотации не только пространственные, но и культурные, общественно-политические, языковые, а даже экзистенциальные»² [Zajas 2012: 7–8] и которое упрямо сопротивляется какой-либо концептуализации.

Валерий Чекман [Чекман 1982: 123–138], который одним из первых, наряду с Вячеславом Вереничем, инициировал исследование польских говоров белорусско-польского пограничья, предложил разделение их структуры на вертикальную (степень интенсивности, сфера употребления говоров и количество тех, кто ими пользуется в конкретной местности) и горизонтальную (географический ареал определенных характеристик). Он утверждал, что одни и те же языковые свойства, зафиксированные в разных населенных пунктах, могут иметь различные социолингвистические параметры, и поэтому восприятие их как идентичных может привести к ошибочной интерпретации. По-прежнему актуальными являются и те задачи, которые Валерий Чекман выделял как приоритетные в исследовании пограничных говоров: 1) определение уже не существующего языкового субстрата; 2) диахроническая интерпретация полилингвистических ситуаций с целью определения, какой из языков является субстратом, какой — адстратом, а какой — суперстратом; 3) реконструкция исторической социолингвистической ситуации; 4) разграничение субституции и реминисценции как различных понятий интерференции; 5) определение степени взаимовлияния языков, контактирующих на различных языковых уровнях; 6) понимание особенностей социолингвистической ситуации в населенных пунктах различного типа: с пришлым населением, в бывших шляхетских поселениях, деревнях, колониях; 7) определение специфики разных поколений

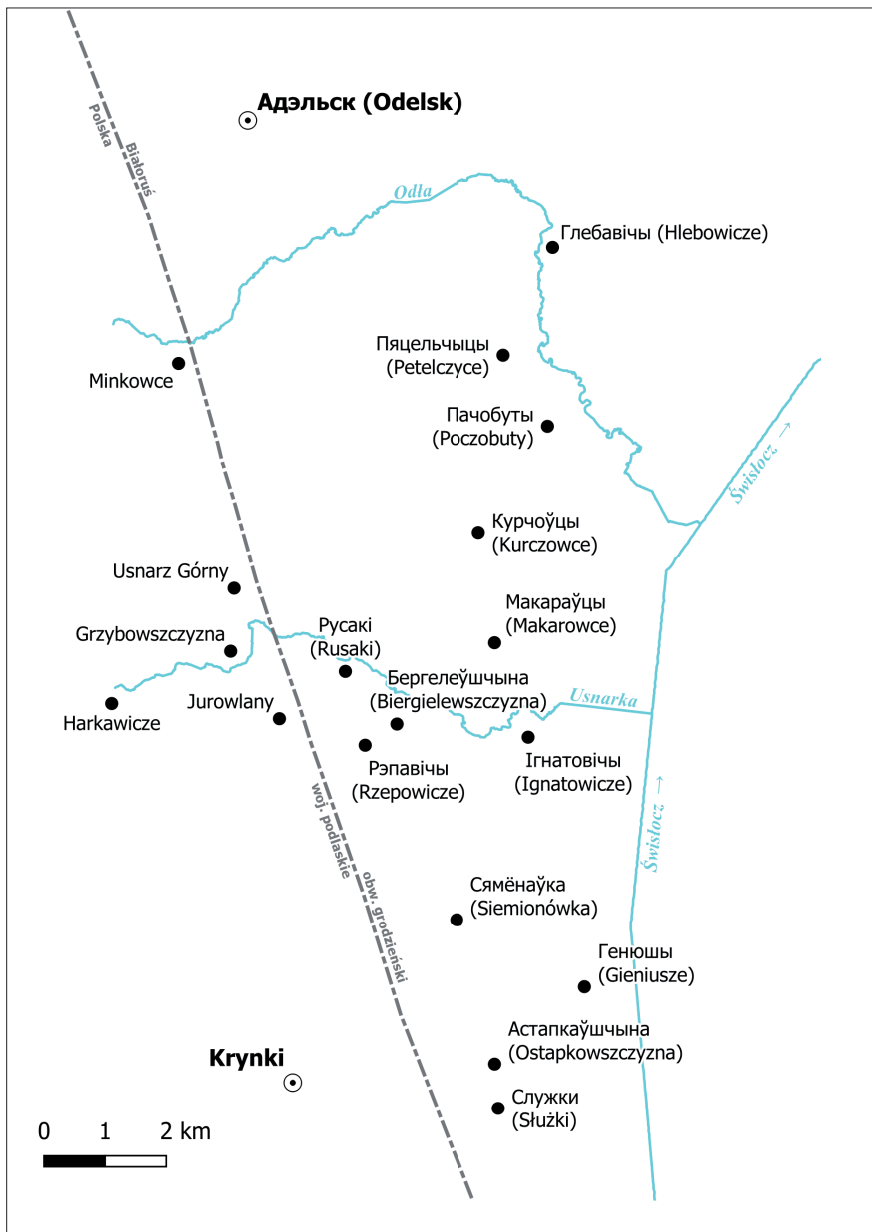
² Все переводы в статье выполнены ее автором.

в одинаковой социолингвистической ситуации с целью ее диахронического описания. С точки зрения методологии весьма важным является постулат Валерия Чекмана об обязательной проверке актуальной социолингвистической ситуации, декларированной ее непосредственными участниками. Необходимо также помнить о том, что исследователь и информатор часто оперируют различными категориями, и принимать это во внимание во время опросов. По нашему мнению, для полевых исследований на пограничных территориях наиболее продуктивным способом анализа является перспектива *emic* (информаторов), которая позволяет понять культуру локуса «изнутри» [Wróblewski 2007: 80], потому как базируется на понятиях самих информаторов. В свою очередь, перспектива *etic* (исследователя) основывается на понятиях исследователя, являющегося всего лишь внешним наблюдателем и часто не понимающего специфичности данного локуса.

Важным является также определение терминологического статуса польско-белорусского и белорусско-польского пограничья. Наиболее часто в англоязычной литературе используется определение *border / borderland*, а в польской — *kresy*. По нашему мнению, использование исключительно этих понятий значительно сужает исследовательское поле и не отражает всей сложности и специфичности данного ареала, поэтому видится необходимым обращение к более разнообразной номенклатуре. В предметной литературе есть несколько типологий пограничья. Наше внимание привлекла классификация Збигнева Рыкеля, который выделяет следующие концепции [Rykiel 2011: 56–58]: граница (англ. *boundary*) как объект политический, линейный и формальный; пограничье как зональный объект, подразделяющийся на узкое (англ. *border*) и широкое (англ. *borderland*); приграничье как зональный объект, который, в отличие от пограничья, находится по обеим сторонам границы (фр. *transfrontalier*); рубеж (англ. *limit*) как неформализованная зона столкновения либо затухания явления, природный либо культурный объект, в отличие от границы как объекта политического. То, что в польской традиции определяется как *kresy*, автор предлагает трактовать как субэкумену.

Ареал исследования

В связи с вышеизложенным мы считаем, что ареал нашего исследования, то есть территорию, находящуюся по обе стороны современной польско-белорусской и белорусско-польской границы, адекватнее было бы именовать именно *transfrontalier* (в определенной степени соответ-

ствующее английскому *cross-border*), несмотря на непопулярность этого термина в предметной литературе. Приведем следующие аргументы. Данный субрегион продолжительное время находился в составе Гродненского уезда, существовавшего в 1413–1939 годах. В I Речи Посполитой он являлся территориальной единицей Троковского воеводства Великого княжества Литовского. В 1588 году здесь была образована Гродненская экономика, и с конца XVI века территория уезда оставалась неизменной до разделов Речи Посполитой. В 1795 году, после третьего раздела, северо-западная часть уезда была включена в состав Прусской империи, а остальная территория — в состав Российской. Во времена II Речи Посполитой, в 1921 году, Гродненский уезд, сохранивший с незначительными изменениями свои границы, вошел в состав Белостокского воеводства. С сентября 1939 года он находился уже на советской территории, с июня 1941-го был под немецкой оккупацией, в 1944 году повторно вошел в состав Советского Союза³, а граница между польской и белорусской территориями была окончательно установлена только в 1948 году.

Белорусский писатель Сократ Янович, проживавший в местечке Крынки, так вспоминал эту многократную смену государств и властей:

В 1936 г. я увеличил число граждан Речи Посполитой. Спустя три года моей большой родиной стал Советский Союз, а еще через два года я очутился уже в новой Восточной Пруссии, то есть в Германской империи, занявшей эти земли. Бегая все время по тем же переулкам своего городка или купаясь в речушке Крынка, не передвигаясь никуда далее, чем пригорок Профитка на краю горизонта, я как бы совершил несколько заграничных путешествий... Различные родины поглощали мою единственную малую [Janowicz 1993: 45].

В настоящее время территория бывшего Гродненского уезда входит в состав нескольких государств: Польши (окрестности Крынок и Крушинян), Литвы (окрестности Друскенинкая) и Беларуси (Берестовицкий, Волковысский, Гродненский и Мостовский районы). Современная граница, которая неоднократно менялась после Второй мировой войны, поделила территорию с более чем пятисотлетней совместной историей и традициями. Именно поэтому, по нашему мнению, для большей результативности исследований необходимо принимать во внимание историческую целостность трансграничного субрегиона.

³ Именно поэтому на пограничье существуют такие темпоральные категории, как «за первыми Советами» и «за вторыми Советами».

Территорией моих полевых экспедиций является узкий ареал по обеим сторонам границы, между давними местечками Крынки (в настоящее время на территории Польши), Одельск и Индура (оба на территории Беларуси). Его выбор был продиктован следующими причинами: 1) он до сих пор является малоизученным; 2) ввиду представленных выше исторических процессов его заселяют представители разных национальностей, вероисповеданий и сословий; 3) приграничный характер повлиял на его архаичность, что повышает вероятность аутентичности собранного материала; 4) здесь расположено одно из трех сохранившихся до наших дней компактных поселений гродненской шляхты⁴. Преимущественно это была территория бывшего Уснарского прихода, существующего с 1795 года. В его пределах было зафиксировано несколько топонимов с компонентом Уснаж (Уснар). Уснаж Верхний (Usnarz Górny) в настоящее время находится на территории Польши, в сельсовете Шудялово Сокольского района Белостокской области. Уснаж Нижний как хутор существует в списке населенных пунктов Берестовицкого района Гродненской области Беларуси. Его довоенные жители во время установления границы в 1946 году перешли на польскую сторону в православную деревню Юровляны, жители которой были насильно вывезены на белорусскую территорию. Уснаж Мурованный являлся усадьбой дворянского рода Чечоттов; сожженный во время последней войны, в настоящее время он является частью католической деревни Курчевцы на территории Беларуси. Усадьба Уснаж Макаровцы располагалась около деревни Макаровцы. Ее владельцем был род Панцежинских, построивший для своих подданных католическую церковь, а новый приход, получивший название от усадьбы, обрел статус самостоятельного в начале XX века. В его состав входили населенные пункты, которые в настоящее время располагаются по обе стороны границы.

Необходимо подчеркнуть, что процесс заселения этих ятвяжских некогда территорий⁵ был медленный и неравномерный по причине их труднодоступности: большую часть занимала пуща. Актуальная сложная социолингвистическая ситуация субрегиона является следствием этих процессов, а также исторических и политических событий.

⁴ Местность, в которой проживают потомки малоземельной шляхты, называется «околица». Результаты исследования околиц данной группы: [Konczewska 2016: 43–57, Konczewska 2019: 183–199].

⁵ Наиболее полное его представление: [Wiśniewski 1964: 115–135].

Социолингвистические факторы

Представленное пограничье является уникальным субрегионом, культурная самоидентичность которого сформировалась под влиянием того, что оно являлось местом встречи трех монотеистических религий: христианства, ашкеназийского иудаизма, ислама. К тому же разделение на христианство восточное (православие) и западное (католицизм) проходило вдоль всего региона. Момент столкновения в данном ареале двух христианских вероисповеданий, римско-католического мазовшан и ортодоксического русинов, соответствует схизме 1054 г.

Ян Якубовский, характеризуя социолингвистическую ситуацию Гродненского уезда в XVI веке, когда основной процесс заселения ареала подходил к концу, на основании географической номенклатуры делал вывод об «однородном, белорусском характере сельского населения» [Jakubowski 1935: 102]. Ученый отмечал наличие в данном субрегионе топонимов литовской этимологии и обращал внимание на поселения малоземельной шляхты с русскими и литовскими родовыми фамилиями⁶, определяя этнический состав центральной части уезда как смешанный литовско-белорусский, с численным преобладанием белорусского элемента. «Устава на волоки» (XVI век) закрепила поселения так называемых «путных бояр», память о которых сохранилась в многочисленных топонимах и антропонимах субрегиона. Наплыв мазовецкой мелкопоместной шляхты и будников начался в XIV веке в результате первых польско-литовских уний, а после Люблинской унии 1569 года значительно усилился. Заметим, что в данном ареале компактно проживали также татары, которым даровали земли Витольд (XIV век, территории у реки Лососна около Гродно, сейчас Беларусь) и Ян III Собеский (XVII век, деревня Крушиняны, сейчас Польша). С XIV века в этой части Великого княжества Литовского стали селиться евреи. В представленном ареале они проживали в местечках Индура, Крынки и Одельск; под Одельском до 1941 г. существовала еврейская Колония Исаака, жители которой занимались земледелием.

Таким образом, к XVII веку данный ареал сформировался как многонациональный (литвины, русины, поляки, евреи, татары), многоконфессиональный (православие, католицизм, ислам, иудаизм) и многословный (бояре, крестьяне, шляхта). Татары весьма быстро ассимилировались

⁶ Им посвятила исследование Юлия Гурская [Гурская 2012: 142–150, Гурская 2014: 182–206].

с местным населением⁷. Следствием разделов Речи Посполитой и инкорпорирования ее восточной территории в XVIII веке в состав Российской империи была деполонизация и русификация⁸. Следствием Холокоста Второй мировой войны стало практически полное истребление еврейской общины и элиминирование ее из социолингвистического ландшафта субрегиона. С послевоенным установлением советской власти на белорусской территории началась тотальная русификация⁹, а часть населения, идентифицирующего себя как поляки, выехала в Польшу.

В настоящее время в границах исследуемого ареала проживают представители православной и католической конфессии, преимущественно поляки и белорусы по национальности, являющиеся потомками крестьян и малоземельной шляхты. На карте с промежуточного этапа полевых экспедиций представлены: Бергелевщина, Глебовичи, Грибовщина (Grzybowszczyzna), Игнатовичи, Петельчицы, Почебуты, Реповичи, Уснаж Верхний (Usnarz Górny)¹⁰ — шляхетские околицы. Гаркавичи (Harkawicze), Русаки, Семеновка — православные деревни. Гениюши, Курчевцы, Макаровцы, Минковцы (Minkowce), Служки, Остапковщина — католические деревни. Деревня Юровляны (Jugowlany) до войны была православной, на ее территории сохранилась православная церковь и часовня на кладбище (ранее униатские), однако все жители были насильно вывезены сразу после окончания войны на белорусскую территорию, а в деревню перешли жители из других деревень, в том числе шляхта из Уснажа Нижнего. В деревне Гениюши, кроме крестьянских подворий, ранее находилась также шляхетская усадьба.

Важной составляющей национальной идентичности на этой территории всегда был язык. Отсюда твердая самоидентификация: польский язык — поляки, шляхта; «простая речь» — крестьяне, «тутэйшыя». Основным критерием самоопределения до сих пор остается локальность: «свои» всегда были родственники и соседи, живущие в течение нескольких поколений в данной местности¹¹. Вопреки устоявшемуся мнению, что на данной терри-

⁷ В настоящее время наблюдается возрождение татарской общины на польской территории, в деревне Крушиняны.

⁸ Приостановленная в период II Речи Посполитой.

⁹ В свою очередь, на польской территории имела место полонизация белорусского местного населения.

¹⁰ В данном населенном пункте шляхетская усадьба расположена на окраине деревни с католическим населением.

¹¹ Этот важный элемент самоидентификации засвидетельствовали современные социологические исследования Ежи Никиторовича, проводимые среди молодежи на

тории религиозное самосознание превалировало над национальным (этническим), повлиявшему на определения «русская» и «польская» вера, эти понятия вовсе не были идентичны. Евгений Ромер в комментариях к переписи населения в 1919 году¹² так представил данную проблематику:

На всей территории [...] существует очень тесная корреляция между вероисповеданием и национальностью. Католики являются представителями польской и литовской национальностей, православные — белорусской и русской. Католики белорусского происхождения в значительной степени определились как поляки. Однако в этих общих рамках взаимоотношений между вероисповеданием и национальностью проявляются различные модификации, являющиеся выразительным признаком влияния востока и запада на понятие национальности и на тенденции самоопределения своей национальности без оглядки на веру и этническое происхождение [Romer 1920: 8].

Проведенный Ромером весьма тщательный и непредвзятый анализ результатов переписи, в которой впервые были приняты во внимание и национальные, и конфессиональные факторы, был необычайно важен в ситуации, когда царские власти не признавали белорусской нации, а значительная часть польской интеллигенции считала белорусов «польским людом кресовым». Профессор Дэн Дурэнд из Миннеаполиса, которого Ромер попросил дать оценку научного и методологического уровня переписи, в своей рецензии обратил внимание на то, что о высоком качестве исследования свидетельствует факт, что «многие из католиков определили свою национальность как русскую, а многие из православных — как польскую» [Romer 1920: 11].

Необходимо принимать во внимание, что на приграничных территориях самоидентификация не всегда является константой и часто варьируется. Халина Русэк отмечала, что на пограничье формируется специфическая пограничная идентичность, а его жители находятся «в нескольких измерениях культуры, чувствуя себя укоренившимися в каждом из них, в большей или меньшей степени» [Rusek 2003: 8]. Чаба Киш обращал вни-

польско-белорусском и польско-украинском пограничье, а также в Польше, Беларуси и Украине. Понятие «родина» во всех местах исследования ассоциировалось прежде всего с местом рождения, и только на польско-белорусском пограничье — с домом и семьей, с ближайшим окружением [Nikitorowicz 2000: 81].

¹² Данная перепись охватила всю территорию так называемых Восточных земель, то есть Гродненскую губернию за исключением Белостокского, Бельского и Сокольского уездов, всю Виленскую губернию за исключением части Трокского уезда и часть Минской губернии на запад от Березины.

мание на то, что житель пограничья мог «часто выбирать между различными национальными самоопределениями, ассимилироваться с той или иной группой, как бессознательно, так и под влиянием экономического либо политического принуждения» [Kiss 2009: 135], а Клаудио Магрис писал, что пограничная самоидентичность «напоминает матрешку: одна содержит в себе другую, а сама, в свою очередь, помещается в большей» [Magris 2016: 271]. Всю сложность исследования пограничья емко определила Юстына Страчук, которая в конце девяностых годов XX века проводила полевые экспедиции в Щучинском и Лидском районах Гродненской области: «Каждый житель этой территории, со своим индивидуальным происхождением, жизненным опытом, общественной средой, несет в себе отдельную ситуацию пограничья, которую можно описать только идиосинкратически, а не системно» [Straczuk 2006: 8].

В связи с вышеизложенным мы считаем очень важной задачей добыть от собеседника информацию, которая позволяет установить, что на самом деле скрывается за: 1) самоидентификацией информатора с конкретной национальностью; 2) сменой национальности, осуществленной информатором или каким-либо поколением его семьи; 3) противоречием между декларацией и самоидентификацией в зависимости от политической или экономической конъюнктуры.

Именно социолингвистические методы исследования¹³ позволяют, по нашему мнению, наиболее адекватно и объективно отобразить специфику языковой ситуации пограничья.

Языковые коды

Представленные исторические и политические события повлияли на сложную языковую ситуацию пограничья. Сократ Янович так описывал языки своего детства в Крынках:

Белорусский считался нормальным в ежедневном существовании, русский был к месту в церкви и при общении с Богом, польский замечательно повышал ценность личности в ее желаниях возвыситься над окружающими, по-немецки писали прошения разным «амтам» или письма к мужьям и отцам в

¹³ Наилучшими методами исследования, по нашему мнению, являются те, которые приносят результат «здесь и сейчас». Мартин Хаммерсли и Пол Аткинсон обращали внимание, что не существует каталога правил и удачных рецептов для удачных полевых исследований, есть только дискуссии на тему основных методологических положений [Hammersley, Atkinson 2000].

плени где-нибудь в Саксонии или Пруссии, украинский подходил для анекдотов. Почти пятиязычие провоцировало шизофреническое расщепление сознания, а на практике заканчивалось тем, что в меру пристойно не умели изъясняться ни на одном из перечисленных языков [Janowicz 1993: 61].

В связи со специфичностью исследуемого ареала представляется оптимальным предварительное изучение его по архивным документам, что позволяет установить историческую социолингвистическую ситуацию. С целью адекватного определения актуальной ситуации мы предлагаем информаторам следующие темы беседы: 1) ситуация выбора конкретного языка, субъективная оценка его правильности, отношение к другим языкам; 2) национальная и конфессиональная самоидентификация; 3) история микросообщества и локуса; 4) традиции и обычаи; 5) семейная и соседская жизнь; 6) современные реалии. Такой широкий реестр помогает определить ситуации диглоссии, а свободные, спонтанные высказывания информаторов делают собранный материал более достоверным.

С целью определения языковых кодов¹⁴ мы принимаем во внимание следующие факторы: 1) какие языковые коды функционируют в данном локусе, являются ли они самостоятельными либо интерферентными, и в какой степени; 2) как относятся к этим кодам их носители; 3) каков уровень лингвистической компетенции носителей каждого кода; 4) каким образом происходит выбор кода в различных коммуникативных ситуациях.

Необходимо учитывать также ряд экстралингвистических факторов, а именно: возраст, образование, национальность, вероисповедание, социальное положение информатора, а также тип поселения, в котором он проживает: деревня (православная, католическая) или шляхетская околица.

В исследуемом нами ареале наиболее часто встречается индивидуальный билингвизм, иногда мультилингвизм, при одновременной диглоссии, то есть билингвизм диглоссического типа (преимущественно у старшего поколения). Реже один или два языка используются попеременно без каких-либо правил употребления, связанных с социальными ограничениями (преимущественно у среднего поколения с минимальным образованием). Выбор языкового кода¹⁵ зависит прежде всего от социального фактора и административного положения:

Белорусские православные деревни: активно «па-просту» («простая речь»), пассивно: «па-польску».

¹⁴ Коммуникативные коды в ином ареале польско-белорусского пограничья описала Ольга Дивина [2007: 355–368].

¹⁵ Мы представляем коды, которыми оперируют сами информаторы.

Белорусские католические деревни: активно «па-просту», менее активно «па-польску».

Польские православные деревни: активно «па-польску», «па-просту», менее активно «па-беларуску».

Польские католические деревни: активно «па-польску», «па-просту».

Белорусские и польские шляхетские околицы: активно «па-польску», менее активно «па-просту».

Выбор кода зависит от темы общения и адресата, переключение часто происходит автоматически. Так, в шляхетских околицах на белорусской территории для общения внутри своего социального окружения используется польский язык: *ty wszyscy po polsku pięknie rozmawiali; język mój od dzieciństwa trochę delikatniejszy; w domu i tu w okolicy wszyscy mówili tylko po polsku; po polsku zawsze rozmawiali między sobą; tu wszędzie była szlachta i rozmawiali po polsku*. Отметим, что в среде представителей польской шляхты принято учить польскому языку (как устному, так и письменному) детей и внуков, потому что в этом случае польский язык является важным идентификатором не только национальной, но и социальной принадлежности¹⁶. Информаторы свидетельствуют, что вплоть до начала шестидесятых годов XX века, до установления колхозов, жители католических деревень и шляхетских околиц практически не общались, а в настоящее время в контактах с жителями соседних деревень (как католических, так и православных) способом общения является код «па-просту»: *na wsi to oni tak jakoś grubo rozmawiali; tam inaczej rozmawiali, nie było tak, że jednakowo; zawsze była różnica w mowie, wiejski człowiek i szlachta*. Для жителей католических деревень на белорусской территории языком домашнего и соседского общения является прежде всего код «па-просту», однако в сакральной сфере¹⁷ обязательным является польский, на нем также принято обращаться к священнослужителям; польским пользуются и в семейно-обрядовой сфере: свадьбы, похороны. В польском языке жителей католических деревень высок уровень белорусской интерференции¹⁸ на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Его пользователи преимущественно

¹⁶ Результаты наших полевых исследований позволяют вступить в дискуссию с Василием Денисовичем Стариченком, утверждающим, что в белорусско-литовско-польском регионе польский язык «приобрел имплицитную форму и сохраняется в памяти людей старшего возраста» [Стариченок 2011: 63].

¹⁷ Отметим, что польский является также языком эпитафий на католических кладбищах, независимо от периода захоронения.

¹⁸ О распространении белорусского ареального влияния на территории северовосточной Польши писала Наталья Снегирева [2013: 50–71].

владеют только устной формой языка, поэтому часто можно встретить молитвы или похоронные песни на польском языке, записанные кириллицей. В свою очередь, в католических деревнях на польской территории языком общения в силу административной принадлежности является польский, но в беседах на темы о ведении хозяйства и ремеслах информаторы часто переключаются на код «па-просту». В православных деревнях на белорусской территории в коде «па-просту» отмечается большая частотность русицизмов (также под влиянием языка сакральной сферы), а в православных деревнях на польской территории в повседневном быту пользуются кодом «па-просту» с нечастыми полонизмами, отделяя его от кода «па-беларуску». Подчеркнем, что код «па-просту» может варьироваться¹⁹: это могут быть и гродненские белорусские говоры²⁰ с полонизмами, и подляшские польские говоры с белорусизмами (*Oni rozmawiają po polsku, ale tak więc po prostu, gruby taki akcent u nich*). Для информаторов код «па-просту» — это язык, на котором общаются жители данной местности (*nie po białorusku, ale po prostu*). Он может отличаться от языка в соседней деревне, а попытка его системного описания, по нашему мнению, требует использования квантитативных методов. Необходимо отметить и своеобразный «языковой этикет» пограничья: его жители отвечают собеседнику извне на том языке, на котором он к ним обратился. Это иногда влияет на исследовательскую интерпретацию языковой ситуации, поэтому более целесообразно не только беседовать с информаторами на «высокие» и «низкие» темы, но и понаблюдать за различными коммуникативными ситуациями.

Языковые особенности кодов²¹

В белорусских говорах исследуемого ареала наблюдается значительное количество полонизмов. Поскольку ввиду структуральных особенностей белорусского и русского языков квалификация заимствований далеко не однозначна, обратим внимание только на лексические, а имен-

¹⁹ Ввиду ненормативности данный код находится в центре внимания не только польских или белорусских исследователей, но и японского, Коджи Мориты (Morita 2004: 151–159) и немецкого, Бйорна Вимера (Wiemer 2003b: 227–237; Wiemer, Erker 2011: 184–216, Вимер 2014: 334–356), и американского, Курта Вулхайзера (Woolhiser 2008: 245–264).

²⁰ Относятся к гродненско-барановичской группе северо-западного диалекта белорусского языка.

²¹ Ввиду ограничения объема статьи представим только наиболее характерные из них, не останавливаясь на подробном анализе.

но на формально-семантические, фонетически и (или) морфологически адаптированные заимствования.

Лексемы с [ɛ] после твердого согласного > [en]/[an]: *абцэнгі*, пол. *obcegi*, бел. *абцугі*, нем. *Zange*; *дэнтка*, пол. *dętka*, бел. *гумовая камера*; *фрэндзлі*, пол. *frędzle*, бел. *махры*, нем. *Fränsel*.

Лексемы с [a] после твердого согласного > [on]/[an]: *дронг*, пол. *drag*, бел. *жэрдка*; *гансёр*, пол. *gąsior*, бел. *бутля*; *харонга*, пол. *chorągiew*, бел. *цяг*, *харугва*.

Лексемы с [a] после мягкого согласного [on]: *цёнг*, пол. *ciąg*, бел. *цяга*.

Адаптация лексем с [rz] > [ż]/[r]: *можджар*, пол. *moździerz*, бел. *ступка*; *нажутка*, пол. *narzuta*, бел. *накідка*.

Адаптация лексем с [ó]: *самаход*, пол. *samochód*, бел. *аўтамабіль*.

Адаптация лексем под влиянием «аканья»: [o], [e] > [a]: *апона*, пол. *орона*, бел. *шына*, *накрышка*; *валавіна*, пол. *wołowina*, бел. *ялавічына*; *жалязка*, пол. *żelazko*, бел. *прас*.

Адаптация лексем под влиянием «дзеканья»: *рыдзель*, пол. *rydel*, бел. *рыдллёўка*, *жалязняк*.

Адаптация консонантных групп: *алінгерка*, пол. рег. *algierka* ‘длинный кафтан’.

Лексемы с группой *-dl-*: *матаідло*, пол. диал. *motowidło* ‘приспособление для накручивания нити на моток’, бел. *матавіла*.

Фонетические адаптации: *бібула*, пол. *bibuła*, бел. *прамакатка*, латинск. *Vibulous*; *галька*, пол. *halka*, бел. *ніжняя спадніца*.

Фонетические адаптации с семантическим изменением: *кушнерка* ‘ меховая шапка’ (пол. *kuśnierka* ‘женщина, занимающаяся изготовлением шапок’, уст. ‘*żona kuśnierza*’).

Фонетические адаптации с изменением рода: *раварыст*, пол. *rowerzysta*, бел. *веласінедзіст*; *бакеш*, пол. *bekiesza*, бел. *паліто*, венг. *Bekeš*.

Польский язык потомков шляхты имеет следующие особенности.

Фонетика

Отсутствие стабильного чередования [ɛ]/[a] в словообразовательных основах: *przywijuże*, *skępiec*, *piątrowy*; вариативность шипящих [ś]–[s]–[sz], [z]–[ż] в консонантных группах: *boleśny*, *poszłą*, *wisznia*, *źmiana*, *źmienila*, *źnieść*, *na źmiana*; сохранение мягкого [l]: *kil’ometr*, *l’as*; лабиализованный *o* между средним и верхним подъемом: *duxufka*, *gnuj*, *spujrzala*; деназализация: *robią* [rob’o], *biorą* [b’oro], *przyjadą* [przyjado], *z górką* [z górko], *przywiozą* [przyw’ozo], *umieją* [um’ejo]; сохранение переднеязыч-

ного [ɫ]: *zostawiła, pojechała, wzięła, przeszły, trzymałam się*; архаичное произношение некоторых лексем: *sumnienie, dosić, drzewniany*. Отмечается также влияние белорусского субстрата: аканье: *tyła, spacyjalna, hak-tary, dalikatny, nawat, alegantko, wasele*; полумягкое произношение мягких согласных [ś], [ź], [ć], [dź] как [sʹ], [zʹ], [cʹ], [dzʹ] (дзеканье, цеканье): *dzʹecʹi, pacʹorki*; мягкое произношение *chy, che* как *chi, chie*: *chitry, chiba*; звонкий гортанный [h]: *herbowa, hdzie*; окситоническое ударение в русских заимствованиях: *okolica, barachto, dawaj*.

Морфология

Архаизмы: несклоняемые формы прилагательного в составном именном сказуемом: *wszystko było gotowo, ono było zrobiono*; окончание *-m* в 1 pl. настоящего времени: *idziem, postawim, bawim się*; формы плюсквамперфекта: *przyszedłem był do jego, on był zaczął*. Влияние белорусского языка проявляется в словообразовании: деминутивы: *-eńki: cicheńki, maleńki, cienieńki, kochanieńka*; *-ek: czaborek, jagniaczek*; формы местоимений: *ktoś, gdzieś*; степени сравнения наречий: *więc* ‘więcej’ (бел. *больш*); флексии: *-u* Dat sg. musc.: *wuju, mężu*; *-ów* Gen pl. существительных: *meblów, weselów*; отсутствия различия мужской и немужской формы: *kobiety pozostawali, ogórki byli*; отсутствии энклитических форм личных местоимений: *daj mnie ta książka, pokażę tobie mieszkanie*; отсутствии эпентетического [n] в местоимениях после предлога в 3 л.: *przyszli do jego, dla jego daje, z imi bawili się*; отсутствии личных окончаний в глаголах прошедшего времени: *ja jeździła, my pojechali*; деепричастиях совершенного вида на *-wszy*, преимущественно в перфекте и плюсквамперфекте: *on zrobiwszy, były powyjeżdżawszy*; случаях возвратности глаголов, невозвратных в литературном польском языке: *zostali się, wrócił się*.

Синтаксис

Конструкции *dla* с Gen вместо Dat: *dać dla konia, mówić dla mnie, przynosiła dla mnie*; форма с Gen у существительных немужской формы в функции Acc: *weź ołówka, wyciąga tego zęba*; притяжательные конструкции: *jest u mnie, u niego była*; конструкции без связки (elipsa copuli): *biedny ja, oni ubogie*; конгруэнтность числительных: *trzy bratry, dwa synów, było siedem braci*; сравнительные конструкции типа: *więc jak trzy, starsza na dwa lata*.

Лексика

Для данного социолекта характерно значительное количество архаизмов²² и незначительное — заимствований. Среди русскоязычных заимствований преобладает «советская» лексика: *oktiabrskije* ‘октябрьские’, *osztrafo-*

²² Представлены в статье [Konczewska 2018: 355–367].

wać ‘оштрафовать’, *putiowka* ‘путевка’, *sobranije* ‘собрание’, *zastawiać* ‘заставлять’. Есть немногочисленные заимствования из литовского языка: *krusznia* (< *krišnis*) ‘груда камней на поле’, *kulsza* (< *kūlis*) ‘бедро’ и белорусского: *kwatера* (< *кватэра*), *musi* (< *мысіць*), *odzienie* (< *адзенне*), *pościłka* (< *носілка*).

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в исследуемом ареале преобладает продуктивный билингвизм с диглоссией. Выбор языка в ситуации билингвизма и форма его существования в ситуации диглоссии зависят от сферы (хозяйственная деятельность, религия) и среды (шляхта / крестьяне, католическая деревня / православная) функционирования языка. Информаторы пользуются собственными идиомами для определения актов речи: «па-польску», «па-просту», «па-беларуску». Необходимо отметить неравномерную языковую интерференцию с преобладанием полонизмов и архаичность социолекта потомков шляхты. В целом социолингвистическую ситуацию исследуемого ареала можно определить как экзогlossную, несбалансированную, четырехкомпонентную (Польша / Беларусь; околица / деревня; шляхта / крестьяне; православные / католики).

Наш опыт полевых исследований позволяет утверждать, что изучение языковых контактов в ареалах со сложной социолингвистической ситуацией²³ будет более продуктивно при условии объединения усилий как диалектологов, занимающихся изучением всех существующих в данном ареале говоров, так и историков, этнологов и социологов. Это позволит получить в меру адекватную картину языковой ситуации и избежать ошибок, являющихся следствием не всегда правильно выбранной методологии. Эльжбета Смулкова, имеющая богатый опыт диалектологических исследований на пограничье, что позволило ей создать авторскую методику, считает, что интердисциплинарность должна быть основана на «действительном сотрудничестве представителей различных наук, заинтересованных пограничьем на всех этапах исследований, начиная от их подготовки и до публикации результатов» [Smułkowa, Engelking 2007: 18]. Нельзя не согласиться с ее утверждением о необычайной важности того, чтобы исследователи слушали не только своих информаторов во время экспедиций, но и друг друга.

²³ Предложения методов изучения языковых контактов на балто-славянском пограничье представил Бйорн Вимер [Wiemer 2003a: 212–229]. О состоянии изучения диалектологического наследия Гродненщины см. [Канчэўская 2017: 315–336].

Літэратура

- Аврорин 1975 — *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Ленинград, 1975.
- Вимер 2014 — *Вимер Б.* Методические заметки к исследованию смешанных белорусских говоров, часто именуемых «мовой простой» // Балто-славянские исследования. М., 2014. Т. XIX. С. 334–356.
- Гавранек 1972 — *Гавранек Б. К.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 94–111.
- Гурская 2012 — *Гурская Ю.* Древние фамилии в онимических системах славянских и балтийских языков // *Respectus Philologicus*. Vilnius, 2012. Т. 21 (26). С. 142–150.
- Гурская 2014 — *Гурская Ю.* Деантропонимные топонимы белорусско-польского пограничья // *Acta Baltico-Slavica*. Warszawa, 2014. Т. 38. С. 182–206.
- Дивина 2007 — *Дивина О.* Белорусско-польское пограничье: коммуникативные коды на территории Беларуси и Польши // *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / pod red. E. Smułkowej, A. Engelking*. Warszawa, 2007. С. 355–368.
- Канчэўская 2017 — *Канчэўская К.* Да пытання даследавання дыялекталагічнай спадчыны Гродзеншчыны // *Białoruś w dyskursie naukowym. Lingwistyka, socjologia, politologia / pod red. R. Kalety*. Warszawa, 2017. S. 315–336.
- Крысин 2004 — *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 468–474.
- Снегирева 2013 — *Снегирева Н.* Северо-восточные ареальные инновации в польском языке // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. Warszawa, 2013. Т. 2. С. 50–71.
- Стариченко 2011 — *Стариченко В. Д.* Языковые контакты в белорусско-литовском пограничье // *Вучоňня запіскі. Сумеснае выданне БДПУ і БСУ. Серыя мовы і літаратуры. Серыя грамадска-палітычных навук 2*. Минск; Баку, 2011. С. 61–70.
- Чекман 1982 — *Чекман В. Н.* К социолингвистической характеристике польских говоров белорусско-литовского пограничья // *Studia nad polszczyzną kresową / pod red. J. Riegera*. Warszawa, 1982. Т. 1. С. 123–138.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Ferguson 1959 — *Ferguson Ch.* Diglossia // *Word*. 1959. № 15. S. 325–340.
- Fishman 1965 — *Fishman J. A.* Who Speaks What Language to Whom and When? // *La Linguistique*. 1965. Т. 1 (2). S. 67–88.
- Fishman 1967 — *Fishman J. A.* Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism // *Journal of Social Issues*. 1967. Vol. 23, nr 2. S. 29–38.
- Hammersley, Atkinson 2000 — *Hammersley M., Atkinson P.* Metody badań terenowych. Poznań, 2000.
- Haugen 1966 — *Haugen E.* The Language Gap in Scandinavia // *Sociological Inquiry*. London, 1966. Т. 36. S. 280–297.
- Janowicz 1993 — *Janowicz S.* Terra incognita: Białoruś. Białystok, 1993.
- Jakubowski 1935 — *Jakubowski J.* Powiat grodzieński w w. XVI (mapa z tekstem) // *Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski. Z. III. Polska Akademia Umiejętności*. Kraków, 1935. S. 99–114.

- Kiss 2009 — *Kiss Cs. G.* Lekeja Europy Środkowej. Eseje i szkice. Kraków, 2009.
- Konczewska 2015 — *Konczewska K.* Współczesna sytuacja socjolingwistyczna na Grodzieńszczyźnie // *Socjolingwistyka*. Kraków, 2015. T. XXIX. S. 149–169.
- Konczewska 2016 — *Konczewska K.* Zróżnicowanie polskich gwar Grodzieńszczyzny. Polszczyzna “szlachty zaindurskiej” // *Język Polski*. 2016. T. XCVI (3). S. 43–57.
- Konczewska 2018 — *Konczewska K.* Archaizmy leksykalne współczesnej polszczyzny grodzieńskiej (socjolektu szlacheckiego) // *Historia języka w XXI wieku. Stan i perspektywy* / pod red. M. Pastuch, M. Siuciak. Katowice, 2018. S. 355–367.
- Konczewska 2019 — *Konczewska K.* Szlachta grodzieńska na początku XXI wieku — język i tożsamość. Zarys problematyki // *LingVaria*. Kraków, 2019. T. XIV, 1 (27). S. 183–199.
- Konczewska 2021 — *Konczewska K.* Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie. Kraków, 2021.
- Magris 2016 — *Magris C.* O demokracji, pamięci i Europie Środkowej. Kraków, 2016.
- Morita 2004 — *Morita K.* “Mowa prosta” na Kresach Wschodnich w aspekcie historycznym // *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność* / pod red. A. Kuczyńskiego, M. Michalskiej. Wrocław, 2004. S. 151–159.
- Nikitorowicz 2000 — *Nikitorowicz J.* Młodzież pogranicza kulturowego Polski, Białorusi i Ukrainy wobec integracji europejskiej. Białystok, 2000.
- Romer 1920 — *Romer E.* Prace geograficzne, Zeszyt VII. Spis ludności na terenach administrowanych przez zarząd cywilny ziem wschodnich (grudzień 1919) z mapą. Lwów, 1920.
- Rusek 2003 — *Rusek H.* Tożsamość pogranicza. Wprowadzenie // *Archiwum etnograficzne*. Wrocław, 2003. T. 41. S. 8–10.
- Rykiel 2011 — *Rykiel Z.* Koncepcje pogranicza i peryferii w socjologii i geografii // *Peryferie i pogranicza. O potrzebie różnorodności* / pod red. B. Jałowieckiego, S. Kapralskiego. Warszawa, 2011. S. 55–64.
- Smułkowa, Engelking 2007 — *Smułkowa E., Engelking A.* Uwagi o metodzie badań terenowych na pograniczach Białorusi / *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej* / pod red. E. Smułkowej, A. Engelking. Warszawa, 2007. S. 15–18.
- Straczuk 2006 — *Straczuk J.* Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006.
- Thije 2013 — *Thije J. D.* Lingua Receptiva (LaRa) // *International Journal of Multilingualism*. London, 2013. T. 10. S. 137–139.
- Thomason 2001 — *Thomason S.* Language contact. Edinburgh, 2001.
- Wiemer 2003a — *Wiemer B.* Zur Verbindung dialektologischer, soziolinguistischer und typologischer Methoden in der Sprachkontaktforschung (am Beispiel slavischer und litauischer Varietäten in Nordostpolen, Litauen und Wießrußland // *Zeitschrift für Slavistik*. 2003. T. 48 (2). S. 212–229.
- Wiemer 2003b — *Wiemer B.* Mowa prosta: Präliminaria zu einer strukturellen Beschreibung // *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 6* / pod red. R. Blankenhorn, J. Błaszczak, R. Marzari. Munich, 2003. S. 227–237.
- Wiemer, Erker 2011 — *Wiemer B., Erker O.* Manifestations of areal convergence in rural Belarusian spoken in the Baltic-Slavic contact zone // *Journal of Language Contact*. 2011. T. 4 (2). S. 184–216.

- Weinreich 1953 — *Weinreich U.* Languages in contact, findings and problems. New York, 1953.
- Wiśniewski 1964 — *Wiśniewski J.* Rozwój osadnictwa na pograniczu polsko-rusko-litewskim od końca XIV do połowy XVII wieku // *Acta Baltico-Slavica*. Białystok, 1964. T. 1. S. 115–135.
- Wróblewski 2007 — *Wróblewski P.* Mobilizacja i konflikt etniczny. Miejsca święte mniejszości narodowych w Polsce. Warszawa, 2007.
- Woolhiser 2008 — *Woolhiser C.* Convergent and Divergent Innovation in the Belarusian Dialects of the Białystok and Hrodna Regions: A Sociolinguistic Border Impact Study // *American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008* / eds. C. Y. Bethin, D. M. Bethea. Bloomington, 2008. V. I: Linguistics. S. 245–264.
- Zajas 2012 — *Zajas K.* Widnokreği literatury // *Na pograniczach literatury* / pod red. J. Fazana, K. Zajasa. Kraków, 2012. S. 5–13.

Summary

Katarzyna Konczewska

Cross-border Polish-Belarusian Language Contacts Based on Field Research Materials

The paper presents language contacts in the Polish-Belarusian border area based on the intermediate results of field research in a poorly studied locus conducted in 2015-2019. Uneven processes of settlement of this territory, historical events and political circumstances influenced the formation in the studied area complicated sociolinguistic situation. Currently, representatives of different nationalities and faiths live in here, as well as have been preserved settlements of small-land gentry (*szlachta*). The author of the paper characterizes the sociolinguistic situation of the studied locus, presents its language codes and gives examples of dialect texts.

Keywords: Polish-Belarusian language contacts, methodology of dialect research, Polish-Belarusian borderland, Grodno Region

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диалектный материал²⁴

Белорусская православная деревня: Семеновка (Сямёнаўка) (перед войной жили на сегодняшней польской стороне, в деревне Юровляны, после войны были насильно вывезены):

Колькі лет прашло... Граница недалёка хаты ішла. Акурат было пасля вайны. Усю вёску нас выгналі. Нас усіх павыкідалі істуль, усіх да аднаго чалавека. Казалі, шэйсят пяць чалавек было. Некаторых людзей чераз вокны выкідалі. Самі не хацелі. Прывязлі ў хату, тут былі пустыя, што людзі павыягджалі ў Польшу, і пасялілі нас. І мы дзесяць лет у ёй жылі, там людзі добрыя былі, польскія, мы былі праваслаўныя. А потым бацькі купілі хату і гарод, і мы пераехалі, і жылі у сваёй. Да калхоза конь был свой і зямля, а потым забралі, усё пашло пад калхоз, трэба было здаваць гасударству. У калхозе давалі соткі на картошку. Была вялікая вёска, а ціпер нас асталося толькі чатыры чалавекі, больш няма нікога, усе нашы там ляжаць на горцы²⁵.

Польская православная деревня: Гаркавичи (Harkawicze)

Гаркавічы была багатая вёска. У кожнага была зямля, з зямлі жылі. Усяляк было (зямлі), і па дзесяць, і па дваццаць, усялякія былі, і бедныя, і багатыя. Найменш было шэсць гектараў, а найбольш дваццаць. Бацькі працавалі, а мы памагалі, кароў пасвілі. Коньмі рабілі. Трэба было ўсё мець, многа прадавалі. Хто як даваў рады, так рабілі. А цяпер самаход усё прывозіць, і хлеб, і да хлеба. Тут ёсць пару гаспадароў, што каровы маюць, адзін хлопец мае дзве, а другі дзевяць. Тут сядліско толькі засталася, дзеці паехалі ў Беласток, там лягчэй жыць, чым на вёсцы. Да мяне прыезджаюць, прывозяць, што трэбо, на зіму забіраюць, на весну ізноў прывозяць.

*

Велькая вёска была Гаркавічы. Адзін буў старэйшы за мяне чалавек, радзіўся перад вайной, то казаў, што шэйсот чалавек пред вайной было. А па вайне прыехаў такі называлі яго паўнамочаны, а што гэта значыць, не знаю. Ну і нагаварваў, што будзе велькая дабрата, як паедуць в Расею. А гдзе захочаш, там сядзеш, хочаш у горадзе, хочаш у вёсцы. Усе згадзіліся быць у вёсцы. Ну вось тут у гэтай хаце, што ў Вас за плячыма, яшчэ

²⁴ Оригинальные тексты, записанные на диктофон, приводятся в полуорфографической записи.

²⁵ Кладбище сразу за деревней, на пригорке.

я з мамай хадзіў на пасядушкі. Майго бацька забралі на цвічэня прад вайною, гэта значыць, як рускія прыйшлі, сорак каторыць рок, я меў два з паловай лет, і не вярнуўся.

Польская католическая деревня: Минковцы (Minkowce)

Zaczynali pracować od siedmiu lat. Mój syn też od siedmiu lat zaczął. Bo tak: krowy z rana to nie, bo do szkoły. A po południu przychodził ze szkoły i za krowami, a krowy były daleko, a droga nie na wprost, a kręta. I tak dzień u dzień pas krowy. Deszcz ni deszcz, pioruny, grzmoty. I mnie stawiali w ten owies malutką. Nie tak jak dzisiaj wczasy i rowerki, i wakacje. Wszystko koniem, koniem uprawiali. Sadzili żyto, owies, jęczmień, wszystko robili swoje, groch siali. Pęczak był swój. Była taka stupa drewniana, jakby w pniu, dziura i taki gruby kij i tak się tłukło i ten pęczak wychodził. A potem do młyna jeździli. Każdy musiał mieć konia i krowy. A potem jak wszystko zabrali, to zostali hołoty jak stoim. Ja dopatrzyła tatę i mamę jak mogłam. Kurki miałam, świniaka spoczątku. Ziemi już mało było, hektar, to wszystkiego potrochu. Takie oto życie było. Bili się jak ryba o lód. Sierpami żęli i kosami kosili. Ja jeszcze na zarobki chodziła z sierpem, jak świtało. To byli cuda już, jak kosą. A moja mama i ja sierpem.

Белорусская католическая деревня: Остапковицина (Астапкаўшчына)

Oj tu moja pani już nie ma nikogo swoich. Duża wieś była, bolsz sta domów, a teraz o nikogo nie ma. Ot daczniki kuplajut domy. Tam na końcu jeszcze pan Jan żyje, osiemdziesiąt lat ma, ale on nie nasz, on za Teklaj w prymy przyszedł. A ta Adela też nie nasza, ona tu wyszła za Ziutaka. Kiedyś wesolo było, na tańcy zbiralisa ot tu nad rzeką po pracy. A potem przyszli pierwsze sawiety i zabrali ot tam sołtysa, kazali kułak. Cała rodzina zabrali, to oni już nie wrócili. A potem Niemcy byli. Nie u nas nie dużo, u nas Żydów nie było, oni tam dalej. A jak drugie sawiety byli, to zabrali tu Tadzika, jego Niemcy postawili za sołtysa. To on potem tam jak posiedział w łagrach, to pojechał do Polski, a jego żona z dzieckiem tu żyła, a potem do niego do Polski pojechała.

Белорусская шляхетская околица: Петельчицы (Пяцельчыцы)

Jestem pochodzenia szlacheckiego, wysokiego, polskiego bardzo. Nasza miejscowość my wszyscy lubili po polsku, pięknie rozmawiali. Tu na wsiach są Polaki, ale takie białoruskie Polaki. U nich takie słowa wywrotne są, nie szlacheckie. U nich takie proste słowa: “zausze”, “pajszou”, “kała bregu”,

takie wywrotne słowa. Nie powie “krowa” czy “krówka”, nie ma mowy, a “karawe”. A u nas w Zaniewiczach, to tam już inteligencja, to co innego. Petelczyce też okolica, Poczobuty taka słynna miejscowość, Ignatowicze, Ejsmon-te Małe. A wsi tutaj, to Wiśniówka, oni tam zupełnie pod granicą mieszkają, tam druty zaraz za ogrodami, tam takie białoruskie ludzie, jak i za granicą jest, o tu Kuźnice. W okolicach pięknie po polsku rozmawiają. Chociaż teraz też nie zawsze pochwalić można. Młodzież czasem w ogóle nijaka robi się, pozarzucali się, z cudzymi pobierają, mówią tak: “Aby czołowiek dobry był, aby dobrze żyć było”, nie pilnują się. Córka mojej siostry wyjechałszy jest do pracy, ale umie po polsku, matka nauczyła. Tylko teraz wiadomo jak w pracy, trzeba po rosyjsku. A tu w okolicy dookoła były wsi, no to tu były polskie ko-biety, ale tak po prostu mówili: nie “podjadł”, ale “padjeu”, nie „nagotowała”, a “nawaryła”, nie “pójdziem paść”, a “pojdzem paswic’ karowy”. Nie takie kulturniejsze, delikatniejsze słówka, a takie o.

*

Swoje lepsze. Mleczko jakie chcesz, śmietanka, maselko. Pyszne maselko było swoje, takie żółte, ładne. Robili tak: śmietana stawiano takie banieczki dziesięć litrów, w dole był kraniczek, wtedy lepiej odbierała się śmietana. Mleko zejdzie, widzisz tam w okienku, że już śmietana poszła, to zlewasz do słoika. Zbierasz żeby więcej, tam sześć litrów. I była taka bojka drewniana, jak beczułka, wysokowata, dębowa przeważnie, bo zapachu nie zbiera. Zakrywało się i ręcznie biło się, zależy jak gęściejsza śmietana i w cieplejszym, to szybko tak, gdzieś z pół godziny. Masło jak zbije się, to wtedy tak z wierzchu będzie. Jeżeli zimna taka była śmietana to wtedy masło takimi krupkami, to troszkę wlewasz gorącej wody, kubeczek-pół kubeczka i ono wtedy cieplejsze pójdzie do wierzcha. Wtedy nachylisz i ta maślanka zleje się, albo pili ją, albo świniakom wylewali. A maselko do takich foremek drewnianych kładli, takie po pół kilo może. A twaróg to odbierze się śmietana, a te mleko stawia się, by skwaśniało. Jak skwaśnieje to wiadro mleka, to wtenczas w rondel, stawisz w piec, żeby wytopiło się. Szyli klinki takie lniane, to do takiego klinka, trocha przysolisz do smaku, przyłoży się czymś i gotowy serek.

Польская шляхетская околица: Уснаж Гурны (Usnarz Górny)

Mój pradziadek pochodził z niezamożnej rodziny z Rzepowicz²⁶. Ale ożenił się był z panną tu z Dolnego Usnarza, ta miała gospodarstwo duże, i jeszcze miała

²⁶ В настоящее время находится на белорусской территории, сразу же за приграничной нейтральной полосой.

brata takiego małoletniego. To przez ileś lat pradziadek tam pogospodarzył, jakąś tam sumę pieniędzy zaoszczędził. Później już dorósł ten jego żony brat, musiał ustąpić z tego gospodarstwa. A tu akurat było po powstaniu styczniowym, i on zakupił ten cały majątek z zabudowaniami. I miał pięciu synów, a kiedyś było tak, że musiał pannę wziąć z posagiem. I było powiedziane, że każdy ma przynieść tysiąc rubli posagu, to było dużo pieniądze. I za te pieniądze nie przehulać, ale kupić ziemi kawałek. No to czterech posłuchało, ożeniło się, a piąty nie posłuchał, bo jego żona była biedna, służąca była, no to na statek i uciekł do Ameryki. I tak jeszcze dokupywali tej ziemi, dwieście hektary było jakoby, komasacja przysłała w 1938, to rozdrobnili te gospodarstwa dla dzieci wszystkich. U mnie tu chyba piętnaście hektary z bratem. Trocha dokupiłasia tutaj ziemi. Ja tu dokupił i na syna przekazał.

Н. Д. Матиив
(Армянск – Симферополь)

Германизмы в говоре жителей центральной Бойковщины

В статье анализируются заимствованные немецкие словесные единицы, функционирующие в центральной части бойковского говора юго-западного наречия украинского языка. Германизмы в составе лексики, в частности наименования явлений и вещей, признаков и действий, а также фразеологии, паремиологии и других изречений, связанные с бытом и родом деятельности (ремеслами, сельским хозяйством, строительством) жителей Восточных Карпат, преимущественно поддались фонетическим и словообразовательным субституциям, сузили или изменили свою семантику. Незначительная часть иноязычных элементов остается в говоре без изменений.

Выявлены в заимствованиях изменения лексического значения слова в пределах одного действия, фиксируется полисемия и реже омонимия, отмечено дублирование немецких слов украинскими языковыми единицами в лексикализованных сочетаниях.

Как результат взаимодействия бойковского диалекта с немецким языком (диалектами) в процессе длительного контактирования, в речи бойков закреплено довольно большое количество иноязычных слов; утерявшие связь с языком-источником, они для коренных обитателей горной местности являются составным компонентом украинского национального языка.

Материалом для данной работы стала часть диалектного словарного состава языка (заимствования с выявленной суженной или измененной семантикой и др.), собранного автором за три десятилетия по методике стационарного наблюдения в режиме свободных повествований (спровоцированных вопросами-ориентирами) от представителей разных поколений в 30-и населенных пунктах (Сколевский район, Львовская область, Украина).

Ключевые слова: бойковский говор, германизмы, заимствования, лексика, фонетические варианты, фразеология

Особое воздействие на бойковский говор юго-западного наречия украинского языка оказал немецкий язык (диалекты) в периоды экономических и политических контактов. Лингвисты, изучая тематический состав лексики, установили периодизацию заимствований (X–XI вв.;

XII–XIII вв.; XIV–XVII вв.; XVIII в.; XIX — нач. XX в.; 20–40-е гг. XX в.; 50-е гг. XX в. — по настоящее время), по данным словарей определили в современном украинском языке около 1 000 немецкоязычных лексем (не учитывая терминологии специальных наук или отраслей производства¹) и отметили при этом, что их целиком усвоил украинский язык [Муромцева, Скачкова 2004: 742–743].

В исследованиях последних шести десятилетий прослежено функционирование немецких лексических единиц в говорах юго-западного наречия на разных языковых уровнях [Рот 1961; Онишкевич 1970; Коцеган 1997; Major 1999; Wilpert 2003; Navryliv 2008; Пиц 2010; Лопушанський, Пиц 2011; Нечаєва 2014; Пиц 2015; Іваночко 2015 и др.]. Рассмотрена вариантность германизмов в украинских диалектах юго-западной группы и осуществлено сопоставление их фонетики и семантики в синхронии и диахронии с немецкими соответствиями [Пиц 2011].

Объектом нашего внимания являются заимствования из немецкого языка в говоре жителей центральной Бойковщины — горной местности Львовской области, соседствующей с Ивано-Франковской и Закарпатской областями². Материалом для данной работы стала часть диалектного словарного состава языка, собранного автором за три десятилетия по методике стационарного наблюдения в режиме свободных повествований (спровоцированных вопросами-ориентирами) от представителей разных поколений в 30 населенных пунктах³ [Матіїв 2013].

Анализ показал, что германизмы в составе лексики, в частности наименования явлений и вещей, признаков и действий, а также фразеологии, паремиологии и других изречений, связанные с бытом и родом деятельности (ремеслами, сельским хозяйством, строительством) жителей Восточных Карпат, преимущественно поддались фонетическим и словообразовательным субституциям, сузили или изменили свою семантику.

¹ Е. Росберг подает список в количестве 404 разноотраслевых ремесленных германизмов, выбранных из словарей литературного украинского языка XX в., см. [Пиц 2015: 21].

² В Украине бойки проживают примерно в 355 населенных пунктах названных областей (по нашим подсчетам по [Українська РСР 1987]).

³ Вёрхне Синьовідне, Вёрхня Рожанка, Верхнячка, Волосянка, Головецьк, Грабовець, Гребенів, Дубина, Жупани, Кальне, Кам'янка, Козеве, Коростів, Корчин, Лавочне, Либохора, Межіброди, Нижня Рожанка, Опорець, Орява, Плав'я, Ріків, Славське, Тёрнівка, Труханів, Тухля, Урич, Хашоване, Хітар, Ялинкувате Сколевского района.

Функционируют слова, которые можно сравнить со словесными единицами немецкого языка⁴: *váлах* ‘кастратор самцов домашнего скота’; употребляется как ругательное слово⁵ (нем. австр. *Wallach* ‘мерин’ (здесь и далее используется [БНРС 2000]); *гайцува́ти* ‘подбрасывая дрова в печку, сильно разжигать огонь’ (нем. *heizen* ‘топить, отапливать; обогревать, нагревать’); *гонт* ‘кровельные колотые дощечки, заостренные с одной стороны и с вырезанными углублениями для сочленения друг с другом — с другой’⁶ (ср. нем. *Gang, Gänge*, тех. ‘шаг (резьбы); ход (винта)’); *тра́йцмай-зиль* ‘зубило’ (нем. *Creisen*, геол. ‘грейзен’ + *Meißel* ‘резец; зубило, долото’); *грасува́ти* ‘покрывать поверхность стены, потолка слоем штукатурки’ [в западной части Бойковщины употребляется выражение *грасува́ти бу́льбу* ‘рыхлить почву, из которой проросла картошка’] (нем. *kratzen* ‘царапать; скрести, скоблить’); *драб*, пренебр. ‘бедняк’ (нем. *Trappe* ‘увалень; нерасторопный [беспомощный] человек, рохля’; ‘остолоп, бестолочь’); *закáтпрений* ‘не достигший нормального умственного развития’ (ср. нем. *Kater*, разг. ‘похмелье; тяжелая голова (с похмелья)’); *замельдува́ти* ‘заявить, подать жалобу работникам правопорядка’; ‘тайно донести кому-нибудь (преимущ. представителям руководящих органов) сведения с обвинением кого-нибудь в чем-л.’ (нем. *melden* ‘сообщать; извещать, уведомлять’); *кацаба́йка, кацаве́йка* ‘короткая мужская или женская верхняя одежда’; ‘жилетка’ (нем. *kurz* ‘короткий’ + *Voil* ‘фланель (также шерстяная), байка’); *кра́че*, в знач. сказ., уст. ‘чувствовать боль (при расчесывании волос)’ (нем. *Grauen* ‘ужас, страх, боязнь; отвращение’); *ли́тарь* ‘брус в конструкции моста’; ‘подкладка под дрова, колоды и т. п.’ (нем. *legen* ‘класть, положить, укладывать’); *мус₁* ‘обязанность’; *мус₂*, в знач. сказ. ‘надо, необходимо’ (нем. *müssen* ‘быть должным, быть вынужденным’; ‘нужно же было...’); *ни́кати, ни́пати* ‘рыскать; искать’; преимущ. пренебр. ‘бездельничать, слоняться’ (ср. н.-нем. *Nipp* ‘нос; клюв’); *раби́ице́р*, охот., уст. ‘стойкий и непреклонный охотник’ (ср. нем. *Rang* ‘степень, класс, разряд’ + *schießen* ‘стрелять (в кого-л., во что-л., по кому-л., по чему-л.)’;

⁴ В работе не дается освещение проблемы опосредованного заимствования, соответствия с другими языками (диалектами), например: *мери́ндзя*, уст. ‘пицца’ (бав. *Merend* ‘полдник (с кофе)’, рум. *merinde* ‘провизия’, слц. *merinda* ‘провиант’).

⁵ Рассматриваем заимствования с выявленной суженной или измененной семантикой (кроме нескольких слов), а также словесные единицы (выражения), зафиксированные нами впервые.

⁶ Как правило, *гонтой* покрывали церкви, а жилищные строения — *бранкой*, колотыми дощечками (без заострения с одной стороны и углубления — с другой).

райзува́ти, лес., уст. ‘спускать древесину в горной местности (целые деревья, колоды и т. п.) по специальной деревянной конструкции (в виде желоба)’ (нем. *reißen* ‘тянуть, тащить; рвануть’, ‘дергать’); *фа́ндлик* ‘малая сковородка для поджаривания сала, лука и др.’; перен. ‘лицо человека’ (нем. *Pfanne* ‘сковорода; противень’); *фи́рџи* ‘шутки; ухаживания’ (ср. нем. *tirilieren* ‘петь, свистеть (о птицах)’); *фи́фолотинь*, преимущ. пренебр. ‘безответственный человек’ (ср. нем. диал. берл. *Fiest* ‘дурак’; н.-нем. разг. *fäzig* ‘грубый, неотесанный, невоспитанный, некультурный’); *фльо́кавка*, ирон. ‘гладкоствольное ружье (преимущ. в плохом состоянии, вызывающее отрицательную оценку)’ (нем. *Flinte* ‘ружье’); *фра́ер* ‘человек, который педантично следит за своей внешностью’ (нем. *Freier* ‘жених’); *фу́ра* ‘воз, подвода’; ‘груз (как мера; сено, снопы, солома), который может везти пара лошадей’ [груз, который может везти одна лошадь, называется *однóкинка*]; ‘грузовик с длинным закрытым кузовом’ (нем. *Fuhre* ‘воз, подвода, повозка’; н.-нем. *Föhr* ‘воз’); *фурéмний* ‘некрасивый’; перен. ‘побитый’ (нем. *furchig* ‘изборозженный морщинами, сморщенный’); *ца́нкати* ‘грубо, резко возражать на справедливое замечание’ (нем. *zanken* ‘ссориться, спорить, пререкаяться, браниться (с кем-л., из-за чего-л.); ‘бранить, выбранить, отругать (кого-л.)’); *шанс*, *шанц* ‘углубление, заросшее кустами’; ‘длинное углубление, выкопанное в земле’ (нем. *Schanze* ‘земляное укрепление; окоп’); *швиц* ‘много работы (преимущ. требующей быстрых движений)’ (нем. *schwitzen* ‘потеть над работой’); *шпарівній* ‘бережливый, экономный’; ‘труженик’, *шпарівник* ‘бережливый, экономный человек’ (нем. *sparen* ‘копить, откладывать (деньги)’; ‘беречь, экономить’); *шпарува́ти* ‘ровно обтесывать колоды или доски для плотного прилегания между собой’ (нем. *spalten* ‘колоть, раскалывать’; ‘рассекать; делить; расщеплять’); *шпа́тник* ‘узкая планка в виде треугольника для крепления стекла на окне’ (нем. *stecken* ‘втыкать; всовывать, засовывать; вкладывать; вставлять’); *шма́ма* ‘срезанное дерево, имеющее большую длину и толщину’ (нем. *Stamm* ‘ствол; бревно; дерево; пень’); *шуба́ти*, *шубува́ти*, лес. ‘подвигать один конец колоды *цапиною*’⁷ (нем. *Schub* ‘толчок, сдвиг’) и др.

Слова-источники укоренились в говоре частично без изменений,

⁷ Инструмент для перемещения колод, представляющий собой насаженный на длинное древко кованый в виде утолщенной толстой пластины стержень с загнутым заостренным концом с одной стороны (форма клюва) и обухом — с другой. (Семантика реестровой единицы *цапина* в СУМ не совсем корректна — ‘*диал.* тичка із залізним гаком [шест с железным крюком. — Н. М.]; багор’, см. [Тараненко 2014: 83].)

например, *garáus, taráus*, межд. ‘в верхнюю часть чего-либо; вверх’; лес. ‘осторожно!’; в знач. сказ. — употребляется для обозначения неожиданно-го действия; редко, межд. — употребляется как требование немедленно уйти, убраться (нем. *Garaus: jemandem, einer Sache (Dativ) den ~ machen* разг. ‘доконать, прикончить кого-л.; покончить с кем-л., с чем-л.’); *люфт* ‘отверстие для вытяжки спертого воздуха в погребе, подвале и т. п.’; ‘отверстие в печке для выпуска дыма в дымоход’; ‘отверстие в погребе для засыпки овощей’ (нем. *Luft* ‘воздух; ветер’); *фэ́рміт*, в знач. сказ. ‘необходимо остановить что-либо; довольно! хватит!’; ‘завершение, окончание чего-либо; конец’ (нем. *fertig* ‘готовый’; тех. ‘чистой, окончательный’), однако большинство заимствованных слов, как сказано выше, изменялось на основе фонетических и словообразовательных субституций: *блѳзнути* ‘произнести что-нибудь лишнее; сказать некстати, не вовремя’ (нем. *Blödsinn* ‘бессмыслица; чушь’); *брѳтв́анка* ‘неглубокая посуда из листового железа с согнутыми краями для выпекания хлебобулочных изделий’ (нем. *Bratofen* ‘духовка’; *Bratpfanne* ‘(глубокая) сковорода’); *дилі́на, диль* ‘разрезанное вдоль бревно для настила в сарае’, *дѳлі́ци*, уст. ‘деревянные кольца, предназначенные для крепления частокола’ (нем. *Diele* ‘доска, половица’; н.-нем. ‘пол’); *дилѳв́ати* ‘настилать древесиной заболоченную дорогу’ (нем. *dielen* ‘настилать (пол)’); *т́ара* ‘воз, приспособленный для перевозки овощей без тары’ (нем. *Karre* ‘тачка; тележка; вагонетка’); *канарі́ти* ‘ломать, разрушать что-нибудь; уничтожать’; ‘бедствовать, мучиться’ (нем. *kapores* ‘сломанный, испорченный; конченный, погибший’); *тири́ляти* ‘гнать быстрым бегом (преимущ. крупный рогатый скот)’ (нем. *treiben* ‘гнать’, ‘подгонять’); *фля́нецъ* ‘саженец’ (нем. *Flanze* ‘растение’); *цѳ́льта* ‘уплотненная льняная грубая или тонкая ткань’; ‘джинсовая ткань’, *цѳ́льтѳ́вий* ‘сшитый из тонкой льняной уплотненной ткани’, *цѳ́льтя́ники* ‘брюки, сшитые из джинсовой ткани или тонкого льняного полотна’ (нем. *Zelt* ‘палатка; шатер, шалаш; юрта, кибитка; чум; вигвам’); *шмі́ра́к, шмі́ргиль*, преимущ. пренебр. ‘неаккуратный человек, в испачканной мазутом рабочей одежде’ (нем. *Schmierer* ‘смазчик’; разг., пренебр. ‘пачкун, мазила (о художнике)’).

Во избежание труднопроизносимых или не свойственных данному языку звуко сочетаний происходили эпентеза — появление в словах дополнительного звука или слога: *крѳ́са* ‘снежная насыпь в виде дуги’ (нем. *Kreis* ‘круг; окружность’); *дрѳ́татися* ‘вздрагивать’, ‘решаться на какой-то поступок’, ‘стремиться что-нибудь сделать’ (нем. *drehen* ‘вертеть, поворачивать, крутить’); *ладѳ́нок* ‘вещи, которые переносят или

Таблица

Фонетические ассоциации, адаптированные в языке-рецепторе

Нем. звук, дифт.	Укр. звук(и)	Слово, функционирующее в нем. языке	Диалектное усвоение
[a]	[йа]	<i>Laden</i> ‘лавка’, ‘магазин’	<i>ляда</i> ‘прилавок в магазине’
[a]	[йу]	<i>shlagen</i> ‘бить’, ‘ударять’	<i>шлюгати, шлюкати</i> ‘наносить удары чем-л. гибким’
[ä]	[a]	<i>mähen</i> ‘косить’	<i>ма́хати</i> ‘срезать, рубить косой (траву, злаки)’
[e]	[a]	<i>treffen</i> ‘попадать (в кого-л., во что-л.)’; ‘поражать (кого-л.)’; ‘случаться; получаться’	<i>тра́фити</i> ‘попасть (стреляя или бросая)’; ‘достигая цели своего путешествия, прийти куда-то, оказаться в каком-нибудь месте’; ‘заметить, встретить кого-л. где-л. (преимущ. случайно, неожиданно)’
[e]	[и]	<i>schenken</i> ‘наливать (напиток)’	<i>шинкува́ти</i> ‘наливать спиртное; нарезать закуску (колбасу, ветчину и т. п.)’
[e]	[йа]	<i>schleppen</i> ‘(с трудом) тащить, тянуть; волочить’; ‘тащить на буксире, буксировать’	<i>шля́пати</i> ‘брызгать, обдавать болотом’; <i>шля́пнути</i> ‘резким движением вылить жидкость из ведра, кастрюли и т. п. (преимущ. малое количество)’
[ei]	[i]	<i>Schneiden</i> ‘резание, нарезание, резка; отрубка, обрезка’	<i>шинтува́ти</i> ‘обрезать дерево’
[f]	[в]	<i>fallen</i> ‘падать’; ‘спускаться’	<i>вали́ти</i> ‘падать (о дожде, густом снеге)’; пренебр. ‘идти, двигаться в каком-то направлении (о ком-л.)’; лес. ‘спиливать, срубить лес’
[f]	[х]	<i>duften</i> ‘благоухать; (хорошо) пахнуть (чем-л.)’	<i>ду́хтати</i> ‘душиться (духами, чем-л. душистым)’
[h]	[г]	<i>halten</i> ‘удерживать, задерживать’	<i>гальтану́ти</i> ‘заставить кого-либо остановиться’

Нем. звук, дифт.	Укр. звук(и)	Слово, функционирующее в нем. языке	Диалектное усвоение
[h]	[л]	<i>Handtuch</i> ‘полотенце’	<i>лáнтух</i> ‘старое полотенце’; ‘неполный мешок с овощами’; ‘неповоротливый, непрворный человек’
[i]	[йа]	<i>Klinke</i> ‘(дверная) ручка (нажимная)’	<i>кля́мка</i> ‘то же’; ‘устройство для запираения дверей в помещениях, дверец шкафа, сундуков, ящиков; замок’
[ie]	[у]	<i>dienen</i> ‘служить, находиться на службе’	<i>ду́нати, ду́драти</i> ‘то же’; ‘медленно что-л. делать’
[k]	[г]	<i>lecken</i> ‘лизать, облизывать, вылизывать; прилизывать’	<i>лі́гати</i> ‘глотать (движением мускулатуры горла проталкивать что-нибудь из полости рта в пищевод и желудок)’, ‘сглатывать’
[l]	[г]	<i>Lust</i> ‘радость, удовольствие; наслаждение; услада’; ‘желание, стремление, охота’	<i>густ: ма́ти густ</i> ‘иметь большое желание (преимущ. поесть, выпить спиртного)’
[o]	[и]	<i>gondeln</i> , шуtl. ‘ходить, ездить (без определенной цели)’	<i>гіндати</i> ‘медленно идти, плестись’, ‘ходить, наклоняясь из стороны в сторону’
[o]	[у]	<i>stoßen</i> ‘толкать; пихать; ударять, наносить удар; бить (напр. по мячу)’	<i>иту́сати</i> ‘толкать кого-либо; пихать’
[ö]	[о]	<i>Förster</i> ‘лесничий’	<i>фо́рштер</i> , уст. ‘то же’
[s]	[ш]	<i>Spur</i> ‘след, отпечаток’; ‘лыжня’; ‘колея’	<i>шпуг</i> ‘искусственно сделанная колея в большом снегу для облегчения транспортировки лошадьми древесины’; ‘след от саней в большом снегу’
[ß]	[ц]	<i>Kloß</i> ‘клецка’	<i>кля́чки</i> ‘шарики из теста, сваренные на воде’
[ü]	[у]	<i>schüren</i> ‘мешать угли’	<i>шурува́ти</i> ‘то же’, пренебр. ‘бежать, быстро проходить’

предназначены для переноса'; 'пища в дорогу' (нем. *Ladung* 'нагрузка, погрузка; загрузка'; 'груз, кладь'); *рихтува́ти* 'ремонттировать' (нем. *recken* 'вытягивать, растягивать'); д и е р е з а — потеря звука или слога в слове: *гадрéнный* 'очень сердитый человек'; 'подлый, недостойного поведения', *гадриско* 'очень злая и коварная женщина; зачинщица конфликта, ссор' (нем. *Haderer* 'спорщик, задира'); *габлати* 'трением обо что-нибудь повреждать тело (преимущ. стопы ног)'; 'кормиться на пастбище бедной на урожай травой (о домашнем скоте)'; 'с трудом косить недостаточно острой косой'; 'строгать неострым рубанком' (нем. *hobeln* 'строгать'); *фли́нда, фли́нтус, флинтя́к, фльонда́* 'человек, который сквернословит'; употребляется как ругательное слово (нем. *Flatterer* 'ветреник, легкомысленный человек'); *швэ́кати* 'наносить удары, ударяя чем-нибудь гибким'; 'резко махать чем-нибудь гибким, создавая звук'; *швэ́кає*, несов. 'махать хвостом (о корове)' (нем. *schwenken* 'махать'). Случаи метатезы в говоре единичны.

Звуки, слоги и целые морфемы слов иноязычного происхождения (аффиксальные и корневые) заменены общеукраинскими и диалектными словообразовательными средствами.

Варианты восприятия звуков языка-источника носителями диалекта центральной части Бойковщины приводим в таблице.

Приведены только те фонетические варианты в структуре заимствованных слов, которые можно подтвердить несколькими примерами. При этом не учитывались новые записи словесных единиц от респондентов с речевыми индивидуализмами (узкодialeктными или идиолектными образованиями; в процессе сбора и анализа принимаются во внимание положения, изложенные в трудах А. Ф. Журавлева: «Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра)» [Журавлев 2018: 171–187]; «Лексикографические фантомы» (по материалам «Словаря русских народных говоров» [Журавлев 1995–2017]), например, жители села Лыбохора *ци́нцы* 'металлический инструмент с загнутыми внутрь концами для захвата и выдергивания гвоздей' называют [об^нци́нгли] (нем. *Zange* 'клещи'), а идиолектное [об^нце́ньки], слышимое от коренной жительницы Марии Рыбак на протяжении всей ее сознательной жизни (1930 г. р.; со здоровым умом и развитой речью), вызывают у них насмешку.

Фонетическая вариантность в диалектной языковой практике может быть неоднородной и незакономерной, ср., например, параллельное функционирование в речи столяров *о́берліфт* и *о́берліхт* 'окошко над дверью, которое входит в дверную коробку' (нем. *Oberlicht* 'верхний свет; окно

[фонарь] верхнего света’). В данном случае логику речетворчества носителей диалекта можно усмотреть: непонятное нем. *Licht* ‘свет, освещение’ замещает известное *лифт*, никак не связанное при этом с источником света.

М. П. Кочерган, исследуя германизмы в юго-западных говорах украинского языка, обратил внимание на слова, заимствованные только в одном или нескольких значениях при их более широкой полисемии в немецком языке, а также на суженную, расширенную и измененную семантику [Кочерган 1997: 22–23]. В говоре центральной Бойковщины наблюдается следующее: 1) частично измененное значение в языке-реципиенте: *ányuť* ‘старая одежда’ (нем. *Anzug* ‘одежда, костюм (мужской)’); *paýzuváti*⁸ ‘двигаться беспорядочно, поспешно или озабоченно’; пренебр. ‘часто путешествовать, ездить куда-нибудь’; ‘совершать какое-л. дело, требующее многих хлопот, усилий’ (нем. *reisen* ‘путешествовать, ездить’, ‘уезжать, отправляться в путь [в путешествие]’; ком. ‘быть коммивояжером’); 2) суженное значение: *mpáťati* ‘нести ношу (преимущ. тяжелую)’ (нем. *tragen* ‘носить, нести’; ‘носить (иметь надетым)’; ‘нести, поддерживать собою’); *цóťati* ‘немного подвигать тяжелый предмет (вперед или назад, насколько это возможно)’ (нем. *ziehen* [глагол сильного спряжения: *zieht, zog, gezogen*] ‘тащить’; ‘натягивать’; ‘извлекать’; ‘проводить’; ‘привлекать’; ‘растить’; шахм. ‘ходить’; ‘в различных фразеологических сочетаниях’); 3) измененное толкование (употребляется в значении, отсутствующем в языке-источнике): *záťma* ‘понуkanie к упряжным лошадям для поворачивания их направо’ (нем. *hüst* ‘налево!’ (понуkanie упряжных животных)). Для поворачивания лошадей в правую сторону логично могло бы использоваться нем. слово *recht* ‘правый (в противоположность левому)’ или, лучше всего, укр. *вправо* (*направо*); эти труднопроизносимые слова, видимо, не прижились, и в говоре закрепилось легкопроизносимое вышеназванное *záťma*⁹ с противоположной семантикой. Значение понукания *вісьма*, употребляемое по отношению к упряжным лошадям для поворачивания их налево, в речи жителей Бойковщины и в немецком языке совпадает (нем. *wist; wiste* ‘налево!, левой держи! (окрик кучера)’).

Изменение лексического значения слова может возникать в пределах

⁸ В «Словнику бойківських говірок» М. И. Онишкевича фиксируется только в значении ‘ездить’, ‘путешествовать’ [Онишкевич 1984].

⁹ В надднестровском говоре (приблизительно 80 километров по прямой) *nimú záťmu* — ‘умереть’ (*Пішів мій уїко* [брат по матери. — Н. М.] *záťmu*).

одного явления, действия и др., например: *дзигáрок* ‘часы’ (нем. *Zeiger* ‘стрелка (часов, весов, прибора)’); *порази́тися*, только прош. ‘бреясь, порезаться бритвой’ (нем. *rasieren* ‘брить’); кошку выгоняют (прогоняют) пугающим приказанием *кау!*, понимая под этим ‘прочь! убегай!’ (нем. *Katze* ‘кошка’).

В заимствованиях наблюдаем полисемию и реже омонимию, например: *кля́мбра* ‘скрепа, скоба’; ирон. ‘пожилая женщина’ (нем. *Klammer* ‘скоба’, ‘зажим’); *кля́мна* ‘старая, немощная лошадка’; ирон. ‘худая женщина’ (нем. *klimmen* ‘карабкаться, взбираться, лезть’); *фуйст*₁, нареч. ‘в большой мере; особенно, чрезвычайно’; *фуйст*₂, в знач. числ. ‘в большом количестве; много’ (нем. *fest* ‘твердо; крепко, прочно’; ‘плотно; туго’).

Образованы новые дериваты от однокоренных слов, например: *пуцува́ти*, лес., уст. ‘во второй раз обрубить ветки от ствола спиленного дерева (ровно, без выступов)’ > *пу́цпер* ‘работник, который качественно выполнял вторичную обрубку веток’ [зарплата *пу́цпера* была немного больше, чем у *уна́цпера*] (нем. *putzen* ‘чистить, очищать’); *уна́цувати*, лес., уст. ‘осуществлять первичную обрубку веток’ > *уна́цпер* ‘работник, который выполнял первичную обрубку веток’, *уна́цувати* > *уна́цовка* ‘действие по знач. *уна́цувати*’ (ср. нем. *späudig* ‘поспешный; торопливый’).

В ряде случаев одно и то же слово в разных исследованных населенных пунктах имеет неодинаковую семантику, например, в одних селах *лахáта* — это ‘лохмотья, ветошь’, а в других — ‘одежда’ (нем. *Lachen*, ю.-нем. ‘простыня’).

Слово *цинтóй*, в знач. сказ. ‘конец, смерть’ в говоре языка-реципиента является вульгарным и табуированным, тогда как в «Большом немецко-русском словаре» *Tod* ‘смерть’ сопровождается следующими функциональными определителями: *редко, б. ч.* (большей частью) *поэт.* (поэтическое слово (выражение)).

Наряду с прижившимися немецкими лексемами употребляются украинские слова с тем же толкованием: *ганц нóвий* ‘совсем новый, целый, неповрежденный’ (нем. *ganz* ‘целый, неповрежденный’); *ду́рх че́рез* (*Ду́рх че́рез по́ле пи́шов*) (нем. *durch* ‘через, сквозь’); *цурі́к наза́д* ‘понукание к упряжным лошадям поступиться в направлении, обратном первоначальному движению’ (нем. *zurück* ‘отходить (назад), отступать’). По нашему наблюдению, слова *ганц*, *ду́рх* жители исследованных сел толкуют с трудом, чего не происходит со словом *цурі́к* (напоминающим событие Второй мировой войны); отсутствует объяснение слова *софо́рт* (нем. *sofort* ‘сейчас, тотчас, немедленно, сию минуту’), которое нами выявлено толь-

ко в выражении *софóрт скóро* ‘немедленно, без задержки, сразу’ (*А той софóрт скóро забрáвся із селá*).

Германизмы, взаимодействуя с украинскими словами, укоренились в устойчивых словосочетаниях: фразеологических единицах, поговорках (по-словичах, поговорках, прибаутках) и других словесных формулах: *бiти на галя́рм* ‘объявлять тревогу’ (нем. *Geläut* ‘звон, трезвон (колоколов, колокольчиков, бубенцов)’); *блiзнути в óчи* ‘сказать правду, которая неприятная собеседнику’ (знач. слова *блiзнути* и его нем. эквивалент см. выше); *бóти* [быть, являться] *трiбoм* ‘в определенном порядке’, *пiти трiбoм* ‘пропасть без вести’ (нем. *treiben* ‘приводить в движение’, ‘изгонять, выгонять’); *брáти фúксом* ‘хитрить, обманывать’; лес.: употребляется как команда забить *цáпiну* (знач. слова *цáпiна* см. в сноске 7) в каток и подвинуть обухом колоду’ (нем. *Fuchs* ‘лисица, лиса’); *дáти в мáцьок* ‘ударить в живот’, *набiти мáцьок* [*мáцьок* ‘желудок’; ‘сальтисон’] ‘сытно поесть’ (нем. диал. *Mäbeli* ‘кусоч (нищи)’); *дáти гiцу (гiйцу)* ‘побить, отдубасить кого-либо’, ‘отругать, наказать кого-либо’ (нем. *heizen*; знач. слова *гайцу-вáти* и его нем. эквивалент см. выше); *жiти на решiфтi* ‘легко жить, иметь доход от перепродажи товара’ (нем. *Geschäft* ‘дело, занятие’, ‘дело, сделка, торговая операция’); *зайшли óчи бáхмарьoм* — о пьяном человеке (с пеленой в глазах) (нем. *bechern*, шутл. ‘выпивать, пьянствовать’; *Becher* ‘кубок; бокал; чаша; кружка; стакан(чик)’); *капарiти вiк (жiтiя)* ‘жить в бедности’ (знач. слова *капарiти* и его нем. эквивалент см. выше); *мáти гáндиль* ‘иметь проблемы, неприятности’ (нем. *Handel, Händel* ‘(неприятное) дело’); *мáти рixт* ‘быть правым’ (нем. *recht* ‘верный, правильный, подходящий; настоящий, истинный’); *на душi шканатiт* ‘испытывать угрызения, муки совести’, *шканатiти дýшу* ‘сильно ругать (критиковать) кого-нибудь’ (нем. *Skrupel* ‘сомнение, угрызение совести’); *напуцу-вáти нiсок* ‘нанести удары по лицу (преимущ. ладонью)’ (знач. слова *пуцу-вáти* см. выше); *прийшiв льoс* ‘вызов в суд, полицию, органы управления’ (нем. *lassen* ‘заставлять, велеть’); *шурувáти в óчи* ‘часто высказывать кому-либо недовольство по поводу чего-нибудь; упрекать’ (нем. *schüren* ‘разжигать, подстрекать’).

Бóйки мóцнi як обцiнгли [знач. слова *обцiнгли* и его нем. эквивалент см. выше] ‘бойки крепкие, сильные, как клещи’¹⁰; *лóтри* [*лoтp, лóтep* ‘бездельник, лентяй’ (ср. нем. *Latsche*, разг. ‘неряха; недотепа, безвольный че-

¹⁰ Версии происхождения этнонима бойки в работах исследователей см.: (Матiїв 2013: 6–7).

ловец, шляпа, тряпка’) *ни хódят у лáтри* ‘лентяи не ходят в лес по дрова’, *пiтiу лáтри* [*лáтра* ‘четыре складометра (2,8 кубометра) дров’] ‘пойти в лес заготавливать дрова’ (нем. *Klafter* ‘сажень (дров)’); *на, дурнiяку, з iв би-сь фúру* — говорят голодному подростку, который отказывается от угощения, *фúров ни об iхати* ‘о большом объеме, размере кого-, чего-либо’ (знач. слова *фúра* и его нем. эквивалент см. выше); *одiн кльóцик, дрúгий кльóцик* [уменьш.-ласк. к слову *кльоц* ‘обрезанный с обеих сторон и очищенный от веток ствол срезанного дерева’] — *лiсник мáс мотóцик* (нем. *Klotz* ‘колода, чурбан’); *фрац* [черт] *би тя взяв, фрац би тя кóпнув* [*кóпнути* ‘ударить ногой’] ‘пожелание кому-нибудь лиха, страданий’ (ср. ю.-нем. *Frais* ‘судороги’); *шус* — *то щи ни вбiв* — об услышанном выстреле браконьера или охотника (знач. слова *шус* и его нем. эквивалент см. выше); и др.

В основу выражения *ни рiгiли* ‘не так просто, как кажется, не шутки’, вероятно, легло понятие ‘шрам, рубец (на коже)’ или некоторое другое (см. ниже), не имеющее в менталитете человека особого значения (ср. нем.: *Riegel* 1. ‘задвижка, засов; запор’; тех. ‘затвор, стопор’; воен. ‘замыкатель затвора’; 2. перен.: *einer Sache (Dativ) einen ~ vorschieben* ‘воспрепятствовать [помешать чему-л.]; положить конец чему-л.; пресечь что-л.’; 3. ‘поперечина, перекладина; распорка’; 4. ‘ригель, «засов», поперечные пороги (на реке)’; 5. ‘брусоч (мыла); плит(оч)ка (шоколада); продолговатый кусок, разделанный на поперечные дольки’; 6. ‘застежка (на платье)’; 7. ‘звериная тропа (в горах)’; 8. разг. ‘(кухонная) полка’; 9. ‘вешалка (для одежды)’; 10. ю.-нем. ‘синяк, кровоподтек; шрам, рубец (на коже)’).

‘Поперечные пороги (на реке)’ или ‘поперечина, перекладина’, очевидно, не могли лечь в основу приведенного выше выражения, поскольку имеют больший вес в существовании индивидуума: например, нем. *Riegel* ‘поперечина’, отраженная в диалектизме *рiгiль* ‘балка (обычно прямоугольной или квадратной формы), которая поддерживает потолок в доме’, — одна из главных частей жилищного строения (опора потолка); занимает важное место в духовной жизни человека, как известно, является оберегом домашнего очага, символизирует прочность дома, богатство и плодородие (во второй половине XX в. конструкция домов была изменена: длинное строение приобрело вид квадрата под названием *квандра-тiвка* (без *гiгiаря* внутри жилья).

Преимущественно *рiгiль* употребляется в речи жителей западной части Бойковщины, в речи автохтонов ее центральной территории — *гiгiарь* (ср. нем. *Greifer*, тех. ‘захват, зажим’).

В исследуемой лексике жителей населенных пунктов функциони-

руют также не вошедшие в украинский литературный язык (по реестру СУМ) заимствования, которые в целом известны юго-западному наречию украинского языка: *ауф*, *бамбёт*, *вандри*, *варуватися*, *васервага*, *вінчувати*, *глянцувати*, *дзігар*, *жівнірь*, *золья*, *кльопа*, *кнайпа*, *крёденс*, *лаха*, *лейбик*, *люфт*, *мельдунок*, *нут*, *нутувати*, *обчас*, *планкач*, *райтки*, *рубсак*, *урльоп*, *ферфляша*, *илюфка*, *шопа*, *шпанувати*, *шпіц*, *шруба*, *штрика*, *шус*, *шутер*, *фа́ермур*, *цуг*, *шпацерувати* и ряд др. [Лопушанський, Пиц 2011], с этими словами (значениями) наши данные совпадают [Матіїв 2013].

Таким образом, в словарном запасе жителей центральной Бойковщины германизмы занимают значительное место; утеряв связь с языком-источником, они для коренных обитателей горной местности являются составной частью украинского национального языка.

Для точного понимания процесса внедрения немецких элементов в систему украинского языка необходим расширенный (от района к району) сбор достоверного речевого материала, его детальное и всестороннее изучение.

Условные сокращения

австр. — 1) австрийский (национальный вариант немецкого языка); 2) австрийский (диалект)	несов. — несовершенный вид
бав. — баварский (диалект)	н.-нем. — нижненемецкие диалекты
берл. — берлинский (городской полудиалект)	охот. — охотничье дело
в знач. сказ. — в значении сказуемого	перен. — переносное значение
в знач. числ. — в значении числительного	преимущ. — преимущественно
воен. — военное дело	пренебр. — пренебрежительное
г. р. — год рождения	прош. — прошедшее время
геол. — геология	разг. — разговорное слово
диал. — диалектизм	рум. — румынский (язык)
дифт. — дифтонг	слц. — словацкий (язык)
знач. — значение	стол. — столярное дело
ирон. — ироническое	тех. — техника
ком. — торговля, коммерция	укр. — украинский (язык)
лес. — лесозаготовка	уменьш.-ласк. — уменьшительно-ласкательное
межд. — междометие	уст. — устарелое
нареч. — наречие	шутл. — шутливое слово, выражение
нач. — начало	шахм. — шахматы
нем. — немецкий (язык)	ю.-нем. — южнонемецкие диалекты

Література

- БНРС 2000 — Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / авт.-сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под общ. рук. О. И. Москальской. 6-е изд., стереотип. М., 2000.
- Журавлев 1995–2017 — *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, *A–3* // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1995 (Исследования по славянской диалектологии. 4). С. 183–193; 2. СРНГ, *I–K* // Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. I. С. 93–104; 3. СРНГ, *L–M* // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В. М. Мокиенко. СПб., 2000. С. 265–282; 4. СРНГ, *H–O* // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265–281; 5. СРНГ, *O–P* // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 382–389; 6. Словарь русских народных говоров, *П* // Известия Уральского государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. Екатеринбург, 2001. С. 172–178; 7. СРНГ, *П* // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 120–131; 8. СРНГ, *П* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология. М., 2014. С. 168–187; 9. СРНГ, *P* // *Palaeoslavica*. XX / 2012. No. 1. P. 261–276; 10. СРНГ, *Б–P* (дополнение к предыдущему) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XII. Диалектология. М., 2017. С. 159–175.
- Журавлев 2018 — *Журавлев А. Ф.* Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2018. Вып. 19–20. С. 171–187.
- Іваночко 2015 — *Іваночко К. М.* Адаптація німецькомовних вербативів на означення процесів переміщення в південно-західних говорах української мови // Іван Огієнко і сучасна наука та освіта : науковий збірник : серія філологічна. Вип. XII. Кам'янець-Подільський, 2015. С. 124–132.
- Кочерган 1997 — *Кочерган М. П.* Німецькі лексичні запозичення в південно-західних говорах української мови // Мовознавство. № 1. Київ, 1997. С. 19–24.
- Лопушанський, Пиц 2011 — *Лопушанський В. М., Пиц Т. Б.* Німецькомовні лексичні запозичення у південно-західних говорах України. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. Вид. 2-е, випр. і доп. Дрогобич, 2011.
- Матіїв 2013 — *Матіїв М. Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.
- Муромцева, Скачкова 2004 — *Муромцева О. Г., Скачкова В. В.* Українсько-німецькі мовні контакти // Українська мова. Енциклопедія. Вид. 2-е, випр. і доп. Київ, 2004.
- Нечаєва 2014 — *Нечаєва Н.* Запозичення з німецької мови в буковинських говірках // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія «Філологічні науки. Мовознавство». № 2. Луцьк, 2014. С.

98–102.

- Онишкевич 1970 — *Онишкевич М. Й.* Германізми в бойківському діалекті // Іноземна філологія. Вип. 21. Київ, 1970. С. 38–45.
- Онишкевич 1984 — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок: у 2-ох ч. Київ, 1984.
- Пиц 2010 — *Пиц Т. Б.* Територіальні й часові нашарування запозиченої з німецької мови лексики в південно-західних говорах України // Лінгвістика. № 2. Луганськ, 2010. С. 250–257.
- Пиц 2011 — *Пиц Т. Б.* До проблеми адаптації німецьких слів південно-західними говорами української мови // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Вип. 58. Житомир, 2011. С. 17–20.
- Пиц 2015 — *Пиц Т. Б.* Німецькі запозичення в українській мові: дослідження від професора Шаровольського до сьогодні // Zbiór artykułów naukowych. Konferencji Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej «Filologia, socjologia i kulturoznawstwo. Teoretyczne i praktyczne aspekty rozwoju współczesnej nauki» (Poznań 30.09.2015 – 01.10.2015). Warszawa, 2015. S. 20–23.
- Рот 1961 — *Рот А. М.* Германские заимствования в лексике украинских говоров Карпат // Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на I Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания. Минск, 1961. С. 59–69.
- СУМ — Словник української мови: в 11 т. Київ, 1970–1980.
- Тараненко 2014 — *Тараненко О.* Рец. на: Матіїв М. Д. Словник говірок центральної Бойківщини. К.; Сімферополь : Ната, 2003. — 602 с. // Мовознавство. 2014. № 2. С. 82–84.
- Українська РСР 1987 — Українська РСР: Адміністративно-територіальний устрій на 1 січня 1987 року / відп. ред. В. І. Кирненко; упоряд. П. М. Гринюк, А. Я. Сидорін. Київ, 1987.
- Наврыliv 2008 — *Наврыliv О.* Germanismen im Ukrainischen in Galizien // Топоси культур і спогадів. Львів, 2008. С. 129–139.
- Major 1999 — *Major O.* Germanische Interferenzen in den ukrainischen Mundarten (Sprachraum der Karpato-Ukraine) // Studien zu deutsch-ukrainischen Beziehungen. Bd. 3. München, 1999. S. 59–68.
- Wilpert 2003 — *Wilpert Chr.* Die deutschen Lehnwörter im Huzulischen: Wiss. Arbeit zur Erlangung ... «Magistra Artium». Würzburg, 2003.

*Summary**Nikolay Matijiv***Germanisms in the South-Western Ukrainian Dialect
of the Central Boyko Region**

The object of this study is to analyze German lexical units/borrowings functioning in the central part of the Boyko dialect of the south-western Ukrainian dialect group. Lexical germanisms, in particular the names of phenomena and things, features and actions, as well as phraseology, paremiology and other sayings related to life and activities (crafts, agriculture, construction) of the inhabitants of the Eastern Carpathians, were mainly subject to phonetic and word-forming substitutions, they narrowed or changed their semantics. A small part of foreign language elements remains unchanged in the Boyko dialect.

Changes in the lexical meaning of words within one action have been revealed in borrowings, polysemy and, less frequently, homonymy have been recorded, and duplication of German words by Ukrainian language units in lexicalized combinations has been observed.

As a result of the interaction of the Boyko dialect with the German language (dialects) due to long-term contacts, there is a fairly large number of foreign words registered in the speech of the Boykos; having lost touch with the source language, they are perceived as an integral part of the Ukrainian national language by the indigenous inhabitants of the mountains.

Part of the dialectal lexicon (borrowings with narrowed or changed semantics, etc.), collected by the author for three decades using the method of stationary observation in the mode of free narratives (provoked by questions) from representatives of different generations in 30 different settlements (Skole district, Lviv region, Ukraine) served as the material for this study.

Keywords: the Boyko dialect, Germanisms, borrowings, vocabulary, phonetic variants, phraseology

Н. Е. Ананьева
(Москва)

Фитонимы и некоторые микротопонимы в польском говоре окрестностей Видз

В статье анализируются фитонимы польского говора окрестностей местечка Видзы (Белоруссия), являющиеся результатом контактов с восточнославянскими (в первую очередь белорусским) и литовским идиомами, а также некоторые микротопонимы, мотивированные литовскими апеллятивами.

Ключевые слова: польский говор, фитоним, микротопоним, литовский язык, белорусский язык

Польский говор местечка Видзы (Белоруссия) неоднократно был предметом диалектологических исследований, главным образом в области грамматики [Giulianc, Czekman 1971; Ананьева 1995; Ананьева 2004]. Для данного говора, как и для большинства говоров «смолвенского» ареала «польщизны литовской»¹, характерны черты, восходящие к белорусскому и литовскому идиомам, носители которых со второй половины XIX века массово переходили на польский язык, что и привело к образованию польских говоров на территории Великого княжества Литовского. В лексике, как и на других уровнях диасистемы, особенности белорусско-литовского субстрата, а также более позднее влияние русского языка нашли свое отражение. Во многих случаях лексика, восходящая к белорусскому и литовскому идиомам, представлена также в северо-западных белорусских говорах. Поэтому при рассмотрении лексических особенностей северо-восточной разновидности периферийных польских говоров исследователи часто обращаются к фундаментальному пятитомному лексикону «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча», материалы которого привлекаются и в нашей статье, посвященной анализу ряда фитонимов, возникших в польской диасистеме вследствие контактов с восточнославянскими и литовским языками, а также нескольким микротопонимам, мотивированным словами (в том числе фитонимом) литовского происхождения.

Статья не претендует не только на полное описание фитонимической

¹ О трех массивах польских говоров на этой территории см. [Turska 1995/1939].

лексики данного говора, но и на исчерпывающее представление всех результатов польско-восточнославянских и польско-балтийских контактов в данной лексической группе. В ней приводятся наиболее частотные лексемы, экзemplифицирующие гетерогенность языковых контактов на данной территории. Используемый нами материал имеет уже исторический характер, поскольку был собран в 90-х гг. XX века. В настоящее же время, как показывает поездка в феврале 2020 г. в этот регион моей дипломницы Ю. Дудки, языковая ситуация здесь изменилась: польский идиом уступает место в повседневном общении русскому и в меньшей степени белорусскому языкам. В 1991 г. языком домашнего общения был местный польский диалект.

Классификация анализируемых в статье фитонимов опирается не на научную таксономию флоры, а на наивную картину мира. Таким образом, деление фитонимов на дендронимы (названия деревьев и кустов), флоронимы (названия цветов) и гербонимы (названия трав) имеет несколько условный характер. Так, цветущими являются многие травянистые растения (повилика, сныть, горлянка). Лексико-семантическая группа названий растений относится не только к тематической группе «Растительный мир». Ее компоненты могут входить также в состав тем «Народная медицина», «Кулинария (приготовление еды)» (причем это относится не только к плодам и ягодам, но и к травам, в том числе и тем, которые в настоящее время не употребляются в пищу, а в голодные военные годы входили в рацион сельских жителей). Все эти функции фитонимов демонстрируют контексты, в которых они употребляются в анализируемом польском говоре и северо-западных белорусских говорах.

А. Примеры контактов с восточнославянскими и литовским языками в сфере фитонимии

1. Дендронимы

1.1. Гиперонимы

– *ta dźeva* (ж. р. вследствие воздействия литовского субстрата, в котором отсутствует категория ср. р.); ср. также во флорониме *boža dźeška*;

– *kęst* ‘куст’ (ср. контекст *pšes kęsty | zarošli*. Полонизированный восточнославянизм, гибрид белор. и русск. *куст* с польской огласовкой корня;

– *хмузу* ‘кусты, заросли’ (ср. контекст *хмузу — kšak*). Соотносится с белор. диал. *хмыза́, хмы́знік, хмызні́к*, уменьшит. *хмызнячо́к* (ср. пример

из СБГ: *Могільнік зарос хмызой, хмыза парасла* [СБГ 5: 315]).

1.2. Номинации отдельных деревьев и кустарников (в том числе плодовых) и их частей

– *jašeń* ‘яшень, *Fraxinus L.*’, польск. литер. *jesion*. Восточнославянизм: русск. литер. *яшень*, белор. литер. и диал. *яшень*, белор. диал. *ясань, ясянь* (ср. [СБГ 5: 559]);

– *jebleńa* ‘яблоня, *Malus domestica*’, польск. литер. *jabłoń*. Восточнославянизм. Ср. белор. литер. *яблыня*, белор. диал. *яблына*;

– *jedlińec, jedleńec, jadleńćak* ‘можжевельник, *Juniperus L.*’, польск. литер. *jałowiec*; ср. контекст: *jedlińec do szyńki (wkładajo)*. Соотносится с белор. диал. *ядлёнец, ядлёніц* (ср. контексты из СБГ: *Ядленец у лесі расце, Ядленіц расцець, яго сякуць и калбасы вэндзяць* [СБГ 5: 549]);

– *šakal* ‘щепка, кусок дерева’. Литуанизм (литов. *šakalys*). Широко представлены литуанизмы *шакаль, шакал, шакалін(к)а, шакалік, шакалѣк, шакалók* в белорусских говорах данного ареала [СБГ 5: 451–452]. Литуанизмы, обозначающие ‘сухие ветки, хворост’ (*žagary*) и ‘чурки, используемые для растопки печки’ (*žaburki*), широко представлены на территории смолвенского ареала как в польских, так и в белорусских говорах (ср. [СБГ 2: 129, 131–132, 266]).

2. Гербонимы

а) восточнославянизмы, белорусизмы и русизмы

– *ajer* ‘аир, *Asorus L.*’, польск. литер. *tatarak*. Контекст свидетельствует об употреблении растения в кулинарии (наряду с кленовыми листьями в печении хлеба): *ajer co pa blotax | kala žećak | pas 'c'elajo ta lišće*. Заимствовано из русского языка.

– *bylnik* ‘чернобыль(ник), полынь, *Artemisia vulgaris*’, польск. литер. *bylica*. Соотносится с белор. диал. *бьільнік* [СБГ 1: 252];

– *džad* ‘чертополох, репейник, *Cirsium lanceolatum*’, польск. литер. *oset*. Ср. контекст: *džady kulonce*. Возможно, соотносится с русск. народными названиями колючих травянистых растений (особенно *Cirsium lanceolatum*) *дедовник, дед*;

– *garlanki* ‘горянка, черноголовка, *Prunella vulgaris*’, польск. литер. *głowienka pospolita*. Пример контекста: *garlańki na dyrvanax*. Восточнославянизм. Ср. белор. литер. и диал. *гарлянка* (ср. контексты из СБГ: *Я знала мясты гэтай гарлянкi, Гарлянка цвіціць сiненькім, шышачкой, У гарлянкi галубы цвет, у лесе можна яе знайсці* [СБГ 1: 427]);

– *pavijuška* ‘повилика, *Cuscuta*’. Ср. контекст: *pavijuška vredna | zaplatła fšystak ogrut*. Соответствует белор. диал. *павіюшка*: «Павіюшка. Тое ж,

што і павіліца. Павіюшка расцець ахотне» [СБГ 3: 281];

– *pałyń* ‘полюнь горькая, *Artemisia absinthium* L.’, польск. литер. *piołun* (также представлено в говоре). Белорусизм. Ср. белор. литер. и диал. *пальін*. Ср. соответствие определений растения в тексте из СБГ и польском контексте: *pałyń goški*, «Палын горкі» [СБГ 3: 368];

– *padarożnik* ‘подорожник, *Plantago* L.’, польск. литер. *babka*. Ср. контекст: *padarożnik* — *lakarstva*. Восточнославянизм. Ср. некоторые контексты из СБГ, указывающие на лечебные свойства этого растения: *Падарожнік ад аслабнення, Падарожнік ад горла, Ам печань падарожнік п’юць, Падарожнік да раны кладуць* [СБГ 3: 296];

– *śnitka* ‘снуть, снитка, *Aegopodium*’, польск. литер. *podagrycznik*. Пример контекста, свидетельствующий об использовании данной травы в качестве продукта питания (особенно в голодные военные годы): *śnitka gotovali*. Непосредственный источник, по всей видимости, — белорусский идиом, хотя формы с *ш* известны и русским диалектам. Ср. контексты из СБГ, свидетельствующие о кулинарном использовании травы во время войны и современном кормлении ею свиней: *Шнітку варуць, на-ядалася людзьмі, Шнітку елі ў вайну, Даўней шнітку варылі..., Шнітка — свіяча ежа, Шнітка, як рабінка, свіням збіраюць* (СБГ 5: 489). Не случайно в русском фольклоре снитку называют «снесь-травой»;

– *ščaval* ‘щавель, *Rumex* L.’, польск. литер. *szczaw*. Ср. номинацию блюда из щавеля: *ščavlovy xłodnik*. Ср. белор. диал. *шчавэ́ль, шчаві́ль, шчавэ́й* [СБГ 5: 512].

б) литуанизмы

– *viksva* ‘осока, *Carex* L.’, польск. литер. *turzyca*, литов. *viksvà*.

3. Флоронимы

3.1. садовые («ogroczykove»)

– *gvożdżika* ‘гвоздика, *Dianthus* L.’. Ср. контексты: *gvożdżika ogroczykova* | *v ogroczyku sadzi śa, gvożdżičak posadza*. Русизм;

– *jurgina* ‘георгина(a), *Dahlia* Cav.’, польск. литер. *georgia*. Литуанизм (литов. *jurginas*). Характерен для местных белорусских говоров: *юргіня, яргіня* [СБГ 5: 541];

– *śulipan* ‘тюльпан, *Tulipa* L.’, польск. литер. *tulipan*. Польско-восточнославянский гибрид, ср. белор. литер. *цюльпан*.

3.2. комнатные («domove»)

– *alivás* ‘алоэ, *Aloe* L.’, литер. польск. *aloes*. Литуанизм (ср. литов. *alavijas*). Аналогичная форма представлена в местных белорусских говорах: *альв́ас* (литер. *альяс*). Ср. контекст, указывающий на лечебные свой-

ства алоэ: *Альвас з мёдам п'ю* [СБГ 1: 79];

– (*a*)*šparagin, aspergis* ‘аспарагус, *Asparagus L.*’, польск. литер. *asparagus*. Литуанизм (литов. *šparāgas*).

3.3. полевые и лесные

– *puxarki* ‘одуванчики, *Taraxacum*’, польск. литер. *dmuchawiec*. На кулинарное применение этого растения указывает контекст: *puxarki żulto kvitno | vareña z jix | do sałaty dokładajo | puki młoda listečki*. В местных белорусских говорах фиксируется идентичная лексема *пухарка*, но не как название растения, а как синоним к *пурхватка* или *пурхóўка* (ср. польск. *purchawka*), обозначающим вид гриба: дождевой гриб, дождевик, разгов. дедушкин табак, *Lycoperdon*. Ср. контекст из СБГ, рисующий, напротив, несъедобность одуванчика: *Пухаркі не ядуць* [СБГ 4: 195].

4. Названия овощей и ягод

– *gryżyna* ‘брюква’, литуанизм (ср. литов. *grižėtis*). Литуанизмы *гры́жына* и *гры́жа* отмечены в белорусских говорах данного ареала. Ср. контексты в СБГ: *Грыжыну з уцінам мясам добра тушыць, Грыжына вырасла добрая* и др. [СБГ 1: 490];

– *panica* ‘голубика, гонобоб(ель), *Vaccinium uliginosum L.*’, польск. литер. *borówka bagienna*. Соотносится с белор. диал. *п'яніцы*. Ср. контекст из СБГ с мотивацией названия ягоды: *П'яніцы — ягады, як воткі нап'есся, пакуль збярэш* [СБГ 4: 215]. Подобную мотивацию имеют русск. *пьяника, дурника, дурнопьян* и др. названия голубики;

– *čarnica* ‘черника’, польск. литер. *czarne jagody*. Соотносится с белор. диал. *чарніцы* [СБГ 5: 409].

Б. Микротопонимы, мотивированные фитонимами (названия лугов)

– *dabeliņa* от литов. *dóbilas* ‘клевер’;

– *kimsiņa* от литов. *kémsas* ‘кочка’, *kemsýnė* ‘место, покрытое кочками’. Ср. объяснение информанта: «*blótina lonka*»;

– *rajstelka* от литов. *raistas* ‘болотистое место с кустами’, польск. диал. и региональное (известное всему северо-восточному «кресовому» региону) *rojsty* ‘заросли’ и ‘заросшее лесное болото’. Ср. заглавие романа писателя-«кресовца» Т. Конвицкого «*Rojsty*».

Выводы:

Анализ фитонимов, функционирующих в польском говоре окрестностей Видз, показал наличие большого числа номинаций, совпадающих с фитонимами белорусских говоров, находящихся в историческом и акту-

альном контакте с польским идиомом. Как правило, общими для них являются и генетические литуанизмы. Представлено также влияние в данном лексическом пласте русского языка. Функционирование наряду с заимствованием общепольской лексемы усиливает проявление вариативности, вообще свойственной северо-восточной «польшизне кресовой», на лексическом уровне (ср. дублиеты *pałyn/rółun, pokšyva/žyguška* «крапива» и др.).

Источники

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе погранічча. У пяці тамах / пад рэд. Ю. Ф. Мацкевич. Мінск, 1979–1986.

Литература

- Ананьева 1995 — *Ананьева Н. Е.* О некоторых особенностях глагола в польских говорах окрестностей Видз // *Dialectologia Slavica*. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. (Исследования по славянской диалектологии 4). М., 1995. С. 125–132.
- Ананьева 2004 — *Ананьева Н. Е.* Глагол в польском говоре окрестностей Видз // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002*. Сборник научных трудов. М., 2004. С. 171–190.
- Giulùmianc, Czekman 1971 — *Giulùmianc K., Czekman W.* Polska gwara m. Widze i okolicy (na substracie białorusko-litewskim) // *Slavia Orientalis*. 1971. R. XX, № 3. S. 313–326.
- Turska 1995/1939 — *Turska H.* О powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie // *Turska H.* О powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie / *Турска Г.* О происхождении польскоязычных ареалов в Вильнюсском крае. Vilnius, 1995. S. 97–144.

Summary

Nataliya Ananyeva

The Phitoonyms and some Microtoponyms in Polish dialect in the vicinity of Vidzy

This article analyzes the phitoonyms of the Polish dialect in the vicinity of the town of Vidzy (The Republic of Belarus) which are the result of contacts with the East Slavic (mainly Belarusian) and Lithuanian languages, as well as some microtoponyms formed from the Lithuanian common nouns.

Keywords: Polish dialect, phitoonym, microtoponym, Lithuanian, Belarusian language

*М. М. Кондратенко
(Ярославль)*

Семантические сдвиги в славянских обозначениях времени

Понятие времени является одним из центральных во многих гуманитарных и естественнонаучных исследованиях. В связи с этим возникает вопрос о критериях для описания лексики времени, ее классификации и сравнительного анализа на материале разных языков, или о тех релевантных свойствах времени, манифестируемых лексикой, которые, взятые в их системе, могли бы выступать в качестве своеобразной матрицы для контрастивного исследования. Лингвистический аспект изучения восприятия времени во многом определяется ответами на вопрос о том, как оно отражается в словарном составе. В номинации времени как родового понятия, а также его периодов можно увидеть определенные смысловые сдвиги в рамках многозначности.

Ключевые слова: семантические сдвиги в славянских языках, славянская диалектология, обозначения времени.

Направления современной лингвистики, связанные с изучением народной культуры через призму языка (диалекта), включают в себя сравнительный аспект. Для сопоставительных штудий особенно продуктивным представляется исследование лексики с отвлеченным значением, поскольку у подобных языковых единиц предполагается наличие общего семантического ядра, допускающего адекватное сравнение, даже если они относятся к разным идиомам (причем не обязательно близким в генетическом отношении). Таковой, например, является лексика, обозначающая периоды, интервалы времени, а также определенные точки хронологической последовательности, маркирующие эти периоды и интервалы (даты народного календаря).

Одной из особенностей этого лексического пласта является субъективность номинации. На это, в частности, указывал И. Кант: «время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» [Кант 2015: 39–40]. О субъективных способах восприятия и познания мира как объекте гуманитарных наук писала С. М. Толстая [Толстая 2011: 7–8].

Обозначения времени, кроме того, отличаются наличием нескольких планов содержания, так как содержат указания как на переживаемую реальность, так и на культурный отпечаток определенной эпохи, периода жизни в памяти, а также на их расположение в циклической или линейной последовательности.

Эти качества времени делают необходимым выбор критериев для описания его номинаций с целью их дальнейшей классификации и выявления тех важных свойств, которые в системном изложении стали бы матрицей для сопоставительных исследований.

Языковедческий аспект изучения категории времени прежде всего связан с анализом того, как она представлена в лексике и фразеологии, особенно в диалектной, сохраняющей самую тесную связь с традиционной культурой. Среди диалектных номинативных единиц большой интерес вызывают данные периферийных говоров, в частности говоров славянского севера (севернорусских, кашубских и лужицких) и юга (болгарских). Наиболее актуальным в подобных исследованиях представляется выявление оттенков лексического значения языковых единиц, многозначности, а также семантических сдвигов и их цепочек с учетом контекста на материале диалектных микрозон.

С этим связаны некоторые ономаσιологические задачи, в частности, как их определял Й. Шрёпфер [Schröpfer 1979]: собрать, описать и объяснить средства, с помощью которых обозначается понятие. Таким образом можно выяснить его содержание. Из более новых работ в развитии этого направления можно отметить труды М. Якубович о семантических сдвигах у прилагательных [Jakubowicz 2006; 2010], а также Анны А. Зализняк [Zalizniak 2018].

Так, своеобразное восприятие различных граней времени и, соответственно, его содержание открываются в нижнелужицкой лексеме *cera* со значениями 'время жизни' и 'канавка, незамерзающая часть водоема с быстрым течением' [Мука 1: 118–119] или в родопском прилагательном *авелски* (производном от *ава* 'время') 'наивный, добродушный (человек)' и '(человек) из прошлого времени' (*авелски чилек*) [Стойчев 1965: 121].

В обозначениях времени, таким образом, на основе многозначности лексем можно увидеть некоторые семантические сдвиги, как специфические для отдельных говоров Славии, так и общие для целого их ряда. К подобным семантическим моделям (сдвигам) можно отнести следующие.

«Пространство → время → пространство»

Одно из наиболее часто проявляющихся направлений развития многозначности в обозначениях времени представляет собой модель «время → пространство». Зафиксированы многочисленные примеры манифестации пространственных понятий как временных, например: *с неделю ростом* — ‘об очень высоком человеке’ [ЯОС 9: 5] в ярославских говорах.

Однако связь между физическим пространством и временной протяженностью проявляется и в обратном направлении: в переносе значения с пространственных параметров на временные. Так, в частности, в белорусско-севернорусском ареале отмечено употребление слова *сутки* в исходном для данной семантической модели значении, связанном со стыком, схождением элементов интерьера жилого помещения: ярославское *сапоги я поставлю в сутки* (то есть в угол между голбцем и стеной) [ЯОС 9: 89], а также белорусское *сутки* в значении ‘узкий проход между стенами’ (*двор вузкі як суткі*) [СБГ 5: 23].

В ярославских говорах для манифестации значения ‘очень давно’ используется выражение *по край свету* (*это было по край свету и никто уж не помнит теперь*) [ЯОС 8: 11], в северо-западных белорусских — *кавалак часу* ‘промежуток (кусочек) времени’ [СБГ 2: 353], а в кашубских — *štek čase* (кусочек времени, калька с немецкого *Stück*) ‘небольшой период времени’ [Ramułt 1893: 200]. В болгарских родопских говорах отмечена лексема *йус* ‘период в 100 дней от дня св. Димитрия до 16 февраля’ и ‘старая мера веса’ [Стойчев 1970: 177].

Одной из семантических моделей обозначения времени, поры является его представление как выхода из физического пространства. Производные от праславянского **chod-* раскрывают сущность времени как начало / завершение периода жизни или состояния человека. В ярославских говорах *выход* — ‘время, период’ (*я не прежнёва выходу*) и ‘смерть’ [ЯОС 3: 60]. Значение ‘смерть’ (то есть ‘окончание времени жизни’) отмечено у лексемы в нижнелужицких говорах: *huchod* — ‘смерть’ наряду со значениями ‘выход, исход, отъезд’ [Мука 1: 430], в этой же диалектной зоне: *psichod* ‘будущее’ (наряду с ‘адвент’, ‘приход’) [Мука 2: 248], а также *zachod* ‘прошлое’ и ‘заход солнца’, *zachadnosć* ‘прошлое’ [Мука 2: 1012]. В архангельских говорах *выход* — ‘время вступления в брак’ и ‘истечение срока существования чего-нибудь’ [АОС 8: 358]; значение ‘истечение срока существования чего-нибудь’ представлено в лужицких говорах лексемой *wukhód* [Pfuhl 1866: 906].

В родопских говорах значение завершения, конца чего-либо передается лексемой *излаз* [БЕР 2, 36], аналогом русского *выход*; также в болгарском языке: *лято то излезе, сега е есен*, буквально: лето «вышло», сейчас — осень; *да излезем на пролет*: «выйдем» в весну, то есть доживем до весны [Геров 1897: 229].

Корень *-вход-* также отмечен в обозначении понятий, отражающих время, в пермских и вятских говорах: *настоящего пона у нас нет, а служит входящий* (то есть временный) [СРНГ 5: 240]. То же значение непостоянного, временного, преходящего представлено в лужицких говорах лексемой *zachodnosć*: *zachodnosć wobzan(m)knyć* (закрыть преходящее, временное — т. е. умереть) [Pfuhl 1866: 974].

«Время → погода, метеорологические явления»

Одним из самых распространенных и уже неоднократно описывавшихся в научной литературе типов семантических сдвигов в данной группе номинаций является «время → погода». Эту модель демонстрируют нижнелужицкая лексема *cas* ‘время’ и ‘погода’ [Muka 1: 115], болгарская *време* — ‘время’ и ‘погода’ [Koseska-Toszewa 1972: 66]; в словенских терских говорах: *ura* — ‘астрономический час’ и ‘метеорологические явления’: *pow ure xoda* ‘полчаса ходьбы’ [Baudouin de Courtenay 1904: 36], *slaba ura* ‘плохая погода, гроза’ [Baudouin de Courtenay 1904: 7, 138].

«Маленький (праздник) → повторный, следующий за основным (праздник)»

Этот семантический сдвиг представлен в болгарских родопских названиях праздников Богородицы 28 августа и 21 сентября: *големата чорква* [Стойчев 1965: 146] и *малката чорква* [Стойчев 1965: 203]; в нижнелужицких говорах: *male jatšy* (малая Пасха, следующая за «обычной») [Muka 1: 536].

Об универсальном характере данной семантической оппозиции говорит ее представленность в верхненемецких диалектах: *Kleinneujahr* (буквально: малый Новый год, т. е. день Трех Королей, следующий за Новым годом) [WMF: 103].

«Прошлое → настоящее → будущее»

Характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленной в диалектной лексике, является обозначение сложной связи между прошлым, настоящим и будущим, в частности их расположения

относительно друг друга на временной оси. Так, положение в начале линии времени может передавать нахождение в будущем. В ярославских говорах эта связь проявляется в значениях лексемы *напредики*: ‘в будущем’, ‘сперва, сначала’ [ЯОС 6: 108]. Нижнелужицкое *dawetko*, обладающее значениями ‘прежде, недавно, доньше’ и ‘только что’, передает процесс «перерастания» прошлого в настоящее [Мука 1: 161]. Родопская лексема *другуч* обозначает одновременно ‘в другой раз’ (иначе говоря, в будущем) и ‘когда-то, раньше’ (в прошлом) [Стойчев 1970: 167].

В этой группе обозначений времени можно выделить семантическую модель «начало, первичность → прошлое». В нижнелужицких говорах прошлое, мыслимое источником движения во временной последовательности, представлено как его передняя часть: *sprědkalu* [Мука 2: 500–501] (при том, что понятие синхронности воспринимается как равенство: *zrowni* ‘в то же время, одновременно’ [Мука 2: 1112]); в северо-западных белорусских говорах также у одной лексемы (*напераду, уняром*) зафиксированы значения как ‘вначале’, так и ‘раньше, прежде’: *мая матка напераду памёрла; цяпер и на гаспадарсках не так кепско, як уняром; уняром па-беларуску и па-польску размаўлялі* [СБГ 3: 399]. Также прошлое репрезентируется как нечто первое, начальное нижнелужицкой лексикой: *perwota, perwotność* [Мука 2: 44–45]; подобным же образом передается значение ‘позавчера’: *prěnžen* (из *předny žen*) [Мука 2: 181]; в белорусских говорах можно встретить аналогичное обозначение — *пярвей, перве* ‘раньше’: *пярвей яны тут жылі* [СБГ 4: 217].

С другой стороны, значение ‘на некоторое время позже’, соотносимое скорее с будущим, манифестируется в говорах Белоруссии лексемой *ззаду, ззадзі* (*ён ззаду на гот вучыцца*) [СБГ 2: 307]. Таким образом, локализация на оси временной последовательности имеет в данных примерах необычный характер, а именно: расположение впереди оказывается, с точки зрения пространственного значения, сзади. В говорах Западной Брянщины, которые по многим признакам относятся к белорусским, отмечена лексема *абратна* в значении ‘опять’: *абратна снег буде* [Расторгуев 1973: 30]. Поворотные события здесь также воспринимаются как движение назад.

Стягивание, поворот времени как окончание времени жизни

(перевернуть, стянуть → уменьшить срок жизни)

Зачастую диалектные лексемы наглядно демонстрируют реконструируемый методами этимологии, но стертый для непосредственного наблюдения первоначальный мотивационный признак времени — поворота,

вращения, отмечаемый для родового понятия «время»: *перавернуцца* — *як на васьмую дзясятку пераверніцца, так и ўсе* [СБГ 4: 484]. В этом примере движение времени жизни и наступление смерти обозначено как его переворачивание.

Помимо этого, время, в частности время жизни, предстает как объект воздействия человека: *сцягнуць врэмя, сцягнуць с пары* ‘состарить кого-нибудь’ (*яго жонка дваццаць гадоў хварэла — сцягнула мужыку врэмя*) [СБГ 5: 46].

С другой стороны, диалектная лексика демонстрирует и обратное по направлению воздействие, то есть времени на человека: *месяц хват* ‘месяц, когда женятся’, *месяц кай* ‘месяц, когда каются после женитьбы, якобы разочаровавшись друг в друге’ [ЯОС 6: 44] в ярославских говорах.

«Сопутствующее природное явление или этап сельскохозяйственных работ → период времени, праздник»

Одной из проблем классификации обозначений времени является их совпадение с наименованиями праздников (геортонимами), не характеризующими называемое явление как интервал времени. В этом отношении именно контекст употребления лексем часто подтверждает их «временной» характер и значение в народной лингвокультуре не только как манифестации реалий социальной и хозяйственной деятельности, но и как важных структурных элементов народного календаря, то есть хронологии.

Так, в славянских говорах существуют целые пласты лексики, называющие окончание или начало сельскохозяйственных работ в качестве единиц счета времени. К ним можно отнести, в частности, следующие наименования.

Жніва ‘час уборкі ураджаю’ [СБГ 2: 150]: *гэта была ў жытнім жніве, у гаўсяным жніве, гэта было ў бульбакопя — калісьці так вызначалі час, людзі не зналі чыслы* [СБГ 5: 443]. В этом примере стоит отметить прямое указание на то, что подобные этапы и виды работ заменяли в прошлом носителям диалектов современное исчисление времени.

В Ярославском областном словаре отмечена, например, следующая лексика, относящаяся к этой семантической сфере: ‘время работы на пашне после полудня’ — *вечерня* [ЯОС 3: 13]; ‘время косьбы вечером’ — *подрасок* [ЯОС 8: 34]; ‘время после ужина’ — \diamond *вечерняя роса* [ЯОС 3: 13]; ‘поздно вечером, после возвращения скота с пастбища’ — \diamond *после скотины* [ЯОС 8: 71] и др.

Среди наименований подобного типа есть немало параллелей. В ярославских говорах отмечены такие наименования, как *засев*, *засевка* ‘начало сева, первый посев, сопровождающийся традиционным обедом; праздник перед посевом’ [ЯОС 4: 100]; в северо-западных белорусских — *засеўка*, *засеўкі* ‘начало сева’ [СБГ 2: 251]; *докопки* ‘окончание уборки картофеля с полей и праздник по этому поводу’ [ЯОС 4: 10] и *дакопкі* ‘заканчэнне копки бульбы’ (*дакопкі апраўлялі, пілі і картофляй закусвалі*) [СБГ 2: 16].

В датах народного хозяйственного календаря в качестве устойчивой семантической модели можно наблюдать сравнение с некоей характерной реальией: *baranowa swajźba* (свадьба баранов) ‘праздник пастухов, во время которого они нанимались на работу’ [Мука 1: 14] в нижнелужицких говорах и *баран* ‘праздник в конце молотбы (на который приглашались только близкие и помощники)’ [ЯОС 1: 35].

«Нахождение вне времени → неподходящая для чего-либо пора»

Одним из типов осмысления времени в языке является его представление как подходящей или неподходящей поры для определенной разновидности трудовой деятельности. Неподходящая пора может быть представлена как находящаяся вне времени. Таковы рефлексy праславянского **časъ*: в ярославских говорах *бог часу не дае* (например, картофель копать) ‘нет времени что-либо сделать’ [ЯОС 10: 48]; в нижнелужицких говорах *ńecasny rórod* ‘преждевременные роды’ [Мука 2: 142]. Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в славянских говорах если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации (*корова на времени* — ‘в последний период перед отелом’ [ЯОС 6: 76], *невремя* — ‘некогда’ [ЯОС 6: 127] в ярославских говорах; *безвремче* ‘преждевременно оплодотворенный скот’ в болгарских родопских говорах [Стойчев 1970: 155]).

«Окончание/отсутствие работы → свободное время»

Понятие отдыха связывается в нижнелужицких говорах с окончанием работы, пахоты: *dowor* ‘свободное время’ и *doworaś* ‘допахать’ [Мука 1: 194].

Интересна в этом отношении мотивация наименования *prozniny* такого периода времени, как каникулы: от прилагательного со значением ‘пустой, праздный’ [Мука 2: 191].

«Заход/восход солнца → вечер/утро»

В славянской лексике, обозначающей интервалы и периоды в рамках суток и года, содержится не прямое свидетельство «промежуточного» статуса такого времени суток, как утро (и, возможно, вечера), и одновременно более значимой роли дня (по-видимому, наряду с ночью). Возможно, именно этим фактором объясняется употребление многих слов для названия утра в переносном, метафорическом или метонимическом, значении как наступления дня, появления солнечного света. Так, раннее утро в нижнелужицких говорах может обозначаться как *shuńco* (солнце): *wót shuńca až do ćmy* (от раннего утра до позднего вечера) [Мука 2: 439]. Аналогично в севернорусских говорах — *работа начинается с солнца* (т. е. с утра) [СРНГ 39: 271]. В данной системе вечер представлен как период времени «после солнца»: *за солнце, в сумерки, не ужинали* в русских [СРНГ 39: 271] и нижнелужицких говорах: *póshyńco* ‘сумерки, время после захода солнца’ [Мука 2: 147].

Заход солнца в нижнелужицких говорах может уподобляться его движению в дом: *w zymie słyńco jěšnej w domk žo, ako w lěše* (зимой солнце заходит раньше, чем летом) [Мука 1: 187]. Примечательно, что в кашубских говорах лексема со значением ‘дом’ также используется для обозначения заката, но заката человеческой жизни: *zaberac sã dodom* (собираться домой) — ‘отдавать концы’ [Ермола 2011: 28].

«Растительная пища → голодная пора»

Такая модель представлена в кашубских говорах: *gurkovi čas* (огуречное время) ‘голодное время между урожаями’ [Ермола 2011: 28].

«Глупость → время бесправия»

В говорах Западной Брянщины зафиксирована лексема *дурники* ‘время, когда народ был бесправный, придавленный условиями жизни’: *прайшли ужо тые дурники, кали вы ездиле на нас* [Расторгуев 1973: 96].

Исследование обозначений времени приводит к выводу о том, что основная функция категории времени в языке — создание целостной картины восприятия мира. Эта целостность, синтезирующая отдельные фрагменты мировосприятия, во многом обеспечивается такой особенностью лексической семантики, как семантические сдвиги, устанавливающие связь, систему ассоциативных переходов между важными для традиционной культуры понятиями.

Источники

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1993. Вып. 8.
- БЕР 2 — Български етимологичен речник. София, 1979. Т. II: И — Крепя.
- Геров 1897 — *Геров Н.* Рѣчникъ на българский языкъ. Пловдив, 1897. Ч. II.
- Ермола 2011 — *Ермола В. И.* Кашубско-русский фразеологический словарь. СПб., 2011.
- Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю.Ф. Мацкевіч [і інш.], рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб): Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
- Стойчев 1965 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1965. Кн. II.
- Стойчев 1970 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1970. Кн. V.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Учебное пособие: в 10 вып. Ярославль, 1981–1991.
- Baudouin de Courtenay 1904 — *Baudouin de Courtenay J.* Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. II. Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien. S.-Petersburg, 1904.
- Koseska-Toszewa 1972 — *Koseska-Toszewa V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Muka 1, 2 — *Muka A.* Słownik dołnosorbiskeje rěcy a jeje narěcow. Wörterbuch der nieder-sorbischen Sprache und ihrer Dialekte. Bautzen, 1966. Bd. 1–2.
- Pfuhl 1866 — *Pfuhl C. T.* Łużiski serbski słownik. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin, 1866.
- Ramułt 1893 — *Ramułt S.* Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow, 1893.
- WMF — Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg, 2000.

Литература

- Кант 2015 — *Кант И.* Критика чистого разума. М., 2015.
- Толстая 2011 — *Толстая С. М.* Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре / отв. редактор С. М. Толстая. М., 2011.
- Jakubowicz 2006 — *Jakubowicz M.* Motywacje semantyczne przymiotników oceniających negatywnie wygląd zewnętrzny // Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног 5–10. септембра 2006. / САНУ. Научни скупови, књ. 121; Одељење језика и књижевности, књ. 18. Београд, 2007. С. 209–219.
- Jakubowicz 2010 — *Jakubowicz M.* Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010.

- Schröpfer 1979 — *Schröpfer J.* Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre, Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von Johannes Schröpfer. Band I. Die Bezeichnungsweisen eines Grundbegriffsvorrates. Heidelberg. Carl Winter Universitätsverlag, 1979.
- Zalizniak 2018 — *Zalizniak Anna A.* The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Vol. 22. № 4. С. 770–787.

Summary

Mikhail Kondratenko
Yaroslavl State Pedagogical University „Ushinsky”

Semantic shifts in Slavic time designations

The concept of time is one of the central concepts in numerous humanitarian and natural science studies. Hence, the question arises about the criteria for describing the vocabulary of time, its classification and comparison in different languages, or about those relevant properties of time, manifested by the vocabulary, which, taken in their system, could act as a kind of matrix for contrastive research. The linguistic aspect of the study of the perception of time is largely determined by the answers to the question of how it is reflected in the vocabulary. In the nomination of time as a generic concept, as well as its periods, it is possible to see certain semantic shifts within the framework of polysemy.

Keywords: Slavic semantic shifts, Slavic dialectology, time designations.

М. М. Алексеева
(Москва)

Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова)

Цель настоящей статьи — охарактеризовать детскую лексику (лексику регистра общения с детьми), представленную в словаре лемковского говора села Высова, подготовленном Александром Гойсаком. Из примерно 3000 словарных слов 50 снабжены пометой «детское». Они относятся к различным семантическим группам (наименования еды, частей тела, животных, одежды и прочих предметов, действий и физических состояний; а также лексика, связанная с религией). Многие лемковские детские слова имеют соответствия среди междометий, использующихся для подзыва и отгона животных, что характерно и для других украинских диалектов. Отдельные детские лемковские слова имеют более широкое распространение: они известны различным украинским диалектам, другим славянским и даже не-славянским языкам (в частности *nany* в значении ‘есть’). Картографирование детской лексики представляется интересной задачей для диалектологов.

Ключевые слова: регистр общения с детьми (РОД), речь, адресованная детям, язык нянь, детская лексика, лемковские говоры, диалектный словарь, Александр Гойсак

В настоящей статье рассматривается детская лексика, представленная в «Словаре лемковского говора села Высова» Александра Гойсака. Под детской лексикой понимается специфическая лексика, которую употребляют взрослые при общении с маленькими детьми.

Речь взрослых, адресованная детям, обладает рядом устойчивых черт на различных уровнях (в фонетике, синтаксисе, лексике), что позволяет исследователям говорить об особом языковом коде. В литературе существует несколько терминов для определения этого кода. В англоязычных работах подобную речь взрослых принято называть *baby talk*, *nursery talk*, *child-directed speech*, *child-addressed speech*. В русскоязычной лингвистике нет единого устоявшегося термина. Встречаются термины «материнская речь», «речь, адресованная детям», «язык нянь» и др. Т. О. Гаврилова предложила термин «регистр общения с детьми» или РОД [Гаврилова

2002]. Исследовательница отмечает, что, как правило, РОД используется при общении с детьми от рождения до двух лет. Чем старше ребенок, тем менее специфична обращенная к нему речь взрослых.

Доказано, что многие лингвистические особенности РОД носят универсальный характер. Так, Ч. Фергюсон выделил наиболее типичные черты речи взрослых, обращенной к детям, характерные для различных, в том числе неродственных языков: более высокий тон голоса, более четкая артикуляция, замедленный темп речи, короткие предложения, повторы, упрощение групп согласных, замещение плавных, редупликация, специфические звуки (использующиеся только в этом регистре), частое использование вопросов, сдвиг местоимений (использование местоимений 3 л. ед. ч. вместо местоимений 2 и 1 л. ед. ч., а также использование 1 л. мн. ч. вместо 2 л. ед. ч.), обилие уменьшительно-ласкательных форм и наличие специальной лексики для обозначения родственников, частей тела, детских игр, качеств и пр. [Ferguson 1978] (подробнее об истории изучения РОД см.: [Зеленкова 2016; Андреева 2018]).

Особая лексика — одна из ярких и устойчивых черт РОД. «В большинстве семей традиционно существует специальный лексикон, ориентированный на ребенка [...] Это сравнительно небольшой репертуар слов, отработанный и отшлифованный предшествующими поколениями и предназначенный для общения с ребенком. Большая часть слов относится к разряду звукоподражаний (ономатопей)» [Цейтлин 2017: 32].

Набор детских лексем в РОД литературного языка и в диалектах может варьироваться, при этом лексике РОД в диалектах посвящено небольшое количество исследований¹.

В настоящей статье речь пойдет о детской лексике в словаре лемковского говора села Высова, подготовленном Александром Гойсаком.

Лемки — носители самых западных говоров украинского языка, исторически проживавшие на границе между Польшей и Словакией. С востока лемковские говоры граничили с бойковскими, надсанскими и закарпатскими говорами украинского языка, с севера и запада — с польскими, с юга — со словацкими говорами. Специфика лемковских говоров обусловлена, с одной стороны, тем, что некоторая изолированность от других украинских говоров позволила лемковским говорам сохранить ряд архаи-

¹ Ряд исследований посвящен названиям детских игр в диалектах, однако в данной статье они не рассматриваются, поскольку их употребление не ограничивается РОД.

ческих особенностей, а с другой стороны, тем, что в результате постоянных контактов с соседними языками возник ряд инновационных лемковских диалектных особенностей [Stieber 1982; Rieger 1995]. В 1945–1946 годах подавляющее число лемков принудительно переселили на территорию Советской Украины, а оставшиеся в 1947 году, в рамках операции «Висла», были переселены на запад и север Польши, на земли, после войны отошедшие Польше от Германии [Kwiek 1998; Kwilecki 1974].

Лемковские говоры давно привлекают внимание ученых-диалектологов. Опубликованы диалектологические атласы лемковских говоров², ряд монографий, посвященных лемковским говорам в Польше и Словакии (работы И. Верхратского, И. Гнатюка, И. Панькевича, З. Штибера, Я. Ригера, В. Латты, З. Ганудель, Э. Вольнич-Павловской и др.)³, а также несколько словарей (как общелемковских, так и отдельных лемковских сел)⁴. Один из них заслуживает особого внимания при изучении детской лексики, а именно словарь Александра Гойсака.

Александр Гойсак родился в 1924 году в лемковском селе Высова в Польше. В 1945 году его семью и других жителей села принудительно переселили в Тернопольскую область Украины. На протяжении многих лет он записывал лемковскую лексику от уроженцев Высовы для будущего словаря родного говора, однако издать его при жизни не успел. В 1997 году, уже после смерти Гойсака, вышел «Лемківський словничок», первым автором которого значился Андрей Бигуняк, а вторым Александр Гойсак. В основу этого словаря легли материалы А. Гойсака, однако А. Бигуняк внес в них значительные изменения, во многом искажив авторский замысел [Алексеева 2008]. В 2006 году во время экспедиции в Тернополь-

² Stieber Z. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. T. I–VIII. Łódź, 1956–1964; Ганудель З. Лінгвістичний атлас українських говорів східної Словаччини. Т. I–III. Братислава, 1981–2001; Ламма В. Атлас українських говорів східної Словаччини. Братислава, 1991.

³ Гнатюк І. Русини Пряшівської єпархії і їх говори. Львів, 1900; Верхратский І. Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. Ч. II: Говори з наголосом сталим. Львів, 1901; Верхратский І. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902; Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938; Stieber Z. Toponomastyka Łemkowszczyzny. Cz. 1–2. Łódź, 1948–1949; [Stieber 1982]; Rieger J. Nazwy wodne dorzecza Sanu. Wrocław, 1969; Wolnicz-Pawłowska E. Antroponimia łemkowska na tle polskim i słowackim. XVI–XIX wiek. Warszawa, 1993 и др.

⁴ Горбач О. Південно-лемківська говірка й діалектний словник села Красний Брід бл. Меджилаборець (Пряшівщина). Мюнхен, 1973; [Rieger 1995]; [Пиртей 2004]; [Турчин 2011]; [Hojsak 2018] и др.

скую область от вдовы и дочери А. Гойсака были получены оригинальные материалы, и в 2018 году в издательстве Варшавского университета вышел «Словарь лемковского говора села Высова» Александра Гойсака, подготовленный к печати М. Алексеевой и Я. Ригером [Hojsak 2018].

Одно из заметных и важных достоинств словаря Гойсака — включение в словарь лексики, которую фиксируют не все диалектные словари, в частности детской лексики или лексики РОД. Список детских лексем, отмеченных в словаре Гойсака, довольно обширен, что подтверждает сравнение данных словаря с данными других словарей лемковской лексики. Так, в «Коротком словаре лемковских говоров» П. Пыртя [Пиртей 2004], содержащем примерно 8000 слов, встречается всего 4 слова с пометой *дит.* — *дитяче* («детское»): *бай-бай* ‘бай-бай’, *nana* ‘еда’, *плацяти* ‘плакать’, *цюцьо* ‘конфета, сахар’. В словаре Я. Ригера, опубликованном в монографии «Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie» [Rieger 1995] и включающем в себя примерно 5000 слов, помета «детское» и соответствующая лексика отсутствуют. В «Словаре села Тылыч на Лемковщине» Е. Турчин из шести с половиной тысяч реестровых слов уже примерно 35 снабжены пометой «детское» [Турчин 2011]. В словаре А. Гойсака, включающем в себя примерно 3000 слов (т. е. по объему он в два с лишним раза меньше, чем словарь П. Пыртя и словарь Е. Турчин), выявлено около 50 слов с пометой «детское», а также несколько слов без помет, явно относящихся к этой категории.

В вопроснике, составленном украинским диалектологом И. Дзензелевским для «Лексического атласа украинского языка» [Дзензелівський 1987], есть раздел «Детский лексикон», включающий в себя 92 пункта. Так что можно утверждать, что в словаре Гойсака детская лексика представлена в значительном объеме.

Детскую лемковскую лексику, зафиксированную в словаре А. Гойсака и снабженную пометой «детское», можно разбить на следующие тематические группы:

1. Названия частей тела:

*будзя*⁵ (П) ‘рот, губы’: *Дай будзі* — ‘Дай поцелую’; *бузя* ‘рот, губы’; *восі, воськи* ‘волосы’; *гамбуся* [‘уста, рот’]⁶ (ср. *гамба* ‘уста, рот’); *гипи*

⁵ В приведенных примерах ударение не указывается, поскольку в большинстве лемковских говоров ударение фиксированное и падает на второй слог от конца.

⁶ В квадратных скобках дается информация, отсутствующая в материалах А. Гойсака, но восстановленная составителями словаря на основе авторских материалов.

‘спина’: *Под на тиги* — ‘Залезай на спину’. *Ход тя возьму на тиги* — ‘Иди, я тебя возьму на спину’; *нозі* [‘ноги’]; *носьо* [‘нос’]; *пальо* ‘палец’; *руці* [‘руки’].

2. Названия еды:

будзя (I) ‘мясо’; *масьо* ‘масло’; *моцьо* ‘молоко’: *Ванцьо, ціцяй пальо, моця не є, мама пішла бомби* — ‘Ваня, соси пальчик, молока нет, мама пошла в церковь’.

3. Названия животных:

базі, базьки ‘маленькие ягнята’; *зюзя* ‘гусь, гусенок’; *кіця* ‘кошка’; *кука* ‘вши, гниды’; *тасі* ‘качки’; *тізя* ‘теленочок (даже корова)’; *тюті* ‘куры’; *цюка* ‘поросенок’.

4. Наименования людей (детей, взрослых)⁷:

гайці ‘гости’: *Підем до когось в гості (гайці) з дитиною маленькою* — ‘Пойдем к кому-нибудь в гости с маленьким ребенком’.

К этой же подгруппе можно отнести два слова, не имеющие пометы «детское», но примыкающие к ней по своему значению и формальным признакам: *мицьо* ‘о детях’⁸: *Ти мицьо! Та юж сид!* — ‘Ты, бутуз! Сядь уже!’; *чадусьо* уменьш. [‘ребенок (?)’]: *Але чадусьо глупе*.

5. Наименования действий детей и в отношении детей (включая предостережения и физические состояния):

бусь! ‘упадешь!’; *гамати* ‘есть’; *гейзяти* ‘возить ребенка [в коляске]’; *гуцяти* ‘качать’; *люляти* ‘спать’: *Люляй!* — ‘Спи!’; *папу* ‘есть’; *плацяти* ‘плакать’; *пукати* ‘пукать’; [*сьопати* ‘сидеть, садиться’]: *Сьопай!* — ‘Сиди, сядь’; *тинцяти, тиняти* ‘танцевать’; *хись* ‘горячо, жжет, обожжешься’; *цьомати* ‘целовать’; [*ціцяти* ‘сосать’]: *Ціцяй пальо!* ‘Соси пальчик!’; *цюпці* ‘купать’; *цюпцяти* ‘купать’; *цюпати* ‘целовать’; *бубат* (3 л. ед. ч.) ‘болит’.

6. Названия физических состояний:

дюдя, дзюдзя ‘холодно’. Производное прилагательное *дзюдзяний* ‘холодный’ дано в словаре без помет.

⁷ В эту подгруппу не включен относящийся к ней по своему происхождению и семантике термин родства *няньо* ‘отец, папа’, так как он вышел за рамки РОД, став основным обозначением отца в лемковском и ряде других диалектов украинского языка.

⁸ В словаре А. Гойсака для лексемы *мицьо* дано довольно размытое значение ‘о детях’, но в «Словаре украинского языка» Б. Гринченко находим более конкретное значение ‘толстошее дитя’, взятое из книги И. Верхратского «Про говор галицких лемків» [Грінченко 1996, II: 429].

7. Наименования предметов:

гейзя ‘коляска’; *гоньо, гонцьо* ‘горшок’; *гуця* ‘люлька’; *хися* ‘огонь’; *цяцьо* ‘игрушка’; *чеся* ‘гребешок’.

К этой же подгруппе следует отнести лексему *чачо, чачко* уменьш. ‘игрушка’, несмотря на то, что оно приводится с пометой «уменьшительное», а не «детское».

8. Наименования одежды, обуви:

бийби ‘туфельки-ботиночки’; *буйці* ‘туфельки’; *хуся* ‘платок’.

9. Лексика, связанная с религией:

Бозюсьо ‘Бог’: *О Бозюсю!*

бомба ‘церковь’: *Підеме до бомби* — ‘Пойдем в церковь’⁹.

Помимо перечисленных слов, в Приложении к словарю два слова (*чосі, усі*) даны с пометой «детское», однако для них не указано значение, поэтому отнести их к какой-либо подгруппе невозможно.

С точки зрения фонетики лемковская детская лексика обладает основными чертами, характерными для лексики РОД: слова преимущественно двусложные, оканчиваются на открытый слог, имеют в своем составе большое количество палатализованных согласных; многие несут отчетливые признаки ономотопеи; часть образована путем полной (*ляля, гиги*) и частичной (*зюзя, кука*) редупликации.

Приведенные примеры показывают, что детская лексика в словаре Гойсака относится к различным семантическим группам, имеющим важное значения для жизни и социализации ребенка, его знакомства с окружающим миром. Здесь хотелось бы возразить украинской исследовательнице Т. Г. Линник, которая в статье, посвященной украинской детской лексике, пишет следующее: «Только одно специфически детское слово существует как название одежды: *льоля*, в основном рубашечки [...] Количество предметов, которые ребенок обнаруживает в своем окружении, значительно больше, чем те, что получают наименование, но они представлены лишь такими, которые касаются еды (нож, ложка, миска) или сна (кровать)» [Линник 2002: 5]. В словаре Гойсака приводится несколько детских слов для предметов одежды (*бийби* ‘туфельки-ботиночки’, *буйці* ‘туфельки’, *хуся* ‘платок’), причем отдельное слово для обозначения рубашки не зафиксировано; кроме того, словарь фиксирует детские слова

⁹ В личной беседе с автором статьи украинский диалектолог Ю. Бидношия высказал предположение, что в основе номинации может быть звукоподражание (*бомба* < *бом* — звук церковного колокола).

для обозначения иных предметов, помимо тех, что касаются еды или сна (*гоньо, гоньцо* ‘горшок’, *чеся* ‘гребешок’). Однако не вызывает сомнений утверждение, что количество предметов в окружении ребенка неизменно превышает количество особых лексических единиц в РОД.

Значительная часть приведенных слов имеет общеукраинское распространение. Так, «Словник української мови» фиксирует следующие из упомянутых выше слов с пометой *дит.* «детское» и без пометы «диалектное»: *бозя* ‘Боженька’, *бусі* ‘падать, упасть, упадешь, упал’, *гамати* ‘есть, глотать’, *гуцати* ‘подбрасывать на руках, на коленях (ребенка)’, *дюдя* ‘холод, холодно’, *киця* разг. ‘ласковое название кошки’, *люляти* ‘качать, припевая’, *папа* ‘хлеб’, *тютя* ‘курица’, *цьомати* ‘целовать’, *цяця* ‘игрушка (преим. в беседе с детьми и в речи детей)’ [СУМ].

Многие детские лексемы встречаются и в других украинских диалектах, причем между диалектами возможны расхождения в значении. К примеру, лексема *папа*, представленная в говоре села Высова в виде *папу* ‘есть’, может иметь значение ‘хлеб’; слово *тютя* в ряде диалектов означает не только ‘курица’, но и ‘птица вообще’. И, напротив, для многих понятий в украинских диалектах зафиксированы иные лексемы: например, *ги* ‘обожжешься, горячо’ (в словаре Гойсака *хись*), *кика* ‘мясо’ (в словаре Гойсака *будзя*), *люля* ‘люлька, колыбель’ (в словаре Гойсака *гуця*) и др. (примеры из украинских диалектов приводятся по [Линник 2002: 3]).

Некоторые детские лексемы, представленные в словаре села Высова, имеют более широкое славянское и европейское распространение. Так, лексема *папа* в значении ‘хлеб’, возникновение которой, как правило, объясняют характерной для детской речи редупликацией детского лепетного *па*, известна не только украинским, но и многим русским говорам [СРНГ 25: 203–204]; имеет соответствия в других славянских языках (ср. белор. *папа* ‘хлеб’, чеш. *pap(k)ati* ‘есть’, словац. *papat*, *rapkat* ‘есть’, верхнелуж. *parać* ‘есть’, болг. *nano* ‘хлеб’, сербохорв. *nānuti* ‘есть’, *pāra, pāra* ‘хлеб, каша’, словен. *pāpati* ‘есть’ [ЕСУМ 4: 281; Brückner: 394; Králik 2015; Snoj 2016]), а также в ряде европейских языков (ср. лат. *parra* ‘каша’, *parpāre* ‘есть’; нов.-в.-нем. *Parre* ‘детская кашка’; ср.-в.-нем., голл., англ. *pap* ‘каша’) [Фасмер 3: 200]. В польском РОД распространены *parać, papkać* ‘есть’, *papka* ‘кашка’ и *papi* ‘еда’ [Brückner: 394]. Вероятно, форма *папу* в лемковском говоре села Высова закрепились именно под влиянием польского языка.

Влиянием польского языка объясняется и наличие некоторых других лемковских детских слов, например, *бузя, будзя* (II) ‘рот, губы’ в словаре А. Гойсака — ср. пол. *buzia* ‘рот (прежде всего у ребенка)’.

Представленные в словаре лексемы с глагольным значением отражают несколько этапов развития детской речи. Еще в 1940-е гг. А. Н. Гвоздев в классической работе «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» предложил периодизацию развития грамматики в речи маленьких детей: период предложений, состоящих из аморфных слов-корней, — от 1 г. 3 мес. до 1 г. 10 мес. (С. Цейтлин называет этот период *доморфологическим*); период усвоения грамматической структуры предложения — от 1 г. 10 мес. до 3 лет; период усвоения морфологической системы, включая усвоение типов склонения и спряжения, — от 3 до 7 лет [цит. по: Гагарина 2008: 158–159]. Взрослые перенимали от детей некоторые из этих аморфных аграмматичных слов (*ам-ам, бо-бо* и др.), тем самым закрепляя их в РОД.

Некоторые детские слова с глагольным значением в лемковском словаре Гойсака представляют собой именно аморфные слова-корни, в которых отсутствует членение на основу и формообразующие аффиксы: *бусь* ‘упадешь!’, *хись* ‘обожжешься’, *цюці* ‘купать’. Другие же отчетливо членятся на основу и аффиксы и морфологически оформлены как обычные глаголы: *гейзати, гуцяти, люляти* и др. Среди них есть глаголы, образованные от аморфных слов: *цюці* — *цюццати*¹⁰. Таких пар могло быть больше. Так, в словаре Гойсака зафиксирована лишённая грамматических признаков лексема *папу* ‘есть’, при этом в «Материалах к словарю лемковских говоров» С. Панцё зафиксирован голагол *панати* ‘есть’ — единственное слово с пометой «детское» (ср. пол. *parać*, словац. *parať*) [Панцё 2009: 60].

Довольно многочисленную группу детских слов в словаре Гойсака составляют названия животных. Многие из них соотносятся с тем, как этих животных подзывали или отгоняли: *базі, базьки* ‘маленькие ягнята’ — ср. *базю-базю* ‘так подзывали овец’, *базь-на!* ‘так отгоняли овец’; *кіця* ‘кот’ — ср. *кіць-кіць* ‘когда зовут кота’; *тізя* ‘теленочек (даже и корова)’ — ср. *тізью, на! На тізью, на!* ‘зовут коров, телят’; *цюка* ‘поросенок’ — ср. *цюку-цюку* ‘так зовут свиней’. По мнению Т. Г. Линник, «таким образом выстраивается система словообразовательного соотношения между междометными словами для подзыва или отгона животных и названиями этих животных [...] Наличие подобных связей способствует тому, что такие слова не выступают как отдельные, автономные элементы» [Лин-

¹⁰ Возможно и образование соотносимого существительного, например, *хись* ‘обожжешься, горячо’ — *хися* ‘огонь’.

ник 2002: 7]. Возможно, в говоре села Высова существовали, но не были зафиксированы в словаре подобные параллели и для некоторых других названий животных. Так, например, в словаре Гойсака находим *тюті* ‘кури’, однако нет слова для подзыва кур, при этом в ЕСУМ наряду с дет. *тютя* ‘курица’ приводится целый ряд соотносимых междометий для подзыва кур: *тю-тю, тюті, тютіньки, тютічки, тютьки* [ЕСУМ 5: 695].

Подобные соответствия между детской лексикой и междометиями для подзывания животных представлены и в других украинских диалектах, например в бойковском: *няня* дет. ‘корова’ — *ня-ня* ‘междометие, которым подзывают коров’ [Онишкевич 1984: 495].

Некоторые междометия для подзывания животных были картографированы в «Атласе украинского языка» [АУМ, карты № 345, 348, 350]. Примеры картографирования детской лексики нам не известны, однако представляется интересным сопоставление ареалов распространения тех или иных междометий для подзывания животных и детских лексем, служащих для обозначения этих животных.

Таким образом, можно утверждать, что лемковская детская лексика, зафиксированная в словаре Александра Гойсака, соответствует основным тенденциям РОД. Часть слов, снабженных в словаре пометой «детское», имеет общеукраинское, а в отдельных случаях более широкое славянское (и даже неславянское) распространение, при этом детская лексика говора села Высова имеет выраженные диалектные отличия, требующие дальнейшего изучения.

Литература

- Алексеева 2008 — Алексеева М. М. Словарь Александра Гойсака как источник изучения лексики лемковских говоров // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии. Москва, 2008. С. 180–187.
- Андреева 2018 — Андреева Е. А. Фонетические особенности речи, обращенной к ребенку: история вопроса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 9–20.
- Гаврилова 2002 — Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Гагарина 2008 — Гагарина Н. В. Этапы развития глагольных форм в детской речи / Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (12). С. 157–167.

- Грінченко 1996 — *Грінченко Б.* Словарь української мови (у 4-х томах). Київ, 1996.
- Дзєндзєлівський 1987 — *Дзєндзєлівський Й. О.* Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. У 7 тт. Київ, 1982–2012.
- Зеленкова 2016 — *Зеленкова Е. А.* Фонетические особенности речи взрослого в разговоре с ребенком (на материале британского варианта английского языка) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (740). С. 66–77.
- Линник 2002 — *Линник Т. Г.* Специфічно дитячі слова української мови: семантика та морфологія // Культура народів Причорномор'я. 2002. № 32. С. 87–90 (цит. по: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/75163/30-Linnik.pdf?sequence=1>).
- Онишкевич 1984 — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. I (А–Н).
- Панцьо 2009 — *Панцьо С.* Матеріали до словника лемківських говірок. Тернопіль, 2009.
- Пиртей 2004 — *Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок / упор. Є. Д. Турчин. Івано-Франківськ, 2004.
- СРНГ 25 — Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1990. Вып. 25.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. I–XI.
- Турчин 2011 — *Турчин Є.* Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М., 1986–1987.
- Цейтлин 2017 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М., 2017.
- Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Ferguson 1978 — *Ferguson C. A.* Talking to children: A search for universals // Universals of Human Language / ed. J. H. Greenberg. Stanford, 1978. Vol. 1: Method and Theory. P. 202–224.
- Hojsak 2018 — *Hojsak A.* Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa / op. M. Aleksiejewa, J. Rieger. Warszawa, 2018.
- Králik 2015 — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.
- Kwiek 1998 — *Kwiek J.* Przesiedlenie ludności łemkowskiej z województwa krakowskiego na Ukrainę (1945–1946) // Studia Historyczne. 1998. Z. 2. S. 237–258.
- Kwilecki 1974 — *Kwilecki A.* Łemkowie. Zagadnienie migracji i asymilacji. Warszawa, 1974.
- Rieger 1995 — *Rieger J.* Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa, 1995.
- Snoj 2016 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar (<https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=193&View=1&Query=%2A>).
- Stieber 1982 — *Stieber Z.* Dialekt Łemków: fonetyka i fonologia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982.

Summary*Madina M. Alekseeva***Nursery lexicon in Alexander Hojsak's dictionary of the Lemko dialect
(the dialect of the Wysowa village)**

The aim of the paper is to present nursery lexicon registered in Alexander Hojsak's dictionary of the Wysowa village Lemko dialect. Among 3000 words registered in the dictionary there are 50 lexemes marked as "nursery words". They belong to several semantic groups (names of food, body parts, animals, clothes, things, actions and physical conditions, religious sphere) and demonstrate features proved universal for baby talk in most languages. There is a correspondence between Lemko nursery words for animals and Lemko interjections for calling domestic animals which seems to be relevant for other Ukrainian dialects. Some of the Lemko nursery words show broader distribution: they are registered in other Ukrainian dialects, other Slavic and even non-Slavic languages (for example *nany* 'to eat'). The idea of mapping nursery words seems to be worth further study.

Keywords: baby talk, nursery talk, child-directed speech, nursery lexicon, Lemko dialect, dialectal dictionary, Aleksander Hojsak.

Ж. Ж. Варбот
(Москва)

Русск. *сбагрить* и *багор* в славянском окружении*

Для этимологизации любого слова русского языка существенно наличие формальных и семантических соответствий в родственных языках. Русск. разгов. и диал. *сбагрить* ‘удалить, отклонить, сплавить кого/что-н., отделаться от кого/чего-н.’ имеет соответствие только в болгарском языке – болг. *сба̀гря* ‘сделать, устроить, упорядочить’, *сба̀грям* ‘делать, устраивать’. Эти соответствия не рассматривались ранее. Болг. *сба̀гря* образовано от диал. *ба̀гòря* ‘медленно работать’, которое зафиксировано на пограничье с румынским языком и восходит к заимствованному румынскому *băgare* ‘всовывание, укрепление, помещение’. Русск. диал. *сба̀грить* более известно русским северным говорам. Поэтому взаимное заимствование русского и болгарского глаголов представляется невозможным. Для русск. *сбагрить* наиболее вероятно образование от *ба̀гòр*. Это слово известно в славянских языках в двух значениях: русск., укр. *багор* ‘шест с крючком на конце’ и словц. *bahor* ‘часть обода колеса; верхний (подвижный) жернов’. Возможно различное происхождение этого слова в каждом значении. Для словц. *bahor* считается вероятным образование от праслав. **bag-* ‘бежать’. Но семантика русск., укр. *багор* не согласуется с подобным происхождением. Представляется возможным объяснение происхождения *багор* как заимствования нем. *Baggert* ‘подсобный портовый рабочий’, которое является производным от голланд. заимствования *baggeren* ‘чистить дно от грязи, углублять форватер’. В условиях контакта населения Русского Севера с моряками немецких торговых судов нем. *Baggert* ‘подсобный портовый рабочий’ могло быть заимствовано как обозначение соответствующего инструмента. Ср. русск. диал. арханг. *ба̀грень* ‘прурубленное во льду русло для проводки судов’. При изложенных толкованиях происхождения русск. *сбагрить* и болг. *сба̀гря* соответствие этих глаголов может быть охарактеризовано только как межъязыковая гетерогенная омонимия.

Ключевые слова: этимология, межславянские отношения, семантика, лексическое заимствование

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

Первым этапом этимологизации какого-либо слова русского языка является выяснение наличия / отсутствия для него формальных (потенциально — и семантических) соответствий в других славянских языках. Объектом исследования в предлагаемой работе является русск. *сбáгрить*. Русск. разгов., простор., фам. *сбáгрить* ‘удалить, отклонить, сплавить кого/что-н., отделаться от кого/чего-н.’ [Ушаков IV: 57] имеет близкое структурно и семантически сближаемое соответствие только в болгарском языке — *сбáгрѝ* ‘сделать, приготовить, устроить, упорядочить’, *сбáгрѝм* ‘делать, устраивать’ (БЕР VI: 527): представляется возможным толкование удаления, устранения чего-либо (в русском) как устройство, упорядочение (в болгарском). Есть и беспрефиксные структурные соответствия: русск. простор., вульг. *бáгрить* ‘красть’ [Ушаков I: 76] и болг. диал. *багòря* ‘медленно, неуклюже работать’ (Банско), непосредственно к которому возводят *сбáгрѝ* [БЕР I: 24]. Сходство этих глаголов до сих пор не привлекало внимания лексикологов, хотя оно, кажется, должно вызвать интерес в отношении определения его природы: является это сходство родством, заимствованием или гетерогенной омонимией.

Чтобы ближе подойти к уточнению природы упомянутого русско-болгарского лексического соответствия, следует выяснить степень соответствия других, помимо формы и значений, характеристик русского и болгарского глаголов. Это касается языковых сфер и территорий функционирования глаголов. В болгарском языке только беспрефиксный глагол имеет диалектное распространение (см. выше). Русские глаголы, как префиксальный, так и беспрефиксный, более значительно представлены в русских диалектах: *сбáгрить* ‘сделать что-л. невпопад, ошибиться, сорвать’ (урал.), *сбáгриться* ‘оказаться в нехорошем, ложном положении, сбиться с толку’ (псков., твер.) [СРНГ 36: 162], *багрѝть* ‘красть. воровать’ (волог.) [СРНГ 2: 35]. Ср. еще функционирование в других сферах русского языка: разгов. *сбáгрить* ‘сдать, обычно кое-как (экзамен, зачет); избавиться от кого-л., убедить уйти куда-л.’ [Химик. БСлРРазгР: 547] и жарг. угол. *багрѝть* (кого) ‘выдавать соучастника’ [Мокиенко, Никитина. БСлРЖарг: 43]. При этом существенными характеристиками глаголов являются их территориальные фиксации: болгарский беспрефиксный глагол отмечен как банатский, то есть принадлежащий северо-западным говорам, пограничным с территорией румынского языка; русский глагол известен преимущественно в северных говорах (см. выше). При таком территориальном дистанцировании отношения заимствования для болгарского и русского глаголов представляются маловероятными.

Для болг. *сбàгря* ‘сделать, приготовить, устроить, упорядочить’ не обнаруживается родственных связей с лексикой других южнославянских языков. Относительно его происхождения есть только версия образования от болг. *багòря* (см. выше), при толковании последнего как производного от заимствованного рум. *băgàre* ‘вкладывание, всовывание, размещение’ (от *băgá* ‘вкладывать, всаживать, помещать, устраивать’). При учете фиксации в банатских говорах, пограничных с территорией румынского языка, и семантической близости этого глагола с румынским глаголом, данное объяснение происхождения болгарского глагола представляется достаточно убедительным. Что касается румынского глагола *băgá* ‘вкладывать, всаживать, помещать, устраивать’, то он возводится (по преобладающей версии) к ср.-ром., ср.-лат. *baġ, baġari* [Cioranescu I: 56–57] или к ром. **baga* ‘рукав, кишка’, при неясности более дальнего родства [Meуer-Lubke₄: 70].

Русск. *сбàгрить* ‘удалить, отклонить, сплавить кого/что-н., отделить от кого/чего-н.’ появляется в русской лексикографии начиная со словаря Ушакова (см. выше). Происхождением этого глагола заинтересовался лишь Фасмер, предположив, при учете русск. диал. *багрить* ‘красть’, образование *сбàгрить* от *багор* [Фасмер I: 103]. Впрочем, Аникин считает более вероятным происхождение *багрить* ‘красть’ от офенск. *багор* ‘вор’, хотя и допускает тождество последнего с названием орудия *багор* [Аникин I: 57]. Поскольку *багор* служит, в частности, на лесозаготовках и при лесосплаве для перемещения бревен, равно как для их разделения, так и для сплачивания (см. *бàгрить* ‘продвигать сплавляемый лес в нужном направлении, зацепляя его багром’ [Арх.Обл.Сл. I: 86], то вполне вероятно появление у слова *багор* значения ‘вор’, а у производного глагола — ‘красть’. Ср. употребление слов *крюк* и *багор* как синонимов в тексте: «Тут народ, не крюк, так багор, мошенник» [Даль₂ I: 35]. И глагол *сбàгрить* известен как в значении ‘удалить’, так и в значении ‘соединить что-л.’ (перм.) [СНГ 36:162], а потому достаточно убедительна версия Фасмера о происхождении *сбàгрить* от *багор*.

При учете приведенных толкований происхождения болг. *сбàгря* как производного от румынского заимствования и русск. *сбàгрить* как производного от русск. *багор* вопрос о возможности родства этих глаголов снимается, остается версия гетерогенной омонимии.

Обратимся к русск. *багор*. Это слово впервые фиксируется как название одного из видов оружия, наряду с рогатинами, копьями и топорами, в Новгородской III летописи под 1570 г., и затем как название орудия при

тушении пожаров в сочинении Котошихина 1667 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 63]. Производный глагол *багрить* ‘ловить рыбу багром’ употреблен Забелиным [там же].

Русск. (и вост.-слав.) *багор* не имеет общепризнанного этимологического объяснения. Ситуация осложняется тем, что слово *багор* (*bagor*) известно в славянских языках в двух значениях: ‘шест с крючком’ — в русск. и укр., ‘часть обода колеса’ — в словацком и (как заимствования) в польском и украинском. Многие исследователи разделяют слова с этими двумя значениями как гетерогенные омонимы. Поскольку для рассмотрения русск. *сбавить* имеет значение преимущественно происхождение слова *багор* в значении ‘шест с крючком’, ниже сначала приводятся версии, касающиеся только слова в этом значении или генетически объединяющие оба слова.

Миклошич предложил реконструкцию **bagьrь* как собственно славянского образования, не указывая родственных связей [Miklosich: 6], версии автохтонности этого слова придерживаются также Бернекер — с реконструкцией **bagrь* и «неясным родством» [Berneker I: 38], Махек — с весьма спорным праевропейским родством [Machek: 22], Фасмер — с указанием возможного родства с русск. диал. *багáй, багáн* ‘железный лом с загнутым концом’ [Фасмер I: 102], которые могут быть поздними преобразованиями слова *багор* [ЭССЯ 1: 133]; Славский возвел **bagrь* ‘шест с крючком’ к и.-е. **bhāgh-* ‘гнуть, сгибать’ [SP I: 179], так же (для слова в обоих значениях) — украинские этимологи [ЕСУМ I: 110–111]; Трубачев предложил версию о происхождении слова в обоих значениях от праслав. **bēgti* < и.-е. **bhēgʰ-* ‘бежать’ [ЭССЯ 1: 132–133]. Последняя версия сомнительна для обозначения шеста с крючком (хотя бы и используемого для перемещения предметов). Версия происхождения от и.-е. **bhāgh-* ‘гнуть, сгибать’ представляется как будто наиболее убедительной (причем для слова в обоих значениях: ‘шест с крючком’ и ‘часть обода колеса’), но она подвергается сомнению вследствие ненадежности реконструкции этого индоевропейского корня [Аникин 2: 54–55].

Для генетического разделения русск., укр. *багор* ‘шест с крючком’ и словацкого *bahor* ‘часть обода колеса, верхний мельничный жернов’ весьма существен словацкий диал. вариант *behor* ‘верхний мельничный жернов’ [Kálal: 20], свидетельствующий о связи словацкой лексемы в обоих вариантах с **bēg-* (ср. и чеш. *behoun* ‘часть обода колеса’), при спорности варианта **bag-* ‘бежать’ для русск., укр. *багор* ‘шест с крючком’ [Аникин 2: 54–55].

Есть предположения о заимствовании русск. *багор* ‘шест, палка с крючком’ из других (не славянских) языков. Обзор версий с изложением сомнений и критикой версий заимствования см. [Verneker I: 38; Фасмер I: 102; ЭСБМ 1: 266], хотя повторяются предположения о наибольшей вероятности заимствованного происхождения слова [ЭСБМ 1: 226; Аникин 2, 54–55].

Представляется возможным вернуться к одной из версий о заимствовании русск. *багор* ‘шест с крючком’, а именно — гипотезе Матценауэра о происхождении от заимствованного нем. *Bagger* ‘землечерпалка, драга’ [Matzenauer 1870: 100], восходящего, в свою очередь, к заимствованному голланд. *baggeren* ‘чистить дно от грязи, углублять фарватер’ [Kluge₂₁: 44]. Только возможно, кажется, уточнение этой версии: более близким вероятным источником русского заимствования представляется предшествовавшее названию землечерпалки нем. *Baggert* ‘подсобный портовый рабочий’, см. о нем [Pfeifer: 87]. При учете контакта населения портовых городов Русского Севера с моряками немецких торговых судов и характера портовых работ (не только расчистка фарватера, но и обеспечение причаливания судов, погрузки и разгрузки), именно *Baggert* ‘портовый рабочий’ могло при заимствовании в русский язык трансформироваться в *багор* как обозначение орудия, широко применяемого в портах при причаливании судов и передвижении грузов. Не исключено, что память о прошлом слова, связанном с расчисткой фарватеров от наносного грунта и под., сохранилась в семантике некоторых архангельских диалектизмов: *багрень*, -и ж. р. ‘прурубленное во льду русло для проводки судов’ (арханг.) [СРНГ 2: 35] и *багрить* ‘делать земляные валки вокруг растения, окучивать’ [АрхОблСл 1:86]. (Хотя составители словаря, предлагая сравнить этот последний глагол с синонимичным *бугрить*, вероятно, допускают народно-этимологическое преобразование последнего глагола с ориентацией на *багор*, что сомнительно для слова *багрить* с прозрачной этимологической структурой.) Следовательно, предполагается, что русск. *сбагрить* восходит к немецкому заимствованию.

Таким образом, при существующих (и представляющихся достаточно вероятными) толкованиях происхождения русск. *сбагрить* (равно как при индоевропейском, так и при заимствованном происхождении производящего имени *багор*) и болг. *сба̀гря* их структурное соответствие может объясняться только как межъязыковая гетерогенная омонимия.

Литература

- Аникин 2 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2008. Вып. 2.
- АрхОблСл 1 — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980. Вып. 1.
- БЕР 1 — Български етимологичен речник / съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София, 1971. Т. I.
- БЕР 6 — Български етимологичен речник / съставили В. Атанасов, Х. Дейкова, Л. Димитрова-Тодорова, У. Дукова, Д. Михайлова, М. Начева, М. Рачева, Г. Риков, Л. Селимски, Т. А. Тодоров. София, 2002. Т. VI.
- Даль₂ — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955 (=1882). Т. I, IV.
- ЕСУМ 1 — Етимологічний словник української мови / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982. Т. 1.
- Мокиенко, Никитина. БСлРЖарг — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. М., 2000.
- СЛРЯ XI–XVII вв. 1 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975. Вып. 1.
- СРНГ 2 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.; М., 1966. Вып. 2.
- СРНГ 36 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.; М., 2002. Вып. 36.
- Ушаков 1 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.
- Фасмер I — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964. Т. I.
- Химик. БСлРРазгР — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- ЭСБМ 1 — Этымалагчны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Минск, 1978. Т. 1.
- ЭССЯ 1 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1973. Вып. 1.
- Berneker I — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908. B. I.
- Cioranescu I — *Cioranescu A.* Diccionario Etimológico Rumano. Universiadal de la Laguna, 1958. Fasc. I.
- Kálal — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
- Kluge₂₁ — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. Berlin; New York, 1975.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / red. E. Havlová, A. Mátl. Praha, 1997.
- Matzenauer 1870 — *Matzenauer A.* Cizí slova ve slovanských řečech, Brno, 1870.
- Meyer-Lübke₄ — *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 4. Auflage. Heidelberg, 1968.
- Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Pfeifer — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Berlin, 1993.

SP 1 — Słownik prasłowiański / pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. T. 1.

Summary

Zhanna Varbot

Russ. *сбáзруть* and *бáзop* in Slavic environment

The existence of formally and semantically corresponding words in cognate languages is very important for etymologisation of each Russian word. Russian colloquial and dialectal verb *сбáзруть* ‘remove something, somebody; get rid of something, somebody’ has such formal correspondings only in Bulgarian *сбáзря, сбáзрям* ‘make, arrange’. These correspondings were not analysed earlier. Bulgarian verbs *сбáзря, сбáзрям* are thought to be derivatives of Bulgarian dialectal verb *бáзоря* ‘make slowly’, known along the borderline with the Rumanian language and derived from borrowed Rumanian verb *băgáre* ‘thrusting, placing’. Russian *сбáзруть* is known mostly in northern dialects. Thus mutual borrowing of either Bulgarian verb or Russian verb seems to be inconceivable. Russian verb *сбáзруть* is considered to be a derivative from the substantive *бáзop*. Slavic *бáзop/bahor* is known with different meanings: in Russian and Ukrainian ‘pole with crooked end’ and in Slovak ‘part of fellow; upper (moving) millstone’. These two meanings allow to presuppose different origin. The derivation from Common Slavonic **bag-* ‘run’ is probable for Slovak word *bahor*. Semantics of Russian, Ukrainian *бáзop* does not allow the same. The most probable origin for Russian and Ukrainian *бáзop* is a German borrowing *Baggert* ‘subsidiary port worker’ that is a derivative from Dutch borrowing *baggeren* ‘clean bottom, deepen waterway’. The population of Russian North could borrow *Baggert* as the name of instrument by contacts with sailors of German merchant ships. Compare Arkhangelsk dialectal *бáзрень* ‘channel for ships cut through ice’. Everything said about the origin of Bulgarian *сбáзря* and Russian *сбáзруть* allows to define this correspondence as heterogeneous homonymie.

Keywords: etymology, interslavic connections, semantics, lexical borrowing

Т. В. Шалаева
(Москва)

Мотивационный аспект на картах «Лексического атласа русских народных говоров»

В статье рассматриваются мотивационные карты «Лексического атласа русских народных говоров» на примере одной из них, содержащей мотивационные признаки названий воробья. Карты данного типа демонстрируют различия в количестве и частотности лексем, в которых присутствует определенный мотивационный признак, а также их территориальное распространение. Кроме того, подобный анализ материала позволяет прояснить внутреннюю форму отдельных слов и в результате конкретизировать их место в данной лексической группе.

Ключевые слова: русская диалектология, лингвистическая география, «Лексический атлас русских народных говоров», мотивационные признаки, этимология, воробей.

Как и в любом лингвистическом атласе, посвященном словарному составу языка, в «Лексическом атласе русских народных говоров» главным образом представлены диалектные различия, которые касаются собственно лексики (то есть на карте отображаются различные названия одного явления), словообразования (когда целью карты является показать, какие аффиксы используются для выражения одного и того же значения) и семантики (когда картографируются значения одной лексемы) [ЛЯРНГ 1: 7–8]. Кроме того, в атласе содержатся мотивационные карты — они репрезентируют признаки предметов и явлений, которые стали основой для номинации, то есть для обозначения тем или иным корнем и по той или иной семантической модели [ЛЯРНГ 1: 7; Вендина 2019: 308–309]. Этот тип карт и будет рассмотрен ниже на одном конкретном примере.

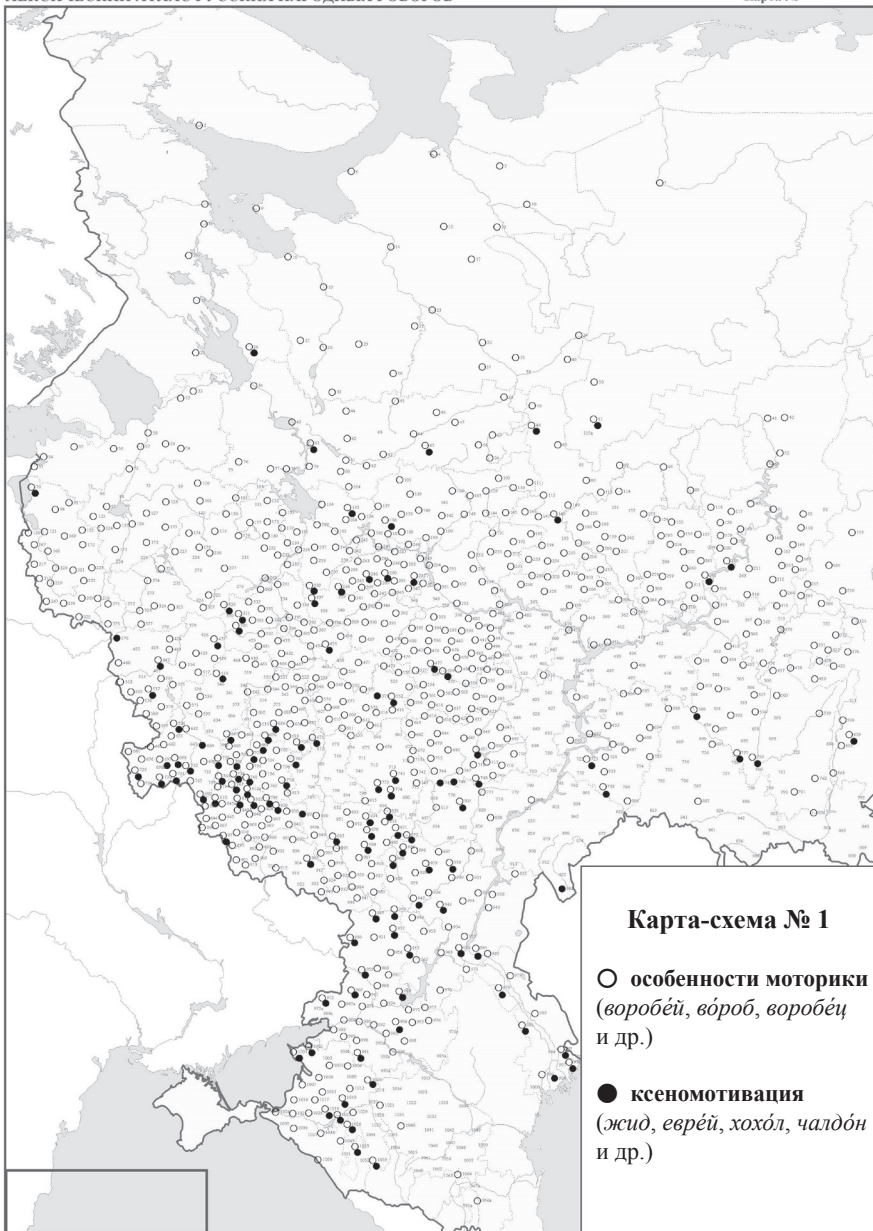
На мотивационных картах знаками разной формы и цвета даются мотивационные признаки различных названий одной реалии. При этом они не только показывают разнообразие этих моделей, но и наглядно демонстрируют их частотность, а также количественное и пространственное соотношение. Конкретным объектом анализа в данном случае служат обозначения птицы воробей (*Passer*), представленные в материалах второго тома «Лексического атласа русских народных говоров» «Животный мир».

Так, наиболее распространенным, повсеместным признаком номинации воробья являются характерные черты его моторики, манера двигаться (см. карту-схему № 1¹). Эта особенность отразилась в наименованиях с корнем *вороб-/верев-/гороб-* с его первичным значением ‘вертеть(ся), вращать(ся)’ [Журавлев 1980: 52–53, 56–58]: *воробей, вороб, вороб, вороба, воробец, воробыш, воробка, воробок, воробель, вербей, горобец, горобей* и др. [ЛЯРНГ 2]. Таким образом, главным, наиболее заметным качеством воробья в русском языке предстает его подвижность, склонность вертеться, не сидеть на месте.

Следующим по частотности мотивационным признаком в обозначениях воробья является его уподобление человеку, который принадлежит к чужой для населения данной местности национальности. Такие наименования представляют собой результат перенесения на птицу этнонима (названия этноса) или ксенонима (названия инородца). Применительно к воробью это такие обозначения, как *жид, жидик, жидрик, жидак, еврей, пархатый, хохол, чалдон* [ЛЯРНГ 2; Гришанова 2015: 182]. Последняя лексема на русской территории позднего заселения первоначально является обозначением пришлого человека, недавнего выходца из России и, предположительно, заимствованием из монгольских языков [Фасмер IV: 326]. На карте-схеме № 1 отчетливо видно, что концентрируются подобные наименования в юго-западных говорах, что, видимо, объясняется наиболее интенсивными контактами их носителей с нерусским населением.

Нужно сказать, что ксеномотивация — это довольно частотный способ именования животных, насекомых, пресмыкающихся и птиц, которые вызывают у человека негативные эмоции. В их число входят тараканы, мухи, оводы, вши, клопы, мальки рыб, головастики, крысы, а также птицы — воробей и удод [Березович 2007: 426–433; ОЛА 1: 50–51]. Эти живые существа называются по их повадкам (например, навязчивость, вредоносность, массовость появления для насекомых, воробьев, крыс), по необычному внешнему виду и издаваемым звукам (например, удод) или по низкой промысловой ценности (например, мальки рыб и головастики). Обычно в этих лексемах используются корни *жид-, еврей-, цыган-, татар-, нем-, швед-, прус-, шваб-* и т. д. [там же]. Подобные лексеммы свойственны различным славянским и неславянским языкам.

¹ Карта-схема № 1 составлена по материалам следующих карт: № 58 по вопросу Л 249 «Воробей», № 59 по вопросу ЛСЛ 250 «Самка воробья», № 60 по вопросу ЛСЛ 251 «Птенец воробья» (автор — В. Н. Гришанова) [ЛЯРНГ 2].

Еще один признак номинации в названиях воробья — издаваемые им звуки. Например, это лексемы *чёрлик*, *чирік*, *чирікалка*, *чирікало*, *чирікан*, *чирікәнец*, *чиркун*, *чёрлик*, *чёрлик*, *чёрлик*, *варакуша*, *трескун* и др. [ЛЯРНГ 2; Гришанова 2015: 181]. Акустический признак, по данным тома ЛЯРНГ «Животный мир», в орнитонимах является одним из преобладающих. Однако в обозначениях воробья он не самый частотный. Это можно наблюдать и на карте-схеме № 2², где он отмечается в основном в средне- и южнорусских говорах.

Далее в порядке убывания по количеству следуют наименования воробья, в которых отразились его повадки, манера поведения в том виде, в каком они воспринимаются носителями диалекта. На карте-схеме № 2 соответствующие знаки равномерно распределены по всей картографируемой территории. А именно, воробей снова характеризуется как подвижная юркая птичка, что выражается в лексемах *проворыш* (удмурт.) и *пострёл* (иван., свердл.) [ЛЯРНГ 2; Гришанова 2015: 180]. Также в его обозначениях отразился способ приема пищи — в лексеме *клеву́н* (пенз.) [ЛЯРНГ 2].

Кроме того, воробью приписывается склонность к воровству, что следует из наименований *жу́лик* (астрахан.), *развору́й* (ворон.) [ЛЯРНГ 2; Гришанова 2015: 182], *вору́шко* (челяб.) [КЛЯРНГ]. Известно, что воробьи наносят вред сельскому хозяйству, поскольку обклеивают злаковые и ягодные растения. Такое свойство объединяет их в народном сознании с грызунами, насекомыми и другими вредителями. По этнолингвистическим сведениям, обереги посевов от воробьев аналогичны оберегам от мышей и гусениц, а в Белоруссии существует поверье о превращении воробьев в мышей и наоборот в зависимости от погоды [Гура 1995: 430]. С другой стороны, мотив воровства объединяет воробья с другими «нечистыми» птицами, имеющими черную или серую окраску — воронами, галками, грачами и т. п. [там же: 431].

По-видимому, сближение воробья с другими представителями фауны нашло ономазиологическое выражение в языке. А именно, в русских говорах известна лексема *горобёц* с общерусским значением ‘воробей’ [ЛЯРНГ 2; СРНГ 7: 54]. Что касается происхождения, то корень *гороб-* в ней является фонетическим вариантом *вороб-* (ср. *воробёц* ‘воробей’) [ЕСУМ 1: 569–570]. Помимо воробья, *горобёц* используется для наименования других птиц, в частности хищных — вороны и коршуна (респ.

² Карта-схема № 2 составлена по материалам тех же карт, что и карта-схема № 1.

Татарстан) [ЛАРНГ 2], что объясняется их близостью в народной традиции на основе общих воровских повадок. Также *горобѣц* фиксируется в значении ‘суслик’ (удмурт., влад., моск., астрах.) [там же; СРНГ 7: 54] — данную номинацию, кажется, можно истолковать как результат перенесения названия воробья на грызуна, с которым он соотносится по сходству повадок и вреду, наносимому хозяйству (см. выше).

При детальном анализе мотивационных моделей той или иной лексической группы можно определить происхождение отдельных слов и, тем самым, вписать их в нее. Примером тому служат отмеченные в материалах карт ЛАРНГ «Воробей», «Самка воробья» и «Птенец воробья» лексемы *паса́к* (пск., новг.), *паса́ч* (волгоград.) с дериватами *паса́чи́ха* ‘самка воробья’ и *паса́чо́нок* ‘птенец воробья’ (волгоград.) [КЛАРНГ]. По имеющимся сведениям, в словарях и в этимологической литературе эти формы не упоминаются и их принадлежность к названиям воробья неочевидна. Однако в русских говорах отмечены следующие лексемы: *поса́к* ‘вор, мошенник’ (пск., твер.) [СРНГ 30: 137], *поса́ч* ‘босьяк, оборванец’ (олон. (?)), (мн.) ‘жулики, мошенники’ (калин.), ‘ловкач’ (Латв. ССР) [СРНГ 30: 138], *поса́чить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’ (олон. (?)) [там же], *поса́чество* ‘бродяжничество, попрошайничество’ (олон. (?)) [там же]. Кроме того, в новгородской берестяной грамоте первой половины XIV века встретилось слово *посакъ* в контексте: *уов ортимие уо посака три берковесеке* «У Ортемьи-посака (или: Посака) три берковца [вероятно, соли]» (грамота № 1082) [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 15]³. Очень высока вероятность того, что приведенные выше названия воробья появились в результате переноса на юркую птичку данного названия человека, живущего за чужой счет, аналогично их упоминавшимся синонимам *жу́лик*, *развору́й* и *вори́шко*. В таком случае в фонематической записи их следует дать как *поса́к*, *поса́ч*, *поса́чи́ха* и *поса́чо́нок*.

В русских говорах представлены и другие наименования воробья, содержащие негативную коннотацию: *дри́ст* (свердл.), *дри́стун* (арх., свердл., иван.), *дри́стунѣц* (нижегор.), *живодри́стик* (волгоград.), *сра́ле́ц* (иван.) [ЛАРНГ 2]. Их можно трактовать как названия, мотивированные физиологическими особенностями воробья — обилием его помёта [Гришанова 2015: 180], или как исключительно выражение отрицательной эмоции (ср. разг. бран. *засра́нец*, *говню́к*). С другой стороны, в русском

³ Выражаю благодарность редакционной коллегии сборника за указание на данный источник.

языке отмечены однокоренные с ними лексемы со следующими значениями: *дристáть*, *дристану́ть* ‘бояться’ (*Дристанул пучча?* (о событиях в августе 1991 г.)), *дрист* ‘страх, ужас’, *дристу́н* ‘трус’, *дристу́чий* ‘трусливый, малодушный’ [Елистратов 2007: 113], *срать* ‘бояться, опасаться’, *сраль*, *сруль* ‘руг. (часто о трусе)’ [там же: 388]. Если, действительно, внутреннюю форму *дрист*, *дристу́н*, *дристунéц*, *сральéц* можно сформулировать как «пугливый, трус», то к названиям воробья допустимо достаточно надежно отнести имеющиеся в материалах ЛАРНГ слова *пудик* (костром., иван.), *пудя́к* (яросл.) и *пудель* (смол.) [КЛАРНГ]. Они, по всей видимости, являются производными глаголов *пудить*, *пудить* ‘пугать’ (вят., зап., пск., смол.), *пудиться*, *пудиться* ‘пугаться’ (пск., волог.), ‘беспокойно двигаться, метаться (о лошади)’ (киров., вят.) [СРНГ 33: 108], и их исходное значение можно определить как ‘пугливая птичка’. Эта версия подтверждается и с точки зрения лингвогеографии, поскольку и названия воробья *пудик*, *пудя́к*, *пудель*, и их предполагаемые производящие основы отмечаются в основном в севернорусском наречии (вологодские, костромские, ярославские, вятские говоры), а также в западной части средне- и южнорусских говоров (псковские и смоленские говоры). Однако не исключено, что указанные лексемы служат названием не только воробья, но и любой мелкой птицы: ср. краснодар. *пудик* ‘птенец синицы’ [ЛАРНГ 2].

Возвращаясь к мотивационным признакам в названиях воробья, следует сказать о наименее распространенных из них. Во-первых, это внешний вид, окрас оперения — он представлен в лексемах *сэрий* (удмурт.), *серы́ш* (волог.), *серя́вка* (тамбов.), *рыжа́тик* (краснодар.) [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 180]. Он разреженно фиксируется в разных частях Европейской России. Во-вторых, это место обитания воробья, представление о котором отразилось в наименовании *кобыля́тник* (нижегор.) [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 182]. Известно, что воробьи обычно слетаются к лошадиному стойлу, где много овса. В-третьих, в тех же владимирско-поволжских говорах на территории Нижегородской и Владимирской областей дважды отмечена лексема *колду́н* ‘воробей’ [ЛАРНГ 2]. Видимо, в ней выражено народное представление о его магических способностях: у восточных славян есть поверья, что воробей, как и многие другие птицы, может предвещать будущие события, а именно, пролетевший с чириканьем над головой путника сулит неудачу, а влетевший в окно — большую беду или покойника [Тура 1995: 431]. Также показательна здесь и приписываемая воробью способность превращаться в мышь (см. выше).

Подводя итог, можно сказать, что картографирование первичных мотивационных признаков, основанное на их подробном анализе, позволяет, во-первых, выстроить их градацию в отношении частотности употребления и количества лексем, в которых они представлены; во-вторых, наглядно показать их локализацию; в-третьих, на фоне представленного материала прояснить затемненную внутреннюю форму отдельных слов и надежно определить их место в данной лексической группе.

Литература

- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* О явлении лексической ксеномотивации // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 404–467.
- Вендина 2019 — *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас и культурологическая география // *Prace filologiczne*. 2019. Т. LXXIV. S. 301–313.
- Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017 — *Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В.* Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.
- Гришанова 2015 — *Гришанова В. Н.* Номинации воробья как отражение мировосприятия носителей говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2015 / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2015. С. 178–183.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Воробей // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 430–433.
- Елистратов 2007 — *Елистратов В. С.* Толковый словарь русского сленга. М., 2007.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- Журавлев 1980 — *Журавлев А. Ф.* К этимологии слав. **vorb-* ‘птица Passer, воробей’ // *Этимология*. 1978 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1980. С. 52–58.
- КЛАРНГ — Картотека «Лексического атласа русских народных говоров». Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.
- ЛАРНГ 1 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017.
- ЛАРНГ 2 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2. Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2021 (в печати).
- ОЛА 1 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). М.; Л., СПб., 1965–2021–.
- Фасмер — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003. Т. I–IV.

*Summary**Tatiana Shalaeva***Motivational Aspect on the Maps
of “Lexical Atlas of the Russian National Dialects”**

The paper describes motivational maps of “Lexical Atlas of the Russian National Dialects” using one of them as an example. This map (it is presented in two parts) includes motivational attributes of the names for sparrow and is based on the Atlas materials. The maps of this type enable to show differences in frequency and quantity of words in which the concrete attribute is used. Also they demonstrate their geographical localization. And apart from this their analysis makes possible to clarify the inner form of some words and as a result to define their position in a given lexical group.

Keywords: Russian dialectology, linguistic geography, “Lexical Atlas of the Russian National Dialects”, motivational attributes, etymology, sparrow.

*А. Ф. Журавлёв
(Москва)*

Десемантизация корня как дериватологическая проблема (на материале производных глаголов в русских говорах)

В дериватологии (шире — в теории номинации) недооценивается роль такого важного фактора в возникновении лексических единиц, как семантическое опустошение корневых морфем. В статье рассматриваются русские диалектные экспрессивные глаголы, образованные большей частью способом конфиксации, у которых отсутствует связь между этимологическим значением корня и семантикой целого. Значения таких слов не сосредоточены в корне, как при стандартной деривации, а передаются самой словообразовательной конструкцией. По мнению автора, теоретическое игнорирование регулярной десемантизации не позволяет достичь адекватности в описании принципов и механизмов номинации.

Ключевые слова: номинация, словообразование, русские диалекты, глагол, корень, десемантизация, формально-смысловая асимметрия, экспрессивность

Состояние научной дисциплины до известной степени отражается университетскими учебными пособиями, которые ей посвящены. Всякий, кто ознакомился с учебниками русской диалектологии, видимо, замечал отсутствие в них разделов по словообразованию, несмотря на то, что дериватологическим проблемам уделено большое количество диалектологических исследований. Исключением стал учебник русской диалектологии [Касаткин (ред.) 2005], в котором впервые появился небольшой раздел «Словообразование», написанный О. Г. Гецовой¹. Многочислен-

¹ Ранее некоторые, весьма поверхностные, сведения о «структурной мотивированности» диалектного слова нашли место в учебном пособии по диалектной лексикологии [Блинова 1984]. После упомянутого учебника с очерком О. Г. Гецовой параграфы «Словообразование» стали встречаться в пособиях, издаваемых «на местах» (например, малый по объёму и суммарного характера, почти без примеров, раздел в [Мочалова 2008: 40–41]). Диалектному словообразованию посвящён ряд дидактических по характеру сочинений Е. М. Пантелеевой, Е. Н. Шабровой и др. Но в целом ситуация остаётся прежней.

ные исследования по диалектному словообразованию большей частью обращены к отдельным явлениям и их характеристикам — семантике и функциям того или иного суффикса или префикса, даже словообразовательных моделей, к строению словообразовательных гнёзд, в том числе с историческими и этимологическими комментариями, к географии аффиксов, но цельных описаний как деривационных систем частных диалектов, так и, тем более, словообразовательного уровня диалектной диасистемы в целом, явно недостаёт.

Причины такому положению вещей меньше всего нужно искать в субъективных факторах — в какой-то нерасторопности диалектологов, в недостатке теоретической рефлексии, и не в таких более, казалось бы, «объективных» моментах, как отрывочность диалектных данных, лакунность имеющихся описаний и проч., а, во-первых, в природе самого диалектного материала, неудобного для первичной систематизации и дальнейшей разработки, и, во-вторых, в ненужной оглядке на брезгливую грамматику кодифицированного идиома.

Забываясь о респектабельности своего предмета, грамматические описания литературного языка стараются представить его регулярной и стройной формацией, особо подчёркивая его нормативность, действенность унифицирующих тенденций, высокую устойчивость морфемики, исчислимость моделей, разграниченность и отшлифованность функциональных стилей и т. д. До известной степени это оправданно. Но подходы, практикуемые в описаниях идиома с подобными свойствами, зачастую оказываются малопригодными в изучении строя территориальных диалектов. Исследователь диалектов вынужден иметь дело с иррегулярностью, сильной варьируемостью материала, проблематичным присутствием нормы, смешением моделей, большей подверженностью иносистемным влияниям, обилием «пережиточных» фактов, следами субстрата, анархией в сложении лексикона... В перечисленных особенностях, обусловленных устным существованием говоров, заключаются не только трудности диалектологического описания, но и — признаётся преданный своему делу диалектолог — неодолимая привлекательность этой языковой стихии.

Целостное описание словообразования идиома или группы близкородственных идиомов, каковой является и совокупность диалектов одного языка, разумно начинать с морфемики, с исчисления морфемного репертуара, но в силу наблюдаемой варьируемости материала синхронное отождествление морфем, а тем самым и выявление их «списочного» состава, нередко представляет неразрешимые проблемы. Неустойчивость

материального облика морфем, взаимное их наложение, пониженная распознаваемость морфемных швов мешают последовательно использовать диахронический анализ для синхронной идентификации и аффиксов и, в ещё большей степени, корневых единиц. Сложности соотношения и разграничения формальных единиц значительно усугубляются таким свойством диалектной лексики, как лабильность словесных значений, и таким явлением, как семантическое опустошение основ.

Историкам лексики, этимологам в частности, феномен семантической эрозии (многообразные проявления которой ещё нуждаются в детализации причин и характеристик) знаком, но предметом специальных наблюдений и теоретического осмысления он становится исключительно редко. Больше того, дериватологические описания что территориальных говоров, что кодифицированных идиомов, похоже, тщательно избегают даже упоминания явлений морфемной десемантизации, выветривания значений, по-видимому, относя их не к неумолимой тенденции, а к досадным помехам, до преодоления которых пока просто не дошли руки. О существовании семантической эрозии основ и корневых морфем знают или догадываются, но в парадную прихожую её не пускают, а посылают на чёрную лестницу. Красноречиво то обстоятельство, что даже в крупных грамматиках системные описания аффиксов и словообразовательных моделей устойчиво уклоняются от привлечения слов с формально-смысловой асимметрией, несущих слабые приметы неактуальных уже тропических сдвигов или утративших выводимость из фразеологии, — вроде *втрескаться*, *огорошить* (о нём см. [Журавлёв 2021]), *распатронить*, *приструнить* или *сморозить* ‘сказать глупость’ (в издании «словаря Ожегова» с включением сведений о происхождении слов последняя вокабула имеет отсылку «К *морозить*»), тогда как в указанной словарной позиции нет ни малейшего намёка на наличие у производящего глагола какой-либо ментальной семантики; русский этого равнодушно не заметит, но любознательный иностранец, осваивающий тонкости мотиваций в нашем языке, вынужден пребывать в недоумении). Грамматики выбирают удобные и наглядные словопроизводственные отношения, а «ненаглядные» предпочитают не видеть и не обсуждать, как бы их нет вообще. Семантические диссонансы в круг интересов прескриптивной дериватологии не входят. В грамматиках язык предъясняется более «правильным», симметричным и плоским, чем он есть.

Энтропия морфемной семантики затрагивает все части речи, но, пожалуй, в наибольшей мере содержательная деградация корня характер-

на для глагола². Когда о семантической эрозии говорят применительно к глаголу, чаще прочего имеют в виду ослабление назывной функции в пользу строевой, перемещение знаменательных лексических единиц в зону грамматических формантов, ср. *братъ начало, вести наблюдение, нанести оскорбление, отдать приказ* и под., диал. *взять в смешки* 'поднять на смех', *взять поворота* 'повернуть', *взять в тям* 'догадаться', фолькл. *жалобу творить, творить послушание, творить любовь* 'жить в любви' и под. Но в предлагаемых заметках, опирающихся на материал говоров, речь пойдёт о явлениях, касающихся именно семантики глагольного корня или основы и обнаруживающихся в словопроизводстве.

Демотивация глагола, разрывы в значениях между «стартовым» морфемным материалом и результатом словообразовательного акта особенно видны во многочисленных примерах экспрессивной глагольной лексики. Здесь можно наблюдать как постепенное ослабление собственной семантики корня в целом гнезде, в некоторых предельных моментах приводящее к невозможности усмотрения их смысловой (но не формальной!) связи с этимологическим корнем, — так и полное снятие исходной семантики корня в разовой деривации, носящее либо патологический, либо совершенно осознанный, а иной раз и провокативный характер. Такие смысловые смещения не относятся к особенностям лексики лишь народных говоров, но диалектная речь, в силу названных выше её особенностей, порождаемых устным модусом существования, даёт материал несравнимо более разнообразный и яркий, чем кодифицированные идиомы, что и определило здесь ориентацию именно на диалектные источники.

Первый круг явлений, то есть растворение этимологического значения корня (основы) в ветвях деривационных гнёзд вплоть до полной его утраты, можно иллюстрировать примером богатого на глагольные производные словообразовательного кластера *собак-/собач-*, формальная спаянность которого сомнению не подвергается (по исчерпанным показаниям СРНГ, дополненным, в квадратных скобках, сведениями Даля и некоторых региональных словарей, а также общеизвестными фактами недиалектной «низовой» речи):

² Ср. о польском глаголе: «Ustalenie relacji formalno-semantycznych w obrębie czasownika jest trudniejsze aniżeli przy innych częściach mowy»; и далее: «Wreszcie charakterystyczna dla czasownika jest duża ilość wyrazów, które są podzielne tylko formalne, łatwo wyodrębnić w nich prefiks i temat, semantycznie jednak już one niemotywowane» [Grzegorzczukowa 1981: 74].

Собачить. 1. Баловаться, шалить. || Делать пакости, портить что-либо. 2. Скреплять, соединять толстой жердью звенья плота. [Зло ругать.]

Собачиться. 1. Развлекаться, забавляться, вести себя несерьёзно, озорно. || Шалить, баловаться. || Злить, раздражая чем-либо, дразниться. [Переругиваться.] 2. Привыкать к буйной, неприличной жизни.

(+ *Собачливый* ‘бранчливый, ругливый’ — отглагольный дериват, к *собачиться*.)

[*Всобачить*. (1.) Вставить, вбить, вколотить. (2.) Насильно вручить, заставить взять.]

Высобачить. Выругать, обляять кого-либо.

[*Дособачиться*. Доссориться, добраниться, доругаться вздоря.]

Засобачить. 1. Затянуть песком, илом. [*Засобачило. Затянуло, зажало; засе-ло; морск. заело.*] 2. Засунуть, спрятать, положить куда-либо и забыть об этом. 3. Начать кричать на кого-либо, начать ругаться. 4. Начать плохо, непорядочно поступать.

Засобачиться. 1. Начать браниться с кем-либо. [Переругаться донельзя]. 2. Задеваться куда-либо, исчезнуть, пропасть.

[*Иссобачиться*. Переругаться. || *Сделаться собакой.]

Насобачиться. Привыкнуть к дерзкому обращению с кем-либо. || Привыкнуть вести себя нагло, хулиганить. [Пособачиться вдоволь, набраниться. || Наловчиться, приобрести навык. || Напиться пьяным.]

(+ *Несобачливый* ‘не склонный к ругани, легко уживающийся с окружающими’ — производное от *собачиться* ‘переругиваться’.)

Обсобачить. 1. Обругать, резко упрекнуть. 2. Озлобить, ожесточить кого-либо. [*Обсобачить*. Обругать. || Приучить лаяться, браниться.]

Обсобачиться. 1. Сильно рассердиться, рассвирепеть. 2. Стать грубым, потерять совесть, стыд. 3. Озлобиться, ожесточиться.

Отсобачить. Отрезать слишком много. || Отрезать самовольно. [Открепить, отделить; откромить.]

[*Отсобачиться*. Отгрызться, отбраниться.]

Пересобачить. 1. Превысить меру в чем-либо, переборщить; проявить излишнее усердие. || Пересолить (еду). || Выпить лишнего, перепить. || Наговорить лишнего. || Изругать, перебранить всех, многих; взять верх в споре, брани. 2. Переломить сильным ударом. 3. Сильно утомить, натрудить.

Пересобачиться. Перессориться, переругаться.

[*Пособачиться*. Перебраниться, поссориться.]

[*Присобачить*. Прикрепить; подсоединить.]

[*Присобачиться*. (1.) Пристать с бранью, прицепиться. (2.) Приспособиться, наловчиться.]

Прособачить. 1. Проткнуть, ранить. 2. Прозевать, упустить, проморгать. 3. Бегом, быстро сбежать куда-либо.

[*Прособачиться*. Провести какое-либо время в перебранке.]

Рассобачить. 1. Обругать, облаять. 2. Разодрать, разорвать; разбить.

Рассобачиться. Расшалиться, разыграться, расшуметься (о детях). [Разругаться, поссориться.]

Все слова этого перечня структурно прозрачны. Лексема *собака* в приведённых толкованиях встречается только однажды: *иссобачиться*: «*сделаться собакой», где далевский астериск указывает на переносное значение мотивирующего слова. Однако с ним, без сомнения, соотнесены все значения, не выделенные выше подчёркиванием; они группируются вокруг идей «озорство, шум», «дурные манеры», «грубость, дерзость», «злоба», «брань, ссора»; толкования всех глаголов с этой семантикой могут расширены оговоркой «уподобляясь собаке», включая, наверное, и удалённые ‘натрудить, утомить’ (*устал как собака*), ‘напиться пьяным’ (хотя пьющие собаки, кажется, редкость). Подчёркнутые же толковательные формулы непосредственно с идеей «собаки» не связаны. Значение *присобачить* ‘приделать, прикрепить’ может быть увязано с метафорическими названиями некоторых технических ухищрений вроде *собачки* ‘соединительные детали в ткацком стане’, ‘клинья, скрепляющие раму телеги с подушкой’, урал. *собачина* ‘жердь для скрепления звеньев плота’, вятск. *собака* ‘приспособление в виде скобы, крюка для закрепления обручей бочки’, и под. (ср. другие названия технических скреп — *волчки, лисица, кошки, векошки*), гораздо менее вероятна связь с идеей «цепляния» (ср. *прицепиться* ‘пристать с лаем, о собаке, или с какою-либо докукой, о человеке’), однако глагол *присобачить* давно выпростался из таких териоморфных ассоциаций и в современном сознании с обозначением домашнего животного соотносится лишь формально. Отметим, что антоним *отсобачить* получен заменой приставки, в неполно показанном значении ‘отрезать’, возможно, относясь к практике передела земельных владений; неясно, не является ли арханг. *собачить* ‘скреплять, соединять толстой жердью звенья плота’ результатом обратной деривации — устранения префикса *при-*. Не отчётливо просматриваются смысловые отношения, кроющиеся в глаголе *засобачить* ‘подевать, засунуть, забыв куда’ (с возвратным производным на *-ся* ‘исчезнуть, запропасться’), который на первый взгляд моделирует ситуацию «прятания собакой недогрызенной кости»; глагол переходный, тогда как большинство других глаголов подобной структуры, производных от имён живых существ, являются интранзитивами, в которых носитель

отправного имени служит объектом сравнения (ср. диал. *забычить* ‘заупрямиться (подобно быку)’, *зажелнить* ‘задолбить носом, как желна’; беспрефиксные *сорочить*, *свинячить*, *змеиться*); к тому же ‘прятать’ — действие целенаправленное, а *засобачивают* нечаянно и бесконтрольно. Заметное место в семантике гнезда занимает значение ‘наловчиться’; глагол *насобачиться* Л. В. Куркина (в том же «этимологическом Ожегове»), вслед за многочисленными интерпретаторами, связывает с фразеологизмом *собаку съел*, в основе которого «возм., лежит представление о приобретении знания или умения через колдовство, магию; собака связана с загробным миром и обладает способностью чутя демонов и предвещать смерть; поедание собачьего мяса способствует развитию способностей предвидения»; объяснение более чем спорно. Столь же затруднительны попытки рационального увязывания с идеей «собаки» остальных значений — ‘затянуть илом’, ‘застрять’, ‘переломить сильным ударом’, ‘проткнуть’, ‘пересолить’ и проч.

Однако сведение всех значений глагольных единиц, входящих в обширное диалокальное словообразовательное гнездо, всё же оставляет впечатление, что мы имеем дело с некоей цельностью, правда, характеризующейся постепенно выдыхающимися семантическими связями — от значений, прямо вызывающих к этимону, через ослабленные смыслы, мерцающие всё менее убедительно, к значениям, которые с этимологической семантикой корня уже не имеют ничего общего.

Иной эффект производят номинации, свидетельствуемые по большей части единичными словарными регистрациями, в которых нюансируемых смысловых звеньев, промежуточных между этимоном и деривационным результатом, выявить не удаётся: здесь мы встречаемся не с поддающимся наблюдению постепенным выветриванием исходного значения, а с резким семантическим перескоком³. Это не значит, что реконструировать промежуточные звенья решительно невозможно, однако во множестве случаев намерение прорисовать логические пунктиры обернётся домысливанием к ситуации недоказуемых подробностей и будет отдавать натужной подгонкой к желаемому. Если глаголы *накраситься*, *намаститься*, *насандалиться*, *наканифолиться*, несущие значение ‘напиться допьяна’, могут быть поняты как ‘под воздействием алкоголя прийти в «улучшенное» состояние (подобно тому как «улучшению» раз-

³ Некоторые исследователи такие номинации — *натрезвониться* ‘наестся досыта’, *сарафанить* ‘бить’ — называют (не слишком удачно) «парадоксальными», см. [Матвеева 1981: 144].

личных вещей служат краска, масло, сандал, канифоль)’, то близкие по внешнему устройству и передающие ту же семантику ‘опьянения’ глаголы *наканцеляриться*, *наквакаться*, *наkozyряться*, *накургузиться*, а тем более отгопонимические в конечном счёте *наюрдониться* (к *Иордан*), *наколываниться* (к *Колывань*), подобному декодированию не поддаются (указания на курск. *ирданка* ‘водка’, калуж. *колывань* ‘празднество, пир’ ситуации не спасают). Даже если настойчивому семасиологу-историку удастся отыскать стёршиеся во времени моменты, которые могли бы подтолкнуть к рациональному объяснению «финального» значения производного (потухшая метафора, нераспознанная звукосимволика, трансформация в духе народной этимологии, которая как правило пренебрегает связанностью значений, и проч.), в синхронном плане всё равно останется его несоотнесённость с этимоном, свидетельствующая о расшатывании, а в предельных случаях о вырождении исконной семантики корня.

В качестве показательных примеров отсутствия или сомнительности связей между исходной семантикой корня и значением слова, на синхронном уровне воспринимаемого как производное, привлечём диалектные глаголы разной степени экспрессивности. Большинство их сравнимо с результатами конфиксации или таковыми и является. Источником взят добротный в лексикографическом отношении дифференциальный [Словарь Мордовии] (более 23 200 слов; материал записывался в четыре последние десятилетия прошлого века). Ниже приводятся глаголы лишь с корнями, известными литературному идиому: диалектный корнеслов, не пересекающийся с кодифицированным, потребовал бы разъяснений и отсылок, которые перегрузили бы работу и могли бы осложнить её восприятие. Параллели в комментариях, не сопровождаемые лексикографическими адресами, извлечены из [СРНГ].

- *Прибары́шиться* ‘упасть, свалиться’.

Связей со значением базового слова ‘прибыль, выручка’ не просматривается. Впрочем, *упадает, сваливается, при-валивает* «удача, счастье», но такие случаи весьма мало напоминают физическое падение человека (ср. в иллюстрации: «Ничаво ни зашыбль»). Любопытна, однако, невозвратная форма *прибары́шить* ‘избить, побить’. Её можно трактовать как своего рода супплетивный конверсив к *получить* ‘стать наказанным, побитым’ (*Ты у меня получишь!*, ср. *огрести по полной*) и, таким образом, увидеть в ней внутреннюю мотивированность, хотя бы и ироническую. Сказывается ли это семантическим рикошетом на комментируемой форме?

● *Разбубнить* ‘гоня, заставить разойтись, разогнать’ (в иллюстрации — расшалившихся детей).

Из немногих семантических зацепок — псков. *бубнить* ‘бранить’, но как объяснительный момент она ненадёжна в силу территориальной удалённости и давности регистрации (1899), то есть автономности по отношению к комментируемому казусу. Возможно, имеет отдалённое отношение к *забубённый* (← **забубнить*) (собственно, ‘меченный «бубновым тузом» — клеймом каторжника»⁴). По многочисленным наблюдениям лингвистов, занимавшихся редупликацией, фонетические структуры C_1VC_1 , с повторением консонантных элементов, обладают повышенной привлекательностью в формировании корнеслова экспрессивной номинации, в частности глагольной; см. ниже о корне *-татар-*.

● *Разбумаживать* ‘разбрасывать, раскидывать’ (в иллюстрации — о кудели).

Е. Л. Березович (в устном обсуждении) предложила видеть уподобление кудели бумаге как субстанции, поддающейся раскидыванию. Гадательно: в деревенском быту быть разбрасываемой — далеко не самое очевидное свойство бумаги. Насколько связано со следующим?

● *Разбумажить* ‘сделать жидким, развести’ (тесто, белила).

Фонетически пересекается с арготич. *разбодяжить* ‘разбавить’ (алкоголь) и диал. (в этом же Словаре Мордовии) *разбодяга* ‘половник’, но притяжение семантикой ‘жидкий, разбавлять’ формы, прочно ориентированной на значение ‘бумага / бумажный’, выглядит странно. Неожиданно, однако, выявилось параллельное формально-семантическое схождение нижегор. *разбумажиться* ‘развеселиться, расходиться, разгуляться, расщедриться’ — (б/м) *бадяжничать* ‘шутить, дурачиться’ [Даль]. Кроме того, ввиду диал. *гумага* ‘бумага’, в сличение просятся и формы *разгумажить* ‘поставить (самовар)’, *разгумажиться* ‘нарядиться’, ‘ззаняться’.

● *Разгнédаться* ‘расплакаться’.

Поверхностно-формально соотносится с *гнедой*, но абсурдность такого сближения заставляет искать ложноэтимологический сдвиг. Во

⁴ Цитируемое М. Фасмером (и подробно развитое в [Черных I: 312]) мнение И. М. Желтова о выводимости *забубённый* из *забобоны* ‘суеверие’ ошибочно, как и собственная его догадка о буквальном смысле выражения *забубённое пьянство* — «пирушка с музыкой [“бубнами”]» [Фасмер II: 71].

владимирских, воронежских говорах отмечено *гнѣдаться* — ‘капризничать (преимущественно о ребёнке)’; связано с *гнев*, ср.: «Не *гневи* же ты ребенка-то!» (яросл.). Однако см. ниже, о глаголе *осаверасить*.

● *Перезмеять* ‘сгнуть’.

Наивноэтимологическое подновление корня с утраченной прочитываемостью в *перезнеять* ‘истлеть’ (в этом же Словаре Мордовии) ← *знеть* ‘раскаляться’, далее *зной*. Собственная семантика заменяющей морфемы «не имеет значения».

● *Наконовáлить* ‘налгать’.

Профессия коновала, аналогично фигурам знахаря, лекаря, кузнеца, печника, рассматривается как замешенная на необщем знании и умениях, включая вредоносные, что вызывает в обществе известную насторожённость к нему (лживость коновала увековечена в классике: «...бежал из службы, таскался... по всем захолустьям России..., *коновалил*, покупал, крал и продавал лошадей, *обманывал* кого и где мог...» — И. Лажечников, «Ледяной дом»), но объяснять данный ономаσιологический случай таким недоверием всё же рискованно. Напрашивающаяся «параллель» *врач* : *врать* вызывает большие сомнения; подробнее см. [Аникин РЭС 9: 35–36].

● *Полаты́нить* ‘оборвать, сорвать (плоды)’.

Если здесь результат ложноэтимологических преобразований, то выявить их лишь предстоит. Ср. ниже *ополушубить*. Обычно же с корнем *латын-* связывается представление о чём-то чужеродном, не соответствующем привычному, норме: нижегор., сибир. *облаты́ниться* ‘переменить привычки, измениться в поведении, образе жизни’, колым. ‘обмануться, просчитаться’ [Чикачев: 41], из книжной, видимо старообрядческой, речи (ср. *облаты́нити* [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 68]) — о порче, искажении веры под влиянием католицизма).

● *Полобызáть* ‘пойти, отправиться куда-либо’.

Привлечение слов с корнями *-лобз-* / *-лобыз-*, *-лобуз-*, *-лабз-*, *-лабаз-* и проч. ничего не даёт (похожее значение обнаруживает лишь фонетически отдалённое вятск. *лáвазить* ‘часто ходить к кому-либо’, но принять его участие в возникновении комментируемого глагола было бы чистым домыслом). Скорее всего, в примере на *-лобыз-* мы имеем дело со старой, праславянского возраста, ономатопеической основой, размытая семантика которой способствует её эксплуатации в различных экспрессивных об-

разованиях (недаром термин «экспрессивный» настойчиво повторяется в статьях этимологического лексикона, посвящённых словам этого гнезда [ЭССЯ 15: 239–244]). Ср.: «Не ставя здесь вопрос об этимологии слав. **lobъz-ati*..., при х о д и т с я всё-таки отметить, что он решается очень приблизительно» [Топоров ПЯ К–L: 409].

- *Намы́згаться* ‘надушиться (духами)’.

Чрезвычайно широкий круг плохо сводимых в целое диалектных значений в гнезде *-мызг-* (известном, по данным [ЭССЯ 21: 89–90], только в восточнославянских языках) вновь толкает к мысли о его изначальной экспрессивности, способствующей многоприменимости основы в решении ономаσιологических заданий (лишь некоторая часть значений отталкивается от идеи «влажности, мозглости»).

- *Запичу́жить* (1) ‘заколоть, убить на мясо’; (2) ‘положить, убрать так, что трудно найти’; (3) ‘посадить в тюрьму’.

Адресация к *пичуга* ‘мелкая *пикающая* птица’ как источнику номинаций очевидно несостоятельна. Глаголы с корнем *-пичуж-* характеризуются сильной экспрессивностью: *пичу́жить* ‘давить, жать’, ‘прятать’, ‘ругать’, *запичу́жить* ‘задавить кого-либо’, *испичу́жить* (о водяном демоне: «Попавшихся ей в руки иногда “сужамкает и испичужит”»), *опичу́жить* ‘съесть всё, доесть’, *распичу́жить* ‘разогнать, заставить уйти’ (и, кроме того, с назальной инфиксацией, *запинчу́жить* ‘утомить, замучить’). Их семантика не сводима к единому этимону (лишь часть значений ассоциируется с ‘пихать’) и подталкивает к мысли, что в основе всех приведенных глагольных образований лежит прежде всего выразительная фонетическая форма, а не «идея».

- *Ополушубить* ‘оборвать, оборвать (плоды в саду, огороде)’.

Морфемное устройство глагола очевидно избыточно: идея прореживания (урожая) выражена комплексом *о-полу-*, ср. территориально близкое пенз. *ополубэнить* ‘о по л о в и н и т ь, оборвать (плоды, ягоды и т. п.)’⁵, включение же морфемы *-шуб-*, явно вдохновлённое существованием основы *полушуб-(ок)*, вполне иррационально и весьма близко явлению

⁵ По нашим соображениям, слова *ополубэнить*, урал. *сполубэнить* ‘сорвать кусок кожи с животного, человека, кусок коры с дерева и т. п.’, пенз. *исполубэнить* ‘переломать, перемешать всё (в доме, огороде и т. п.)’ нужно членить с выделением корня *-луб-*, ср. *исполубить* то же, что *ополубэнить*. Таким образом, в привлечённом к комментарию глаголе *ополубэнить* мы сталкиваемся с метанализом и переосмыслением в пользу морфемного комплекса *-пол-у-*.

трансрадикации (присутствие которой в системе русского словообразования в полемике с нами неубедительно отрицается И. С. Улухановым; см. [Журавлёв 1982: 73–75; Улуханов 2012: 388, 392–396]).

● **Обры́биться** (1) ‘освоиться, привыкнуть’; (2) ‘не получить желаемого, ошибиться в расчётах’.

К значению (2) добавляются вятск. *обры́било* ‘не удалось, сорвалось что-либо’, перм., вятск., сибир. *обры́биться* ‘сделать что-либо неудачно, ошибиться, оплошать’, *зары́бить* ‘ошибиться в расчёте, получив меньше ожидаемого’, сев.-двин. *ры́бник* ‘случайный пропуск при вспашке’. На семантическую эмансипацию лексики вроде арханг. *ры́бниться* ‘есть рыбу в строгий пост, когда она запрещена’, *обры́бниться* ‘оскоромиться рыбой в дни особого поста’ похоже мало. Семантика ‘конфузности’ не исключает далёкой связи с фразеологией вроде *рыбу ловить / поймать* ‘(об)мочиться в постели (обычно о ребёнке)’. Но в любом случае эти смысловые зависимости не на поверхности. К формированию же слова в значении (1) оправдательных аналогий не обнаружено (вряд ли иллюстрирующая значение фраза «...привезли робёнок дикарь-дикарём, тут *обрыбился*, привык ко фсем и плакать перестал» вызовет сравнение *как рыба в воде*, скорее уместное для описания нагловатой уверенности в себе).

● **Насавра́суть** ‘наложить в большом количестве’; для одной из иллюстраций точнее: ‘наполнить’ (кошёлку и т. п.).

См. след.

● **Осавра́суть** ‘изнурить, лишить силы’.

У В. Астафьева («Последний поклон», «Печальный детектив», «Обертон») глагол *осаврасить* употребляется в значении ‘обуздать, присмирить’. Для утверждения выводимости глагола из поговорки *Умыкали савраску горы да овражки* [Даль] нужно знать географию и масштабы популярности последней; намного шире известна поговорка того же содержания *Укатали сивку крутые горки*. Имеет ли глагол смысловое соприкосновение с *саврасить* ‘бездельничать’ [Словарь Карелии]? Вообще же, нужно заметить, наименования лошадиных мастей дают богатый материал для наблюдений над того рода семантическими смещениями, который стал предметом настоящей работы (независимо от многообразия и несходства конкретных причин, приведших к видимой синхронной картине), — от аллюзивной игры обозначениями мастей в известной песне «У меня, младой, муж гнедой... А я, млада, каряя... Дети мои пегие

По улице бегали...» до лексических фактов *насавр́аситься* ‘наколоться на что-либо острое’ [Новгородский словарь], *разне́даться* ‘расплакаться’, *осоловеть* ‘разомлеть, опьянеть’, *набула́ниться* ‘наесться, напиться вдоволь’, *запе́житься* ‘удавиться’, *кау́риться* ‘сердиться’, ‘морщиться, угрюмиться’, ‘чуждаться, дичиться’, ‘упрямиться’ (с именными производными), диал., прост., жарг. *забу́реть* в разных значениях, ранее остального ‘освоиться, приобрести несвойственные прежде манеры, втянуться в некий род деятельности’. Чем можно объяснить этот явно аномальный «гиппологический» крен?

- *Отсары́чить* ‘отделить, отрезать’ (обычно о хлебе).

Ср. ещё тобол. *засары́чить* ‘зацепить’; антоним? Переключку с орнитонимом-тюркизмом, наверно, нужно оценивать как патологическую.

- *Уса́харить(ся)* (1) ‘испачкать(ся)’; (2) ‘утомить(ся), измучить(ся)’.

Значение (2) ср. с *рассоло́дить* ‘привести в состояние бессилия, изнеможения’, *рассоло́деветь* ‘разомлеть, осоловеть’. Обращает на себя внимание несводимость значений (1) и (2) к сходным импульсам.

- *Насковоро́жить* ‘написать неразборчиво’.

Отношение к *сковорода* вторично и чисто формально. Представляет собою ложноэтимологическую замену основы; ближайшие формы с тем же значением — перм. *наваракóсить* ‘плохо, неразборчиво написать’, рус. гов. Карелии *наворокóшить* ‘написать кое-как’, далее многочисленные *варáк(ó)са*, *варáкcать*, *варáкать* и проч. с семантической доминантой ‘делать плохо, неумело’. Реэтимологизация могла быть вызвана непрозрачностью внутренней формы, не слишком ясной и для этимологов (см. [Аникин РЭС 6: 66–68 и далее]).

- *Прискр́ипчить* ‘настигнуть, прийти’ (о беде).

Основа *-скр́ипч-* соотносима, кажется, только со словом *скр́ипка*. Логика неисповедима.

- *Присмо́лить* ‘ударить, стукнуть’.

Удивительным образом название смолы, субстанции вязкой и липучей (ср. *пристал как смоль*), становится ономасиологической основой для обозначений действий, требующих быстроты и энергии: диал. *смо́лить* ‘быстро идти, бежать’, *засмо́лить* ‘с силой ударить’, *засма́ливать* ‘начинать быстро, энергично что-либо делать’, ‘вбивать’ (гвоздь, клин), *насмо́лить* ‘избить, отколотить’, *насма́ливать* ‘энергично делать что-

либо, работать', 'быстро бежать, ехать' и под. Вероятно, это результат утраты семантического компонента 'огонь' в стандартном метафорическом преобразовании 'ожечь' → 'ударить' (с дальнейшим смещением к значению 'быстро двигаться').

- *Присолод́иться* 'присоединиться, пристроиться'.

Семантическое несхождение наблюдается, например, и в кубан. (за)-*солодовáться* '(за)возиться, медленно и долго делать что-либо'.

- *Подсубо́бить* 'дать, вручить обманом что-либо недоброкачественное, ненужное', *подсубо́бить свинью* то же.

Из *подсудоб́ить*, со спорной этимологией — либо к **sq-(ьb)*- (как усматривается Далем), либо к **sq-dob-* (что представляется значительно более вероятным). При принятии второй этимологической версии в *подсудоб́ить* (→ *подсубо́бить*) выявляется иронический смысл. Ср. след.

- *Присубо́бить* 'присвоить что-либо подлежащее возврату'. Ср. *присудоб́ить(ся)* 'присоединить(ся), примкнуть'.

- *Притата́риться* 'умереть, скончаться'; *утата́риться* то же; *утата́рить* 'лишить жизни, убить'.

Фонетическая последовательность *татаp-*, ассоциируемая прежде всего с наименованием этноса, наделяется негативным содержанием, ср. арханг. *татарские очи* о бездельнике, обманщике, *растата́рить* 'истратить, промотать', 'распродать', *растата́рничать* 'промотать'. Ср. также звукосимволику образований *утетэ́рить* 'сильно избить кого' (также *утетэ́шить* 'убить кого'), в других значениях — *затото́рить* 'затерять, задевать куда-либо', *растото́риться* 'развести (о весенней распутице)', *тытэ́рить* 'обманывать кого-либо', *притаты́рить(ся)* 'явиться без приглашения' (ср. пословицу о незваном госте), *растуту́ра* 'раздор, несогласие; неурядица' и под. В данном случае уместно сказать, что ономаσιологической базой взят выразительный консонантный комплекс *т-т-р* — сам по себе с «никаким» значением, но вокалическое его насыщение (с ударением на втором гласном) осуществлено с ориентацией на этноним с традиционно отрицательными коннотациями. Кстати, упомянутый глагол *растатаpить* перекликается со словац. диал. *roztatárit'* 'расточить, растранжирить' [SSJ III: 230], *odtatárit'* 'безрассудно лишиться кого/чего-л.' [SSJ II: 517], к которым Л. Кралик добавляет испытавшее диссимилиацию словац. диал. *zatafárit'* 'нерасчётливо потратить, потерять' [Кралик 2006: 162]; разумеется, здесь сказывается недобрая память, которую оставили

по себе нашествие «татаро-монгол» на Венгрию и османская оккупация части Словакии, но объяснение только историческими событиями («семантика легкомысленного расходования может быть неким отголоском семантики разорения, разрушения»), без обращения к собственно языковым факторам, обнаруживает ощутимую неполноту.

- *Растелѣжиться* ‘заболеть серьёзно, расхвораться’.

Возможно, притягивающим оказался «образ» *телеги* как чего-то неуклюжего и неудобного (ср. кемер. *растележиться* ‘разместившись где-либо, занять какое-либо место, загромоздить его’), хотя экспликация метафоры затруднительна (из образного *(*скрипеть*) как старая телега? ср. в письмах М. Горького: «скриплю и кашляю, как старые дрожки»). Ср. яросл. *затележить* ‘сделать что-либо больше, чем нужно, или грубее, чем обычно’. Помимо того, можно предположить косвенное влияние экспрессивных образований с идеофонической подоплёкой вроде *растелѣпа, растелѣпа, растелѣха* ‘неповоротливый человек’, безличн. *растелѣпило* (кого) ‘расслабило, разморило (от долгого лежания)’.

- *Утопыриться* ‘уйти’ (с оттенком неодобрения: «Мать утапыриць с утра, тьк да вечерь ни сыщиш»).

Не может ли быть экспрессивным суффиксальным расширением основы глагола *у-топать*? Ср. *глазырить* ‘глазеть’, *глудзырить* ‘толковать; думать, рассуждать’, *размотырить* ‘размотать, распутать’. Можно предположить, конечно, что *-топыр-* указывает на осанку, неловкую манеру ходить, то есть основа использована в своём значении, но это так и останется гадательным.

- *Втявкаться* ‘влюбиться’.

Влюблённость иной раз бывает неловкой и отяготительной (ср. *влипнуть, вляпаться, втяпаться, втепаться, втюриться*), но для объяснения позиция облаиваемого собаками не напрашивается даже в виде далёкой ситуационной параллели. Тем более что устройство глагола скорее диктует буквальное прочтение ‘(самому) втянуться в брѣх, тьяканье’. Скорее всего, эксплуатация основы *тявк(-ать)* вызвана действием «чистой» экспрессии, не обременяющей себя никакими этимологическими обязательствами.

- *Захомячить* безличн. ‘затянуться тучами’.

Смысловая зависимость от *хомяк* невразумительна. Может быть, имеет отношение к территориально недалёкому нижегор. *хом* ‘бугор, кочка’,

также сев.-двин. 'холм', далее к мифологеме «облако, туча = гора» [Афанасьев ПВСП II: 350; Журавлёв 2005: 513]? Малонадёжно.

● *Заиуру́нить* (своё) 'утратить влияние, власть'.

Корень *иуруп-* обладает выразительной фонетикой, чем и оказался притягательным для образования экспрессивных глагольных форм, в своих значениях на семантику германизма *иуруп* (< *иуроб*) не настроенных, ср. *прииуру́ниться* 'прицелиться', *поиуру́нить* безличн. 'прийти в голову', *сиуру́нить* 'вовремя сообразить, догадаться'⁶; далее *расиору́нить* безличн. 'развеселить'. Своей экспрессивностью глагол, возможно, обязан и созвучным *иуровать*, *иурудить*. По звучанию комментируемому корню близок и корень *суроп-*, содержащийся в ряде пёстрых по значениям экспрессивных глаголов: *подсуро́пить* 'подпортить дело, подложить свинью', *пересуро́пить* (и, в этом же Словаре Мордовии, *пересуру́нить*) 'перемешать', 'перестараться', *рассу́рпить* 'вывести из терпения, рассердить'.

Число примеров может быть значительно увеличено, но и приведённых образцов достаточно, чтобы видеть множество факторов, способствующих возникновению ситуации, когда значение данного глагола, который в нашем сознании входит в данное словообразовательное гнездо, не соотносимо с этимологической семантикой его корня⁷. К корне-

⁶ Это утверждение можно подвергнуть некоторому сомнению, связав значения двух последних примеров с мотивировкой фразеологизма *винтиков не хватает*. Однако глагол *иурупить*, найденный двумя экземплярами в материалах [НКРЯ] (у Ю. Черниченко и Ю. Визбора, в моделировании устной речи), не несёт собственно ментальной семантики, означая скорее 'стараться, прилагать усилия, «пошевеливаться»'.

⁷ В недавней статье, толкуя происхождение глагола *уписывать* / *уписать* 'есть / съесть с аппетитом', мы привели очень неполный список его диалектных синонимов (часть которых образована путём конфиксации) с подобной же невыводимостью из этимона. Позволим себе здесь его воспроизвести — ради демонстрации возможностей номинации вне этимологических зависимостей, с десемантизацией корня; важным здесь является именно тот момент, что разнообразие мотивирующих форм служит передаче одного и того же содержания: *коберестить*, *навернуть* / *навертеться* / *наворотить* / *наворачивать* / *увёртывать*, *завивать*, *свинтить*, *завихривать*, *возить*, *гвоздырять*, *угищать*, *глушить*, *уговорить*, *гоготать*, *сдуть*, *жучкать*, *назвониться*, *зудить*, *склёсать* / *окаяцкивать*, *сколачивать*, *кружить*, (за-, об-, у-) *лепётывать*, *замывать*, *понужать*, *пёстрить*, *пластаться*, *опрягать*, (за-) *пузыривать* / *опузырять*, *засвистывать* / *выхвистывать*, *засмолить* / *засмаливать*, (за-) *стебать* / *устёбывать*, *наточиться*, *жухвостить*, *хлобучить*, *очихмаривать*, *хоботить* / *хобачить* / *охобачивать*, *уходить* (соверш. в.) / *охаживать*, *очёсывать*...) [Журавлёв 2021a: 351].

вой «омонимии» приводят, нередко взаимодействуя, угасание метафоры, ложноэтимологические преобразования, перерасложение основы, наложение заимствованного корня на созвучную основу, опора номинации на яркий фонетический комплекс, изначальная смысловая размытость ономастопеи; в заметном числе казусов несхождение отправного и конечного значений оказывается, наконец, следствием чисто произвольного выбора, сделанного имядателем, соединившим несоединимое. Каковы бы ни были трансформирующие процессы, скрытые временем («выветривание»), или ономастические интенции, лежащие в основе разового словообразовательного акта, лишённого внутренней логики и порождающего острый конфликт «базового» и «результатного» значений, они вызывают нарушение смысловой цельности гнезда: формально выказывая себя дериватом, слово от этимона отворачивается.

Относить подобные семантические «перескоки» в производном к фактам *о б о г а щ е н и я* семантики корневой морфемы никоим образом нельзя. Спектр её значений не прирастает, потому что результаты описанных трансформаций в обычае носят тупиковый характер, у них очень малы перспективы дальнейшей деривации (исключение составляют — в рамках грамматического освоения новой глагольной единицы — случаи едва ли не машинальной обратной деривации, состоящей в видовой депрефиксации типа *собачить* ‘скреплять’ ← *присобачить*, или оформления постфиксом *-ся*). Возникновение глагола *наканцеляриться* ‘напиться допьяна’ не привело к раскрепощению морфемы *-канцеляр-*, она не стала и вряд ли станет базой, скажем, для именованья ‘пьяницы’ или ‘регулярно повторяющихся возлияний’. Синтез глагола *осаврасить* ‘лишить силы’ не рикошетирует прибавлением прилагательному *саврасый* значения ‘бессильный’ и не продолжается абстрактным существительным ‘изнурение’. От *подсуботить* ‘всучить ненужную дрянь’ не производятся имена **субота* ‘обман’ или ‘суррогат’ и **суботний* ‘ненужный’⁸.

⁸ Сложная картина диалектной лексической семантики, обусловленная действием разнонаправленных факторов, перекрещиванием независимых мотиваций, столкновением разноприродных явлений в тексте и проч., даёт примеры, которые как будто ослабляют утверждение о несклонности таких глаголов давать дальнейшие производные. Так, приведённый выше глагол *кауриться* ‘сердиться’, ‘угрюмиться’, ‘упрямиться’ и др., синхронно соотносимый с названием лошадиной масти, соседствует в словообразовательном гнезде с характерологическими нарицательными именованиями и прозвищами угрюмого, застенчивого или упрямого человека — *каура*, *каурка*, семантика которых указывает на отглагольность: у самого прилагательного вторич-

Идеи «опьянения», «изнурения», «надувательства» не сосредоточены в корнях упомянутых глаголов, как при стандартной деривации, а передаются лишь глаголами целиком, то есть грамматически оформленными аффигированными единицами. Семантика же собственно корней неопределима, в содержательном отношении они опустошены. Здесь срабатывает закон идиоматичности: чем теснее синтагматические связи языковой единицы (в нашем случае аффиксальный контекст корня), тем менее определённым становится её место в семантической парадигме. Отблеск исконного значения осознаваемого мотивирующего корня лишь оставляет у носителя языка ощущение, что в такого рода производных он встречается с тропическими сдвигами, основания которых ему на синхронном уровне не видны. Но «этимологически» это как правило не тропы (во всяком случае не метафоры «по определению»), ощущение обманчиво.

Номинационные единицы подобного типа, несмотря на осчастливившую их лексикографическую регистрацию, по большей части остаются фактами творимой речи; лишь сравнительно немногим из них удаётся стать принадлежностью воспроизводимого словаря. Но следует сказать, что сама языкотворческая практика, плодами которой они оказываются, весьма распространена и представляет собою явление хотя и не регулярное по характеру, но слишком существенное, чтобы его можно было обойти исследовательским вниманием. Слова рассмотренной природы, существование которых теория обычно стыдливо обходит, могут и должны быть обращены из *enfants terribles* словообразования в предмет признания и учёта системными описательными построениями.

Создание общей теории словообразования, не зияющей противоречиями, формулирование правил дериватологического описания отдельных говоров или начертания картины диалектной словообразовательной системы в целом нельзя осуществить, не заложив в теоретические уста-

ных значений не находится. Но можно заметить, что производные от *каурыз* (тюркизм) не слишком хорошо защищены от соприкосновения и смешений со словами других корней, в частности (*ко-выр-* (< **ko-virati*, см. [ЭССЯ 12: 13–14, 17]), ср. семантическую близость слов *ковы́рится* ‘о лошади — пятиться, отступать, как бы упрямитесь (при испуге)’, *ковы́рка*, *ковыря́лка* о неуклюжем человеке, *ковыря́ха* ‘рохля’ и под., далее — *ковёркаться* ‘упрямиться’, *коря́вый* ‘невежливый, грубый’, ‘своеобразный, упрямый’, *истоу́риться*, *истовы́рится* ‘рассердиться, нахмуриться’. Установление векторов формальной зависимости и смысловых влияний в подобных фонетико-ассоциативных наложениях — занятие нелёгкое и малоблагодарное.

новки эксплицитное принятие феномена семантического опустошения корневых морфем в качестве одной из неотменимых данностей. Игнорирование регулярной десемантизации как работающего фактора в возникновении слов не позволяет достичь полноты и адекватности в описании принципов и механизмов номинации.

Литература

- Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–. Афанасьев ПВСП — А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I–III.
- Блинова 1984 — О. И. Блинова. Русская диалектология: лексика. Учебное пособие. Томск, 1984.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV. [Перепечатка 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882].
- Журавлёв 1982 — А. Ф. Журавлёв. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
- Журавлёв 2005 — А. Ф. Журавлёв. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Журавлёв 2021 — А. Ф. Журавлёв. *Огорошить* // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб., 2021. С. 153–168.
- Журавлёв 2021a — А. Ф. Журавлёв. К возможному происхождению глагола *уписывать* / *уписать* ‘есть / съесть с аппетитом’ // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М., 2021. С. 349–357.
- Касаткин (ред.) 2005 — Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
- Кралик 2006 — Л. Кралик. Из словацкой диалектной лексики: *deethnonymica* // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006. С. 161–168.
- Матвеева 1981 — Т. В. Матвеева. Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности // Этимологические исследования. Свердловск, 1982. С. 142–148.
- Мочалова 2008 — Т. И. Мочалова. Русская диалектология: учебно-методическое пособие. Саранск, 2008.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>
- Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995; Великий Новгород, 2000. Т. 1–12, 13 (дополнительный).
- Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.

- Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. I–II.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Вып. 1, 2; Л. (СПб.), 1968–. Вып. 3–.
- Топоров ПЯ — *В. Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь. [В 5 т.]. М., 1975–1990.
- Улуханов 2012 — *И. С. Улуханов*. Словообразование посредством замены морфем // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Београд, 2012. С. 387–398.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Черных — *П. Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. I–II.
- Чикачев — *А. Г. Чикачев*. Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, 2005.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Grzegorzycykowa 1981 — *R. Grzegorzycykowa*. Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowo-
twórstwo opisowe. Warszawa, 1981.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. Т. I–IV.

Summary

Anatoly F. Zhuravlev

Root desemantization as a problem of derivatology (based on the material of derived verbs in Russian dialects)

In derivatology (in a broader sense, in the theory of nomination), the role of an important factor in the emergence of lexical units — the semantic emptying of root morphemes — is underestimated. The article considers Russian dialect expressive verbs formed by confixation, in which there is no connection between the etymological meaning of the root and the semantics of the derived word. The meaning of such a word is not concentrated in the root, but is transmitted by the word-formation construction as a whole. According to the author, the theoretical ignoring of regular desemantization does not allow achieving adequacy in the description of the principles and mechanisms of nomination.

Keywords: nomination, word formation, Russian dialects, verb, root, desemantization, formal and semantic asymmetry, expressivity

М. В. Ермолова
(Москва)

О некоторых глагольных особенностях в западнорусских летописях (сочетания «*быти* + причастие на *-ъиш/-въиш-*», плюсквамперфект)

В статье анализируются некоторые особенности функционирования глагольных форм в западнорусских летописях. В первой части статьи приводятся обнаруженные контексты с сочетанием «*быти* + причастие на *-ъиш/-въиш-*». Это сочетание крайне редко встречается в древнерусских текстах. Тем не менее сама возможность его использования очень показательна и важна для понимания истории развития временной системы русского языка. Рассматриваемая конструкция употребляется в перфектных и плюсквамперфектных контекстах, что позволяет сделать вывод о существовавшей некогда функциональной синонимии перфекта/плюсквамперфекта и сочетания «*быти*+причастие на *-ъиш/-въиш-*». Материал западнорусских летописей позволяет пополнить список известных примеров с данным сочетанием еще двумя контекстами.

Во второй части рассматриваются особенности функционирования плюсквамперфектных форм. В исследованных текстах было обнаружено несколько примеров, в которых вспомогательный глагол стоит в форме аориста, что очень неожиданно для таких поздних текстов: такая форма плюсквамперфекта встречается только в древнейших текстах. В статье обсуждаются возможные объяснения этого явления. Если говорить о семантике, то в западнорусских летописях представлены все основные значения плюсквамперфекта: перфекта в прошедшем, антирезультатива и давнопрошедшего. Преобладают в текстах первые два значения. Сопоставление обнаруженных примеров с материалом других западнорусских текстов позволяет высказать предположение о развитии значения сверхсложных форм от результативной семантики к семантике давнопрошедшего; сравнение же с данными говором Центра того же периода — о более позднем завершении перестройки временной системы в западнорусском регионе.

Ключевые слова: западнорусские летописи, действительное причастие прошедшего времени, плюсквамперфект, древнерусский язык.

1. Введение

Западнорусское летописание развивалось в Смоленске и Полоцке в XIV–XVI вв. К западнорусским летописям (далее ЗРЛ) относятся «краткие летописные своды, содержащие сказания о событиях, касающихся бывшего Литовского государства» [Карский 1894/1962: 208]. В данной работе рассматриваются следующие тексты¹: Супрасльская летопись 1519 г. (далее Супр.), Виленская летопись кон. XV в. (далее Вил.), летопись Археологического общества XVI в. (далее Арх.), Уваровская летопись первой четверти XVI в. (далее Ув.), Академическая летопись сер. XVI в. (далее Ак.), Литовскому роду починок (далее ЛРП) в рукописи XVI в.²

ЗРЛ написаны на так называемой «простой мове», представляющей собой литературно обработанную, «надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода» [Мозер 2002: 221]. При всей сложности определения генезиса «простой мовы» и вопроса о ее нормированности, анализ функционирования определенных форм языка конкретного памятника (в нашем случае — ЗРЛ) представляется оправданным и перспективным: «проста мова», являясь книжным языком, в любом случае «базируется на живом языке, изменяясь вместе с ним» [Смирнова 2011: 19]. Таким образом, изучая те или иные явления письменного западнорусского языка, мы можем делать выводы о процессах, происходивших в диалектах, легших в его основу.

¹ Тексты воспроизводятся по изданию [ПСРЛ, т. 17].

² Согласно записи, сделанной в конце рукописи, *Супр.* была переписана в 1519 г. Она является наиболее полным списком второй редакции Белорусско-литовской летописи 1446 г., составленной в Смоленске на основании русских и местных источников [Чамярыцкі 2005: 645]. *Вил.* составляет конец Виленского сборника, переписанного в конце XV в. в Смоленске (подробнее см. [Улащик 1985: 51]), и представляет собой старейший список «Летописца великих князей литовских» — памятника, составленного в конце 1420-х гг. [Чамярыцкі 2005а: 190–191]. *Арх.* написана полууставом XVI в. Является списком второго свода белорусско-литовских летописей расширенной редакции, созданного в конце 1510-х или в 1520-е гг. [Чамярыцкі 2005а: 190]. *Ув.* сохранилась в рукописи первой четверти XVI в. [Улащик 1985: 48], была создана, вероятнее всего, в Слуцке. Летопись представляет собой краткую редакцию Белорусско-литовской летописи 1446 г. (подробнее см. [Чамярыцкі 1969]). *Ак.* находится в сборнике сер. XVI в. [ПСРЛ, т. 17: III]. Как и *Супр.*, является списком второй редакции Белорусско-литовской летописи 1446 г. [Чамярыцкі 1969: 28 и далее]. *ЛРП* является отдельным летописным сводом, созданным в кон. XIV в. Дошел до нас в составе Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского XVI в.

В данной статье анализируются некоторые глагольные особенности, отмеченные при анализе ЗРЛ. В разделе 2 приводятся обнаруженные контексты с сочетаниями «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*», редко встречающиеся в древнерусских текстах, однако, как представляется, важные для понимания развития временной системы русского языка. В разделе 3 описываются особенности функционирования плюсквамперфектных форм. В подразделе 3.1 приводятся контексты, в которых вспомогательный глагол представлен в форме *бы*, и обсуждаются возможные объяснения данного явления. В подразделе 3.2 анализируется семантика обнаруженных плюсквамперфектных форм. Материал ЗРЛ сопоставляется с данными, полученными М. Н. Шевелевой и Т. С. Жуковой при анализе других памятников XV–XVI вв.: Никоновской летописи как памятника, отражающего говоры Центра, и двух юго-западных памятников: Пересопницкого евангелия (далее ПЕ) и «Страстей Христовых» (далее СХ) (см. [Шевелева 2009; Жукова, Шевелева 2010]). В разделе 4 формулируются выводы.

2. Сочетания «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*»

Сочетания «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*» крайне редки в древнерусских и старорусских текстах. Помимо трех примеров, обнаруженных А. А. Потемней [Потемня 1888/1958: 138–139], и четырех, описанных в [Скачедубова 2018], нам известны еще два контекста из Жалованной грамоты Олега Рязанского 1371 г.³:

- (1) *ѡзъ князь великий ѡлегъ ивановичь. сѡдавъ кѡмъ съ своимъ ѡцѡмъ съ в(д)кою с василькѡмъ и съ своимъ бояры ... далъ ѡсмъ ѡцю своѡмъ дрѡбнью монастырь сѡокъ бѡи на ѡговѡ. въ свободѡ до кѡго живота — ‘я, великий князь Олег Иванович, договорился со своим отцом, с владыкою Василием и со своими боярами...’;*
- (2) *а возрѡвъ кѡмъ въ даныи грамоты — ‘я посмотрел (прочел) данные грамоты’.*

Материал ЗРЛ позволяет пополнить этот список еще двумя примерами:

- (3) Супр., л. 90: *ѡ кнѡзю великому Ягаилоу. ничего не вчинилъ. не роушивъ есмо ни скарбовъ его ни ста(д) а сами оу мене не в ѡлтѡстве ходатъ. толко за малою сторожею — ‘я князю великому Ягайлу ничего не сделал; не грабил ни имущества его, ни стад. А сами у меня не в плену, а только под небольшой охраной’;*

³ Текст воспроизводится по [Хрестоматия по истории русского языка: 91].

- (4) Ак., л. 181: **и взѧ его и нача его лѣчити многими лѣкарьствы и главѣ емѣ постриже рань ра(ди) занѣ много р(а)нень и уцавса бѣ живота** — ‘и взял его, и начал лечить многими лекарствами, и постриг его из-за ран, так как был сильно ранен и потерял надежду выжить’.

Хотя рассматриваемое сочетание встречается в памятниках редко, сама возможность его употребления очень показательна и важна для понимания истории развития временной системы в русском языке. По всей видимости, причастие на *-ъи/-въи-* в сочетании с глаголом *быти* в настоящем (см. (1–3)) или прошедшем (см. (4)) времени могло использоваться в качестве аналога формам перфекта и плюсквамперфекта соответственно. Как и перфектные формы, конструкция причастия с глаголом *быти* в настоящем времени употреблялась в различных перфектных значениях⁴. Так, в примерах (1–2) мы имеем дело с результитивной семантикой: (1) ‘я уговорился (= мы находимся в уговоре) и, как следствие, даю монастырь’, (2) ‘я посмотрел в старые грамоты (= теперь знаю их содержание) и велю соблюдать условия, прописанные там’. В контексте (3) представлено экзистенциальное значение⁵ — утверждение о наличии (в нашем случае — отсутствии) ситуации в определенный момент в прошлом. В (4) анализируемое сочетание имеет классическое плюсквамперфектное значение и выражает предпрошедшее результитивное действие: ‘постриг его, так как он был сильно ранен и <к тому времени> потерял / был потерявшим надежду выжить’.

Таким образом, рассмотренные примеры, в которых конструкция «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*» имеет перфектную или плюсквамперфектную семантику, подтверждают высказанную в [Ермолова 2020] гипотезу о функциональной синонимии причастий на *-ъи/-въи-* и *-л-* формы.

3. Плюсквамперфект

3.1. Форма

В истории русского языка различают так называемый «книжный» плюсквамперфект, где глагол *быти* стоит в имперфекте или аористе от имперфективной основы (**бѣше(тъ) / бѣ шьлъ**), и «русский» или сверхсложный плюсквамперфект, в котором глагол *быти* употребляется в форме

⁴ О значениях перфекта в древнерусском см., например, [Шаяхметова, Жолобов 2017: 1170; Плунгян, Урманчиева 2017].

⁵ Это значение входит в спектр значений перфекта в разных языках; им также характеризовался перфект в старославянском (см. [Плунгян, Урманчиева 2017а: 31]).

перфекта⁶ ((*есть*) *былъ шьлъ*), вытеснивший с течением времени «книжные» формы. Закономерным является тот факт, что в ЗРЛ на 45 плюсквамперфектных форм приходится всего 3 «книжных», при этом две из них представляют собой один древний контекст, повторяющий контекст из Суздальской летописи (третья рассматривается в (10)):

- (5) Супр., л. 11 об.: *wna же рече не хоцю розоу҃ти робичица. но Гѣрополка хоцю. бѣ во Роговолодѣ пришеелѣ. изаморина имѣ во власть свою в Полѣцкоу* (аналогичный контекст см. в Ув. 81) — ср. пример из Суздальской летописи: л. 99 об. *wna же ре(чѣ) не хоцю розоу҃ти робичица. но Гѣрополка хоцю. бѣ во Роговолодѣ перешелѣ из заморья.*

Как уже обсуждалось выше, глагол-связка при образовании «книжного» плюсквамперфекта обычно стоял либо в аористе от имперфективной основы, либо в имперфекте. Д. В. Сичиновой в статье [Сичинова 2004], посвященной происхождению славянского условного наклонения из плюсквамперфекта, на основании типологических данных было выдвинуто предположение о существовании некогда праславянской плюсквамперфектной формы с *бухъ*. Позже такие формы были открыты и в древнерусской письменности [Крысько 2011: 830–831; Скачедубова 2016: 286–287; Скачедубова 2019: 219; Сичинова (в печати)]. Формирование у рассматриваемого сочетания кондиционального значения связано, согласно гипотезе Д. В. Сичиновой, с «ингерентным развитием плюсквамперфектных конструкций в сторону ирреальной семантики» [Сичинова (в печати)]. Как кажется, именно в этом контексте следует рассматривать следующие примеры из ЗРЛ:

- (6) Вил., л. 446 об.: *Ви(л)невци же тог(д)а не вдашасѣ емѣ. зане бы тогда пра(в)доу да(л) королю Гкирганлѣ;*
- (7) ЛРД, л. 493: *Виленцы (ж) тогда не дашасѣ емѣ зане бы тогда правдѣ да(л) королю Гкирганлоу w(н) же тогда не во(з)мѣ Вилене и понде к магистрѣ и (с) своєю княгинєю и съ своими кня(з)ми. и Ѡтолѣ нача воевати Лито(в)скѣю землю с Немецкою помощию. ти оу(ж) вза(л) бы Лито(в)ские земли по рекѣ по Велию Полоцкскѣ гра(д) зда(л)сѣ емѣ — нет сомнения, что анализируемые формы имеют плюсквамперфектное значение (см. ниже (10) и (11)). Тем не менее вспомогательный глагол *быти* представлен не в форме имперфективного аориста или перфекта, а в виде *бы*. Возможно несколько объяснений данного явления, однако все*

⁶ В. И. Чернов полагает, что сверхсложная форма образовывалась сочетанием вспомогательного глагола *был-* и перфекта знаменательного глагола [Чернов 1961: 16].

они носят гипотетический характер, так как для того, чтобы признать какое-либо из них более или менее вероятным, материала недостаточно.

В приведенных контекстах можно видеть архаичную форму плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола и считать форму ед. ч. *бы* ошибочной (вместо формы *быша* мн. ч.). Аорист и имперфект в языке ЗРЛ явно являются искусственными образованиями, в них часто встречаются ошибки, поэтому можно предполагать, что писец допустил ошибку при переписке и заменил чуждую ему форму *быша* на более привычное *бы*, которое, перестав спрягаться в сослагательном наклонении, впоследствии стало частицей.

С другой стороны, Д. В. Сичинава отмечает, что с XVI в. в русском языке отмечаются употребления частицы *было* с модальными глаголами вместо *бы*: *надо было*, *надлежало было*, *могло было* вместо *надо бы*, *надлежало бы*, *могло бы* [Сичинава 2013: 223, 279]. Примеры с таким употреблением рассматриваются исследователем в рамках смешения плюсквамперфектного *было* и сослагательного *бы* [там же]. Д. В. Сичинава отмечает, что, «возможно, некоторые поздние примеры смешения плюсквамперфекта и сослагательного наклонения могут также объясняться свойственной первому семантической эволюцией в сторону модальности»; «если с некоторым классом глаголов плюсквамперфектное *был-* синонимично *бы*, смешение теоретически могло распространиться и на другие контексты» [Сичинава (в печати)]. Можно предположить, что если плюсквамперфектные по происхождению формы могли использоваться «вместо» форм сослагательного наклонения, то и формы сослагательного наклонения использовались «вместо» плюсквамперфектных форм. При таком объяснении становится понятным использование *бы* вместо *быша*: ко времени написания анализируемых памятников *бы* в сослагательном наклонении уже стало частицей и не изменялось. Недостаток этой гипотезы заключается в том, что других, кроме приведенных выше, подобных примеров в научной литературе не зафиксировано.

Результатом контаминации и ошибки следует признать следующий контекст (значение рассматриваемой формы анализируется в (20)):

- (8) ЛРД, л. 487: **Нѣто** паки **бы(л)** оу великого кнѣзя **W(л)**герда паровокъ неволнои холо(п) звали его **Воннилomъ** первое **бы(л)** пекрако(м). **Потомъ** оустави(л) его **Ѹ** собѣа постелю стлати. и воды пити подати собѣ. **Потомъ** паки полюби(л)ся **бы(л)** емѸ **вє(л)**ми **да(л)** **бы(х)** емѸ **ЛитѸ** дрѣжати и повѣле(л) **бы(л)** его в добрыє — здесь употреблено

ед. ч. вспомогательного глагола вместо мн. ч. Впрочем, последний согласный является выносным, и вполне возможно, что здесь мы имеем дело с ошибкой издателей (выносные буквы *х* и *л* можно перепутать), а за приведенным в издании *бых* скрывается *был*.

3.2. Значение

В истории развития плюсквамперфекта в древнерусском выделяют несколько основных значений. Все они представлены в западнорусских летописях.

3.2.1. Перфект в прошедшем

В последнее время исследователи сходятся на том, что древнерусский «книжный» плюсквамперфект исконно не просто был таксисным временем, обозначающим предпрошедшее действие [Горшкова, Хабургаев 1981: 304], а имел аспектуальное значение перфектности в прошедшем [Шевелева 2007: 216]. В отношении того, имел ли результативное значение «русский» плюсквамперфект, мнения исследователей расходятся. Так, П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава считают, что сверхсложная форма использовалась прежде всего для указания на неактуальное прошедшее [Петрухин, Сичинава 2006: 234–235; Сичинава 2013: 196–197]. М. Н. Шевелева придерживается точки зрения, что «новые» и «старые» формы значением не различались: «Старый и новый плюсквамперфект оказываются... распределенными не по значению, а по более-менее характерным для них типам употребления: старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [Шевелева 2007: 245].

Если говорить о XV–XVI вв., то в говорах Центра «русский» плюсквамперфект в результативных контекстах не употребляется (он выступает исключительно как маркированное средство выражения антирезультативности, см. ниже) [Шевелева 2009]. В памятниках же Юго-Западной Руси, по данным Т. С. Жуковой и М. Н. Шевелевой, для сверхсложных форм наиболее характерным оказывается именно результативное значение [Жукова, Шевелева 2010]. Отмечается оно и в исследованных летописях. В ЗРЛ было найдено 6 результативных контекстов, повторяющихся в разных летописях (всего 17 форм из 43). Рассмотрим их:

- (9) Ув., л. 10: и какъ к Виани приехавъ. кнѣзѣ Кестоутиа дядю своего. шковавши ко Кревоу послалъ и оусадилн оу вижю. а кнѣзѣ великаго Витовта **вставилн были** еше оу Виани и тамо оу Креве патал ноци. кнѣзѣ вѣликаго Кестоутиа оудавилн. коморники кнѣзѣ великаго

Гданювы (контекст повторяется в Ак., л. 177 об., ЛРП, л. 490 об., Арх., л. 64) — основной линией повествования является рассказ о взятии в плен и убийстве князя Кестута: ‘и, приехав к Вильне, заковал дядю своего, послал его в Крево и посадил в башню’. Далее происходит отход от основной линии повествования с использованием плюсквамперфекта: ‘а великого князя Витовта оставили / были оставившими еще в Вильне’ (это произошло до того, как заточили Кестута). После этого рассказчик опять возвращается к основной сюжетной линии и продолжает повествование о Кестуте: ‘и там в Креве на пятую ночь коморники великого князя Ягайла удавили великого князя Кестута’;

- (10) Ув., л. 20: **Вилневец(ж). тогда не оудашася емоу. зане(ж) тогда были** королю правдѣ **дали** и **Скирганлоу** (контекст повторяется в Супр., л. 98, где представлена ошибочная форма «книжного» плюсквамперфекта со связкой в ед. ч. вместо мн. ч.: **бѣ дали**, а также в Вил. и ЛРД, примеры из которых рассмотрены в (6–7)) — ‘Вильнюсцы тогда не покорились ему, так как принесли присягу / были принесшими к тому времени присягу королю и Скиргайлу’;
- (11) Супр., л. 98 об.: **Втоле нача воевати Литовскоу землю. с Немецкою** помо(ч)ю. и **оуже вздалъ вы(л)** Литовской земли. по **Велию** рекоу а и **Полѣтскъ** вдался емоу. и **оузриль** король и **кнѣзь** великий **Скирганло**. **так** оже **невозможно** оудержати земли **Литовьскыя** пре(д) **великимъ** **кнѣземъ** **Витовтомъ**...**бѣ** **поможе** **великому** **кнѣзю** **Витовтоу**. и **побежени** **выша** **Литовьски** **вон** (контекст повторяется в Ув., л. 20, Ак., л. 182, Вил., л. 446 об., а также ЛРП, л. 493, пример откуда рассмотрен в (7)) — ‘и начал завоевывать Литовскую землю с немецкой помощью, и <к тому моменту, когда> уже завоевал / был завоевавшим Литовскую землю до реки Вилии и Полоцк ему сдался, увидел король и великий князь Скиргайло, что невозможно удержать Литовскую землю перед великим князем Витовтом’;
- (12) ЛРП, л. 492 об.: и **нача** его **лечити** **главѣ** **емѣ** **постриже** **ра(н)** **для** **зане(ж)** **много** **ране(н)** **Вѣча(л)** **вы(л)** **собѣ** **живота** — данный контекст совпадает с контекстом из Ак., л. 181 (см. комментарий к (4));
- (13) Арх., л. 91 **вода** **была** **ве(л)**ми **великая** **в** **Смоленскѣ** **все** **мѣсто** **поняло** **было** **мало** **не** **дошла** **до** **Покровское** **горы** — ‘в Смоленске было наводнение, весь город был залит / оказался залитым, [вода] чуть не дошла до Покровской горы’.

Результативное значение представлено и в примере (5) с «книжным» плюсквамперфектом: ‘Рогволод был пришедшим из-за моря и (как результат) находился, правил в Полоцке’.

3.2.2. Антирезультативное значение

Реже, чем результативное значение, «книжный» плюсквамперфект имел значение недостигнутого или аннулированного результата (или антирезультатива в понимании [Плунгян 2001]), обозначая действие, которое не было достигнуто или позднее было отменено, ср. КЛ, л. 180 об.: **и много дѣѣ ѿполониша. иже бѣхуѣтъ възданѣ половци** ‘и освободили много людей, которых захватили половцы’ — действие **бѣхуѣтъ възданѣ** было аннулировано, так как пленники были освобождены (подробнее см., например, [Шевелева 2007: 237]). Это значение было одним из основных и для сверхсложных форм в древнерусском (о его исконности или вторичности см. работы [Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2008]).

В XV–XVI вв. в диалектной зоне Центра «русский» плюсквамперфект имел исключительно антирезультативную семантику, «развиваясь по пути превращения в современную русскую конструкцию «недействительного наклонения» [Шахматов 1941: 485] с частицей *было*» [Шевелева 2009: 29]. В диалектах Юго-Западной Руси XV–XVI вв. это значение, напротив, находилось на периферии (там же: 39). В исследованных памятниках было обнаружено 6 антирезультативных контекстов, повторяющихся в разных летописях (всего 13 форм из 43):

- (14) Супр., л. 89: **кнѣзь великии Ягаило далъ бы(л) По(л)тескъ братоу своему. Скирганлоу и уни его не приняли** (контекст повторяется в Ак., л. 173 об., Вил., л. 439 об., ЛРП, л. 488) — ‘князь Ягаило дал / дал было Полоцк своему брату Скиргайлу, но они (полочане) его не приняли’;
- (15) Ув., л. 45 об.: **и король почалъ присылатисѣ к великомуу кнѣзю Витовтоу. рекъ што еси на(м) да(л) половицю По(д)льскон земли оу кѣ тысячехъ пенези и мы дали были оу кѣ же тысячехъ па(н)у Спыткѣ и пани Спытковаѣ ш(в)довела. а дети малы. и ѿ Татаръ земли некомоу воронити. и ты ѿдан кѣ тисачи пенязен. а города повери за себе** (контекст повторяется в Супр., л. 105 об.) — ‘король начал посылать послов к великому князю Витовту, говоря: «Ты нам дал половину Подольской земли за 20 тысяч, и мы дали / дали было 20 тысяч пану Спытку, а его жена сейчас овдовела, а дети маленькие, и от татар землю некому защищать. Отдай нам обратно 20 тысяч, а города заberi себе»’;
- (16) Арх., л. 80: **и мешкаючи емѣ в Велико(м) Лу(ц)кѣ и хотѣ(л) бы(л) на себя корѣны воз(з)ложити, и его неприятели Поляки не перепустили емѣ корѣны** — ‘и живя в Великом Лучке хотел / хотел было на себе возложить корону, но его враги поляки не позволили ему’. В следующем

контексте речь идет о том, что Ягайло сначала сговорился / сговорился было с немцами против Витовта и Кестута, но потом поклялся им в верности:

- (17) Супр., л. 90: **внѣ же рече сѣоу своемуу кнѣзю великомуу Витовтоу ты мнѣ не вѣрнѣ. а се тые грамоты. записалиса были на на(с). но бѣ насѣ встереглѣ. но га кнѣзю великомуу ГАгаилоу. ничего не вчинилѣ...и кнѣзь великий ГАнало. великомуу Витовтоу. и дади своемуу великомуу кнѣзю Кестоутию што николи противоу его не стоати** (контекст повторяется в Ув., л. 2);
- (18) Супр., л. 104: **Подольская земля не хотела была. послушна быти кнѣзю великого Витовта. и Литовской зе(м)ли какъ же пре(д) ты(м) послушна была** (контекст повторяется в Ув. л. 45 об.) — Подольская земля не хотела подчиниться Витовту, как это было раньше. Далее сообщается о том, что Витовт ее завоевал;
- (19) Арх., л. 74: **и князь Федо(р) Ко(р)ятович не хотѣ(л) бы(л) слѣжити кнѣзю Витовтѣ со всею землею Подо(л)скою. и кнѣзь Витовтѣ пошо(л) со всеѣмъ воиско(м) Литовскимъ к Подо(л)ю...и вси города повера(л) воеводу кнѣзя Феодора поима(л)** — ‘князь Федор Корятович не хотел / не хотел было служить князю Витовту со всей Подольской землей, и тогда князь Витовт пошел со всем литовским войском, завоевал все города и захватил воеводу и князя Федора’.

Таким образом, в ЗРЛ, в отличие от ПЕ и СХ, количество контекстов с антирезультативным значением совпадает с количеством контекстов с результативной семантикой, и говорить о преобладании одного или другого значения на основании исследованного материала нельзя.

3.2.3. Значение давнопрошедшего

Сверхсложную форму плюсквамперфекта с древнейших времен характеризовало значение давнопрошедшего или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], неактуального прошедшего (оно зафиксировано уже в берестяных грамотах XII в. [Зализняк 2004: 176; Петрухин, Сичинава 2006: 200–204]). «Отличие этого значения от обычного прошедшего действия <...> — в подчеркивании отсутствия связи с настоящим и, по всей видимости, в эмфатическом выделении данного действия, акцентировании реального факта его существования» [Шевелева 2009: 38].

Если в говорах Центра это значение к XV–XVI вв. исчезает и уступает место антирезультативному, то в ПЕ и СХ оно используется очень ши-

роко [Жукова, Шевелева 2010]. В ЗРЛ, однако, контекстов со значением неактуального прошедшего встретилось лишь 3 (всего 15 форм):

- (20) Супр., л. 87 об. – 88: некто пакъ бы(л) оу великого кнѣзя Улгирда. паровокъ неволны холопъ звали его В(о)идоломь. первое бы(л) пекаромь. потомъ вставили его постелю слати. и водоу давати собѣ пити. и потомъ пакъ **полюбилъса быль** емоу **далъ бы(л)** емоу Лидоу держати. и **повель бы(л)** его в добры(х). потомъ по животе великого кнѣзя Улинг(и)рда двѣ ли лѣте минуло. кнѣзь велики Гданло поведеть его велми во высокы(х) и дасть за него сестроу свою ро(д)ноюу кнѣжню Марию (контекст повторяется в Ак., л. 172 об., Вил., л. 439, ЛРП, л. 487, Арх., л. 60; в части примеров контекст представлен в сокращенном виде лишь с двумя или одной плюсквамперфектными формами) — первая часть фрагмента является отступлением от основной линии повествования. Перед этим автор сообщает, что умер великий князь Ольгерд, а далее возвращается к событиям, которые произошли сильно раньше: ‘У Ольгерда был невольный холоп Войдила. Сначала он был пекарем, потом ему поручили стлать постель и подавать питье князю. Потом же Войдила полюбилъ князю, князь дал ему управлять городом Лидой и возвысил его’. Автор обращается к этому сюжету, чтобы стали понятными сообщаемые далее факты: через два года после смерти Ольгерда великий князь Ягайло отдал за Войдила свою сестру Марию. Плюсквамперфект используется для глаголов, сообщающих о возвышении Войдила, т. е. налицо его выделительная функция, отмечаемая исследователями у сверхсложной формы вообще и в западнорусских памятниках в частности;
- (21) Ув., л. 10 об.: по смѣрти пакъ кнѣзя великаго Кестуотна пошлетъ кнѣзь великии Гданло. кнѣзя великаго Витовта во Крво(ж). и женоу. и велить его твердо стеречь в комнату. помцага **Вондила. што были** за него сестроу свою **дали** (контекст повторяется в Ак., л. 177, Вил., л. 444, ЛРП, л. 490 об.) — Войдила был убит по приказанию князя Кестута. После смерти последнего князь Ягайло захватил его сына Витовта с женой, мстя за убийство Войдила, ‘за которого выдал замуж свою сестру’. Для последнего действия используется форма плюсквамперфекта. Оно является давнопрошедшим (произошедшим сильно раньше, чем описываемые события), в то же время представляется важным для пишущего.

Частной реализацией «русским» плюсквамперфектом значения неактуального прошедшего с древнейших времен является функция «сдвига начальной точки» [Петрухин, Сичинава 2006: 201–202]. В таком случае он может обозначать первое звено нарративной цепочки рассказа, отне-

сенного в не связанное с настоящим прошлое, и иметь выделительный компонент, акцентируя внимание читателя на «завязке» сюжета (подробнее см. Жукова, Шевелева 2010). Эта функция плюсквамперфекта, широко представленная в ПЕ и СХ [Жукова, Шевелева 2010], отмечена лишь одной формой в ЗРЛ:

- (22) Супр., л. 27 об.: и тоу оубиень вы(с) и(х) воевода Спиридонъ. и епи(с)ть и(х) и дроугыи же Навгородецъ. Избыславъ Іакоуновичъ. сини наѣхалъ многождѣу вишасѣ [Нкф. више(с)]. едины(м) торопомь и торо(пм) посече много. не имѣа во сер(д)ци и паде ѿ роукоу его. неколко вси дивиша(с) силѣ его. и храбрости. трети же Иаковъ. Полочанинь ловччи Ѹ кнѣзѣ и бѣ си наѣхалъ на полкъ с мечемь и моужествова(л) ѡтгыде. и хвали его кнѣзь — в данном фрагменте рассказывается о погибших и геройствовавших в бою. Первый — воевода Спиридон. Второй — новгородец Избыслав Якунович. Летописец рассказывает о его геройстве и смерти: он сражался с одним топором, многих зарубил, многие пали от руки его, и все удивлялись его силе и храбрости. Третий — полочанин Иаков, ловчий князя. Далее следует рассказ о том, что он сделал в бою. Для обозначения первого действия, т. е. первого звена в рассказе об Иакове, используется плюсквамперфектная форма: он наехал на полк с мечом, геройствовал и уехал, и хвалил его князь.

3.2.4. К вопросу об эволюции семантики сверхсложных форм в западнорусском регионе

Таким образом, в ЗРЛ у плюсквамперфекта преобладают антирезультативное и результативное значения; семантика давнопрошедшего находится на периферии, что отличает язык ЗРЛ от ПЕ и СХ, где значение давнопрошедшего представлено очень широко.

Если принять во внимание отсутствие результативного значения у плюсквамперфекта в тех украинских говорах, где он сохранился [Толстая 2000: 137], а также в польском языке [Kowalska 1976] вместе с тем, что и в украинских говорах, и в польском языке (со среднепольского периода) давнопрошедшее значение широко представлено (см. те же работы), ситуацию в исследованных текстах следует признать более архаичной, чем в ПЕ и СХ: в ЗРЛ преобладает результативное значение, в то время как значение неактуального прошедшего оказывается периферийным. Кроме того, логичным кажется сделать вывод о развитии значения сверхсложных форм от результативного к давнопрошедшему, что согласуется с общепринятыми представлениями об упрощении в восточно- и западнославянских языках

сложной временной системы и исчезновении старых форм, выражающих грамматическое значение результата. Такой же точки зрения на эволюцию значений сверхсложного плюсквамперфекта в русском языке придерживается и М. Н. Шевелева (см., например, [Шевелева 2007]). Это утверждение не противоречит тому, что в берестяных грамотах XII в., а также в древнейших русских летописях сверхсложные формы имеют преимущественно давнепрошедшее значение (на этом основании П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава считают, что «русский» плюсквамперфект исконно не обладал результативным значением и выражал именно неактуальное прошедшее [Петрухин, Сичинава 2006]). Вполне возможно, что перестройка старой временной системы и превращение *-л-*формы в финитную в западном ареале произошло позже, чем в среднерусских и севернорусских говорах. Об этом говорит и то, что контаминированные формы, в которых к *-л-*форме присоединяется показатель лица, взятый либо из аористных форм, либо из глагола-связки, типа польск. *postawylesz, radowalysmy, prawiechmy* и укр. *видѣлєм* (1 л. ед. ч.), *упалесь* (2 л. ед. ч.), *почалихмы* (1 л. мн. ч.), появляются довольно поздно: в польском — с конца XV в. [Ананьева 2013: 245], в украинском — в XVI–XVII вв. [Німчук 1978: 325]. Возникновение таких форм было бы невозможным, если бы к этому времени старая временная система была полностью утрачена и *-л-*форма окончательно превратилась в единственную форму прошедшего времени.

4. Выводы

В ЗРЛ были обнаружены два контекста, которыми можно пополнить список немногочисленных примеров с сочетанием «*быти* + причастие на *-ъш/-въш-*». Рассматриваемая конструкция употребляется в них в перфектном и плюсквамперфектном значениях, что подтверждает гипотезу о существовавшей некогда функциональной синонимии перфекта / плюсквамперфекта и конструкции «*быти* + причастие на *-ъш/-въш-*».

Если говорить о функционировании плюсквамперфектных форм, то следует обратить внимание на несколько контекстов с плюсквамперфектной семантикой, в которых при *-л-*форме находится не вспомогательный глагол в форме аориста от имперфективной основы / имперфекта / перфекта, а форма *бы*. Аналогичные примеры в древних памятниках рассматриваются как архаизмы, в которых представлена форма плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом в аористе. Факт обнаружения таких контекстов в поздних текстах является неожиданным. Возможно, их появление сле-

дует объяснять «смешением» плюсквамперфектного и кондиционального значений, характеризующим отдельные формы в русском языке с XVI в.

Анализ семантики плюсквамперфектных форм и их сопоставление с другими западнорусскими текстами и данными говоров Центра XV–XVI вв. позволяет высказать предположение о развитии значения сверхсложных форм плюсквамперфекта в истории русского языка от результативной семантики к значению давнопрошедшего и о более позднем упрощении временной системы в западнорусском регионе по сравнению с говорами Центра.

Литература

- Ананьева 1994 — *Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. М., 1994.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Ермолова 2020 — *Ермолова М. В.* О соотношении -л-форм и причастий на -ѣи- / -ѣи- в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 78–100.
- Жукова, Шевелева 2010 — *Жукова Т. С., Шевелева М. Н.* «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Вопросы русского языкознания. 2010. Вып. 13. С. 171–191.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Карский 1894/1962 — *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
- Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М., 2011. С. 798–837.
- Мозер 2002 — *Мозер М.* Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hungarica*. 2002. Vol. 47, № 3–4. S. 221–260.
- Петрухин, Сичинава 2006 — *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект(ы) в «Повести временных лет»: три перфектные конструкции // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Тезисы докладов. СПб., 2017. С. 124–125.
- Плунгян, Урманчиева 2017а — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект в старославянском: был ли он результативным? // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 13–56.

- Потебня 1888/1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II.
- Сичинава 2004 — *Сичинава Д. В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292–312.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава (в печати) — *Сичинава Д. В.* Древнерусские индикативные формы со вспомогательным *быхъ*: к интерпретации и списку примеров. В печати.
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М., 2016. С. 280–289.
- Скачедубова 2018 — *Скачедубова М. В.* К вопросу об отражении перфекта на *-ши* в памятниках северо-западного региона // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. № 5. С. 31–36.
- Скачедубова 2018а — *Скачедубова М. В.* Об интерпретации *-л*-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76.
- Смирнова 2011 — *Смирнова Е. А.* «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Толстая 2000 — *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. [Вып. 14.] М., 2000. С. 134–143.
- Улащик 1985 — *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
- Хрестоматия по истории русского языка — Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990.
- Чамярыцкі 1969 — *Чамярыцкі В.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.
- Чамярыцкі 2005 — *Чамярыцкі В.* Супрасльскі летапіс // Вялікае Княства Літоўскае. Эцыклапедыя у 3 т. Мінск, 2005. Т. 2. С. 645.
- Чамярыцкі 2005а — *Чамярыцкі В.* Летапісец вялікіх князёў літоўскіх // Вялікае Княства Літоўскае. Эцыклапедыя у 3 т. Мінск, 2005. Т. 2. С. 190–191.
- Чернов 1961 — *Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шахматов — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л.: 1941.
- Шаяхметова, Жолобов 2017 — *Шаяхметова Э. Х., Жолобов О. Ф.* Функционально-семантические особенности перфектных форм в сборнике XIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 5. С. 1163–1174.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

- Шевелева 2009 — Шевелева М. Н. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 5–43.
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 50–88.
- ПСРЛ, т. 17 — Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западнорусские летописи. М., 2008.
- Шевелева 2008 — Шевелева М. Н. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008, № 2 (16). С. 218–246.
- Німчук 1978 — Історія української мови. Морфологія / ред. В. В. Німчук. Київ, 1978.
- Kowalska 1976 — A. Kowalska. Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na *-l* w języku polskim. Katowice, 1976.

Summary

Maria V. Ermolova

On some verbal features in Western Russian chronicles (constructions “*быти* + participle in *-ъи/- въи-*”, pluperfect).

The article analyzes some verbal features in the West Russian Chronicles (XV–XVI cc.). The 1st part examines contexts with the construction “*быти* + participle in *-ъи- / -въи-*”. This construction is extremely uncommon for Old Russian texts, nevertheless the very possibility of its use is very indicative and important for understanding the history of the development of the temporal system in the Russian language. The material of the West Russian chronicles allows to widen the list of contexts with this construction with two more examples.

The 2nd part discusses the features of the functioning of pluperfect forms. Rare forms of pluperfect with the linking verb in the aorist form were found in the West Russian Chronicles which is quite unexpected for the late texts. The article discusses possible explanations for this phenomenon. As for the semantics of the pluperfect forms, all of the basic pluperfect meanings are presented in the analyzed Chronicles: perfectness in the past, anti-resultative meaning, discontinuous past. The comparison of the number of the contexts with these meanings to the material of the other chronicles allows us to draw a number of conclusions about the history of the pluperfect’s development in the Old Russian language and its dialects.

Keywords: Old Russian language, West Russian Chronicles, past active participle, pluperfect.

Г. С. Кобирилка
(Киев)

Ударение префиксальных существительных в украинском континууме: становление нормы*

В статье рассматривается поведение словесного ударения в префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных и динамические процессы в становлении их акцентного типа. В частности, осуществлен сопоставительный анализ акцентуации префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных с именными префиксами (*на-, пра-, су-, у-*), а также с исконно долготными глагольными и присустантивными префиксами (*ви-, на-, над-, пере-, роз-*), представленных в «Словаре украинского языка» («Словарь української мови») в 4-х томах под ред. Б. Д. Гринченко (1907–1909) — словаре живого украинского языка к началу XX в., одной из основных целей которого была консолидация украинского языка, в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского («Малоруско-німецький словар» в 2-х т., 1886), в котором широко представлена диалектная лексика юго-западного наречия, и словаре-справочнике «Українська літературна вимова і наголос» под ред. М. А. Жовтобрюха (1973), отражающем современное нормативное ударение.

В результате сопоставительного анализа указанных лексикографических трудов выявлено функционирование рассматриваемых существительных с префиксальным и корневым акцентным типом, которые на современном этапе не изменили своего ударения; расхождения в акцентуации, свидетельствующие о существовании различных региональных традиций в украинской акцентной системе, а также показывающие, какому из региональных вариантов учеными было отдано предпочтение при кодификации ударения исследуемых существительных.

При этом отмечается, что лингвисты при решении вопроса о первичности префиксального или корневого акцентного типа приходили к выводу, что префиксальное ударение существительных является древним и первичным, а тенденция переноса ударения с префикса на корень начала действовать уже на украинской почве, поскольку существительные с префиксальным ударением в большом количестве фиксируются в украинских акцентуированных памятниках конца XVI — начала XVIII в.

* Исследование выполнено в рамках темы «Народна мова і літературний стандарт». Государственный регистрационный номер темы 0120U000188.

Ключевые слова: ударение, префиксальный акцентный тип, корневой акцентный тип, украинская литературная норма, лексикографические труды.

Сегодня очевидно, что в украинском языке и в его говорах, кроме лемковских, ударение благодаря его подвижности не закреплено за каким-либо слогом или морфемой, и как следствие — любая морфема может быть ударной. Акцентуация в словообразовании не является хаотическим процессом, в украинском языке установились определенные закономерности перемещения словесного ударения.

Так, ударными могут быть разные морфемы (приводим лишь по несколько примеров):

– суффиксы: *-ак-* (*-як-*) — в наименованиях людей по национальной или территориальной принадлежности (*поляк, подоляк*); собирательных существительных (*дубняк, липняк*); *-ань-* — в наименованиях людей по внешним или внутренним признакам (*здоровань, черевань*); *-ач-, -ир-, -ій-, -ист-, -іст-* (*-іст*) — в наименованиях людей по роду занятий (*викладач, командир, водій, бандурист, піаніст*) и др.;

– префиксы: в отглагольных существительных *ви-, від-, до-, при-* (*вінайдення, вихід, віручка; відгук, доповідь, привід*); а также *пра-* (хотя и непоследовательно: *прадід, праліс*, но *прабаба*), *про-* (*продовгий*);

– корни: *вимова, наділ, перегрів, розбіг, подорожник*;

– окончания: *знання, селó*.

Современным украинским диалектам также свойственно ставить ударение на любой морфеме, при этом диалектная система акцентуации производных образований, так же как и непроизводных, не всегда совпадает с литературно-нормативной. В качестве примеров приведем лишь некоторые производные слова, которые по признаку акцентуации дифференцируют украинское диалектное пространство:

– накоренное ударение отглагольных существительных среднего рода, напр. *ба́жання, вихованя* (*-є*), *вінчаня* (*-є*), свойственное говорам юго-западного наречия;

– накоренное ударение качественных прилагательных с суффиксом *-еньк-*, напр.: *б'ілен'ки(ї), то́нен'ки(ї), лéген'ки(ї)*, отличающее полесские говоры от других украинских;

– нафлексивное ударение дву- и трехсложных прилагательных с суффиксами *-н-, -к-, -ськ-, -ств-*, напр.: *йасні́й, б'ідні́й, царс'кі́й*, преобладающее в говорах юго-западного наречия и объединяющее закарпатские, бойковские говоры;

– префиксальное ударение прилагательных в превосходной степени с префиксом *най-* (*май-* — в закарпатских говорах), напр.: *найменший*, *найбільший*, *маївеликий*, *маївисокий* — черта юго-западных говоров; точно так же, как и префиксальное ударение отрицательных местоимений, напр.: *ніхто*, *ніколи*, *ніякий* тощо (см. подробнее: [АУМ, 1–3; Бевзенко 1980: 90, 115; Кобиринка 2020]).

Префиксальные и префиксально-суффиксальные существительные в украинских диалектах могут иметь ударение и на префиксе, и на корне, ср.:

– ударение на префиксе: *на́критка* [Чабаненко, 2: 324], *на́ч'є"риц'а* [Чабаненко, 3: 79], *у́род* ‘выродок’ [Чабаненко, 4: 172], *на́луба* [Чабаненко, 3: 72], *на́синок* [Чабаненко, 3: 76]; *на́йїдок* [Онишк. I: 468], *на́сипка* ‘наволочка, наперник’ [Онишк. I: 476], *на́кіст'* [Онишк. II: 35], *на́мїат*² [Онишк. II: 37], *на́сіка* [Онишк. II: 43], *на́сербиц'а* [Онишк. II: 42], *на́б'їўки* [Онишк. I: 460], *на́тока* [Лисенко: 154], *на́рубок* [Лисенко: 152];

– ударение на корне: *пазу́ха* [Онишк. II: 34], *па́тока* [Онишк. II: 45], *вими́на*, *вими́ова* [Онишк. I: 103], *наму́л* [Онишк. I: 471]; *накрі́тка*, *наме́т*, *напе́рсток* [Лисенко: 133];

– вариативное ударение: *накрі́ўка* [Онишк. I: 469].

Закономерно возникает вопрос, какое из ударений — накоренное или префиксальное — является исконным, а какое возникло позже, несмотря на то, что в позднепраславянском языке, как указывают исследователи исторической акцентологии, у префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных было две акцентных парадигмы — префиксальная и корневая [Булаховський 1977, II: 352; Скляренко 2006].

В лингвистике вопрос о первичности акцентного типа (далее — а. т.), о том, как правильно квалифицировать движение ударения: с корня на префикс или с префикса на корень, — не новый и дискуссионный. Так, А. А. Шахматов первичным для таких существительных считал ударение на корне [Шахматов 1915: 84]; З. Н. Веселовская [Веселовська 1970], И. И. Огиенко [Огієнко 1952], В. Г. Скляренко [1998; 2006], В. М. Винницкий [Винницький 2002] — ударение на префиксе.

Делая вывод о том, что префиксальное ударение существительных является древним и исконным, а тенденция переноса ударения с префикса на корень начала действовать уже на украинской почве, исследователи опирались на такие факты: во-первых, существительные с префиксаль-

² Приводим только один из фонетических вариантов.

ным ударением фиксируются в украинских акцентуированных памятниках конца XVI — начала XVIII в.; во-вторых, таких существительных в акцентуированных памятниках очень много (см. подробнее: Веселовська 1970; Складенко 1969: 91, 99, 101]).

Динамические процессы в установлении а. т. префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных иллюстрируют также лексикографические труды разного времени. В настоящей работе мы представляем сопоставительный анализ акцентуации префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных с именными префиксами (*y-*, *na-*, *pra-*, *su-*) и с исконно долготными глагольными и адъективными префиксами (*vi-*, *na-*, *nad-*, *roz-*, *pere-*), представленных в «Словаре украинского языка» («Словарь української мови») в 4-х томах под ред. Б. Д. Гринченко (1907–1909) — словаре живого украинского языка к началу XX в., имевшего одной из основных целей консолидацию украинского языка и повлиявшего на нормирование украинского литературного языка [Грінч.]; в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского («Малоруско-німецький словар» в 2-х т., 1886), в котором широко представлена диалектная лексика юго-западного наречия [Жел.]; и в словаре-справочнике «Українська літературна вимова і наголос» под ред. М. А. Жовтобрюха (1973), отражающем современное нормативное ударение [УЛВН].

В результате сопоставительного анализа перечисленных лексикографических трудов было выявлено функционирование исследуемых лексем с префиксальным и корневым а. т., которые на современном этапе не изменили своего ударения; расхождения в акцентуации, свидетельствующие о существовании различных региональных традиций в украинской акцентной системе, а также показывающие, какому из региональных вариантов учеными было отдано предпочтение при кодификации ударения.

В качестве иллюстрации приводим примеры акцентуации префиксальных существительных³.

I. Существительные, имеющие в проанализированных источниках одинаковое ударение и не изменившие ударения на современном этапе.

а) префиксальный а. т.:

на́волочка [Жел.: 468; УЛВН: 345];

на́гляд [Жел.: 470; Грінч. II: 476; УЛВН: 346];

³ Приводятся примеры в основном тех существительных, которые употребляются в современном языке и зафиксированы в трех указанных источниках.

на́голос [Жел.: 471; Грінч. II: 477; УЛВН: 346];
*на́йда*⁴ [Жел.: 478; Грінч. II: 491; УЛВН: 350];
на́ймит [Жел.: 478; Грінч. II: 491; УЛВН: 351];
на́ймичка [Жел.: 478; Грінч. II: 491; УЛВН: 351];
на́мір [Жел.: 483; Грінч. II: 503; УЛВН: 353];
на́пад [Жел.: 485; Грінч. II: 506; УЛВН: 354];
на́хідка [Жел.: 498; Грінч. II: 531; УЛВН: 362];
на́дмір [Жел.: 474; Грінч. II: 484; УЛВН: 348];
на́гін [Жел.: 595; Грінч. III: 86; УЛВН: 405];
на́зуха [Жел.: 596; Грінч. III: 87; УЛВН: 405];
на́м'ятка [Жел.: 599; Грінч. III: 91; УЛВН: 407];
на́м'ять [Жел.: 599; Грінч. III: 91; УЛВН: 407];
на́морозь [Жел.: 598; Грінч. III: 90; УЛВН: 407];
на́росток [Жел.: 602; Грінч. III: 97; УЛВН: 410];
на́рость [Жел.: 602; Грінч. III: 97; УЛВН: 410];
на́рубок [Жел.: 603; Грінч. III: 98; УЛВН: 410];
на́синок [Жел.: 603; Грінч. III: 99; УЛВН: 411];
на́сіка [Жел.: 604; УЛВН: 411];
на́сербиця [Жел.: 603; Грінч. III: 99; УЛВН: 411];
на́тока [Жел.: 605; Грінч. III: 102; УЛВН: 412];
пра́внук, пра́внучка [Жел.: 732; Грінч. III: 400; УЛВН: 494];
пра́дід [Жел.: 733; Грінч. III: 401; УЛВН: 495];
пра́ліс [Жел.: 734; Грінч. III: 401; УЛВН: 495];
пра́щур [Жел.: 735; Грінч. III: 403; УЛВН: 495];
ро́збрат [Жел.: 312; Грінч. IV: 32; УЛВН: 559];
ро́збрід [Жел.: 812; УЛВН: 559];
ро́звиток [Жел.: 814; Грінч. IV: 35; УЛВН: 560];
ро́згляд [Жел.: 815; Грінч. IV: 38; УЛВН: 561];
ро́зголос [Жел.: 815; Грінч. IV: 39; УЛВН: 561];
ро́змах [Жел.: 823; Грінч. IV: 50; УЛВН: 569];
ро́змін [Жел.: 824; Грінч. IV: 51; УЛВН: 570];
пе́реділка [Жел.: 614; Грінч. III: 116; УЛВН: 420];
пе́релік [Жел.: 618; Грінч. III: 124; УЛВН: 425];
пе́ре́пит [Жел.: 621; Грінч. III: 131; УЛВН: 429];
пе́ре́пичка [Жел.: 621; Грінч. III: 132; УЛВН: 429];

⁴ Несмотря на то, что в украинских говорах это существительное употребляется с разными лексическими значениями, акцентный тип не меняется, ср.: *найда* 'байстрюк' [Онишк. I, 467] и *найда* 'швендя' [Чабаненко, II: 318].

б) корневой а. т.:

вимóва [Жел.: 79; Грінч. I: 171; УЛВН: 81];

вимóга [Жел.: 79; УЛВН: 81];

паскúдник [Жел.: 604; Грінч. III: 138; УЛВН: 411];

пацéка [Жел.: 607; Грінч. III: 104; УЛВН: 413];

сувiй [Жел.: 932; Грінч. IV: 225; УЛВН: 635];

суперéчка [Жел.: 936; Грінч. IV: 229; УЛВН: 637];

сусiд [Жел.: 937; Грінч. IV: 231; УЛВН: 637];

сусiдка [Жел.: 937; Грінч. IV: 231; УЛВН: 637].

II. Существительные, представленные в проанализированных источниках с разными а. т.:

а) префиксальный а. т. — в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского; корневой а. т. — в словаре под ред. Б. Д. Гринченко и в [УЛВН], или только в [УЛВН]:

на́бавка [Жел.: 464] — *наба́вка* [Грінч. II: 461; УЛВН: 342];

на́двшика [Жел.: 473] — *надвíшка* [УЛВН: 347];

на́дiл [Жел.: 474] — *надíл* [Грінч. II: 491; УЛВН: 348];

на́каз [Жел.: 479] — *нака́з* [Грінч. II: 483; УЛВН: 351];

на́ливка [Жел.: 482] — *нали́вка* [Грінч. II: 499; УЛВН: 352];

на́мет [Жел.: 483] — *наме́т* [Грінч. II: 502; УЛВН: 353];

на́рiд [Жел.: 490; Грінч. II: 516] — *наро́д* [Грінч. II: 516; УЛВН: 357];

на́сми́шка [Жел.: 493] — *насмíшка* [Грінч. II: 521; УЛВН: 359];

на́щадок [Жел.: 500] — *нащадок* [Грінч. II: 536; УЛВН: 363];

перéворот [Жел.: 612] — *переворо́т* [УЛВН: 418];

перéв'язка [Жел.: 612] — *перев'язка* [УЛВН: 418];

перéлит [Грінч. III: 124] — *перелíт* [УЛВН: 425];

перéполох [Жел.: 622] — *переполо́х* [Грінч. III: 133; УЛВН: 430];

перéсилка [Жел.: 623] — *пересíлка* [УЛВН: 432];

перéстрілка [Жел.: 625] — *перестрíлка* [УЛВН: 434];

ро́з'iзд [Жел.: 819] — *роз'iзд* [Грінченко IV, 47; УЛВН: 566];

ро́зкiл [Жел.: 821] — *роzkíл* [Грінч. IV: 66], *розkíл* [УЛВН: 566];

ро́зрив [Жел.: 830] — *розрíв* [Грінч. IV: 55; УЛВН: 576];

ро́зряд [Жел.: 830] — *розрíд* [УЛВН: 576];

ро́зсiл [Жел.: 831] — *розсíл* [УЛВН: 577].

Тот же самый процесс наблюдается и в акцентуации существительных среднего рода на *-ання (-є)*, которые в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского представлены с префиксальным ударением:

візнанє [Жел.: 75] — *визнанія* [Грінченко I, 160; УЛВН: 77];
на́дбанє [Жел.: 472] — *надба́ння* [Грінч. II: 480; УЛВН: 347];
на́сланє [Жел.: 493] — *насла́ння* [УЛВН: 359];
на́станє [Жел.: 494] — *настання́* [Грінч. II: 522] — *наста́ння* [УЛВН: 359];

на́чине [Жел.: 500] — *начи́ння* [Грінч. II: 533; УЛВН: 363];

б) корневой а. т. — в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского; префиксальный а. т. — в словаре под ред. Б. Д. Гринченко, [УЛВН] или только в [УЛВН]:

випа́док [Жел.: 81] — *випадо́к* [Грінч. I: 175; УЛВН: 82];
висту́га [Жел.: 87] — *висту́га* [Грінч. I: 187; УЛВН: 87];
випла́та [Жел.: 82] — *випла́та* [УЛВН: 83];
насти́лка [Жел.: 495] — *насти́лка* [УЛВН: 360];
палу́ба [Жел.: 598] — *палу́ба* [Грінч. III: 89; УЛВН: 406];
перека́з [Жел.: 616] — *перека́з* [Грінч. III: 120; УЛВН: 422];
перекла́д [Жел.: 616] — *перекла́д* [Грінч. III: 121; УЛВН: 423];

в) префиксальный а. т. — в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского и в словаре под ред. Б. Д. Гринченко или в одном из них; корневой а. т. — в [УЛВН]:

нава́л [Жел.: 465; Грінч. II: 467] — *нава́л* [УЛВН: 343];
намо́лот [Жел.: 484] — *намо́лот* [УЛВН: 354];
наму́л [Жел.: 484; Грінч. II: 504] — *наму́л* [УЛВН: 354];
на́різка [Жел.: 490] — *на́різка* [УЛВН: 357];
на́дбавка [Жел.: 472] — *на́дбавка* [УЛВН: 347];
ро́зкопка [Жел.: 821] — *ро́зкопка* [УЛВН: 342];
а также: *напе́рсток* [Жел.: 486] — *напе́рсток* [УЛВН: 567];

г) префиксальный а. т. — в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского и современном [УЛВН]; корневой а. т. — в словаре под ред. Б. Д. Гринченко:

ро́здроб [Жел.: 818], *ро́здрі́б* [УЛВН: 563] — *роздрі́б* [Грінч. IV: 43];
ро́змір [Жел.: 824], *ро́мір* [УЛВН: 570] — *розмі́р* [Грінч. IV: 51].

Закономерным явлением в установлении а. т. является вариативность, которую фиксируют анализируемые источники конца XIX — начала XX в. Именно вариативность свидетельствует о том, в каком направлении двигалось ударение до его стабилизации. В частности, в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского и в словаре под ред. Б. Д. Гринченко существительные представлены с вариативным ударением — префиксальным и

корневым, а нормативным стал преимущественно префиксальный а. т., что свидетельствует об обобщении префиксального ударения:

ві́да́ча [Жел.: 73] — *ві́дача* [УЛВН: 75];
ві́но́с [Жел.: 81] — *ві́нос* [УЛВН: 82];
на́пря́м [Грінченко: II, 513] — *на́пря́м* [УЛВН: 356];
на́пря́мок [Грінченко: II, 513] — *на́пря́мок* [Жел.: 489; УЛВН: 356];
на́сі́ка [Грінч. III: 99] — *на́сі́ка* [УЛВН: 411];
пра́вну́к [Жел.: 732] — *пра́внук* [УЛВН: 494];
пра́вну́ка [Жел.: 732] — *пра́внучка* [УЛВН: 494];
ро́зчи́н [Жел.: 837] — *ро́зчин* [УЛВН: 582];
су́мні́в [Жел.: 935] — *су́мні́в* [УЛВН: 636].

Накоренное ударение установилось в таких существительных:

ві́міна [Жел.: 79] — *віміна* [СУМ I: 431];
перéчінка ‘перешкода’ [Грінч. III: 144] — *перéчінка* [УЛВН: 437];
перéля́к [Жел.: 618] — *переля́к* [Грінч. III: 125; УЛВН: 425];
ро́зпа́л [Жел.: 825], *ро́спал* [Грінч. IV: 70] — *ро́зпа́л* [УЛВН: 572];
ро́зхі́д [Жел.: 836] — *ро́зхі́д* [УЛВН: 581].

В то же время с вариативным ударением функционируют существительные и на современном этапе. Этот факт, по нашему мнению, можно объяснить следующими причинами:

а) сохранение старой вариативности ударения, представленной в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского и в словаре под ред. Б. Д. Гринченко:

на́ї́зд [Жел.: 479], *на́ї́зд* [Грінченко 1908: II: 490] — *на́ї́зд* [УЛВН: 350];
на́ї́док [Грінч. II: 490], *на́ї́док* [Жел.: 479] — *на́ї́док* [УЛВН: 350];
на́па́сть [Грінч. II: 507], *на́пасть* [Жел.: 485] — *на́па́сть* [УЛВН: 355];
на́кла́д [Жел.: 479; Грінченко 1908: II: 494] — *на́кла́д* [УЛВН: 351];
ро́зрі́з [Жел.: 830] — *ро́зрі́з* [УЛВН: 576];

б) вариативность как результат смешения двух акцентуационных традиций: юго-западной и юго-восточной; в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского и в словаре под ред. Б. Д. Гринченко существительные фиксируются с разными а. т. — префиксальным или корневым: *ро́злив* [Жел.: 822] — *ро́злі́в* [Грінченко IV: 47] — *ро́злі́в* [УЛВН: 568].

В словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского и в словаре под ред. Б. Д. Гринченко или в одном из них фиксируются существительные с префиксальным а. т., а в современном [УЛВН] — с вариативным ударением:

на́шивка [Жел.: 50; Грінч. II: 535] — *на́ші́вка* [УЛВН: 363];
перéснів [Жел.: 624; Грінч. III: 138] — *перéснів* [УЛВН: 433];
ро́звід [Жел.: 814; Грінч. IV: 35] — *ро́звід* [УЛВН: 560];
ро́звій [Жел.: 814; Грінч. IV: 35] — *ро́звій* [УЛВН: 560];
ро́зліт [Грінч. IV: 48] — *ро́зліт* [УЛВН: 569];
ро́зплід [Жел.: 827] — *ро́зплід* [УЛВН: 573].

В то же время отметим, что в проанализированных источниках отражено и развитие дифференцирующей функции ударения, ср.:

перéкупка ‘перекупница’ [Жел.: 617; Грінч. III: 123] — *перéкупка* ‘перекупница’ и *переку́пка* ‘купівля для перепродажу’ [УЛВН: 424];
перері́з ‘дія’ [Жел.: 623; УЛВН: 431] и *перері́з* ‘діжка’ [Грінч. III: 135; УЛВН: 431].

В результате проведенного исследования выяснено следующее:

– функционируют префиксальные и префиксально-суффиксальные существительные, которые на современном этапе не изменили своего ударения. К одинаковому а. т. — префиксальному — относится большая часть существительных с префиксами *на-*, *па-*, *роз-*, а также *перé-*, *пра-*; корневой а. т. представлен меньшим числом существительных с префиксами *ви-*, *па-*, *су-*;

– исследуемые существительные, ударение которых сегодня не является литературной нормой, по большей части представлены в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского; в частности, это существительные с префиксами *на-*, *перé-*, *роз-*, относящиеся к префиксальному а. т., а также существительные с префиксами *ви-*, *па-*, *пере-*, относящиеся к корневому а. т.;

– некоторые существительные с префиксами *на-*, *над-*, *роз-* перешли из префиксального а. т. в корневой а. т., при том что исследуемые существительные с ударением на префиксе представлены и в словаре Е. И. Желеховского и С. И. Недельского, и в словаре под ред. Б. Д. Гринченко, или в одном из них. Отмеченное выше, так же как и функционирование на современном этапе вариативного ударения как нормативного, свидетельствует о тенденции переноса ударения с префикса на корень. В то же время открытым остается вопрос о факторах, влияющих на смену а. т.;

– на современном этапе нормативным в ударении исследуемых существительных стал в основном а. т., представленный в «Словаре украинского языка» («Словарь української мови» в 4-х т.) под ред. Б. Д. Гринченко. Таким образом, этот лексикографический труд имел большое влияние на установление украинской литературной нормы акцентуации.

Істочники

- АУМ — Атлас української мови. Київ, 1984–2001. Т. 1–3. Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянина і суміжні землі; т. 2: Волинь, Наддністрянина, Закарпаття і суміжні землі; т. 3, ч. 1: Донеччина, Слобожанщина і суміжні землі; т. 3, ч. 2: Нижня Наддніпрянина, Причорномор'я і суміжні землі.
- Грінч. — *Грінченко Б.* Словарь украинского языка / Словарь української мови. Київ, 1905–1909. Т. 1–4.
- Жел. — *Желеховский С., Недільский С.* Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886.
- Лисенко — *Лисенко П. С.* Словник середнього і східного Полісся. Київ, 1961.
- Онишк. — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Т. 1–4.
- Чабаненко — *Чабаненко В. А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянини. Запоріжжя, 1992. Т. 1–4.

Література

- Бевзенко 1980 — *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Булаховський 1977 — *Булаховський Л. А.* Вибрані праці: в 5-ти томах. Київ, 1977. Т. 2: Українська мова.
- Веселовська 1970 — *Веселовська З. М.* Наголос у східнослов'янських мовах початкової доби формування російської, української та білоруської націй (кін. XVI — поч. XVIII ст.). Харків, 1970.
- Винницький 2002 — *Винницький В. М.* Українська акцентна система: становлення, розвиток. Львів, 2002.
- Кобиринка 2020 — *Кобиринка Г. С.* Українське діалектне наголошування: об'єкт і прийоми пізнання. Кам'янець-Подільський, 2020.
- Огієнко 1952 — *Огієнко І. І.* Український літературний наголос. Вінніпег, 1952.
- Скляренко 1969 — *Скляренко В. Г.* Історія акцентуації іменників *a*-основ української мови. Київ, 1969.
- Скляренко 2006 — *Скляренко В. Г.* Історія українського наголосу. Іменник. Київ, 2006.
- Скляренко 1998 — *Скляренко В. Г.* Праслов'янська акцентологія. Київ, 1998.

Summary

Halyna S. Kobyrnka

Accentuation of prefixed nouns in the Ukrainian language continuum: establishment of the norm

The article highlights the behavior of verbal stress in prefixed and prefixed and suffixed nouns as well as dynamic processes in establishing their accent type.

The paper presents the results of a comparative analysis of stress in prefixed and prefixed and suffixed nouns with noun prefixes (*u-*, *pa-*, *pra-*, *su-*) and with originally long verb and noun prefixes (*vy-*, *na-*, *nad-*, *roz-*, *pere-*), presented in «Словарь

української мови» in 4 volumes, ed. by В. Hrinchenko (1907–1909), «Малоруско-німецкий словарь» by Е. Zhelekhivsky and S. Nedilsky (1886), and the dictionary-reference book «Ukrainian literary pronunciation and emphasis», ed. by М. Zhovtobryukh (1973).

The comparative analysis of these lexicographical works revealed that the nouns under study are functioning with a prefixal, root accent type, and at the present stage they have not changed their stress; there are differences in stress, which indicate the existence of different regional traditions in the Ukrainian accent system. The analysis also helped to understand which of the regional options scholars preferred when codifying the stress in the nouns under study.

At the same time, it is noted that the prefixal stress in nouns was ancient and primary, and the tendency to shift the stress from the prefix to the root developed in the Ukrainian language, since there is a large number of nouns with prefixal stress recorded in Ukrainian accentuated manuscripts from the late 16th — early 18th centuries.

Keywords: stress, prefixal accent type, root accent type, Ukrainian literary norm, lexicographical works.

Перевод с украинского М. Н. Толстой

*Януш Ригер
(Варшава, Польша)*

Тексты из польского села Войтовцы на Подолье (Украина)

Прежде польские диалектные тексты, записанные на территории Украины в конце XX – начале XXI века, мы публиковали в упрощенной фонетической транскрипции. В настоящее время нами ведется подготовка обширного сборника нарративов, касающихся судеб поляков на Украине в советское время, который адресован широкому кругу читателей. Принятая запись приближена к орфографии польского литературного языка, однако сохраняет при этом свое значение для исследований в области диалектной морфологии, синтаксиса и лексики. В настоящей публикации представлены фрагменты записей из села Войтовцы рядом с г. Хмельницкий (быв. Проскуров).

Ключевые слова: поляки на Украине в 1920–1930-е годы, южный периферийный польский диалект, кресовые говоры, лексика польских говоров на Украине

Публикуемая подборка диалектных текстов нетипична, поскольку подготовлена для не-лингвистов, тем не менее она продолжает существующую традицию. В сборнике «Język polski na Ukrainie w końcu XX w.» [Rieger, Cechosz-Felczyk, Dzięgiel 2004–2007] мы представили польские диалектные тексты, записанные на территории Украины, однако из-за излишне детальной фонетической транскрипции они не вызвали интереса у широкого круга читателей. По этой причине было решено отражать меньше диалектных черт (не отмечают незначительное повышение/понижение гласных, оглушение/озвончение согласных, разложение носовых). Главное — чтобы такие тексты передавали «колорит» местной речи. Хорошим выходом представляется параллельная подача диалектного текста в фонетической транскрипции и в общепринятой орфографии, как это сделали авторы 4-томного сборника «Говірка села Машеве Чорнобильського району» [Бідношия, Дика 2003–2005], хотя это в два раза увеличивает объем печатного издания.

В будущем тексты из данной публикации войдут в сборник под названием «Повседневная жизнь и трагические судьбы поляков в Советском

Союзе» («Codzienność i tragiczne losy Polaków w Związku Sowieckim»). Учитывая, что издание адресовано широкому кругу лиц и в первую очередь читателям, интересующимся историей, тексты приводятся в орфографии, приближенной к польской официальной, однако сохраняется передача отдельных локальных фонетических черт, прежде всего в области произношения гласных. Фонетика и морфология говора будут охарактеризованы в предисловии, а для изучения словообразования и лексики говора тексты сохраняют свое значение и в таком виде: они показывают, с одной стороны, сильное влияние украинского (и русского) языка, а с другой — сохранность базовой исконной лексики, зачастую общей для контактирующих языков (тексты снабжены пояснениями, ориентированными на польского читателя).

Село Войтовцы (пол. Wójtowce) находится на железнодорожной линии Львов — Волочиск — Хмельницкий (быв. Проскуров) в 19 км от Волочиска. В настоящее время часть села, расположенная рядом с железнодорожной станцией, является отдельной административной единицей, а центр, находящийся в 3 км от станции, включен в состав соседнего села Писаревка. Согласно «Географическому словарю царства Польского и других славянских стран» [Słownik geograficzny 1890–1914, III: 769], «Войтовцы alias Писаревка» — село, расположенное в староконстантиновском повете, в гмине Маначин, относится к церковному приходу в Купино. Находится в 19 км от Волочиска и в 20 км от Черного Острова. В нем было 165 домов, 1331 житель, православная церковь и две школы (согласно т. VIII, «Писаревка, село в староконстантиновском повете, прих. Волочиск, имеет 70 домов» [Słownik geograficzny 1890–1914, VIII: 227]). По данным статистики за 1926 год, в войтовецком сельсовете числилось всего 2597 жителей, из них 845 поляков и 1696 украинцев. Судя по всему, в то время Войтовцы и Писаревка были отдельными селами, но при этом одной административной единицей. В 1927 году в рамках пересмотра польских сельсоветов установлено, в частности, что Войтовецкий сельсовет был создан 10 февраля 1927 г.; к нему относилось 213 хозяйств, из них бедных — 118, средних — 92, а зажиточных — 3. Население насчитывало 1034 жителя (из них половину составляли женщины): поляков — 869, украинцев — 154, евреев — 7, русских — 4.

Войтовцы — село крестьянское (не мелкошляхетское), о чем свидетельствуют польские диалектные черты [Rieger 2002; Dzięgiel 2003] и фамилии жителей [Rieger 2004]. В 1994 году в Войтовцах пожилые люди говорили в основном по-польски, хотя в своей речи употребляли мно-

го украинских и русских форм и слов. Молодежь в большинстве своем понимала польскую речь. По словам информаторов, в 1929–1937 годах в селе действовала польская школа (в материалах, опубликованных Г. Стронским, об этой школе нет упоминаний [Stroński 1996]).

Характерной особенностью польских периферийных («кресовых») говоров является наличие черт, заимствованных из соседних украинских, литовских и белорусских говоров. В говоре села Войтовцы зафиксировано, в частности, украинское сужение безударных гласных *o* и *e*: *zgotuji, klami*; реже понижение ударных гласных: *kupiela, szal ‘szedł’* (‘шёл’); протетический *v*: *wumar*; чередование *u ~ w*: *wmieramy*; неслоговой *ɥ* на конце слова: *znoɥ*; полумягкое произношение *ś ź ć dź* у представителей младших поколений; окончание *-am* в Дат. мн.; частое окончание *-uj* в Им. ед. слов м. р.: *dobryj*; окончание *-mo* (наряду с польскими *-m, -my*) в 1 л. мн. Украинским влиянием объясняется сохранение твердого переднеязычного *l* (в большинстве польских говоров перешедшего в *ɥ*): *slabuji*, а также наличие мягкого переднеязычного зубного *l’* (вместо смягченного небного [ʎ]): *liata*; сохраняются следы двойственного числа: *dwie starych babi*. Из польских диалектных черт стоит отметить произношение суженного *e* («*e* pochylone») как *i*: *mlić*; частое сохранение старого *-ir-*: *wmirać*; окончание *-m* в 1 л. мн.: *robim*; редкие формы прош. вр. типа *zobaczuł, zarobiuł* или *cion, wziena, naczeni*; частые аналитические формы: *ty skazała, ty wzieni*; единое окончание *-li* в формах мн. ч. прош. вр. (неразличение лично-мужских и нелично-мужских форм): *chłopy kusili, baby mieli* (ср. лит. *chłopi kosili, baby miały*) [Bakun-Kiczyńska, Rieger 2004; Rieger 2007].

На долю жителей села выпали трагические испытания: депортации («высылки»), голод, репрессии (расстрелы и иные способы расправы). Изначально на отдаленные территории — за пределы области — выселяли более богатых хозяев (так наз. *куркулей* — кулаков). Подобное произошло и в 1937 году: мужчины исчезали (их убивали), а их семьи как семьи «врагов народа» депортировали в Казахстан (по словам одного из информаторов, туда отправили около 70 семей), а также на Дон. Голод 1933 года не обошел село стороной, в 1947 году свирепствовал голод меньшего масштаба. Во время Второй мировой войны в селе стояли немцы: они жгли дома, заставляли местных жителей работать на себя, отправляли их на принудительные работы в Германию.

В 1920-е годы ближайшие католические церкви находились в Купели, Черном Острове и Волочиске, а католические часовни — в соседнем селе Зеленая и Кривачинцах. После окончания Второй мировой войны поляки

из Войтовцев ездили в Подволочиск за рекой Збруч или в единственную на тот момент католическую церковь к востоку от Збруча — на кладбище в селе Гречаны. В самих Войтовцах костел построили в начале 1990-х. Сильную привязанность к Римско-католической церкви и религии демонстрируют приведенные ниже высказывания.

Записи бесед с информаторами вела Януш Ригер вместе с Ивоной Цехош и Эвой Дзэнгель в 1994 г. в центральной части села Войтовцы (находящегося по соседству с украинской Писаревкой). Обработка материала принадлежит Янушу Ригеру, расшифровка — Виктории Черняк.

Информаторы:

AB17 — мужчина, 1911 г. р. В детстве потерял родителей, воспитывался в семье тети. Один год посещал польскую школу. Работал рабочим на стройках, служил в Красной армии (6 лет). В 1941 году был мобилизован, затем ранен, после чего госпитализирован, позже, в Армии Андерса, имел дело с литературным польским языком, однако по-прежнему говорит на говоре. После войны вернулся в родные края.

AB29 — женщина, 1929 г. р.

HB27 — женщина, 1927 г. р. Окончила один класс польской школы.

JF17 — женщина, 1917 г. р. Два года посещала польскую школу в селе. Муж погиб на войне.

JP52 — женщина, 1952 г. р., дочь JF17. Очень хорошо говорит на говоре. С мужем говорит по-украински.

MG31 — женщина, 1931 г. р. Ходила в украинскую школу в Войтовцах.

ZP22 — женщина, 1922 г. р. Отец скорее всего приехал сюда из окрестностей Варшавы.

Войтовцы и соседние села

To Pódwólóczyski, ta granica była. To z tyj strony byli Wólóczyskie, a tam byli Pódwólóczyski (MG31). A tut szmat było Poliaków. [*Co się z nimi stało?*] Pyrsypali tak wsio, wywieźli i tut zóstało si. [*I wywozili*] w Sib'ir [*To była pierwsza wysylka?*] A to była pirsza i druga i ʰo (AB11).

[*Dużo tu Polaków*] poszt'i wsi. U nas dużo je. Je może z dziesięć chat takich, że wsia simj'a prawosławna, a to nie. To jedno może prawosławne. Ot u mnie córka Poł'ska, a zieńć prawosławny. Alie chodzi do kościoła i spowiada sie w kościoli wsio (HB27).

“O jak “ot która tam du kóscioła nasza ulica sie konczy, akurat tam du kóscioła, to niby taka troszki płoszczsza bedzi małeńka. Tam stał p'amiatnik Karlu Marksu, nu taj ży jegu, że ni zdjeni toj p'amiatnik, toj biust rozwalili het wsio, piedyst'ał różwalili toj, zabraji jegu i póstawili w kólhosnej kómorzy. Każu: a wdług władza sie zmieni, to my znów póstawim. I taki je w kólhosnyj kumorze. Kulhosna kumora, je Li'enina biust, Karła Marksa biust, p'amiatniki taki. Oj, stojał koło kantora, tam dzie stary kólh'osp, a toj stojał tut, kólu nas i wsio pódwózili tud'a i tam stoji. Trzymaju nas taki... bu wszyscy zmienia sie. Jak kómunisty przyjdu du władzy, tu trza bedzi póstawić (JP52).

biust (iz rus.) – popiersie; p'amiatnik (iz rus.) – pomnik; peresypać (iz ukr.) – przesytać, здесь: porozsypuwać; piedest'ał (iz rus.) – cokół; płoszcza (iz ukr.) – płac; poczt'i, poszt'i (iz rus.) – prawie; Podwołoczyska (Подволочиск) – do 1939 г. приграничный городок с польской стороны к западу от Збруча; Polski, Polska – Polak, Polka; skilky (iz ukr.) – ile; szmat (iz ukr.) – wiele; wdług (iz rus.) – nuż, a nuż; Wołoczyska (Волочиск) – приграничный город к востоку от Збруча; wstriechaty sia (iz rus.) – spotykać się

[*Mama z innego siola?*] ah'a, sześć kil'ometriw. Rabijówka. Rabijówka, o to siolo, jak wo zaraz, zaraz wo to wo siudy w'o za naszym siolem. I tam je sze Poliacu. Tam ksiądz nawit' nasz najizdża tędy, Jan. Rabijówka, ah'a. Sze je szmat tam Poliaków. Tam było szmat Poliaków. [*Połowa?*] nie, nu ni ma pewnie połowy. Pierwij tu było, a tera wże ni ma połowy. [*A gdzie jeszcze rozmawiają po polsku?*] a to w naszij parafiji, w Zilionej. Tut wo... Ja nie wim, czy to sztyry kil'ometry to siolo. No tam szmat Poliaków, no mało do kóscioła chodzi. Nie wim, czego woni nie chodzą. Tam woni sobi obobrali chate taki. Mieli kóściół strojić, ali teraz to drożyzna, tyj wże nie stawiu tego. To mieli, tam w jakijś chaci oni modlio sie, to ja nie wim. Ja tędy nie chodziła. Ksiądz Jan, on wsich wi, bo on tędy jeździ. To woni tak. Sze do sze, jak nie skasowali kósciołu, to tam był kóściół. Niewiel'kij, takij małyj kóściół był. Nasza par'afija [*przed wojną*] była w Kupieliu, a to była, w Zilionej to była par'afija do Zawalijik. Siolo Zawalijiki sie nazywa. Toto Zieliona była do tamtej par'afiji. To przyjeżdżał ksiądz spowiadać do Zilionej, a my sie spowiadali w piątek, a birzmował nas biskup aż w Czornostrowi. Toto wże więcej nie birzmował. Wże więcej biskupa nie było. I to naczeni wże zara ksiądzów zabirać (JF17).

Ziliona, bałakaju, to każu ot jak tam coś komuś różkazujisz, on ni pónimaje, to ka: ty szo z Zyl'enuji, ty co z Zilionyj, wży “oni takie jak'oś troszki ódstaju, ódstajo ot i wsio. Troszki do nich późnij wsio dóchodzi, za tydzień. [*Inny informator*: Tam taki ludzie, co wsio w kólhospi robliu, wsio tam kila na stancji tam zara z Wółoczysk wyjchali, a tak tam ludzie poczti wsi stare na

miejscu.] Wsio ka i ni bedzi bliżyż niż nam drogu do żyliaznyj drogi, a ʷoni tam czyryz poli maju taki ściżki du żyliaznyj drogi, taki kółóstanyk tam je, ʷoni wychodzu tu tam, ʷoni kółu rzecy półtoryj kiłómetra, a nam trzy kiłumetry połuczca (JP52).

ka (вместо każe) – mówi; kołostanek (из укр.) – przystanek; poczti (из рус.) – prawie; połuczca (из рус./укр.) – здесь: wypada; stroić (из рус.) – budować; żelazna droga (из рус.) – kolej

Сохранение языка.

Оценка местной разновидности польского языка

Nu samy wiency to pu polski rozmawiaju, a jak zejdu si, to tak ni pojdziesz jak, ni rozbierzysz jaki ten po polski, a ten po ukr'ajinski i o tak o. A żyb toj ʷo, żyb jidnakowo było to, a przyktóry to na przykłat zejdu si, to bałakaju pu polski, a wże jak zejdu si z Pisarówki, tam ty wży, tam samy Ukr'ajincy, nu wże miszaju (AB11).

Alie my wsi rawn'0 po swemu [*rozmawiamy*] i wsi... jak sie nawczyli, tak i będo. [*A tu są takie wsi, gdzie jest dużo Polaków?*] w kaźnim sioli je, aliż mnij. A wu nas, to wu nas Żiliona jest, Hajdajki tam toże. Nu tam mało wże, ali sam wże kościół to toże postawili malieńki. I ot w Krzywaczyńcach, alie tam po ukr'ajiński szczas rozmawliajo. Po ukr'ajiński. A my to tak '0 jak ot. Sze je siola taki że, alie wienczej je po ukraiński, niż po polski. W Hajdajkach toto tam je Poliaków mało, alie oni więcej po ukr'ajiński. Tam sze Czerwone Siolo, tam sze je. To ja tam, d'umajecie ja wsi siola wim. I lis sze tak'0 cej w'0 tu. A tam toże blisko, oni tam tak siolo. [*To jak mówicie?*] nu kanieszno, my nieczysto. [*A jak?*] a tak, po mazurski [*śmiech*]. [*A tu was Mazurami nazywają?*] nu tak, my każem Poliaki, Mazury, jaki... [*A kto Mazurami was nazywa?*] a Ukr'ajińci prawosławne (AB29).

cej (из укр.) – ten; kanieszno (из рус.) – oczywiście; szczas, szczas (из рус.) – teraz

Nasza par'afija była w Kupielu i tam wsio po polsku. I my wsi po polsku. To ze mni śmiali sie na fermi: Ot, won'a inaczej ne bude bałakać, won'a wse bud'e po polsku. A każe: tak jak, tak jak ja chrzczona, tak ja bede bałakać. To ja po polsku bałakała. To taka mowa nieczysta polska. alie u nas tak bałakaju tak wsi (JF17).

[*A mowa w Zielonej?*] nu inna. Nu jakby powiedzieć, ona polska mowa, nu jakiś taki, jakby powiedzieć, no akcent taki u nich, wyróżnia sie. Ja wiem, jakoś, jakoś oni po jinnemu mówią. No po jińszemu. [*A w Hreczanach?*] No w

Greczanach nie, tam w Greczanach lepiej mówio po polsku, a w Zilionej nie tak. U nas też nie mówio dobrze. Ja niby, niby tak podobnie rozmawiam po polsku, a u nas kobiety też nie mówio tak po polsku. Uczyłem sie w szkolie... [*Inaczej troche mówią*] tak, inaczej troche, no można pojąć. Uczyłem sie w szkolie, niby dobrze sie uczyłam, to niby tak potrafiam po polsku rozmawiać, a drugi kobiety nie mogom tak. Kto by to nie mówił tutaj, to u nas to wy możecie pojąć każdego. [*A dużo tu jest takich, co mówią po polsku?*] dużo jest. Jakby powiedzieć, jak dwudziestego dziewiątego roku otworzyła sie tu szkoła polska. To dzieci chodziły, no nawet chaj by po siedem lat, to z dwadzieścia drugiego jakby ja i starsze jeszcze dzieci chodzili do szkoły aż do trzydziestego siódmego roku. To dużo tych liat, że uczyli sie w polskiej szkoli. Chociażby mówi... Rozmawiać nie mogo, ale pojąć, pojęcia to majo (ZP22).

A to w naszym parafiji, w Zilionej. Tut wo... Ja nie wim, czy to sztyry kił'o-metry to sióło. Tam po polski. I tam nieczysto po polski, sze gorzej, jak u nas. Jakoś tak, że niskładno tak duże po polsku. [*A jak tam mówią?*] nu což, wczoraj chodziła, *wchaśka* tam, tak wot. Tak tam mówio. Alie oni nie przykidajo na ukrajinski mowy. Wo dzie idzie, to jedna do drugiej. Tak jak woni gad... rozmawiajo, tak wona rozmawia. To oni takie (JF17).

chaj (из укр.) – niech; przekidać, przekidać, przykidać – przerzucać, przełączać; uczyłem się – вместо: uczyłam się

No polska [*mowa*] i pu polski wumi bałakać, a tatu ^wUkrajincy, i woni myży Wukrajincami, tam i choć Póliaki jest w Kiwochipoliu, no oni pu ukr'ajiński bałakaju, no i woni bałakaju. ^wUczu sie i wsio ^wumi (MG31).

bałakać (из укр.) – mówić; rozebrać (из укр.) – zrozumieć

Школа

Wici, u nas była polska szkoła, po polski czytali, wczyli wsio. A to w trzydzieści siódmym roku [*za*] St'alina polskij mowy zakryli. Ja sze w pierwszyj kliasach chodziła w polskij. A wże w drugij na ukr'ajińskij i tak my ukr'ajiński, ruski i wsio. Był Mikołaszka, to wón, wsio było kruh'om po pol's'ki. Car był Mikołaszka. Car, król. To tu kazali Mikołaszka, Mikoł'aj. Toto było polskie wsio, a poszlia wże zrobili. To stali te komunisty, to wże dusili nas. To wże nas dusili, jak sami chcieli (AB29).

Nu tu była, była z póczonek, to ja sze chodził, była polska szkoła, a najit ksiądz był tym uczytelióm. No a potemu że, wże jak ^o to, ^o że tuj hałam'an wszyscy zesšli sie du kupy, tu wtenczas wże, tu wże kineli, a tegu naczeni

chodzić do ruskiej szkoły. [*Do ukraińskiej?*] Du ukrajinskij. Tu zaczytały, ży tu wszysku ruski, wszysku ruski. [*A czy tu był klub polski, czytelnia?*] Nie, nic ni były (AB11).

dusić – uciskać; kinąć – rzucić

[*Pani chodziła do szkoły?*] polskiej. Tu na miejscu. [*Ile klas?*] siedem. [*Do polskiej szkoły?*] tak, do siódmej klasy chodziła. Była polska szkoła z dwudziestego dziewiątego roku po trzydziesty siódmy. A jak już szli na... mówili oni „oswobodaty Połszczu”, to wtenczas zakryli. Połsku szkołę zakryli, a była szkoła ukraińska. Nauczycielów zabrali wszystkich, mężczyznów też. Kobiety ostali się nauczycieli, a mężczyzny wszystkie były zabrane. To byli nie z tego, nie z naszej wsi. Nauczycielki były przesłane z jakiejś drugiej miejscowości, to tak pamiętam. Alie żeby się spotykała kiedyś, to nie wiedziałam. [*Z jakich książek uczyli?*] z polskich. Wszystkie przedmioty były na polskiej mowi, tylko była jeszcze dodana ukraińska mowa, ukraińska literatura, rosyjska mowa, rosyjska literatura i niemieckij język. A jak główny przedmiot był polskij. Alie wtenczas uczyli się nie tak, jak zaraz. Wtenczas byli po pięć dni. Była zajęcia, a szósty był wyjściowy. [*To sobota wyjściowy?*] nie, nie, nie. Niedziela tylko była, wychodziła tylko jeden raz w miesiąc. To nie było tak, że to poniedziałek, wtorek, środa, czwartek i piątek były zajęcia, a sobota wyjściowa. Tak nie. Tak wychodziło, że oni tak robili, że nawmyśniedziela była. Uczyli się w niedzielie, wyjściowy dzień nie był niedzielia. W'ogólnie niedzielia nigdy nie była swobodna, żeby była, żeby było można, odpoczoń al'bo pomodlić się. Pomodlić się, to zupełnie nie było prawa. Do trzydzieści siódmego roku była szkoła w naszej wsi, a w innych wsiach nie było polskiej, to tylko tu była [*A w Zielonej?*] w Zielonej była, i u nas była. A Pisarówka wo zaraz przy rzeczki, to nie było polskiej, nie (ZP22).

Ja pösza do szkoły, tyj ja nie wiem, ja sze jednej klasy schodziłam w polskij. Da, jeden klas. A jest takie, że po siedem klasów pokonczali, sze w nas je. Da, to dawno była polska szkoła. [*Kto siedem lat skończył tu?*] a wo Zośka Pochytunka, Mańka Ł'andykowa, Jant'osiowa... Da, tuta je dużo (HB27).

Tut chodziła do szkoły. Ukrajinski [*szkoły*] tu były, tutaj wo ni było polskich. U nas tut ni było polski [*za czasów szkolnych informatorki. — J. R.*]. Uczyli się, ali pónawczali się pu polski dzie chto, czytać i... (MG31).

chto – kto; kinąć – rzucić; schodzić – pochodzić; zaczytać (и3 пyc.) – liczyć, uważać; zaraz (и3 укр.) – teraz

Rozmawiać ni mogo ni moji dzieci, ni wnuki. A czytać czytają. Tego, że w szkoli uczyli angijski język. I bardzo nu litery podobne. I tak oni sobie

składają i czytają. Córka czyta, wo ten, ten mój syn czyta. I druga córka czyta. [*A wyście mieliby jakieś polskie książki?*] tak, i mam zaraz. [*A dawniej?*] a dawniej nie miałam, gdzie ja mogłam jich wziąć, nie było. Podczas wojny to nie było, a po wojnie. [*A przed wojną nie mieli modlitewników?*] nie. Nikt nie miał. Gdzie przed wojno mogli mieć ludzie modlitewki czy książeczki, jeżeli to było tak ścisnięto, tak było srodze, że nikt nie miał prawa nawet nie, nie. Ta tutaj nawet mowy nie było. [*A za Niemca?*] a za Niemca też tak samo (ZP22).

Репрессии: раскулачивание, коллективизация, депортации, массовые убийства

To tak'i wysyłki byli duże straszni. Ja z każu: przyjdu w nocy, zabieru człeka. A sze przód to kazali to kurkuli. W kogo tam było czworo koni, troszki więcej ziemi miał. Toż ziemia pańska była. Ali wsi jidn'o czepliali sie. Do nas toże. W kołh'osp zrazu ni przyjmali, bo kurkul'i byli, bo szmat ziemi mieli. Toż z pańskij ziemi dali, toż woni sami nigdzie nie wzięli jij. To plan do dworu dowiedli: ot tiłko chleba trzeba dać. Nim'a. To przychodzo, szukajo, czy schował tej chlib czy ni, bo trzeba "oddać. [*To jak szukali?*] na a w komorze, gdzie jaki tam jest, jaki budynki, skrós szukali, czy schował chlib. Mama sze mieli tyj chlib misić i sze mąki troszki było na zamis, bo chlib rozczyniatyj stoi. I przyszeł: wy sze chleba nie "oddali, wsi kontraktacje nie "oddali. Mama każe: ni ma nic wże... sze mąki. Daw'aj worka! Wysypali te mąki i wyszli z chaty. [*Gdzie wysypali?*] w swój worek. Podwoda jedzi i je, id'o te i zbierajo te partiejcy. [*A z takimi kijami chodzili, żeby szukać pod podłogą?*] chodziali, szukali. W słome taki wo sztychi pchali, czy w słome nie schował chleba. I to takimi sztychami w słome pchajo, czy tam chlib nie schowali. No coż. [*Pod podłogą też szukali?*] pod podłogo toj mało w kogo było. Gliniana ziemia była i wsio. [*A pod gliną...?*] a szukali, czy gdzie jaka jama je, może zakryte, może co. U nas taka stała stodoła i tam niby w tij stodoli taki zasik był drugij. I tej zasik he' przeszpertali, bo kazali, że schował chlib. No a tak przekopali w temu zasieku. [*Co znaczy przeszpertali?*] nu taki suchowidła, tak suchowidła maju, taki długi wsio, czy toto kopana ta ziemia, czy tam chlib zachowanyj czy ni. To było tak, że na naszymy życi wsio sie... To ja z każy. I wojny, i kołhospy, głód. I wsio, wsio. A tep'er tera wo wże... Tera wże fajniej... to wsio życi. Wo jakaś... co nigdzieś coś niedokupisz nigdzi'e niczego nim'a. Było, było wsio, tyj gdzieś znikło i nim'a niczego. Co wono ostał... Ceż pirw'ij przyjdiesz do kooper'aciji – lieży wsiego, nicht'o jego ni bierzy. To jakies perewoceniene, to sze jakie. Tera nim'a nic. Przyjdiesz toto wsio miłiony, a

tych mil'ionów gdzie weźmiesz. Czy to bedzi sze głód, czy to wże bedzi koniec świata skoro. My wimy, co to jest głód (JF17).

chleb – здесь: zboże; kolh'osp (из укр.) – kolchoz; kooperacija (из рус./укр.) – sklep (wiejski); kurk'ul (из укр.) – bogacz wiejski, kułak; suchowidła (из укр.) – widły; szmat – dużo; zasik – zasięg w stodole

Zara naczół sie tej kolh'osp. Zabyrali koni, zaberali te romanent wsiej w kolh'osp. U nas to wsie zabrały stodoły. A ojciec wywióz na chate wsio drzewo, i kamiń, i wsio. Miał chate strojić. To wszystko zabrali do kolhospu. To, a my łyszili sie w tej stareńkiej chacińce. I toj, i koni zabrali, i wże wsi poszli w kolh'osp na te roboty. Tyj ja poszła do kolhospu, wże tych dwa klasy chodziła do szkoły i wsio. Poszła do kolhospu na roboty. A ja kilio miała? Szternaście, trzynaście, szternastj rok był. Do kolhospu. [*I co tam trzeba było robić?*] wsio, co kazali: i kartofli gotowała świniom, i tam te... dojiła wże w kolhospi. To był'a dziesięć liat sze w kolhospi na roboci. To wże do wojny (JF17).

łyszyc się (из укр.) – zostać; remanent, romanent – inwentarz

[*Kolektywizacja*] A potym, to w trzydziestu pierszym roku. No to zabiraju to wszystko, du kolhospu zganiali, a ty ludzi zabiraju i wywožu to dzieś w Syb'ir, wszystko w Syb'ir, w Sib'ir i tam szmat poginełu, nawit nicht'o ni wrócił si. [*A kogo wysyłali?*] To mojih ty szczytali, ty zamożny taki który, to każu kułaki'e. Kuł'ak, no tu ʷon nie miał nic, a ʷu to jak tyw'o rywulucja stała i póódbirali w panów ʷo te ziemi, dali jemu tam toj ziemi paru hyktarów i wże stał kurkulióm, bo simi'a to wielga, na przykład dusz dziewińć, dziesięć w chaci, no c'o, trzeba czymś kormić. To tam dobawiali, a potemu zrobili kurkuli^u z nych, i kurkul'i^u zbiraju, oni trószeczke ruszyli si, wże bu żyć, i zabrali te, tak ży sidymdzieśunt, no tak sidymdzieśunt simi'ej. [*Z Wójtowców?*] Ah'a. [*I wrócili potem?*] Ni, u tak oni przypadli. [*Poginęli?*] Pògineli. A tam co, wywieźli w zimi, zawieźli dzieś w tajh'u i tam im, pokąd oni dostali sie gdzieś, cò można przeżyć. [*Tam można przeżyć?*] Ta dzie! Jest taki miścia, ży można przeżyć, a jest taki, ży tam ni przyżyje, mrozy. A wysyłali to samy więcyj zimu, tam toży sztyrdzieści a pińdzieśont hradusy^u mróz, i wysłali. Zóst'ał, wywieźli tam, zóstawili i wszystko i wsio, skuńczyło sie z nimi. Skineli z tej, z wahonu, strach straszennyj było. Baczysz, ja ukrad czy co, słowa ni złapisz, a tak jak to o, skrywać si, odkućać, to teraz nikt'o ni duma. Co masz skazać, skazał i o to (AB11).

baczyć (из укр.) – patrzeć; dobawiać (из рус./укр.) – dodawać; hradus (из рус./укр.) – stopień; kolh'osp (из укр.) – kolchoz; kormić (из рус./укр.) – karmić; kurk'ul (из укр.) – kułak, bogacz wiejski; miścia (из укр.) – miejsce; siemi'a, simi'a (из

рус./укр.) – rodzina; skinać (из рус./укр.) – zrzucić; sczytać (из рус./укр.) – uważać; tajh'a (из рус. через укр.) – tajga; szmat – wiele, dużo

[*A wywozili Polaków?*] wywozili, nie wywozili. Nie tak, a na w'ysyłki wysełali. Na což. Wot tak'o. Namiecu, wieczór tam sie zyjo w kanceli'ariji tam te partiejcy, namicili wot tego i tego, i przyszli w nocy, zabrali i wsio. I nicht'o nie wie, gdzie, co i wsio. A te simj'i wysyłali. Przód zabierali mężczyzne, a potemu te simj'i wysyłali z siola. Wysyłali na Donb'as, gdzieś tędy i sze tak'o, zabyła sie, jak to te to wże siola, to sze tędy wysyłali. Niby za... Na Kozachst'an wysyłali i sze gdzieś to wysyłali. Nu na Kozachst'an to wże samprzód sze wysyłali. Zabierali z człekami, to wysyłali na Kozachst'an, a potemu te siemji, co człeków pozabierali, to wże za swoji w'obłasti wysyłali. Tędy wysyłali. Z maminej rodziny, z drugiego siola [*Rabijówki*] wysłali. I z tatowej rodziny toże rodnej siostry wysłali. Woni byli w Sibirze, na Kozachstanie łyszłyś. Oni tam byli. Tam poumierali, wże nie wrócili sie nicht'o dod'om (JF17).

łyszć się (из укр.) – pozostać; namieczu, namiecu – namierzą; partiejec (из рус.) – partyjniak; potemu – potem; samprzód – na początku; simi'a (из укр.) – rodzina; tędy – tam; wobłast (из укр.) – obwód, za swoi wobłasti – poza granice obwodu; w'ysyłka (из рус./укр.) – wysłanie, wywózka (JF17 явно не понимала слова «вывозили» в вопросе)

U nas z siola, nu skilio, tak by posczytać... ludzi... sztyry simj'i takich, że sam przód wywieźli jich. I sze nicht'o nie czuł za te wysyłki, to jich wże wywieźli. I po temu sze sześć siemji wywieźli. A po temu sze wysyłali... siemji wysyłali. [*Za miedze obłaści wysyłali?*] tam wysyłali w kołhospy, oni tam robili te te... To te sie powracali tew'o, co wysyłajo za miedzu, za miedzy Ukrajiny. [*A kiedy powracali?*] wże poszlia Niemców. Wże jak Niemiec odstąpił, to oni powracali sie z tego. Wże woddawali jim to "obyjście swoje, co oni mieli. Oni powracali sie. [*A tych, co wysyłali na Chmielniczczynie, to...?*] tych chłopów co na Chmielniczyne zabrali wprzód, to jedny [= *ani jeden*] si ni wrócił, one tam wsi podoszone. W podwały zagnali i czymiś podosili jich tam. Bo jak stawiali woniewerm'ach, to najszl'i. Try buł'd'ozery ryli i najszli tych ludzi, tak'o stali wsi tam. Strachottia było. Wczyteliów duży szmat zabrali, tych co po polsku sze wczyli ludzi. Sztyry czy pieńc zabrali uczyteliw. Sze wieczór byli tutaj na... na tyj kanceli'ariji. Tyj oprawi sze przychodzili tam oni wse... A rano wże kažu: tego nie ma, tego nie ma. [*W oprawi?*] no taka siłrada. To oni sze tam byli i wsich widzieli, a rano kažo: wże ni ma tego, wże ni ma tego, no co zrobisz. W'ysełka taka była toże, tam sze wienciej weseliały, jak u nas. U nas wysyłali, bo to granica blisko. A chto no tam pojedzi do Wołoczysk i sie tam zobaczy na granice, wże wsio, wże hono

stamtąd! Czego ty stojisz, w spijony chcesz jić? Wże w trzydzieści dziwiątym roku wże nasze zajeni te Połszczy, a wojowali, to zajeli, to wże stało inaczej troszki. [*Lepiej czy gorzej?*] nu inaczej, wże ni było takiego ścisku na to wsio, wże była dalej granica, to wże nam nie było tak, to taka była straszna (JF17).

czuć – słyszeć; miedza (значение из укр.) – granica; podw'ał (из рус.) – piwnica; sam przód – nasamprzód, najpierw; siemja (из рус.) – rodzina; strachottia (из разг. укр.) – wielki strach, strasznie; szpion, spijon (из рус.) – szpieg; ścisk – ucisk; uprawa, oprawa (из укр.) – zarząd; woniewerm'ach (вместо униwerm'ah, укр.) – dom towarowy

[*Ojciec*] był zabrany w trzydziestym trzecim roku, był represiowanyj. [*W trzydziestym trzecim?*] da, nawet, nawet' nie pamiętam dobrze jego. [*To*] jedenastry rok mnie był. Alie on nihdy nie był doma, pracował, tutaj, w radzie wiejskiej. Z naszej wsi, dużo zabrali, wszystkich katolikiw zabrali, mężczyzny. A potem wysłali jich daleko od tego miejsca za dużo kilometrów. Nu na Seb'erije dużo wysłali, a potem takie, był miejsce taki na Don, gdzie rzeka Don. Tam było bezliudne miejsce, tędy zasielali tych ludzi. U nas dużo wysłanych było. Ja toże była wysłana z matko. [*Dokąd?*] my niedaleko, my tyłko za miedzy, jak to powiedzieć 'obłasti, za miedzy 'obłasti. To dokąd? Do w'innickiej 'obłasti, do w'innickiej 'obłasti; my byliśmy K'amieniec-Podołska niedaleka. Alie byliśmy wysłani. A te ludzi w trzydziestym siódmym, w czterdziestym piontym roku byli wysłani z rodzinami. Bez ojców już, ojców zabrali. A rodziny te byli wysłane daleko. [*Dokąd?*] no na Syb'erije i na Don. A potem po wojnie tie, kto został sie żywy, to wrócił. Nawet pieszym chodem szli matki z dziećmi. Taki daleki drogi szli. Dzieś po dwa miesiąca, po trzy miesiąca w drodze byli z dziećmi, wrócili. A potem jeszcze dwóch mężczyznów wrócili też. A te zagineli tam. Nie wrócili, mężczyznów żadnych nie było. [*A jak pracowali na żeleznej drodze?*] tak. Tej, szo na żeliaznej drodze pracowali, to jeden wrócił. [*Co się z nimi stało?*] wiadomo, bo potem dawali nam dokumenty. Teraz, teraz dawali nam dokumenty za ojców i rozpowiadali wszystko: za jakie sprawy zabrane... [*I co powiedzieli?*] no, taki przyszywali jim prawie niewiadome takie, coś przytuliali, aby była przyczyna. No było zupełnie niewinna, nijakiej winy nie było, bo to, dlatego że, jeżeli by człowiek był w czymś winny, to on by, oni by nie dali jemu, jakby skażuć odpowiedzieć, jego by nie oprawdali i nie powiedzieli, że on jest niewinny, jakby była wina jakaś, to nie było (ZP22).

miedza (значение из укр.) – granica; obłast (рус./укр.) – obwód (odpowiada województwu); oprawdać (рус.) – usprawiedliwić; przytulać (укр.) – здесь: приписывать; represiowanyj (рус./укр.), represowany (рус./укр.) – poddany represjom, zazwyczaj: zamordowany; skażuć (укр.) – powiedzą; Винница – город; żelezna droga (рус.) – kolej

Голод 1933 года

[*Głód w trzydziestym trzecim roku?*] oj, to bid'a była. No tak było, że w składach było pełno chleba, a ludzie wmyrali z głodu. A na co woni tak zrobili, to ja nie wiem. To wu nas nie było takiego krypkiego głodu, bo tato mieli jidnego konia, tam sie si z jednym sprzęgali. I jak wże ni ido na robote, to jedo na st'anciji i wiezo pasażyrów do Kupielia tak, za dwanaście kil'ometriw. I to, a wicie, że deś szpikul'irowali, tam przywozili sobie z h'orodu wsio. Woni wiezu z Kupielia, to woni dawali chlib i mąki, płacili tak naszym, niby tatowi. [*I chlib dawali i co?*] i mąki. To woni dawali, toto wu nas takiego głodu jak niby j nie było w ^hobyści. A w ludzi straszny był głód. Po pięć dusz wmieralo w dzień. I tak, że posz'ał jame kopać na tego, co umar, i tam, w tij jami, sam umar. Tak ludzie wmierali. I więcej chłópów, jak babów powmieralo. Chłópów więcej powmieralo. A jak wże sie wzion groch w poliu, to wże był kołh'osp, groch wże siali. To chto posz'ał, chto, czyj chłop posz'ał w tej groch, najad si, tak i nie wrócił si. Tam wże. Strasznyj, strasznyj był (JF17).

jama – dół; obyście, ^hobyście – obejście, zagroda; horod (из укр.) – miasto; kripky, krypky (из укр.) – silny, mocny

[*A głód?*] Był w trzydzieści trzecim roku ja nie pamiętam, kanieszno, ja była malieńka. Ali dużo ludzi głodowali, puchli, wmyrali z głodu. A wo wremia wojny, w czterdzieści czwartyj rok to troche toże bidowali i głodne byli, ali ni tak. A w szterdzieści siódmym toże był głód, alie nicht'o nie spuch z głodu i nie wumar (AB29).

wo wriemia (из рус.) – w czasie

Католическая церковь и религиозная жизнь. Преследования священников и верующих

[*Do kościoła gdzie chodzili?*] nigdy kościołów nie było. [*Parafija była*] Kupieł'. [*Do Kupieli nie chodzili do kościoła?*] do wojny chodzili. Do wojny, do dwudziestego ósmego roku, dwudziesty dziewiąty, jeszcze trzydziesty rok, to jeszcze tam można było kiedyś widzieć kapłana. A tak nie, zakryto wsio wszystko było. Teraz ten kościół zajęty, prawosławni zabrali. I nie oddali tego kościoła. [*Ale w domu się modlili?*] czemu, modlili sie, modlili sie u mni. Po wojnie chodziliśmy do kościoła. Do Gryczany. Jiździliśmy pociągiem do kościoła do Hryczany. Buli czasy po wojnie i do tej pory, poki swój kościół nie pobudowali, to jiździliśmy do Gryczany. [*Od kiedy można do kościoła było jeździć?*] zaraz po wojnie, po wojnie wot nie wiem, gdzieś ja wiem, gdzieś

w czterdzięty czy pięćdziesiąty jeszcze może ósmym roku, siódmym. Szterdzieści siódmym. W ósmym roku to już można było chodzić do kościoła. W u nas kościół był tu, w Podwołoczyskach, alie jego rozbili. Kineli jakieś bombe czy jakieś hranate i rozbili ten kościół, tak. A my tam długo jeździli, tam było wygodniej. Bo to tej pociąg szedł rano, jak r'az my zdążyli do kościoła. I z powrotem też pociąg jechał. To nam było dobrze, że blisko. Alie jeszcze pociągi nie chodzili. Dzieci moji były małe, to ponosiła wszystkie pieszym chodem, na rękach, do krztu. Nosila wszysce dzieci. I jedna krzesna matka była, bo nie mam rodziny. Matka moja nie miała ni siostry, ni brata. Ojciec był spod Warszawy, też rodu nie miała. To nie było komu tak to... daleka tak nie jakaś rodzina, no bardzo daleka. Ona sie zgodziła mi pomagać nosić dzieci do krztu. I ona jedna krzesna matka. Samej ciężko nieść, to daleko, dwadzieście pięć kilometrów. Wstajemy gdzieś o czwartej godzinie i dziecko na ręki malieńkie. A jak ciężko, to bierzemy takie, nu jakby prostyń, łożymy. Ona za jeden bok, ja za drugi. I tak niesiemy, żeby zdążyć do kościoła, do chrztu. I z powrotem też pieszym chodem. To ponosiłam wszystkich dzieci do Podwołoczysku do chrztu. A potem ten kościół zniszczyli, to zaczeliśmy jeździć do Hreczany. Ałe tutaj jeszcze nie było kościoła (ZP22).

kinąc – rzucić; prostyń (из пс.) – prześcieradło

Ja wże krzczona w Czorno'ostrowi, wże ksiondza wot temow'o, w Kupieliu, wże par'afiji nie było, wże zabrali ksiądz. To my, ja wże krzczona w Czorno'ostrowi. My nie wiemo, gdzieś zabrali i nim'a. Tak kazali mnie, ja ż nie wiem, bo mnie wże krzcili, ja wim, że mnie wże krzcili w Czorno'ostrowi. Ot u mnie córka Połska, a zieńć prawosławny. I szliub brali w kościeli i wsio, wsio. Ot sze da, sze za mojih dziadów, to wże tutaj. Sze dziadów tato, to sze wsich do Kupielia wozili, gdzie par'afija. Gdzie par'afija była, to tam ksiondz odprawiał w kościeli, to tam. W Kupieliu. Dwanaście [kilometrów] (HB27).

[To kiedy was ksiądz birzmował?] nu gdzieś tak'o było w dwadzieścia dziwiątym, tak. Coś taki'e było. Potemu sze, sze tak'o wże rzadko księdzy byli, to sze ni zabierali tak. A po temu wże trzydzieści piątym, szóstym, to wże skasowali wsio. No pozabierali, a te były w Wołoczyskach ksiądz, to sze na Święty Trójce mniał na wuki, wże wuczył tu jak, jak sie obraszcząć, bo każe księdzów ni bedzi. Księdzów ni bedzie, to żebyście staruszki błogosławili was i jak wot wińczajo sie, to żeb stary jakiś człek pobłogosławił, i dzieci, to żeb skoro z kiernicy wzieli wode i poświecił i bedzi połowina krzestu wże. I tak samo, chto wmira, to toże żeby szli, czytali, modlili sie nad nim, bo księdzów ni bedzi. Nu jego nie zabrali, on przejszał granicy. Tam sie duże nasiadali, to

on przejszał granice. [*Jak nasiadali się?*] nu piłnowali jego wże. Piłnowali, żeby nie "uciek, alie "un jakoś przejszał granice i poszł'oł. Nu przejszał granice i poszł'ał tamtędy. To gdzie, to wu nas była granica wo, za dwadzieścia kił'ometriw wże była wo Połski granica. To tam wże straża stała na tym, na tyj granice. A to zara kościół o t'ak nu na dolinki i tam wże granica była z tego kościoła. Jakoś przebrał się tędy. Tak liudzi płakali, że pramo aż krzykim krzyczeli. A ja z tatem jįdzila tak, końmi jįdzili. [*A czego krzyczeli?*] nu płakali, tak, że ksiądz takij nauki głosił, że nie będzie wże księdzów. [*A wasze dzieci jak chrzczone?*] no, kścili my, my nosili, o to. Gdzie poczuli, gdzie tam sie ksiądz objawił, tak'o nacichacz'a, tyj na pliecy dziecko, tyj niesli krzcić. A moji dzieci byli nikrzczone, aż tu wo front przejszał, dopiro przyjechał ksiądz, to tyłko było dzieci, co tak'o, liudzi, co "okiem... (JF17).

kiernica (из укр.) – studnia; nacichacz'a – по cichu, cichcem; nasiadać się (из укр.) – czatować; objawić się (из рус./укр.) – pojawić się; obraszcząć się (из рус.) – здесь: zachowywać się; poczuć – usłyszeć; pramo (из укр.) – prosto; woko – oko

[*A jak wy brali szlub?*] a ja ni brała, toj człek co mij zabityj, to my żyli bez szliubu. Tiłko wże jszła wże tendy, to tato zmówili i ja poszł'a. Ni było ni wtedy, nawiť żegnać sie nie można było. Jak sie przeżegna, to sze na drugij dzień zabieru. A což. Chto, chto dokaze, wże wsio. Tato pobłogosławił, my sie modlili. My na Świętyj Wieczór sie zejszli do tata, wże ja przyszła z tym człekim. I wże przyszeł pod wokno patrzeć sie, co to my robim, taki ziszczyki byli. Przyszli wże patrzeć sie co to my robim. Ziszczyki taki byli. Siol'ski. Siol'ski byli taki. A myj człek zamiecił, kaže: ty czego chcesz? A jid', bo tobi trzeba w tijatry, ty sufli'or w tijatrach. On kaže: ja swoji czasy odrobił, że mam prawo teraz. Dzie chce, tendy jid'e. I wón pószał z podwora (JF17).

pószał – poszedł; siol'ski – wiejski, здесь: miejscowy; Święt Wieczór – wigilia; zamiecić (из рус.) – zauważyć; ziszczyk (из рус./укр.) – szpieg, donosiciel

Tam był strach takij wo. Chłopów sze ni było z wojny, sze wojna była. A madiarski był ksiądz, to trochi szliuby dawał, trochi dzieci krzcil toże, jak Madiary byli u nas, sałdaty niby stali. On był madiarskij ksiądz. Tam gdzie brali szliuby i dzieci, a tak to żyli wsi bez szliubu. [*A dzieci?*] a sami z wody krzcili. Alieź to nie szczytali, że to krzest. Z wody krzcili. [*I wy też swoje?*] ja toż'e z wody, no co. [*To kto chrzcil?*] A stara ciotka tam przychodziła, jįj wołali, i ona pożegna, i zmówi „Ojczę nasz” i wsio. Tyj taki był krzest. Ale ksiądz jak krzcil... to kaže wo to wo, wono wże mało połowine krzest. Połowine, każy że krzest miało, tak ksiądz kaže (JF17).

mało (из укр.) – miało; pożegnać – przeżegnać; połowina (из рус./укр.) – połowa

[*A tam w Zielonej?*] są Poliacie, alie to. U nich wiel'ga różnica, tam kościół kiedyś był. Tak, ja nawet sama pamiętam, do wojny tam był kościół malieńki, alie był kościół tam. Ja pamiętam ten kościół, bo był w tym kościele, mnie babcia, mnie wodziła. To niedaleko, deś kilometrów pięć, na pewno. Alie tam ludzie bardzo, tak jakby powiedzieć... odeszły od Boga. Tam może prawosławnych malieńka cząstka je, a to wszyscy katolicy. Alie różnica jest wielka. [*A w czym jest różnica?*] Jak wy będziecie pisać, to ja nie chce, żeby wy pisali [*śmiech*] (ZP22).

deś (из укр.) – gdzieś

[*Coś sprzedawali pod kościołem?*] przydawali wsio tam tak'i, i z jidzenia i z książek przydawali, samo więcyj w Tarnarudzi przydawali. Tarnaruda na granicy stoi. To była Zbrucz i czyryz rzycki wże, wże jak to poślia wojny my chódzili du Tarnarudy, to w Tarnarudzi ni było kóścioła, a czyryz rzycki to ja tam na, w sioli buł kościół, to my czyryz rzycki... Liachki jakiś nakidali i czyryz ty liachki, czyryz ty wody lieźli tędy du kóścioła. Mostka ni było, nie. Tak (JF17).

Jak wże Niemiec przejszał, tu my piszki Pódwołoczyski chódzili, bu tam kościół był, tu nigdzie kóścioła ni było, dwadciat' piat kil'ometrów nam Pódwołoczyski, i my piszak'a chódyły i sze stamtund piszki du domu było, tylie du kóścioła. Za jeden dzień. My stawali d'oświta tako, żeb sze popaść na mszu, i póspówiadamo si i du domu piszki na wieczór chodzili. Troszki oddychnim MG31

oddychnąć (из рус.) – odpocząć; popaść (из рус./укр.) – trafić

[*To gdzie jedziecie?*] Baz'alija, i za Baz'aliju tendy Kiwuchipuł', Kiw'ochipoł'. Tam dzieś ksiądz nasz toży bedzi tam msze, tam wże bedu kościół strojic (MG31).

Moje sze dzieci, to teraz sze jak ja "oddawała [после 1944 г. — Я. Р.], to wże byli księdzy, to wże wsi szliuby brali JF17

"oddawać – wydawać

[*A wasze dzieci umiały się modlić?*] Tak, bo uczyła. Alie, alie jak uczyła: po sekretu. Żeby nu nikt, żeby nikt nie wiedział, że oni umio zęgnąć sie i modlić sie. Ot tak. Do szkoły chodzili... [*Jakie modlitwy?*] nu „Ojczy nasz”, „Zdrowaś Maryjo”, „Wierze w Boga”. Więcej nic. Choťby to widzili. Choťby to dobre zapamiętali by. To było nie można, byli sie śmiali. To po polsku, tak (ZP22)

[*Jak Święty Wieczór sprawiali?*] tak samo. Kuti gotowali, oplatka wże ni było, wże oplatka nicht'o nie dawał, gdzie my mieli wziąć tyj oplatek. A

kuti nagotuju, stanie, zmówim pacierz, bierzem te kut'i jim, tyj jaki Świętyj Wieczór. Tak samo siano ścielili na stół, snopa przynosili. Ja nie wiem, czy u was tak, czy nie. Żyto do toj, do chaty przynoszo żytnij snop, stawiu, chlib kładu na stoli, modliu sie, kolięduju. Na a coż. Koliędujo, z koliędo chodzili. [*I koliędują po polsku?*] po polsku. Po polsku, nu a coż. [*A ci młodzi też znają koliędy?*] na a coż, znajo, wże teraz wo, tera "uczo sie, "wod kiedy Jan jest. [*A zanim Jan przyszedł, to też śpiewali po polsku?*] śpiewali nasze, u nas wsio wremia chodzili z koliędo. Jak było wże, a poszlia wojny wże nie było tak strogo, jak to do wojny, że zabierali liudzi. A poszlia wojny wże nie było tak strogo. [*To jak chodzili?*] gdzie liud zbiero i tam kil'ku, sześć babów czy pięć. Jeden mężczyzna, czy jeden czy dwa, i chodzo do wsich chatów, koliędujo. Do środka zachodzo. Na a coż, koliędujo. Tak że choć było strogo, alie wsi dosi modlili. Tak nakirowali, że to wsio niprawda, taki takie, ale liudzi wsie jedn'o, kto chciał, to wierzył w Boga, nie odejszy od Boga. [*Byli taki, co odeszli?*] byli taki, że zobaczo, że tamo sie chtoś modli, by sie przyżegnał. Wże dokazujo, wże, a szo won'o tob'i da, pokaże. [*I co robili z takimi?*] no co, to przeciwna była, że wysyłali, poszlia wojny to wże i nie wysyłali. Nicht'o nikogo nie zaczepiał (JF17).

dokazywać (из пyc.) – dowodzić; mężczyzna (из пyc.) – mężczyzna; strogo (из пyc.) – ostro, srogo; wsie jedn'o (из пyc/укр.) – wszystko jedno; wsio wremia (из пyc.) – cały czas

Ja sze pomne, jak za St'alina były, tak święta, moja mama Póliaczka i tato był Poliak. I Róźdzwu, tu światło zgasili i tako na ziemi ścielili co-nybud', ty kuti jedli, i tak pacirz mama tak pu cichu nam każu... Pód wokna chodzu i słuchaju, wo jak nam mówi, tu zaraz zabiraju ji w ciurme. W trycit' piatomu, szostomu, w trycat' piatomu, taki wo. Na ziemi, i sze światło wykliuczali, żeby nikt'o ni widział, na pómacki tak to co jedli. Mama wykliuczali, no jakie światło były, w piwnicy lampa były. Ja każe, my takie byli bidny, my tak ni mieli (MG31).

ciurma (пyc. *тюрьма*) – więzienie; co-nybud' (укр. *що-небудь*) – coś; kutia – porawa wigilijna; pómacki – poomacku; Róźdzwu (укр. *Різдво*) – Boże Narodzenie; wykliuczać – wyłączać

Mówicie, za co byli zabrane liudzi. Ot u mnie sąsiada była. Był stary człowiek. Nikogo nie było, dzieci już byli odrużone, tyłko jeden chłopiec był i tam staryj człowiek i kobieta. I on bardzo sie modlił. Zakrywał okna, czym miał zakrywał okna, żeby nikt nie podglądał, żeby nikt nie zobaczył. I już takie były podesłane liudzi, że zobaczyli. I zabrali jego, starego takiego, starego,

już bardzo stary był. No sam sie modlił, z rodzino swojo. Chłop i żona modlili sie. Nie wołał nikogo, żeby ktoś zbierał kogoś jeszcze na modlitwe. Nie, tyl'ko sam. Alie zobaczyli, wysłali jego. Taki już stary, stary, bardzo stary człowiek. Zabrali, wysłali za wiare, za to, że sie modlił. Ot wam przyczyna taka (ZP22).

odrużony (из укр.) – ożeniony lub wydany za mąż

O te obydwu moji wnuczki, to już teraz oni. Jedna siedemdziesiątego roku, druga siedemdziesiąt pierwszego roku. To oni jeździli do kościoła do Hreczanyj, to zawsze sie chowali. [*Gdzie?*] no w pociągu, za liudzi chowali sie, żeby nikt jich nie widział, że oni jedzo. Żeby nie dołożyli do szkoły, że oni jedzo do kościoła. Skrywali sie. Nu jak, nu prawie, że nikt nie wiedział, z nauczycieli nie wie[*dzie*]li, że do kościoła jado. Nawet takie było, że w Hreczany tam miejscowy te nauczycieli, tam jeszcze co do szkoły, do kościoła przyjechali i szukali dzieci i wywodzili. [*Z kościoła wywodzili?*] tak. I w szkoli też nu bardzo jakieś nakazowali jich. [*Tam w Greczany?*] śmiali sie z tych dzieci, co chodzili do kościoła. W Greczanej w kościeli, tak. [*I w Greczanej w szkole?*] nie, w naszij szkoli. Nu nasze nie jeździli, no byli takie słuczaje, taki byli, że szukali dzieci w kościeli. Nie, nie naszymy nauczyciele. Tam byli posłane takie, że oni nie wiedzo skąd dziecko, alie je dziecko w szkoli, to w kościeli. I bioro, pytajo jego: czyj ty, skąd ty, jak ty? To byli takie, no w szkoli był taki, wyśmiewali sie, że on religijny, że on w Boga wierze, a Boga nie ma, a on w jakiegoś Boga wierzył. Tak. Mówili dzieciom na li'ekcijach. I byli już niemałe moji wnuki, alie zawsze sze bali jechać, alie jeździli. Tut było bardzo, bardzo... [*A od kiedy mogli się zbierać, żeby różaniec odmawiać?*] zaraz po wojnie. Też, toże mówili. O, tam, każe, zbyrajut'sia, tam si zbyraj'ut', moliat'. Szos won'y tam znajut'. Też smij'alisia, jak my na różaniec chodzili. [*Przeszkadzali?*] nie, nie. Tyl'ko śmiali sie, a nic nie mówili, nic. Nikt nic nie mówił, nie przychodził, nie przeszkadzał, tyl'ko że sie śmiali (ZP22).

dołożyć (из рус./укр.) – donieść; jedzo – jadą lub jeżdżą; moliat (из укр.) – modlą się; nakazywać, nakazować (из рус./укр.) – karać; sąsiada – sąsiad; skrywać się – chować się; słuczaj (из рус./укр.) – przypadek, wypadek; wywodzić (из рус./укр.) – wyprowadzać; zbyrajutsia (из укр.) – zbierają się

Немецкая оккупация, время после оккупации

A za Niemca zabierali w te Nim'ecczyny. Boże, to strach. [*Dużo zabierali?*] dużo. Wot, z dwadzieścia... starych, rozmajitych, jak'ich. A do dwadzieścia siódmego roku [*urodzenia*] zabierali. Do dwadzieścia siódmego roku to sze

brali, chto dwadzieścia ósmego, to wże nie brali. [*Starych brali?*] starych takich, wo sze nie duże starych, a takich to brali. [*Dziewczyny też?*] dziewczęta j chłopcy, wsich brali, wsich, wsich brali. [*Dużo od was wzięli?*] w od nas dużo szmat sióła jszła. Mój brat jechał, nu z drogi sie... czy won wuciek czy co, ni dojjechał. A tak 'o wiezo szołonami, jak w polie wot, że my w poliu gdzie na roboci wże byli, bo ja tam wże w poli chodziła, to szal'on za szalonem wiezu w Nim'eczczynu. I sze czo, w wahonach, w towarniakach wsio wiezu jich. Nu tożе ż duże szmat... nu takie coś troje nie wróciło z той Nim'eczczyны. A te powracali wsie. Tak 'o z nah'ajamy te sz'uł'cmany wyganiajo z domu na podwojy i wiezo, tam okrużo wże w rajoni i ni puskajo nikogo, jich obkrużyli. [*A gdzie rejon?*] a w Wołoczyskach był. Obkrużyli, wże czekajo w wagony, szob pohruz'it' na wagony. Pohrużo i powieźli, i powieźli. W Nim'eczczyни lepsze żyć (JF17).

lehcze, lepsze (из рус./укр.) – лżej; obkrużyć (из укр.) – okrążyć; pohruzit', pohrużo (из рус./укр.) – załadować, załadują; puskać (из рус./укр.) – puszczać; szo-ł'on – eszelon; szulcman (нем. *Schutzmann*) – policjant, здесь, видимо: стражник kolejowy; towarniak – wagon towarowy

A obyjšcie wsio zgórzało. Jak Niemiec odstapał, wsio zgórzało, krowa spiekła sie, jałówka i wsio zgórzało. Nic, ja nawit' jidnego piórka ni wzięła z obyjšcia. Żyła w swojej siostry dwa roki, tak wże wywiezła troszki drzewa, chciała chaty strojić. Wicie ż, ja nie postroji, chłopcy sze wsi na wojni, ni ma z kim. To tam, to tej wo wże, to był Żyd, a to tej, to tych Żydów zabrali wsich. A той зиєć był na wojnie i powrócił sie. To przedawał te chate, to ja kupiła. No nie te, to wże my postawili te. To była chata nowieńka taka wo, to ja kupiła te chate i z tymi dziećmi była w тіj chati wże, żyła. Ziєć tego Żyda, co zabrali, Żyd był тут cej, siedział Żyd. A зиєć, nie wiem, gdzie ón, czy ón w Chmył'nicku był, czy gdzieś. W Chmył'nycku. A potemu przyjechał i naczoł te chaty przedawać. Tutaj siedział drugi, ón odebrał czerez sąd te chate w niego, i naczoł przedawać. Ja je kupiła te chate JF17

cej (из укр.) – ten; czerez (из рус./укр.) – przez; strojić (из рус./укр.) – budować; sze (из укр.) – jeszcze; той (из укр.) – ten; wże (из укр.) – już

Литература

- Бідношия, Дика 2003–2005 — Бідношия Ю., Дика Л. Говірка села Машеве Чернобильського району. Київ, 2003–2005. Ч. 1–4.
 Dzięgiel 2003 — Dzięgiel E. Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich. Warszawa, 2003.

- Rieger, Cechosz-Felczyk, Dzięgiel 2004–2007 — *Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dzięgiel E.* Język polski na Ukrainie w końcu XX w. Warszawa; Kraków, 2004–2007. Cz. 1–2.
- Bakun-Kiczyńska, Rieger 2004 — *Bakun-Kiczyńska M., Rieger J.* Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu // *Studia nad polszczyzną kresową*. Warszawa, 2004. T. IX. S. 135–189.
- Rieger 2004 — *Rieger J.* Imiona i nazwiska w Wójtowcach i Zielonej koło Wołoczysk // *Studia nad polszczyzną kresową*. Warszawa, 2004. T. IX. S. 343–342 [перепечатано в: *Rieger J.* Język polski na Kresach. Warszawa, 2019].
- Rieger 2002 — *Rieger J.* Język polski na Ukrainie w XX wieku // *Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dzięgiel E.* Język polski na Ukrainie w końcu XX w. Warszawa, 2002. Cz. 1. S. 11–51 [перепечатано в: *Język polski na Kresach*. Warszawa, 2019];
- Rieger 2007 — *Rieger J.* Wójtowce (dziś Pisarówka) // *Język polski na Ukrainie w końcu XX w.* Kraków, 2007. Cz. 2. S. 104–117 [на с. 105–108 — важнейшие фонетические и морфологические черты говора];
- Słownik geograficzny 1890–1914 — *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Warszawa, 1890–1914. T. 1–15.
- Stroński 1996 — *Stroński H.* O władaniu mową ojczystą przez ludność polską na Ukrainie w połowie lat dwudziestych // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. Warszawa, 1996. T. 1. S. 175–179.

Summary

Janusz Rieger

Narratives from the Polish village of Wojtowce in the Podolye region, Ukraine

The Polish dialectal narratives recorded in Ukraine at the turn of the 21st century were previously published in a simplified phonetical transcription. Now we are preparing for publication a book of narratives concerning the fate of the Poles in Soviet Ukraine for a broader circle of readers. Therefore the dialectal texts are now presented in the orthography similar to the Polish standard. Nevertheless they are useful for studies of dialectal morphology, syntax and vocabulary. In this article we present some narratives from Wójtowce (Ukr. Війтівці), a village near Khmelnyuckyj (Proskurov — Proskuriv).

Keywords: Poles in Ukraine in 1920s and 1930s, Polish dialects of the southeastern borderland, vocabulary of the Polish dialects in Ukraine

Перевод с польского М. М. Алексеевой

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Украинские тексты из Боснии и Герцеговины

В публикации представлены тексты на украинском языке (поднеостровский диалект), записанные автором в ходе полевых исследований в Боснии и Герцеговине от потомков переселенцев из Галиции¹. Тексты приводятся в фонетической записи, тематически они охватывают сферу материальной и духовной традиционной культуры. Помимо собственно диалектных явлений, свойственных исходной зоне переселения, в нарративах обнаруживаются многочисленные контактные явления, прежде всего на лексическом уровне.

Ключевые слова: украинский язык, переселенческий говор, Босния и Герцеговина, сербский язык, нарратив, диалект, полевое исследование

В статье публикуются диалектные тексты, записанные в ходе полевых исследований 2018–2019 гг. в Боснии и Герцеговине среди потомков украинских переселенцев. Исследования проводились в общинах Градишка (Gradiška), Приедор (Prijedor), Прнявор (Prnjavor) и Баня-Лука (Banja Luka) (Республика Сербская). Говор украинцев — переселенческий. Большая часть информантов — потомки выходцев с территории распространения поднеостровского диалекта юго-западного наречия украинского языка. Информанты чаще всего называют села в окрестностях города Бучач (Тернопольская область, территория исторической Галиции). В конфессиональном отношении большинство — грекокатолики, однако существует небольшая община православных в селах Хрвачани (Hrvačani) и Поточани (Potočani). Первые записи речи украинцев проводились Т. Я. Токар еще в 70-е гг. XX века [Токар 1972]. Наши материалы получены спустя примерно полвека после их первой регистрации. Образцы говора интересны не только тем, что он развивался изолированно от материнского ареала с конца XIX века, когда первые украинские поселения возникают в Боснии, но и контактными особенностями из сербского языка, в первую очередь лексическими (*struja, grofija, stolnjak, gaza, krpa, stalno, polako, sirac, pratyty*), выделяется ряд дискурсивных слов (*baš*,

¹ За консультацию при подготовке данной публикации автор выражает благодарность М. Н. Толстой, А. В. Тер-Аванесовой и О. А. Остапчук.

evo, pa da, e). Фиксируются и лексические заимствования из словенского языка, поскольку некоторые информанты работают и живут в Словении, а в Боснию приезжают только в отпуск (*spet*) [8]. Ранее язык и традиционная культура украинцев Боснии рассматривалась в наших публикациях [Пилипенко 2016; 2017; 2019; 2020]. В настоящей статье выбраны для представления тексты, иллюстрирующие восприятие украинцами культурных традиций своих соседей (бошняков, сербов, хорватов) [1, 2, 3, 4]; публикуются нарративы по традиционной духовной культуре самих украинцев (гадания на день св. Андрея) [5, 10], история о переселениях [8], рассказы о бытовых происшествиях [11], о сельскохозяйственных работах в поле [11, 12], об переработке молока [13, 14], об использовании языков [15]. Тексты публикуются в фонетической транскрипции (при сохранении *ć* в заимствованиях из сербского языка); фиксировались все оговорки информантов, а также их реакция (смех). Нарративы записаны в основном от людей старшего и пожилого возраста, однако имеются записи от информантов — представителей молодого поколения [15].

Место записи: Трнополе (Trnopolje) (община Приедор), В. С., 65 лет, муж.

[1] Voný jdut na r'izdvó | večérja r'izdvá | májut tradýc'iju bád'n'ak || vezút také dubóve dérevo | i spál'ujut péret cérkvoju || dérevo odyńóke | še zatrýmaje tróxe suxé lýst'a na sób'i | sórta dúba || i voný tud'í vezút čéres seló | postvál'at xoron'gvýe || tepér na traktórax stryl'ájut! || tud'í prýjdut péret cérkvu | hoc'' u póst'i u nas ne ħul'ájut | voný tud'í kólo ħul'ájut i stryl'ájut | to jix zvyčaj | pótím k'ýe dajut solómu i w solómu k'ýe dajut solódoš'č'i abó dr'ibn'í ħróš'č'i | nazývajúť pijúkan'e || a pijúka málo píle | znáčyt | kurčátko i to d'íty tud'í k'ýe dajuc'a u tu solómu i zbyrájut.

Они [сербы] идут на Рождество, рождественский ужин, у них традиция бадняк. Они везут такое дубовое дерево и сжигают перед церковью. Единственное дерево, которое еще сохраняет сухие листья на себе, сорт дуба. И они везут его через село, поставят хоругви. Теперь на тракторах стреляют! И они придут к церкви, хотя в пост у нас не танцуют, они танцуют коло и стреляют. Это их обычай. Потом они бросают солому и в солому бросают сладости либо мелкие деньги, и называют это *pijukanje*. А *pijuka* [пищит] маленькое *píle*, значит цыпленок, и дети бросаются в эту солому и собирают.

[2] I še také voný boġoslúžen'a májut | drúyyj bájram, kúrban bájram [...] dajúť mjáso | d'íl'at mjáso | baraniw abó vóliw | zakól'at i dajúť b'idn'íš'im |

ne vy⁶by⁶rájut | jakšó je sus⁷ída serb | taj toj distáne || i ukrajínc'am | jakšó u tij častýn'i selá | jdut i d'íl'at | znáčyt | žódnú xátu ne s⁷m'íjut obmynúty | to músyt búty barán | jak'ýj máje mínimal'no š'is't' m'ís'ac'iw [...] oby⁶dva rógy mús'at búty c'ilkóm | nerúxani | značýt | neobr'ízuvani || máje búty zdoróvy⁶j | perféktno zdoróvy⁶j | i tud'í juyó | jak kupúje toj kotryj budé daruváty | máje tak'ýj zvyčaj šo | jimú skážet toj šo prodajé | c'inú | jak mu ta c'iná pasúje | barán | čtýrysta márok | toj dajé ģroš'i | jag búde bráty || jakšó ne vupasúje jomú c'iná | v'in obérnec'a | pod'ákuje i p'íšów.

И еще у них [бошняков] есть такое богослужение, второй Байрам, Курбан-байрам [...] они дают мясо, делят мясо, баранов или волов. Они заколют и дают бедным. Они не выбирают, если сосед серб, то и он получит. И украинцам [дадут], если в той части села [они живут]. Они идут и раздают, значит, ни один дом они не должны пропустить. Это должен быть баран, которому минимум шесть месяцев [...] у него оба рога должны быть целые, неповрежденные, значит, необрезанные. Он должен быть здоровым, полностью здоровым. И там его когда покупает тот, который будет дарить, есть такой обычай, что ему скажет тот, что продает, цену; если ему эта цена подходит, баран, четыреста марок, тот дает деньги, если будет брать. Если не подходит ему цена, он развернется, поблагодарит и пошел.

[3] U katólyk'iw | u rýmokatólyk'iw | na ws'i s⁷v'atýx idé s'i na cvýntar | vухóde't s⁷v'aščényk i čytáje | a na ukrajíns'k'i | to p'isl'a vely⁶kódnýx s⁷v'at | péršu ned'íl'u.

У католиков, у римокатоликов на день Всех Святых ходят на кладбище. Выходит священник и читает. А на украинские [могилы], после пасхальных праздников, в первое воскресенье.

Место записи: Прнявор (Prnjavor), Ш. Б., 60 лет, жен.

[4] Ja čos' ne čúla | to prásto-m ne čúla | i ne znáju čy je tak'ýj zvyčaj | bo ja znáju u tyxvó | u xorvátíw tak'í tóto d'íwčáta | to su one dódole | dódole nazyvájut | i voný jdut i próšut bóya | šóby došč' pádaw i je taká p'isn'a šóby došč' šow | alé to wže xorváck'ýj zvyčaj | xorváty | ne ukrajínc'i | n'ígdy ne čúla | jak súxo.

Я что-то не слышала, просто не слышала и не знаю, есть ли такой обычай. Так как я знаю, у этих, у хорватов такие это девушки, это эти *dodole* [додолы], *dodole* их называют. И они идут и просят Бога, чтобы дождь шел, и есть такая песня, чтобы дождь шел. Но это уже хорватский обычай, хорваты, не украинцы. Я никогда не слышала [чтобы так делали украинцы], если засуха.

Место записи: Просьек (Prosjeek) (община Прнявор), А. Ш., 83 года, жен.

[5] Jak my^e kolý^s' jag búly d'iwč'étamy^e | to ja mála v'is'imnáj^c'it' rók'iw | potom s'i v'iddála | my mály | óvaj | z d'iwč'étamy jak my^e robý^ely^e Andréja! || zbéremo s'i ws''i i prynésemo štóšta tróxa | i róbymo večéru || tak v jidn'ij xát'i | u kotróji d'iwč'ýny [...] i óvaj | tam smo robý^ely^e | i tré^aba jty^e | pótik po vódu | u pý^esku prynésty wodý^e | i m'isýty sub'í kóžda palaný^c'u || i my p'idémo u pótyk | a xlopčý^eska začnúť s'i s''m'ijáty | začnúť ɣalasáty | kryč'éty | my s'i nas''m'ijemo] | pústym vódu | blý^es'ko xáty vertáem s'i znow || dok nanésemo | dok sy zam'ísy^mo | tudý zam'ísy^mo palaný^ečku | i pod'ily^mo nadvóje | jidnú | tak'ýj balabónčyk spečémo | ws''i po jidén balabónčyk i vnésut dóšku do xáty | i poskladájut takvó | kóžda svij zabil'eže || i pús''c''i psa | jak kotrýj pes | vuz''mé | a v'in te n'ux-n'ux-n'ux | i toj vuz''mé | n'ux-n'ux | i toj vuz''mé! || to s'i tag budút v'iddavály | po rédu | ta s'i v'iddás'c' tudý | ta s'i v'iddás'c' (смех) [...] i tudý | a jidnú sy zróbymo tku velýku | ws''i | i wčýpymo tavó do stél'i | i skáčymo zubámy | tak ný^eščy | i vyščépnymo zubámy | i to berému do dómu | i zamotáty u múški štaný! || a táto sámó múški | a d'iwč'éta búly tivó | s tóyo bóku [...] wny bujály s'i jty kólo cvý^entaru do dómu | ti budút nočuvály^e w nas || ti pul'ayály smo | pustávyly smo sy na zém'l'u || prostelý^ely^e | peren'é pok'ýdaly | šo ja znáju | i pul'ayály smo || alé nemá štan'iw | de pozamótuemo? || vz''ély tátovi | nat'iyáemo jidnú štankú | bo tája ta drúɣa (смех) || cirkus buw c'ily^e! || alé joj | p'isly^e xlópc'i | i tepér tréba jty^e | óvaj | raxuváty kóly^eki! || tréba raxuváty || káže: «Udovéc, molodéc» | za kóyo s'i v'iddáš | čy za vduwec''á || a xlópc'i to znály šo to búde | pšly tij namastý^ely^e! || zasmrd'ély^e! || a kotrás' p'islá | stárša najbórša žý^evo | ja-a-aj! || mi smo ws''i! | jo-oj! | pa to cirkus! | e! | bdem rubý^ely^e py^eroy^e || kóžna postáve | zabil'ežy sy | jidná s pápryk'i | jidná s pérc'u | jidná s cúkru | jidná s klóče | svášta to táko! || i kóžna znájemo | kóžna inákša sy | sad voný su čurn'íši | nísu ta jak ti py^eroy^e! || alé óvaj | i kutrýj | i l'e | pereleváe u velýku b'idónku || i bum klýkala káo pý^ety^e | ti pereleváe | znáješ | i káže | óvaj | i | práty^mo my kotrýj xlópec vuz''mé m'ij pyr'ix | znáčy v'iddám s'i za néyo | a jak ta | prátyt | vuz''mé jiji tu za n'u || a xlópc''i múdr'i | znály^e voný^e | čorn'íši tyj perek'y^edájut (смех) jo-oj || ws''il'áko || alé búlo zabávno! || fájno || drúžyly smo s'i | bávyly smo s'i ws''il'áko | sxudýly s'i! || alé xáta do xáty ukrajíne'iw | to na Andréja to s'i róbe tak.

Как мы когда-то, когда были девушками, это мне было восемнадцать лет, потом я вышла замуж. И у нас было, мы с девушками праздновали Андрея [букв. «делали Андрея»]! Соберемся все и принесем всякой всячины

и устраиваем ужин. Так в одном доме, у какой-нибудь девушки [...] И там мы делали, и нужно идти на речку за водой, во рту принести воды, и каждая должна замесить себе паляницу. И мы пойдем на речку, а парни начнут смеяться, начнут шуметь, кричать. Мы засмеемся и прольем воду уже около дома и возвращаемся снова. Пока нанесем воды, пока замесим, замесим паляничку, разделим пополам одну. Такую булочку испечем. Все по одной булочке, и внесут в дом доску и разложат вот так, и каждая себе обозначит свою. И пустят собаку, и какую собака схватит, а она те нюх-нюх-нюх, и ту возьмет, нюх-нюх, и ту возьмет! Это так будут девушки выходить замуж, по очереди, та выйдет замуж, та выйдет замуж (смех) [...] А одну сделаем себе такую большую, все, и прикрепим вот так к потолку, и прыгаем, [стараемся схватить] зубами, так пониже, и отщипнем зубами, и этот кусок берем домой, и там нужно замотать в мужские штаны. А мужчина – только папа, а девушки были те, с той стороны [...] они боялись идти мимо кладбища домой и останутся ночевать у нас. И мы легли, расположились на земле, постелили перины, покидали не знаю что и легли. Но нет штанов, во что замотать? Взяли папины, натягиваем одну штанину, потому что та и другая (смех). Настоящий цирк был! Но ой, ушли парни, теперь нужно идти, это, считать жерди [в заборе]! Нужно считать. Говорит: «Вдовец, молодец», за кого ты выйдешь замуж может, за вдовца. А парни это знали, что будет, они пошли и намазали [жерди]. Воняли! А какая-нибудь пошла старшая, быстро: «Ой!» И мы все: «Ой!». Это цирк! Будем делать вареники. Каждая положит, запишет себе, одна с красным перцем, одна с черным перцем, одна с сахаром, одна с кострой, разное было! И каждая из нас знает, каждая по-своему себе. И они более черные, не такие, как эти вареники! Но это который и льет, переливает в большой бидон. И я позову как будто пить, и переливает, знаешь, и говорит, это, и мы следим, какой парень возьмет мой вареник, значит, выйду за него замуж. А если та следит, возьмет ее [вареник], то для нее. А парни хитрые, они знали, какие почернее, их переворачивали (смех). Ой, всякое было. Но было весело! Хорошо. Мы общались, развлекались по-всякому, собирались. Но хата к хате украинцы. Это на Андрея так делается.

Место записи: Челиновац (Ćelinovac) (община Градишка), С. С., 70 лет (уроженец села Церовляны (Cеровљани)), община Градишка), муж.

[6] Ja k'íl'ko znáju že búlo s'imdes'át xatíw u Cerovl'ánax | s'imdes'át | parófijska bila óko s'imdes'át xatíw | alé je še u Cerovl'ánax | buló Čátrn'a | Berestówčyna | Topól'a | rozbáčeno || avó tu pol'ák'y || voný búly i n'ím-c'i || jédno sélo sam'í pol'ák'y || italijániw ne búlo | Máxovl'ani támo kod Bán'a Lúke | Cerovl'ány ukrajinc'i | Ćelinóvac pol'ák'y [...] i sórog drúgogo róku jak zestála vójna | n'ímc'i ws'i v'itselý'ely | ws'i p'íšlý [...] ws'o lyšýly

| sámo pobrály šo moylý [...] p'išly u N'imécke | voná s'i nazyvála Víngrös |
po n'imécku.

Насколько я знаю, в Церовлянах было семьдесят домов. Семьдесят. Приход был около семидесяти домов. Но есть еще [украинцы] в Церовлянах, были они в Чатрне, Берестовщине, Тополе [Нова-Топола], разбросаны. Вот тут поляки. Были они и немцы. Одно село — только поляки. Итальянцев не было. [Итальянцы — это] Маховляны, там, около Бая-Луки. Церовляны — украинцы, Челиновац — поляки [...] И в сорок втором году, как началась война, немцы все переселились отсюда, все поехали [...] они все оставили, только взяли, что могли [...] поехали в Германию. Она [Нова-Топола] называлась Вингрös [Windthorst] по-немецки.

[7] Do Grádišky [xodýly na bazar] | tu Grádiška blýšče | v'id nášoju xáty |
pjtnájč'it' k'il'ómetriw do Gradíšky || f'írom jíxaly | mály kón'i | bulý kon'i
| s kón'ima || kólo Grádišky | tam búly | žýly ty muslimány | túrky | túrky
búly || kólo Grádišky || voný ne xt'ily robýty zéml'u | voný ne l'ubýly robýty
zéml'u || voný búly kólo Grádišky | e | robýly tam po takýx firmax | i ž'ink'yé
bulý wdóma | i to | alé mály yróši | ja ne znáju | voný s'i ználažujut | i voný
kupúvaly v'id nas | syr | máslo | molokó || i xto maw v'iwč'í | tel'áta i to | to
voný kupúvaly ws'o || a my ukrajínc'i | voný pol'ák'y | my ne jíly tyx | v'it
korów mjása | n'e | u nas n'ixtó ne zar'ízaw koróvy | n'ixtó || ws'o prodavály |
my r'ízaly te svýč'n'i | kúry | ýusyky i to [...] a ta strúja | šyzdys'át pjátoyo róku
pryjšlá.

Мы ходили на рынок в Градишку, здесь Градишка ближе. От нашего дома пятнадцать километров до Градишки. Мы ехали на подводе, у нас были лошади, были лошади, на лошадях. Около Градишки, там жили мусульмане, турки были. Около Градишки. Они не хотели обрабатывать землю, они не любили работать на земле. Они были около Градишки, работали там в таких фирмах, женщины были дома. Но у них были деньги, я не знаю, они приспособляются, и они покупали у нас творог, масло, молоко. И у кого были овцы, телята, они покупали все. А мы украинцы, они поляки, мы не ели этого, мяса коровы, нет, у нас никто не резал коров, никто. Мы все продавали. Мы резали свиней, курей, гусей [...] а электричество пришло в шестьдесят пятом году.

[8] A ja ne znáju | ródýč'i woçorýly že pryjšlý že búla grófijsa | i búly ti
parcéle tak | malí parcély | mús'ily u grófa robýty || káže máma robýla c'ilyj
den' za xustýnu | žéby sy kupýla xustýnu || i ja ne znáju | uglávno jšly ne
sámo u Bós'n'u | jšly du Améryky | du Kanády | Argentíne | i máma kazála |
tu dv'i pryjšlý péréd mámom | i kazály že tu dobre žyt'é | že tu dobre žyjé s'i

u Bós'n'i || jak máma pryjxala trýjc'atogo róku | wže zád'n'a voná pryjxala | i jak výd'ila jaká b'idá | jakó tu níje dóbre žyt'é || ale mús'ily || i xto pryjxaw v'in s'i ne m'ix vernúty || bo máma svóje γrós'i šo prodála tam svóje imán'e | šo ji výeplatyly bráca | vona prynésla s sobóju || i tu kupýla jdyn | ne znáju k'il'ko búly | try hektáry kupýla || za ti γrós'i šo prynésla z Ukrajin'y || i tak žý'ly || začely óno | fájno búlo žyt'é | robýly i žý'ly | alé stála s'i vójna i ónda spet própast || a i ne búlo i tam dobre | v Ukrájin'i || i znaš šo me kazáv toj ks'onc wčéra | žy dósta l'údyj pomérlo v'it tógo γólodu || na milióne | níje to málo | káže: | «Móže bi i tvója máma umérta jag by s'i lyšýla u Ukrajin'i» || ni tu ne búlo ni tam | e! || tak'é buló žyt'é.

А я не знаю, родители говорили, что они приехали, что было [на ее родине] поместье графа (пана). И были эти участки земли, маленькие участки, они должны были работать у графа. Мама говорит, что работала целый день за платок, чтобы купить себе платок. И я не знаю, в основном ехали не только в Боснию, ехали в Америку, в Канаду, Аргентину. И мама говорила, тут две [женщины] пришли к маме и говорили, что тут хорошая жизнь, что тут в Боснии хорошо живут. Когда мама приехала в тридцатом году, она уже последняя приехала, и когда увидела, какая тут бедность, какая здесь нехорошая жизнь. Но они должны были. И кто приехал, он уже не мог вернуться. Потому что мама свои деньги, за которые она продала там свое имущество, которые ей выплатили братья, она привезла с собой. И здесь купила один, не знаю сколько, три гектара купила. За те деньги, которые они привезла с Украины. И так жили. Начали это хорошо, была хорошая жизнь, работали и жили, но началась война, и тогда опять разорение. Но и там на Украине не было хорошо. И знаешь, что мне сказал вчера тот священник, что много людей умерло от этого голода. Миллионы! Это немало. Он говорит: «Может и твоя мама умерла бы, если бы осталась на Украине». Ни тут не было [хорошо], ни там. Такая была жизнь.

Место записи: Деветина (Devetina) (община Прњавор), М. Ш., 87 лет, жен.

[9] Tu s'mo mály toj sklep i tak to buló ws'o vz'éty || i l'údy búly b'idn'i || my spály na solóm'i || jak xtos' prýjde do nas w γós'c'i | bo my mály bayáto fam'il'iji | pryxodýly do nas | i tu búde spáty || tepér my músym dáty jim svóje lýško | a máma prynése toj snip žý'c'noγo takóγo | tóji solómye | i postáve na zymlé i my | ws'i čétvero | naz buló čétvero | ws'i čétvero na tij solóm'i spálye || na zymlé | a γós'c'i spálye || tak to búlo ws'o to fájno | sat my to ny tak dúže ja to [...] jak my jšly du cerkvy šóby pos'v'atýty | jidnó jajcé kotré terebemo | i jak k'il'ko nas je | tý'm jajc'óm májem s'i pod'ilýty | kavál'čyk distányte

pérše to | vóz'myte xrystýty s'i | mólyty s'i i tudý totoj kavál'čyk tóyo jaje'á aš tudý réšte jimó šo je || tag búlo || búlo šúnka | kubasá | máslo | syr | a tudý páska takavó velýka | tak šo nésly | je tak'í šo peklý velýku pásku i nesé | takó vóz'me toj stól'n'ak jak my kážemo | to zamotáje i xlop nesé | a ž'ínka nysé tu | e | kóšyk | w kóšykovy^e ws'o šo maly | tak jšly zdaleka tam tepér je ta | v'ítam šly p'íšky i tam nésly pásku takú | to postávy^t takó velýku pásku || i to vý^eroblena | to tak vyrob'ély | pa jak prýjde du cěrky to kóždyj s'i dývyt: | «Jo-ój jak toj kóšyk a jak košyk | a jak tovó | jaka páska velýka! || páxne».

Тут у нас был магазин, и можно было все купить. И люди были бедные. Мы спали на соломе. Когда кто-то придет к нам в гости, так как у нас было много родственников, они приходили к нам, и тут будут ночевать. И мы должны были им дать нашу постель, а мама принесет сноп ржаной соломы и положит на землю, и мы все вчетвером, нас было четверо, все вчетвером на этой соломе спали. На земле, а гости спали... Так это было все хорошо. Сейчас мы не так уже, я не знаю [...] Когда мы шли в церковь, чтобы освятить одно яйцо, которое очищаем, и сколько нас есть, должны поделиться этим яйцом. Сначала получите его кусочек. Возьмете, [нужно] перекреститься, помолиться и тогда этот кусочек того яйца [съедаете], а только потом мы остальное едим, что есть. Так было. Была ветчина, колбаса, масло, творог, и паска вот такая большая. Так что несли, были такие, кто пек большую паску и нес. Так возьмет тот *stolnjak* [скатерть], как мы говорим, замотает ее, и мужчина несет, а женщина несет корзинку, в корзинке все, что было. Так шли издалека, там теперь эта, откуда шли пешком и несли такую паску. И поставят такую большую паску. И она сделана (украшена), так украшали. И когда придут в церковь, то каждый смотрит: «Ой, какая та корзинка, а какая эта. А как то, какая паска большая! Пахнет».

[10] Ródyč'i kazály šo totoj Ábel' i Káin | šo brat bráta na vý^ela wz''éw i trymáje || to m'ís''ic''u to || to kazály nam ródyč'i || bu ja kážu: «Šo to je | šo tam jak'ís' tak'í pl'ámy? || Šo to je?» || a woný nam tak kazály | ale čy voný brexály čy | čy práwdu kazály | ja ne znáju (смех) vý^edumaly | bo d'ít'om músyš šos' skazáty | d'ítý xóčut znáty | vy^epýtujut || to ja znáju dóbře šo tak | brat bráta káže na výlax trymáje (смех).

Родители говорили, что это тот Каин и Авель, который брат брата на вилы взял и держит. Это на месяце такое. Это говорили нам родители. А я говорю: «Что это, что там какие-то такие пятна? Что это?» А они нам так говорили, но говорили ли они неправду, или правду говорили, я не знаю (смех). Выдумали, детям ведь ты должен что-то сказать, дети хотят знать, расспрашивают. Это я знаю хорошо, что брат брата, говорят, на вилах держит (смех).

[11] Znájete že ja spála zy zm'íjom || w sób'i | i ja | še žyw čuluv'ík m'ij | i ja kážu: | «Je zm'íjáj!» || alé v'in mn'i ne v'íre || ja znáju | ja tak spju | ras lyžú zbudýla s'i | čúju vonó súne men'í takó sú-une i súne stál'no | idé! || pa da | takvó idé | po pódušc'i | alé ja s'i ne rúxaju | a lyžáw m'ij vnuk | na drúyim l'íšku || ja čúju | a v'in: «A-a-a» | takó! || a vuná p'íslá do n'ógo | na n'ógo výtko || a v'in je porúxaw a vuná na p'idlóyu čúju | tak | tarabán'! | e-e-e! | ja žyvo wstála | šukáju batériju | s''v'íču: | «Júzek | zm'íjáj tuvó je!» || «Ma jaká zm'íjáj tebé spopála | še nastrášyš dytýnu!» || káže: | «V'in ne prýjde b'íl'se tu spáty» || alé ja ne ýodna | bóže | do rán'a ne spju | ja šukáju de je d'urá p'id líškom | a des' voná tam w tyj d'ur'í blyščýt s''i || p'it p'idlójom || p'idlóya zyynéla znájete | to je | a býly i mýšy^e pryxodýly | a vuná pryjšlá || e! || i ja | mála ýróš'i | ja ws''o výk'inula || z jidnóji sóby | z drúyují [...] kážu ja jimú šub býej! || vunó l'íze do xáty | pa ja tuvó tepér wže | to ne móže n'íčo pryjtý bo ja výl'ila c'íment | bo to xáta klážena bes k'íl'a c'íménta | sámó p'ísók i vapnó [...] ne býlo n'ic | ne býlo cementú | a ja tepér výl'ila c'íment i tepér ny móže n'íčo pryjtý | alé | ja l'ubl'ú wtvorýty xátu | kop tútkavo | a vuná | a kudýs'' vuná l'íze tu du xáty | šo dúmajete? || a voná taká módra | jag ja skryč'éla | žývo s''i vernúla i tam travá w toj kórčyk p'íslá || Sláwko dok pryjšów | i nema jijí | des' s'i sxovála i nemá jijí || ja kážu: «Pustý ji kraj wže | dóbre že ja tu | býla | i býla by vl'ízla do xáty» || l'íze do xáty.

Вы знаете, что я спала со змеей? В комнате, и я, еще был жив мой муж. И я говорю: «Тут змея!» Но он мне не верит. Я знаю, я так сплю, один раз я лежу, проснулась и слышу, она движется у меня, так постоянно движется, идет! Да, вот так идет, по подушке, но я не шевелюсь. А лежал мой внук на второй постели. Я слышу, а он: «А-а-а!» Вот так! А она пошла к нему, на него, видимо. А он ее тронул, а она на пол, слышу, так, бум! Я быстро встала, ищу фонарь, свечу: «Юзек, здесь вот змея!» — «Ну какая тебе змея? Еще испугаешь ребенка!» Говорит: «Он не придет больше спать [к нам]». Но я не могу, боже, до утра не сплю, я ищу, где дыра под кроватью, а где-то она там в той дыре блестят. Под полом. Пол прогнил, знаете. И мыши приходили, и она пришла. А у меня были деньги, я все выкинула. Из одной комнаты, из другой [...] Я ему говорю, чтобы он бил! Она лезет в дом. А теперь уже не может ничего прийти, так как я залила цементом, так как дом строился без цемента, только песок и известь [...] Не было ничего, не было цемента, а я теперь залила цементом, и теперь ничего не может прийти. Но я люблю открыть дом, чтобы вот тут. А она где-то пролезает в дом. И что вы думаете? А она мудрая, я как закричала, она быстро вернулась и там трава, пошла в тот кустик. Славко пока пришел, и нет ее. Где-то она спряталась и нет ее. Я говорю: «Оставь ее наконец, хорошо, что я тут была, а не то она бы вошла в дом». Лезет в дом.

Место записи: Хрвачани (Hrvaćani) (община Прњавор), П. Ф., 83 года, жен.

[12] To kolý's' i sulumámy^e nakryvály^e xatý^e | xl'ivý^e | i tak | a tudý sónce pry^eγr'íje | s'n'ix velý^ek'yj | otaktivó buw! || i tudý | sónce pry^eγr'íje a wunó | sy str'ixy^e kápaje | a sómpl'i búdud du zym'l'í | i pery^ejdé s'n'ix | tk'i sómpl'i! || a γrúb'i | tk'ivó γrúbl'i znály^e búty sómpl'i! || a my^e ta jag g'ity berémo patyká taj k'idajemo | ty sómpl'i wbyvájemo (смех) bávy^m s'i! || i tak jak to káže | a tepér nemá! || tepér nemá týγo tóγo zýmna i tyx s'n'iy'íw || nemá! || a pérše dúže bayáto buló s'n'iyu || dúže || i tak šo-o | znájete | zb'ízá γý^enuly^e | v'it s'n'iyu velý^ekoyo | e | tak táto kážut mómu brátovy^e | káže-e | my mály kón'i: || «Idý-no ty^e Ivane | s'et' na kun'é | alé wuz'mý zamutáj e | nóγy kón'ovy^e | e | láchamy^e! | kóby ny poprybovów» | bo to sónce pry^eγr'íje | i v'in s'i tópy tudý zróbý s'i škarlúba dúža | e tudý | e | vy^epáruje zb'íze! || pšenýc'a | e | žý^eto | ws'o to tudý^e | xý^eny^e! || a káže: | «Čo tátu?» | «Idý zrubý^e pu kóžd'im záγonovy^e pu ras perejdý^e | kóby pšenýc'a d'istála vázduxu! || by ny γý^enula! || bu wuná s'i páryt || wna s'i páryt i i propadáje» || i tak v'in zrubýw | a drúγy nísu rubýly | to čý^esto zy^eny^elo! || spáryla s'i! || ne mála vázduxu! || znájete || e | bu ws'o ws'o xóče vázdux | ws'o xóče vázduxu! || alé-e tak to búlo | buló s'n'iyý^e velý^ek'i | a tper s'n'iy'íw nymá! || to tróxa upáde | i-i | pry^eγr'íje sónce i zl'íze za dva dny! || a péršy jo-oj!

Когда-то соломой крыли дома и хлева. А солнце пригреет, снега много было, вот такой был снег был! И солнце пригреет, и с крыши капает, а сосульки будут до земли. Пройдет снег, такие сосульки! Толстые, такие толстые могли быть сосульки! А мы, дети, берем палку и кидаем, эти сосульки сбиваем (смех), играем. И как говорится, а теперь нет! Теперь нет тех морозов и нет тех снегов. Нет! А раньше очень много было снега. Очень. И так что, знаете, зерновые погибали от большого снега. И отец говорит моему брату, говорит, у нас были лошади: «Иди ты, Иван, садись на коня, но ты возьми и замотай ноги коню старыми тряпками, чтобы не поранил». А то солнце пригреет и снег тает, и тогда образуется такая сильная корка. И тогда выпариваются зерновые. Пшеница, рожь. И все тогда погибает. А он говорит: «Отец, почему?» — «Иди, сделай, по каждому участку пройдишь по разу, чтобы пшеница получила воздух! Чтобы не погибла! Так как она там она парится. Она парится и пропадает». И он так и сделал, а другие этого не делали. И все пропало! Спарилась! Не было воздуха. Знаете. А всё хочет воздух, всё хочет воздух! Но так это было, было много снега, а теперь снега нет. Немного выпадет, солнце пригреет, и он сойдет через два дня. А раньше — ой!

[13] Pa robýly sy^r | sy^r robýly | e | máslo rubý^elo sⁱ | smetána | ale búlo
 čel'idy | tyj sⁱ tróšylo! || tróšylo sⁱ | xto jak ne máje | to das' máma | davály^e!
 || bo | znájity jak | e | tag buló dúže kolýs' | e | pážl'ivo! || xto ny máje | to záras
 | distáne v'id drúyuo | évo ja ne máju | ja tper ny trymáju kuróvy | ja mála
 kuróvy i svý^en' | i | ws' o ja to trymála | ja tepér ne máju || alé das' me nev'istka
 | prynése my^e dun'ká | e | sus'ída my^e prynése sý^era | muluká | ja vse máju ta
 jak máju kuróvu || i sý^era i smetány | i muluká i ws'uo je! || tak mýs'l'u | e |
 évo ta pravoslávka uná | e | vse prynésy || to | ny d'ilymo sⁱ my^e | šo vuná ta
 čy ta | n'e! || my ws'i jidnák'i.

И делали творог, творог делали, масло делали, сметану. Но было много на-
 роду, поэтому расходовалось! Расходовалось, если у кого нет, то мама даст,
 давали! Знаете как, когда-то было очень внимательное отношение! Если у
 кого нет, сейчас же он получит от другого. Вот, у меня нет, я теперь не держу
 коров. У меня были коровы и свиньи, и всё это я держала. А теперь нет. Но
 даст мне невестка, принесет мне дочка. Сосед мне принесет творога, моло-
 ка. У меня есть всегда, как будто у меня есть корова. И творог, и сметана, и
 молоко, и всё есть! Я так думаю, вот эта православная (сербка), она всегда
 принесет. Мы не делимся, что она та или та [по национальности/вере]. Нет!
 Мы все одинаковые.

[14] Kvasné mulukó | vunó ský^esne | sámó nísam vý^el'ela yo | ja pustávju
 na kúxnu tróšečka | naj sⁱ sámó p'id'iyr'íje | i tudý | máju tku křpu za mulukó
 sámó | gázu | i pustávju na | na drušl'ák | i to vý^el'iju | i pustávju | i vunó
 s''c''ikáje | tudý budé fájnyj sy^r! || da! || a je šo síru ta jak záras | sprážut | i
 k'idájut | k'idáje sⁱ vóvetu | i tudý vunó sⁱ z'íjdé do kúpye | i sⁱ vý^el'ije znom
 tu gázu w túju křpu | i tudý sⁱ fájno zróby takvó tá jak | šoby búlo sírac | i
 tudý sⁱ prytýsne čýmos' tróxa | i vunó budé tuj- e kážut pravoslávni sy^r | a
 my vže ws'i ti róbymo sy^ry | ja to furt zrobýla | bo ny može sⁱ | toj | može sⁱ
 pustávvy^etye w sý^ervatku | v'in može dówyo býty | e | tu toj šo sⁱ síryt solótkym
 mulukóm | a toj v'in | i v'in móže | alé músy sⁱ furt mý^etye zyorý^e | tu křpu
 sk'idátye | i mý^etye kóbye búla sý^ervatka čý^esta | tudý móže býty! || a ja kólys'
 tak sámó v g'íščynu sub'í klála | fájno nakladú sub'í | tudý máju za pyrogy | a
 lem'íšku jak sⁱ pečé | varýt | tudý vý^et'iyu | tudý fájno zyorý^e posý^epy sⁱ jak
 sⁱ spyčé | jak sⁱ jis' | to dúže fájnyj | smačnyj || i tak šo móže sⁱ | tper sⁱ wže
 ws'il'áko síryt | znájity | a pérše níje! || pérše to n'ixto ny znaw tak | a typérkaj
 wže | teper wže sⁱ síre takó || i tu budé toj ta plý^eta | fájno | posóly^et sⁱ tróxa
 | pustávvy sⁱ | tak | zamutáje sⁱ by vuná tróxa požówkla | vuná požówkne |
 postávvy sⁱ sý^ervatku | i tudý budé dúže fájna.

Кислое молоко, оно скиснет. Только я его не вылила, я его поставлю на плиту немного, пусть оно только подогреется. И тогда, у меня есть такая тряпка только для молока, марля. И я поставлю на дуршлаг и вылью. И поставлю, и оно стекает. И тогда будет хороший творог! Да! А есть так, что створаживают сразу же, вскипятят молоко и добавляю уксус, и тогда оно соидается вместе, и снова выливают в ту марлю, в ту тряпку. И тогда так сделается, чтобы была головка сыра. И его прижимают чем-то немного, и это будет, как говорят православные [сербы], сыр. А мы все уже делаем сыры, я это много делала. Потому что не может он, можно положить в сыворотку, он может долго быть. Тот, что створаживается сладким молоком, а тот, он... и он может [долго храниться], но его нужно много промывать сверху, эту тряпку убирать и мыть, чтобы была сыворотка чистая, тогда он может быть долго! А я когда-то так же в дежу клала себе, так положу себе, тогда у меня есть на вареники. А если печь мамалыгу, варить, тогда выну, тогда так сверху полить, когда испечется, когда ее едят, то очень хорошая, вкусная. Так что можно, теперь по-всякому створаживают, знаете, а раньше не так! Раньше никто не умел так, а теперь уже, теперь створаживают так. И здесь эта плита, так посолить немножко, поставить, замотать, чтобы она слегка пожелтела, она пожелтеет, положить сыворотку, и тогда будет очень хорошая.

Место записи: Хрвачани (Hrvaćani) (община Прнявор), М. Ф., 23 года, муж.

[15] My^e u xát'i vuyóry^ely^e stálno tuvó po ukrajínski | to stálno | alé tepér ne móžu s'i zdojadáty^e s'a jak ja počév do škóly^e itý | čy^e ja týl'ko znow || alé k'ílko ja s'i zdojadáju ja ne mow problému n'ijákoyo | ale léxko s'i navčýty to lékše | tuvó | óvaj | d'ítý ko d'ítý | to || kroz pám'it' to jákos' | to žý^evo nawčút [...] ja mýs'l'u šo ja dósta znow sérpsk'i šo problému n'ijákoyo ne búlo || jak ja trébaju itý^e do škóly^e | tudý^e poláko | u xát'i s'i voyóre sérpski by s'i tam nawčý^ely^e | a sad óvaj | to ne v'íru šo čy xto mow problém || alé ukrajínski | ukrajínski my^e vuyóry^em stálno u xát'i | kóby^e s'i ne zabúlo || avó jákos' ja | baš vuyóry^ew s tátom svójjim | ja jimu na tel'efón baš | i vuyóru na sérpski | i kaže: | «Tebé ne rozum'íju» | to dobre šo s'i vuyóre u xát'i by^e s'i ne zabúlo || to je dúže dobre.

Мы дома говорили постоянно по-украински, постоянно. Но сейчас я не могу вспомнить, когда я начал ходить в школу, знал ли я только [украинский]. Но насколько я помню, у меня не было никакой проблем. Но легко научиться, это легче, дети есть дети. Через память это как-то они быстро выучат [...] Я думаю, что я знал достаточно сербский и что проблемы никакой не было. Если мне нужно идти в школу, тогда потихоньку дома говорят по-сербски.

Чтобы там [в школе] научились. А сейчас я не думаю, чтобы у кого-то были проблемы. Но по-украински, по-украински мы говорим постоянно дома, чтобы не забывать [язык]. Вот я как-то, как раз я говорил со своим отцом, я ему как раз по телефону говорю по-сербски. И он говорит: «Я тебя не понимаю». И это хорошо, что дома говорят, чтобы не забывать [язык]. Это очень хорошо.

Литература

- Пилипенко 2016 — *Пилипенко Г. П.* Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры // Лицеум. 2016. Т. XXII, № 17. С. 89–98.
- Пилипенко 2017 — *Пилипенко Г. П.* Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины // Живая старина. 2017. № 4. С. 29–32.
- Пилипенко 2019 — *Пилипенко Г. П.* Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 199–217.
- Пилипенко 2020 — *Пилипенко Г. П.* Календарная обрядность украинцев Боснии и Герцеговины: этнолингвистический аспект // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 338–371.
- Токар 1972 — *Токар Т. Я.* Українські поселення в Югославії і вивчення їх говірок // Питання української діалектології і міжмовних (міждіалектних) контактів. Дніпропетровськ, 1972.

Summary

Gleb P. Pilipenko

Ukrainian texts from Bosnia and Herzegovina

The paper deals with the texts recorded in the Ukrainian language (Upper Dniestrian dialect) by the author during field researches in Bosnia and Herzegovina from the descendants of immigrants from Galicia. The texts are given in phonetic notation, thematically they cover the sphere of material and spiritual traditional culture. In addition to the dialect phenomena, characteristic of the original area of resettlement, numerous contact phenomena are found in narratives, primarily at the lexical level.

Keywords: Ukrainian language, migrant dialect, Bosnia and Herzegovina, Serbian language, narrative, dialect, field research

*С. Л. Николаев, М. Н. Толстая
(Москва)*

Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая

Закарпатское село Русская Мокрая расположено в историческом Северном Марамороше и известно с XVII в. Публикуемые тексты записаны в экспедиции Института славяноведения в 1995 г. от одного информанта и содержат в основном рассказы о периоде Второй мировой войны, венгерско-немецкой оккупации, отношениях с венгерской администрацией и историческими немецкими и еврейскими соседями, депортации евреев; другую часть рассказов составляют история села, детские воспоминания и отдельные послевоенные эпизоды. Во введении кратко охарактеризована фонетика говора и его место на диалектологической карте.

Ключевые слова: диалектные тексты, закарпатский диалект, мараморошские говоры, Вторая мировая война, устная история

Украинское село Русская Мокрая (старое название — Мокрое) Тячевского р-на Закарпатской области расположено в центре Украинских Карпат, в отрогах хребта Горганы, на высоте около 600 м, в долине реки Мокрянка в 5 км от впадения ее в р. Тересву. По данным официального сайта сельской администрации¹, население составляет около 2000 человек. Согласно тому же источнику², село впервые упоминается в 1638 г. В самом селе сохраняется устойчивое представление, что оно было основано Марией Терезией, которая «завела» на это место «украинцев-русских». Соседние села выше и ниже по течению реки, Немецкая Мокрая и Усть-Чорна, были заселены в конце XVIII — начале XIX в. немецкими колонистами [Петров 1911: 53]. Как видно из публикуемых текстов, немецкое население сохранялось в них до Второй мировой войны. Немецкое население было и в самой Русской Мокрой². Как и повсюду в Закарпатье, до весны 1944 г. в селе жили также евреи³. Отношения с не-

¹ Официальный сайт сельского поселения: Усть-Чорнянська селищна рада Тячівського району Закарпатської області. URL: <https://ust-karpat.gov.ua/structure/>

² Там же, с. Руська Мокра. URL: <https://ust-karpat.gov.ua/s-ruska-mokra-13-43-38-14-01-2021/>

³ Закарпатье / Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/11584/>

мецкими и еврейскими соседями, депортация евреев отражены в публикуемых текстах.

Говор Русской Мокрой относится к закарпатскому диалекту. По рефлексу * \bar{o} > u (точнее, по «и-образному» рефлексу) в новозакрытых слогах (**нось* > *nus/nos*) он должен быть отнесен к восточномараморошским говорам [Німчук 2004: 189], однако этому противоречат некоторые другие его существенные черты: а) **e* в новозакрытых слогах перед твердыми согласными > *i*: **grinesъ* > **grin'üs* > *prin'is* (ср. *prin'üs* в ряде других мараморошских говоров); б) так наз. полутонность в презенсе тематических глаголов с корнями на шумный, т. е. баритонеза приставочных форм презенса при окситонезе бесприставочных (3 sg. *nesé* – *pnése*), характерная для западной части закарпатских говоров и не характерная для мараморошских [Николаев 2001: 105–109].

В говоре Русской Мокрой под ударением представлены следующие гласные фонемы:

і	и
ї	ы
(є)	ѳ
ε	о
а	

Как и в других закарпатских говорах (за исключением гуцульских и более архаичных «палеогуцульских»)⁴, в говоре Русской Мокрой действуют смешанные фонологическо-морфонологические правила «повышения» фонем /*ε*/, /*о*/ в определенных позициях⁵. В позициях «повышения» /*ε*/ и /*о*/ представлены аллофонами [e] и [o]⁶ соответственно ([*koǝva* ~ *koǝv'ı* ~ *koǝvu*]).

Фонема /*i*/ представлена единственным аллофоном переднего ряда верхнего подъема [i]. Фонема /*ı*/ представлена континуумом аллофонов [i...ı], есть примеры произношения [e] (в этом случае нейтрализуются /*i*/ и /*ε*/). Фонема /*ε*/ представлена аллофонами [ε...e] в нейтральной позиции

⁴ См. [АУМ 2, к. 58; ЛАЗО III, к. 310, 380; 7, 75–79, 101–105].

⁵ См. разбор таких правил, действующих в говоре с. Синевир [Толстая 2009], а также в ужанском говоре с. Убля [Брок 1898: 38–49; Leška 1973: 43–66; Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 254–258].

⁶ В квадратных скобках приводится транскрипция в знаках международного фонетического алфавита (МФА); вне квадратных скобок мы обозначаем эти аллофоны как e и o.

и [e] в позиции «повышения». Есть несколько редких случаев, когда *e* ведет себя как отдельная фонема: например, **teřeř*' (позиция «повышения») из-за утраты мягкости *-r*' превращается в *teř-ěř*. Фонема /a/ реализуется континуумом аллофонов [a...ä]. Фонема /u/ реализуется континуумом аллофонов [u...o]. Фонема /ы/ реализуется континуумом аллофонов [ũ...ĩ]. Фонема /o/ реализуется как [ɔ] в нейтральной позиции и [o] в позиции «повышения».

Самостоятельная фонема /o/ требует отдельного комментария. Особенностью говора Русской Мокрой, разделяемой им с другими мараморошскими (Луг, Бороняво, Лопухово, Широкий Луг), является рефлекс **ō* > /o/ наряду с «обычным» закарпатским /u/ (без позиционного распределения) при **o* и **u* > только /u/: **бокъ* > *buk*, **двогъ* > *dvur*, **конъ* > *kun*', **нозь* > *nus* и др. Фонема /o/ находится в свободном варьировании с фонемой /u/ этого же происхождения: **дъхогъ* > *txor*', **нозь* > *noš*, **волъ* > *vɔl*, **возъ* > *vɔs* и др. Оба рефлекса нередко отмечаются в одном и том же слове. Эта система является «обратной» по отношению к системе ужанского говора с. Убля в Восточной Словакии на границе с Закарпатьем, где перед твердыми согласными **o*, **u* > /o/ или /u/; **ō* > /u/ [Николаев, Толстая 2017; 2018]. И в говоре Русской Мокрой, и в говоре Убли наблюдается тенденция к нейтрализации фонем /u/ и /o/ в единой фонеме /u/.

Публикуемые ниже тексты были записаны весной 1995 г. в ходе экспедиции Института славяноведения. Удачей для экспедиции было знакомство с Анной Михайловной Полага (1914 г. р.), прекрасным знатоком своего говора и традиционной народной культуры своего села. Ее рассказы о верованиях и обрядах уже неоднократно публиковались нами [Толстая 2001: 491–495; 2017: 124, 126, 129, 135–136; 2021: 29]. Для настоящей публикации выбраны прежде всего тексты⁷, повествующие о периоде Второй мировой войны и венгерско-немецкой оккупации, когда мужа А. М. забрали на фронт в венгерскую армию (откуда он не вернулся), и она осталась одна с детьми. Поскольку А. М. знала венгерский язык, ей часто приходилось вступать в контакт с венгерскими властями в качестве представителя сельского сообщества и переводчика, в том числе для защиты односельчан. Другую часть рассказов А. М. составляют воспоминания о детстве (ранней утрате матери, жизни с мачехой) и отдельные послево-

⁷ Тексты записаны на магнитофон А. И. Рыко и Ю. В. Стрельниковой.

енные эпизоды. Эти живые рассказы с богатой лексикой, грамматикой⁸ и синтаксисом представляют прекрасный образец традиционного говора (хотя она и употребляет в разговоре с собирателями отдельные литературные, а даже чаще русские слова: *xáta* = закарпат. *хыжа*, *p'ík* = диал. *гуд* и т. п.; *согласів с'а, получáла, тр'áпки, ф срóк, проишéствийа* и т. п.).

Перед основной публикацией текстов приводится образец записи с использованием практической фонетико-фонологической транскрипции на основе МФА со следующими отличиями: 1) буквами *e* («закрытое e») и *o* («закрытое o») обозначены звуки, которым в МФА соответствуют знаки *e* и *o*; 2) буквой *ы* обозначены аллофоны фонемы /ы/ — континуум аллофонов верхне-среднего подъема [ɨ...i]; 3) буквами *š, ž, č, ž, ž* обозначены звуки, соответствующие *š, ž, ř, ř, ř* в МФА; 4) буквой *a* обозначен континуум аллофонов [a...ä] фонемы /a/; 5) буквой *w* обозначен континуум аллофонов [w...v] (перед глухими спирантами есть примеры оглушения [v] > [f]); 6) мягкость обозначена апострофом ', соответствующим ^h в МФА; 7) основное ударение обозначено акутом (´), побочное — грависом (˘). Употребляются следующие условные обозначения: [...] означает пропуск в записи или в расшифровке, .. — «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи; курсив в квадратных скобках — пояснения к тексту. Знаки препинания отражают фразовую интонацию и синтаксическое членение текста. Расшифровка выполнена С. Л. Николаевым и М. Н. Толстой. Упрощенную запись и перевод этого отрывка см. ниже в основной текстовой части.

Us'íj v'ík já múšu žurítí s'a ta b'idováti. Mófió čolov'íka wz'áli na frónt, M'íšanýj tǎžž'in' b'ílo. Pri mad'árah. Tudí j rohír ták. B'éz v'isti, ni znáju za n'éfo. N'ígda-m ni dustála n'íjaku dõpõmõfu, rús'k'í zajšlí – aš ém prosíla jakúz' dõpõmõfu, ta fináli n'a u.. Búdap·ěšt, kazáli – idí d Búdap·ěštu, tám prosí, bõ tvúj ni võjováv u dõbrõvól'c'ax, aj u v'õñh'érskuj árm·iji. Tak'í býli l'úde, ta kážu – jaká býla deržáva, takúj s'a mús'iw putčm'áti. Ta jefíš šandáry põv'élí, ščo zapõzdív s'a býiw, z.. Írõw, põk'íjna, klásti nõfu w g'íps tréba býlo, ta.. is Síg'etu prešõw. Ta wžé šandáry fió čekáli v'ěsti na frónt. Ta p'ísála-m tudý, p'ísála-m.. [*реплика со стороны: zabráli na..*] u dõbrõvól'c'i.. Dõbrõvól'no ni

⁸ В частности, в текстах можно найти ряд примеров употребления плюсквамперфекта, диалектного управления глаголов, *dativus possessivus* и др.

jšlí n'itkó. Nó tep'ér kážu s'í n'ime'i.. náj im Bófi dáz' zdorówl'a ta ščas'c'a. Seš'í nas mnóho pómófilí. – Í Ěřinu pøk'ijnu... [*реплика со стороны: Rozb'ílí ta mús'at pómaháti.*] – [...] bо бы мы s ním'í ni žíli n'ikóli w ssór'i, túj u nas.. – [*реплика со стороны: Rús'ka Mókra oštálas', a Lopuxóno spalíli.*] – Nó Rús'ku Mókru oštáv'ili spøk'ijno. Í přešow.. múj býv na frón't'i, přišow jakýj býv stáršij na naše seló, přešli do m'ěne, dvajé, i kazáli – n'ikúdy vы ni pakújte s'a, bо ws'ix vыsel'áli. Í dáže i nášix l'uděj, i náši l'úde zab'eráli s'a.. p'éret.. při mad'árah v'íc's'í. W Narésnic'u, w h'ánič'i, s'udbы pо six sélah išli. A min'í w ppon'iw tót staršěj, [*но-венгерски*] býv takýj. Ta kazáv – n'ikúdy ni jd'ít, vás rusinú v'íc's'í n'itkó ni v'ížene. Váš mad'áry ni búdut kývati. A n'ime'i ni májut práva túj n'ijákýj šúm rób'ítu, túj m'ím'ě wrémn'ě. Túj nijé vojny, káže. Jój, a máčoxa přišla do m'ěne – ta ščó ty, káže, ni pakújes' s'a fiét? – Já s'a wstajú samá w Rús'kuj Mókruj, ta aš xóčete, wstavájte s'a, – kážu máčos'í, [ju] aš n'ě, jak vam d'áka. Nó. Ta wstáli s'a. Jak'is' kazáli – nó, ni jdé Ánna Polážiha, taj мы ni jdem'ě (bо ták m'ěne pо bát'kón'í klíčut). Ánna Polážiha ni jdé, taj мы ni jdem'ě n'ikúdy. Mnóh'i s'a oštáli izza m'ěne bíli, ščo ni pušli.

D'iv'er' mój.. tóže býv při mad'árah u árm'iji, přišow domú.. ta pak pr'átaw s'a p'éred mad'áram'í. Ni xót'iw uže dále jtí. Nó ta i pr'átaw s'a, ta vodíw za hraníc'u nášix l'uděj, u Pól'sču, s'udbы, na Iváno-Frán'k[...], t'ikáli w Rósiju náš'i, nú. Vún vodíw. Pak' im'jéli ho mad'ári. Ta ub'íli, ub'íli, dúže wb'jéli. Nó, taj vún pošow, wród'i w árm'iju pošow. Vún pr'átaw s'a. Ta pr'átaw s'a i u m'ěne. Мы ták pо sus'ictvu žěli, ónde hōr'í. Bóže, kolí jdút mad'ári, u m'ín'i i sércе zam'ěrzne, bо znáju, ščo vún u m'ěne vad' dóma. Tág bílo ttó ščoz' dvá fiódy. Díllo s'a, ščo vún pr'átaw s'a. P'éred mad'áram'í. A ođnohó rázu přišow u noči do nás, káže – Ánno, já wži ni b'irúju túl'ko pr'átati s'a, rób'jé ščos'. A mój na frón't'i.. ták, ták, mój uže býv na frón't'i. Nó taj ščó rób'ítu. Já bdú.. [...] já znála pо-mad'árs'ky hōvōřěti, ta do m'ěne [f] částo zahōdíli šandáry, ci ni pr'áče s'a j múj, ci ni wt'ík' is frón'ta, vat' ščó. Ta zahōdíli j do m'ěne, [...] dúmali, ščo jmút.. d'iv'er'a wžé, čolov'íkōvohó bráta.

A já kážu – jeňó njé dóma fsé, – oní m'ené v'ireľi, ty šandáry mad'árs'k'i. Taj kolí príjde wdén – býli dvajix tak'í, wdén rumým býw is Sifóta, šandár, a wdén býw nastojáščij mád'ar iz Búdap·èštu, [no-венгерски], stáršij býw do šandáru. Ta ttó býli dúže čes'n'i. Já.. nó, káže d'iv'er' – div'í s'a, ščós' rob'í, ja wže dále n.. ni hódén pr'átati s'a. Nó ščó tújky.. A já.. prešlí, jak ráz na drúhij děn' prixódit tój sámij máj česnyj stáršej na ws'í šandáry. Ta kážu – já b'im ščós' vam xót'ila kazáti, ta bóju s'a. – Ščó také? kaž'it, kaž'it, Ánnuško, kaž'it. Kážu – slúxajte. Já vam upov'im, ale liše po sekretu, bo čolov'ík múj jak s'a duznáje – príjde s fróna ta duznáje s'a, ščo já prözrádila d'iv'er'a, – ta ub'jé n'a. Jág by vyi zrobl'íl ták, aby sés' pušow na vól'u. Já za n'ěho wručáju s'a, ščo vún ni býw za ss'í dvá hódny n'igdé z dómu. U m'éne ta dóma sid'iw, kážu. N'igdé inde ni býw. Ájbo ták rob'ít, – kážu, – aby.. – mad'áry strašno b-íl! Takých prístupniku. Ták rob'ít, – kážu, – aby ni býw b'jétyj. – Nó j d'ijсно ttót čolov'ík sám jeňó wz'áw. Na íx púnkt pov'iw u Sifóta, tám pödéržali hio dvá týžn'i l'is [sic]. Nó ale ně b-íl. D'iv'er'a. Ták v'ypustil, žiw, hiut to mú, jak um'ér.

[...] Aby býw m'in'í xót' kol'is' pómux ščós'. D'iv'er'. N'ikóli ne dopomúx m'i n'ičóho. Íščé kolí múj byw na frón't'i, ta wz'áw vyd' n'á – p'is'l'á uže tóho, jak já hio v'it'afila z' b'idý, – ta wz'áw vyd' n'á v'úč'i dv'í. Í ttó m'i n'igda ni zaplatiw. Prósila-m u něho xýžu za s'iw, tám kúča stará.. uže býla, bo mój pómux učinítu jemú nčnyj dóm, á, malá taká xýška, wčnili, aby jemú s'a wstáli, mómu, vúc'i tótý, mój takýj byw l'ub'itel' ov'éc'. A vún i ttú kúču, hi já p'erejšlá s'udý žéti, ta xót'ila-m prödáti ttú kúču. Ta dryná sob'í kup'jéti na zimu. Í ún i ttó ni xót'iw m'in'í dáti. Nó já pak líšila-m – ná, kážu, najis' s'a ab'is' s'ityj býw, za ttó-s' m'i v'itplatiw s'a, ščó-m, kážu, t'a v'izvolila is.. Bo tág býla-m ni xót'ila, ta.. ta i ub'íl by býli tudý u t'urm'í hio.

Ta kúl'ko já túj takých l'uděj, mnóhých.. Í t'ep'er ódén óde žije, sus'it, fsé spom'máje, ják-ím za n'ěho zastavála. A m'én'é ščós' šandáry z.. v'ireľi. Tótý mad'árs'k'i. Židú wni dúže ni l'ub'íl. Ta přejde s'udý šandár, káže m'im'í – náte, túj májete stó p'én'gu, nó stó p'én'gu býli v-elík'i firóš'i tofidý. – Íd'it

kup'ít stó firám vótky, a wstán'n'i firōš'i vām naj s'a wstajút. A já pójd.. pújdu do jewrějky, [...] dúmaju – sírta wná. Ta w něji kúča j d'itěj, ta wná liš is tófo žėje. Kážu – Lájǝ! – imn'á juj býla Lája. – Ni prǝdájte nín'i vótku n'ikómu, – kážu, – takómu. Nǝ n'ikómu nǝ prǝdájte. Wǝ nýn'i za firōš'i fs'ó moš. – Ta wná – ščǝ ta ščǝ. – Ták ta ták, – kážu, – šandáry m-i daváli stó p'én'gu, liš ab'ím u vás stó firám kupíla vótky, – vótka býla deševá. – Jój, – káže, – nǝ, dáw by ti Bóhí zdǝrǝwl'a, – jewrějka sírta, náčne plákati.

Ниже для облегчения восприятия тексты приводятся в упрощенной фонетико-орфографической кириллической записи⁹ с обозначением мягкости согласных (с помощью апострофа) и ударениями. Для звука [j] всюду используется буква *й*. Отражается позиционное оглушение и озвончение согласных. Не отражается позиционное «повышение» гласных *e, o* (см. выше)¹⁰, а также произношение [ǝ] < *ǝ (везде записано как *y*). Отрицательная частица пишется как *ни* (обычно) или *не* в соответствии с произношением. Колебания в произношении анлаутного *i- отражены частично (лишь в наиболее ярких случаях пониженного произношения, т. е. [i]). Наибольший беспорядок оказывается в обозначении континуума звуков /w... v/ на месте *v, *u (и *o) в позиции после гласного перед согласным; буквы *в* и *у* (*o*) используются здесь по субъективному выбору. Объяснение условных обозначений приведено на с. 241. В угловые скобки заключены реплики собирателей, обращенные к информанту. Расшифровка и перевод выполнены М. Н. Толстой.

⁹ Ср. суждение Я. Ригера о проблеме графического воспроизведения диалектных текстов: наст. изд., с. 205. Нам кажется, однако, что публикация текстов в упрощенной записи может быть адресована не только «не-лингвистам», так как сохраняет всю лингвистическую информацию, кроме специальной фонетической. При этом запись текста в транскрипции обычно тоже не может передать всей информации, нужной фонетисту, а значительная часть опубликованных транскрипционных записей текстов оказываются «автоматическими», т. е. могут быть получены из орфографического / фонематического представления путем пересчета.

¹⁰ В форме дат. пад. личного местоимения *мин'и* первый гласный, судя по высоте его произношения (между [i] и [i]), является реализацией фонемы /i/.

Вторая мировая война

Ус'ый в'ік йа м'ушу жури́ти с'а та б'ідова́ти. Мо́го чолов'іка вз'я́ли на фронт, М'ішаний т'ыжж'ин'¹¹ было. При мад'арах. Туды́ й погы́п так. Бе́з в'істи, ни зна́ю за не́го. Н'ігда-м ни ду́стала н'і́яку допомо́гу, ру́с'к'і зайшли́ – аш ім проси́ла йаку́з' допомо́гу, та гна́ли н'а у.. Будапешт, каза́ли – «Иди́ д Будапешту, та́м проси́, бо твуй́ ни войова́в у добровол'ц'ах, ай у венге́рс'куй́ а́рмий». Так'і бы́ли л'уде, та ка́жу – «Йака́ была держа́ва, такуй́ с'а му́с'ів путчин'а́ти». Та йего́ шанда́ры пове́ли, шчо запозди́в с'а бы́в, з.. Ёров, пок'і́йна, кла́сти но́гу в г'іпс тре́ба бы́ло, та.. іс Сиг'ету́ пришо́в. Та вже́ шанда́ры го чека́ли ве́сти на фронт. Та писала-м туды́, писа́ла-м.. [реплика со стороны, мужской голос: забра́ли на..] у добровол'ци.. Добровол'но ни йшли́ н'іткó. Но тепе́р ка́жу с'і н'і́мц'і.. на́й им Бо́г да́з' здоро́вл'а та щча́с'ц'а. Сес'і нас мно́го помогли́. Ї Ірину пок'і́йну.. [реплика со стороны: Розби́ли та му́с'ат помага́ти.] [...] бо бы́мы с ні́ми ни жи́ли н'і́коли в ссо́р'і, туй́ у нас.. [реплика со стороны: Ру́с'ка Мо́кра оста́лас', а Лопухо́во спали́ли]. Но Ру́с'ку Мо́кру оста́вили спок'і́йно. Ї пришо́в.. му́й бы́в на фронт'і, пришо́в йакый́ бы́в ста́рший на на́ше село́, пришли́ до ме́не, два́йе, і каза́ли – «Н'ікуды́

Весь век мне приходится тужить и бедовать. Моего мужа взяли на фронт, был *Мишаний тыждень*. При мадьярах. Там и погиб так. Без вести, не знаю о нем. Ни разу я не получила никакой помощи, когда пришли русские – если я просила какую-нибудь помощь, меня отправляли в.. Будапешт, говорили – «Отправляйся в Будапешт, там проси, твой воевал не в добровольцах, а в венгерской армии». Такие были люди, и говорю – «Какое было государство, такому он должен был подчиняться». И его повели жандармы, он опоздал, с Ирой [дочь А. М.], покойной, нужно было наложить гипс на ногу, и.. из Сигета пришел. И уже его жандармы ждали отправлять на фронт. И я писала туда, писала.. – [реплика со стороны: забра́ли.. в добровольцы.] Добровольно никто не шел. Но теперь, говорю, эти немцы.. дай им Бог здоровья и счастья. Они нам много помогли. – [реплика со стороны: Разби́ли [нас], так должны [теперь] помогать.] [...] Ведь мы с ними никогда не жили в ссоре, здесь у нас.. [реплика со стороны: Русская Мокрая осталась, Лопухово сожгли.] Но Русскую Мокрую оставили в покое. И пришел.. мой был на фронте, пришел [тот], кто был старший в нашем селе, пришли ко мне, двое, и сказали –

¹¹ Вероятно, неделя перед Масленичной, то же, что Пёстрая неделя у других вост. славян.

вы ни паку́йте с'а», бо вс'іх высел'áli. І да́же і на́ших л'уді́й, і на́ші л'уде забера́ли с'а.. пе́рет.. при мад'ара́х вы́ц'с'і. В Нарэ́сниц'у, в Га́нич'і, с'уды́ по сі́х се́лах ішли́. А ми́н'і впов'ів то́т старши́й, [...] б́ыв та́кый. Та ка́зав – «Н'і-ку́ды ни йд'іт, ва́с руси́ну вы́ц'с'і н'іткó ни в́іжне. Ва́с мад'а́ры ни б́удут ќивати. А н'і́мц'і ни ма́йут пра́ва т́уй н'і́йа-кый ш́ум робі́ти, т́уй ми́рне вре́мн'е. Т́уй ни́йе войн́ы», – ка́же. Ё́й, а ма́чоха пришла́ до ме́не – «Та шчо́ ты, – ка́же, – ни паку́йес' с'а гёт'?» – «Йа́ с'а вста́йу сама́ в Ру́с'куй Мо́круй, та аш хо́чете, встава́йте с'а, – ка́жу ма́чос'і, – [йу] аш н'е́, як вам д'а́ка». Но́. Та вста́ли с'а. Ё́ак'іс' ка́зали – «Но́, ни йде́ Анна Пола́жиха, та́й мы́ ни йде́ме» (бо та́к менé по ба́т'кови клі́чут). «А́нна Пола́жиха ни йде́, та́й мы́ ни йде́ме н'і́куды». Мно́г'і с'а оста́ли изза́ ме́не б́ыли, шчо́ ни пушли́.

Д'і́вер' му́й.. то́же б́ыв при мад'ара́х у а́рмийі, пришо́в до́му.. та пак пр'ата́в с'а пе́ред мад'ара́ми. Ни хо́т'ів уже да́ле йти́. Но́ та і пр'ата́в с'а, та води́в за гра́ниц'у на́ших л'уде́й, у По́л'шчу, с'уды́, на Ива́но-Фра́н'к[...], т'і́кали в Росі́йу на́ші, ну́. Ву́н води́в. Пак і́міли го мад'а́ри. Та убі́ли, убі́ли, д́уже вбі́ли. Но́, та́й ву́н пушо́в, врóд'і́ в а́рмийу пушо́в. Ву́н пр'ата́в с'а. Та пр'ата́в с'а і́ у ме́не. Мы́ та́к по сус'і́цтву жи́ли, о́нде гор'і́. Бо́же, ко́лі йду́т мад'а́ри, у ми́н'і і́ се́рце заме́рзне, бо зна́йу, шчо́ ву́н у

«Никуда вы не пакуйтесь», ведь всех выселяли. И даже и наших людей, и наши люди уезжали.. при мадьярах отсюда. В Нересницу, в Ганичи, сюда по этим селам отправлялись. А мне сказал тот старший, [имя] был такой. И сказал – никуда не едьте, вас, русин, отсюда никто не выгонит. Вас мадьяры не будут трогать. А немцы не имеют права здесь никакого шума поднимать, здесь мирное время. Здесь нет войны, говорит. Ой, а мачеха пришла ко мне – «Да что ты, говорит, не собираешься в отъезд?» – «Я остаюсь одна в Русской Мокрой, и если хотите, оставайтесь, – говорю мачехе, – ну а если нет, как хотите». Ну. И остались. Некоторые говорили – «Ну, не едет Анна Полажиха, и мы не поедем» (меня так зовут по отцу). «Анна Полажиха не едет, так и мы не едем никуда». Многие остались из-за меня [из тех], что не поехали.

Деверь мой.. тоже был при мадьярах в армии, пришел домой.. и потом прятался от мадьяров. Не хотел уже потом идти. Ну и прятался, и водил за границу наших людей, в Польшу, сюда, на Ивано-Франк[овск], бежали в Россию наши, ну. Он водил. Потом поймали его мадьяры. И избили, избили, сильно избили. Ну, и он пошел, вроде в армию пошел. Он прятался. И прятался и у меня. Мы так по соседству жили, там наверху. Боже, когда идут мадьяры, во мне и сердце замер-

мэне вад' д'ома. Таг' б'ыло т'то шчоз' д'ва г'оды. Д'лило с'а, шчо в'ун пр'агав с'а. П'еред мад'арами. А од'ного р'азу пришо́в, у но́чи до на́с, ка́же – «А́нно, йа́ вжи ни бир'у́йу т'ул'ко пр'агати с'а, роб'и шчо́с'». А му́й на фр'он'т'і.. та́к, та́к, му́й уже б'ыв на фр'он'т'і. Но́ тай шчо́ роб'ити. Йа́ бд'у́. [...] йа́ зна́ла по-мад'арс'кы говор'ити, та до мэне ча́сто заход'или шанда́ры, ци ни пр'а́че с'а й му́й, ци ни вт'і́к іс фр'онта, ват' шчо́. Та заход'или й до мэне, [...] д'умали, шчо йму́т.. д'івер'а вже, чолов'ікового брата. А йа́ ка́жу – «Йего́ нийе́ д'ома» все́, – оні́ менé в'ірили, т'ы шанда́ры мад'арс'к'і. Тай ко́лі прійде́ вдén – б'ыли двайі́х так'і, вдén румы́н б'ыв іс Сиг'ота, шанда́р, а вдén б'ыв насто́йа́шчий ма́д'ар із Будапешту, [...] ста́рший б'ыв до шанда́ру. Та т'то б'ыли д'уже че́сн'і. Йа́.. но́, ка́же д'івер': «Див'і́ с'а, шчо́с' роб'и́, йа́ вже да́ле н.. ни го́ден пр'агати с'а». Но́ шчо́ т'уйкы.. А йа́.. пришлі́, йак р'аз на дру́гый д'ен' приход'ит той са́мый ма́й че́сний ста́рший на вс'і́ шанда́ры. Та ка́жу: «Йа́ бим шчо́с' вам хот'і́ла каза́ти, та бо́йу с'а». – «Шчо́ такé? Кажі́т, кажі́т, А́ннушко, кажі́т». Ка́жу: «Слу́шайте. Йа́ вам упов'і́м, але лише по се́крету, бо чолов'і́к му́й йак с'а дузна́йе – прійде́ с фр'онта та дузна́йе с'а, шчо́ йа́ прозра́дила д'івер'а, – та уб'і́е н'а. Йа́г бы вы зроб'или та́к, абы се́с' пушо́в на во́л'у. Йа́ за не́го вруча́йу с'а, шчо́

зает, потому что знаю, что он у меня или дома. Так было это года два. Длилось, что он прятался. От мадьяров. А один раз пришел, ночью к нам, говорит: «Анна, я уже не могу столько прятаться, сделай что-нибудь». А мой на фронте.. да, да, мой уже был на фронте. Ну что делать. Я.. [...] я умела говорить по-мадьярски, и ко мне часто заходили жандармы – не прячется ли и мой, не убежал ли с фронта, или что. И заходили и ко мне, [может] думали, что поймут уже деверя, мужниного брата. А я говорю: «Его нет дома» всё время, – они мне верили, эти жандармы мадьярские. И когда придет один – их было два такие, один румын был из Сигота, жандарм, а один был настоящий мадьяр из Будапешта, [...] старший был над жандармами. И они были очень порядочные. Я.. ну, говорит деверь: «Смотри, делай что-нибудь, я уже больше не.. не могу прятаться». Ну что тут.. А я.. пришли, как раз на другой день приходит тот самый порядочный, старший над всеми жандармами. И я говорю: «Я бы хотела что-то вам сказать, но боюсь». – «Что такое? Скажите, скажите, Аннушка, скажите». Говорю: «Слушайте. Я вам скажу, но только по секрету, потому что если мой муж узнает – придет с фронта и узнает, что я выдала деверя, – то меня убьет. Если бы вы сделали так, чтобы этот [деверь] остался на свободе. Я за него ручаюсь, что он не

вун ни б'ыв за сс'і два го́ды н'ігдэ з до́му. У мене та до́ма сид'ів, – ка́жу. – Н'ігдэ інде ни б'ыв. Айбо та́к роб'іт, – ка́жу, – аб'ы.» Ма́д'а́ры стра́шно бі́ли! Та́ких присту́пнику. «Та́к роб'іт, – ка́жу, – аб'ы ни б'ыв бі́тый». Но́ й д'ійсно то́т чоло́в'ік са́м йего́ вз'ав. На і́х пу́нкт пов'ів у Сигото́, та́м поде́ржали го́ два т'їжн'і л'іш [sic]. Но́ але не́ бі́ли. Д'івер'а. Та́к вы́пустили, жи́в, гу́т то́му, йак уме́р.

[...] Абы б'ыв ми́н'і хот' ко́ліс' помух шчо́с'. Д'івер'. Н'іко́ли не до́помух ми н'ічо́го. Ішче́ коли му́й б'ыв на фрoн'т'і, та вз'ав выд н'а – п'іс'л'а́ уже то́го, йак йа́ го вы́т'агла з б'іды, – та вз'ав выд н'а ву́ц'і дв'і. І то́ ми н'ігда ни запла́тив. Просі́ла-м у не́го хы́жу за с'ів, та́м куча́ старá.. уже бы́ла, бо му́й помух учині́ти йему́ но́в'ий до́м, а, ма́ла та́ка хы́шка, вчині́ли, аб'ы йему́ с'а вста́ли, мо́му, ву́ц'і то́ты, му́й та́к'ий б'ыв л'убі́тел' ове́ц'. А вун і тту́ кучу, ги йа́ пере́йшла с'уды́ жи́ти, та хот'і́ла-м прода́ти тту́ кучу. Та дрыва́ соб'і купі́ти на зи́му. І у́н і то́ ни хот'ів ми́н'і да́ти. Но йа́ пак лі́шила-м – «На́, – ка́жу, – найі́с' с'а абі́с' сы́тый б'ыв, за то́-с' ми вы́пла́тив с'а, шчо́-м, – ка́жу, – т'а вы́зволила ис.» То та́г бы́ла-м ни хот'і́ла, та.. та і убі́ли бы бы́ли туды́ у т'урм'і го.

Та ку́л'ко йа́ ту́й та́к'их л'уде́й, мно́гих.. І тепе́р оден о́де жи́йе, сус'іт, фсе́ спомина́йе, йа́к-им за не́го застава́ла. А мене́ шчо́с' ша́ндары́ з.. в'ірили. То́ты ма́д'арс'к'і. Жи́ду́ вни ду́же ни л'убі́ли.

был за эти два года нигде, только дома. У меня да дома сидел. Нигде больше не был. Но так сделайте, – говорю, – чтобы...» Ма́дьяры страшно били! Таких преступников. «Так сделайте, – говорю, – чтобы его не били». Ну и действительно тот человек сам его взял. На их пункт повел в Сиготу, там его продержали только две недели. Но не били. Деверя. Так выпустили, жил, год, как умер.

[...] Если бы мне хоть когда-нибудь чем-нибудь помог. Деверь. Ни разу ничем мне не помог. Еще когда мой был на фронте, взял у меня – после уже того, как я его вытащила из беды, – взял у меня двух овец. И никогда мне за это не заплатил. Я просила у него хату, за этой там халупа старая уже была, мой ведь помог ему построить новый дом, а, маленькая такая хатка, сделали, чтобы ему остались, моему, эти овцы, мой такой был любитель овец. А он и эту халупу, как я перешла сюда жить, и хотела продать эту халупу. И дрова себе купить на зиму. И он и этого не хотел мне дать. Ну я махнула рукой – «На, – говорю, – ешь, чтобы ты был сыт, за то ты мне оплатил, что я, – говорю, – вызволила тебя из.» Так, если бы я не захотела, то.. то и убили бы там в тюрьме его.

И сколько я здесь таких людей, многих... И теперь один тут живет, сосед, всё вспоминает, как я за него заступалась. А мне как-то жандармы.. верили. Эти ма́дьярские. Евреев они очень не любили.

Та прийде с'уды шандар, каже мин'і – «Наге, туй майете сто пен'гу, – но сто пен'гу были велик'і гроші тогды. – Ід'іт куп'іт сто грам вóткы, а встан'н'і гроші вам най с'а встай'ут». А йа пуйду до йеврэйкы, [...] думайу – сирота вна. Та в нейі куча й д'ітей, та вна лиш ис того жийе. Кажу – «Лайо! – імн'а йуй была Лайа. – Ни продайте нын'і вóтку н'ікому, – кажу, – такому. Но н'ікому ни продайте. Бо нын'і за гроші фс'о мош». Та вна – «шчó та шчó». – «Так та так, – кажу, – шандары ми давали сто пен'гу, лиш абім у вас сто грам купила вóткы», – вóтка была дешевá. «Йой, – каже, – нó дав бы ти Бог здоров'а», – йеврэйка сирота, начне плакати¹².

Еврэйі давнó дуже лакомили с'а на Украйину. Были.. оден еврей туй торговáв, мав магазін, та кул'ко зайду, та.. за груди хáпле [шепотом]. Та коли-м го урвала у пысок у магазін'і, – ты шчó, – кажу, – думаш, кого ты берез за груди? – Нó, йа н'е думав, шчо ты такé дурнэ, – мн'і каже йеврей, бо то таг говорили йеврейі, мáло выдлучали с'а выд нашої мóвы. Нó а тепэр ужé.. Пришóв оден був.. посл'е фронта йеврей, ус'ый фронт перейшóв. І вні.. ббли јіх.. туй ужé.. туй Надвурна тáмкы, копали йáмы йеврейі. Та загр'ібали, йіх ростр'іловали, тáм загр'ібали, сироты тых, йеврейу. А сéго наманув тóг шан-

И придет сюда жандарм, говорит мне: «Наге, здесь сто пенге, – ну а сто пенге были большие деньги тогда. – Идите купите сто грамм водки, а остальные деньги пусть остаются вам». А я пойду к еврейке, [...] думаю – бедняга она. И у нее куча детей, и она только тем и живет. Говорю: «Лайо! – ее звали Лайа. – Не продавайте сегодня водку никому, – говорю, – такому. Ну никому не продавайте. Потому что сегодня за деньги всё можно». А она – «Что да что». – «Так и так, – говорю, – жандармы мне давали сто пенге, только чтобы я у вас сто грамм купила водки», – водка была дешёвая. «Йой, – говорит, – ну дай тебе Бог здоровья», – еврейка бедняга, начнет плакать.

Евреев когда-то очень привлекала Украина. Были.. один еврей тут торговал, у него был магазин, и как зайду.. за грудь хватает [шепотом]. И когда я его осадила [букв. оборвала в морду] в магазине, – «Ты что, – говорю, – думаешь, кого ты хватаешь за грудь?» – «Ну, я не думал, что ты такое дурное», – говорит мне еврей, ведь евреи так говорили, немножко отличались от нашего языка. Ну а теперь уже.. Приехал однажды один.. после фронта еврей, весь фронт прошел. И они.. их тут уже.. тут Надворная там, копали ямы евреи. И закапывали, их расстреливали, там закапывали, бедняг этих, евреев. А этот попался случайно

¹² Вероятно, смысл рассказа в том, что жандармы хотели поймать еврейскую женщину на незаконной торговле водкой.

дár, шчо кáжу, шчо дúже дóбрый бýв, [по-венгерски]. Ї йеврýя та впóзнав. Хлóпец', хлóпц'а молодóго впóзнав, йеврýя. Нó и йеврéй його впóзнав. Так тóт шандáр перев'ív тóго йеврéя с'удý. В Закарпáт'а. Пришóв с'удý. Нó, ун бýv мóйих годý рóстом, кáже – «Тý ни знáйеш, Áнно, дé мóйй сéстры, мáма?» Та кáжу – «Йíх вы́ц'с'í вы́везли, а кудý вы́везли – йá нибóре, Мóртко, ни знáйу, кудý йíх вы́везли вы́ц'с'í. Мад'áри, при мад'áрах йíх, – кáжу, тýй мáли.» дóм бýv óде на горóд'í, тáм бýв йíх.. збóрочный пýнкт, тáм обыбráли выд нíх зóлото, вс'ó, мад'áри. Та вы́везли. Нó та йíх вы́везли та росстр'íl'овали. Бýли так'í, котр'í бýли богáт'í, шчо повставáли с'а. Йеврéйй, по сéлах, у л'удéй. Пр'áтали йíх нáшй л'уде. А [с'í] вы́везли ни знáйу кудý. Нó тóт кáже – «А дé нáшй вéщч'í?» А йеврéйй так'í бýли, из нáми дúже дóбр'í, а колí йíг заберáли вы́ц'с'í, ус'ó-вс'ó н'íмц'ум предáли. Вс'ó, шчо бýло в нíх. Шчо внí лиш чомодáны с собóв уз'áли, í б'íл'ше н'íчóго, тáм пос'ц'íl'не, та шчóс' мáло р'áнд'а. Та вс'ó-вс'ó н'íмц'ум. Дóста, йó. Та.. предáли. Н'íмц'ум. Кáжу – «Вáше йé.. тýй-кы вáше дáли бýли 'днóму н'íмц'ови, но тóт н'íмец' вы.. вы́везли í н'íмц'у гét. Тá, – кáжу, – 'пстáло с'а у кумý мóйойй». – «Áнно, мý с тобóв так'í дóбр'í бýли, мáма тоб'í ни дáла нíч?» Кáжу – «Дáже такýй кусóк нítкы ми ни дáла

этому жандарму, про которого я говорю, что он очень хороший был. [по-венгерски]. Он узнал еврея. Хлопец, хлопца молодого узнал, еврея. Ну и еврей его узнал. Так этот жандарм перевел этого еврея сюда. В Закарпатье. Приехал сюда... Ну, он был моих годов ростом, говорит: «Ты не знаешь, Анна, где мои сестры, мама?» Говорю: «Их отсюда вывезли, а куда вывезли – я, *неборе*¹³, Мордко, не знаю, куда их вывезли отсюда. Мадьяры, при мадьярах их, – говорю, – здесь..» Дом был вот здесь на огороде, там был их.. сборный пункт, там отобрали у них золото, всё, мадьяры. И вывезли. Ну и их вывезли и расстреливали. Были такие, которые были богатые, что пооставались. Евреи, по селам, у людей. Прятали их наши люди. А этих вывезли не знаю куда. Ну тот говорит: «А где наши вещи?» А евреи такие были, с нами очень дружили, а когда их забирали отсюда, всё-всё немцам отдали. Всё, что у них было. Так что они только чемоданы с собой взяли, и больше ничего, там постель, и немножко одежды. И всё-всё немцам. Полно, да. И.. отдали. Немцам. Говорю: «Ваше.. тут ваше отдали одному немцу, но тот немец.. вывезли и немецев [отсюда]. И, – говорю, – осталось у моей кумы». – «Анна, мы с тобой так дружили, мама тебе не дала ничего?» Говорю: «Даже вот такой кусок нитки мне не дала твоя мама. Так как всё дала

¹³ *Неборе* (*ниборе*) — междометие, выражающее сожаление и горечь.

тво́йа ма́ма. Бо вс'о да́ла Ра́ймондови», н'імц'ови то́му, ус'о да́ла. Но н'імец' ни забра́в, бо і сво́йе ни забра́ли н'імц'і, шчо л'у́де порос'ц'іга́ли, ус'о такé. Но́, йа́ кажу: «Му́й ба́г'ко чита́в давнó Івангéлийе, каза́в – ни да́й Бо́х росхишча́ти чужé майно́, бо бу́де такы́й ча́с, шо бду́т оставл'а́ти сво́йі дома́, сво́йе вс'о́». А йа́ шче тогды́ тто́ й ни в'іровала, до́к ни пережи́ли с'ме ссе́ сам'і. «Но́, – ка́же, – н'іко́ли н'ічо́га [sic] ни бері́».

Но́ і йа́ та́к с'а постара́ла. Н'ічо́го йа́ ни бра́ла. Ход' бы́ было́ ми шчо́ тре́ба было́. Йо́, вз'ала-м была́ п'йа́т' м'ішкú карто́шки. Іс Комсому́л'с'ка [с. Немецкая Мокрая] привезла́-м с'уды́. Та вз'ав выд'на́ шчо́ прив'іс п'йа́т' м'ішкú карто́шки та п'йетна́ц'ит' пéнгy. То́ вели́к'і гро́ші бы́ли тогды́, п'йетна́ц'ит' пéнгy, мад'арскы́ми. Заплати́ла-м, бо у ме́не.. ус'у́ карто́шку тоты́ мад'аре́ переры́ли. Перекопа́ли. Но́чами, и в дн'ом ишли́ у нывы́. Вс'іх нас туды́ позабра́ли, та ту́ было́ по́вне село́ мад'ар'с'кых солда́ту. Трина́, йак каза́ли тогды́. Санчас'ц', вс'о́, фс'о́ туй было́ по́вно. Бы́ли око́пы о́ндекы, та йшли́ самол'о́ты та бомби́ли. Бомби́ли, та́к стра́шно было́. Ишли́... ту́й бы́ли ду́же мно́го око́пу коло́ мо́ста се́го. Та мо́йа сестра́ та́м жи́ла. Та пак на́ нуч до ме́не сі́рога ходи́ла із'з'іт'мі́. Во́с'ме-ро д'іге́й было́ та з'з'іт'ми́ т'агла́ с'а тры́ к'ілом'ітры до ме́не спа́ти, бо бой-а́ли с'а та́м.. в но́чі, ночова́ти, шо бом-

Раймонду», немцу тому, всё дала. Но немец не забрал, потому что и свое не забрали немцы, что люди порастащили, всё такое. Ну, я говорю: «Мой папа читал когда-то Евангелие, сказал – не дай Бог расхищать чужое имущество, потому что настанет такое время, что будут оставлять свои дома, своё всё». А я еще тогда в это и не верила, пока мы это не пережили сами. «Ну, – говорит, – никогда ничего не бери».

Ну я так и постаралась. Ничего я не брала. Что бы мне ни было нужно. Да, я однажды взяла пять мешков картошки. Из Комсомольска [с. Немецкая Мокрая] привезла сюда. И взял с меня тот, что привез пять мешков картошки, пятнадцать пенгё. Это большие деньги были тогда, пятнадцать пенгё, мадьярскими [деньгами]. Я заплатила, потому что у меня.. всю картошку эти мадьяры перерыли. Перекопали. По ночам, и днем ходили на нивы. Всех нас туда позабирали, и здесь было полное село мадьярских солдат. Трина, как тогда говорили. Санчасть, всё, всё тут было полно. Были окопы вон там, и прилетали самолеты и бомбили. Бомбили, так страшно было. Прилетали.. тут было очень много окопов около этого моста. И моя сестра там жила. Так на ночь ко мне, бедная, ходила с детьми. Восьмеро детей было, и с детьми тащилась три километра ко мне ночевать, потому что боялись там.. ночью, ночевать, что бомбили. Ну и здесь

біли. Нó та туйкы было тта санчас'ц', коній попрі р'іку пóвно. Як пришлі.. рúс'к'і самол'óты, та гёт убіли тоты кон'і, строшчіли вс'ó с'уды попрі р'іку, нó селó ни кывали. Н'і. Н'ічóг ни бомбіли пр'áмо на селó, на домá. Лиш тоту мад'áрс'ку трину побомбіли, і мнóго солдáту погыбло мад'áрс'кых было. Но тотó до рáно тák мад'áры за.. харіли, шо н'іткó ни вídив дé, солдáту у машíну вывезли.. до дóму, куды, ни знáйу вже куды йіх попрорáдили. А кон'і закопáли, вс'ó, тák шчо до рáно ни было н'ічóго вídне. Страшнé было. Из.. котр'і л'úде жíли тák по гóрах, тотó вс'ó зогнáли долú, [поза] партизáну, абы ни мáли дé с'а пр'áтати партизáne, а тáм мад'áры вóс'ко соб'і клáли в тоты домá, думали шчо партизáne зайдут у тóт.. дóm, но вс'ó ш так'і л'úде мáли.. св'áс' ис партизáнами, та.. доношували, шчо дé ткó йé, дé мад'áры, де вóс'ко. Та й дрúгого вóс'ка ни было, дес' туды, на тых сéлах, переходіли і н'імéc'к'і вóс'ка, в нас ни было. В нас лиш приходіли в óтпуск. Нó йім тáг было заборонéно, бóже бороні, абы оні шчóс' туй комус' чиніли злó. Ни дай бóх.

Но тák приходіли есесóвц'і тоты. Быв óдін такый шчó... вз'áv був йеврéй, кóвдош такый був, ходів, і до мéне приходів – дай йісти, Áнно, дай йісти. Та дайú му йісти, вни кúшер держáли. Та кáжу: «Абрáмко, ты, – кáжу, – кúшер ни дёржиш?» – «Шчó ми дайúт, тó йа

была эта санчасть, лошадей полно у реки. Как прилетели.. русские самолеты, так начисто поубивали этих лошадей, всё разбомбили здесь у реки, но село не трогали. Нет. Ничего не бомбили прямо на село, на дома. Только эту мадыарскую трину разбомбили, и много солдат погибло мадыарских. Но это до утра так мадыары привели в порядок, что никто и не видел, где, солдат машиной вывезли.. домой, куда, я не знаю уже, куда их отправили. А лошадей закопали, всё, так что до утра ничего не было заметно. Страшно было. Из.. Которые люди жили так по горам, их всех согнали вниз, из-за партизан, чтобы не было где прятаться партизанам, а там мадыары военных помещали в эти дома, думали, что партизаны зайдут в этот дом, но всё-таки у людей была.. связь с партизанами, и.. доносили, что где кто есть, где мадыары, где военные. А других военных не было, где-то там, в тех селах, проходили и немецкие войска, у нас не было. У нас только приезжали в отпуск. Но им так было запрещено, боже сохрани, чтобы они что-то тут кому-то причинили зло. Не дай бог.

Но так приезжали эсэсовцы эти. Был один такой, что.. взял еврей, нищий такой был, ходил, и ко мне приходил: «Дай поесть, Анна, дай поесть». И даю ему поесть, они *кушер держали* [ели только кошерное]. И говорю: «Абрамка, ты, – говорю, – *кушер не держишь?*» – «Что

йім, – каже. – Тó йа йім, шчо мй дай-
 ўт». Та дам му, попойіс'ц' та пуйде. А
 йшóв тóт, н'імéc'кый солдát, та стр'гив
 го. А вжé тотák óс'ін' бýла, шчо у. ф
 шанцáх уже водá примéрзла. Та вун там
 у тту воду примéрз – «Ложіс', фстát',
 ложіс'», по-н'імéc'кы тóму. Йá кáжу:
 «Небóре, [...] нáшчо го.. мýчиш, кáжу.
 Ты йди мýч май богáтых жиду́, нé сéго
 кóвдоша, бо за сéго гр'іх мáйеш». Но
 тóт і на мéне зрозумі́в с'а бýв. Прáвда,
 н'ічóг ми ни чинів, ни.. На вéчур при-
 шóв був, ни сáм, шчé з йакі́мис'. Нó,
 і йá ни оголосі́ла с'а с хáты ніч. [Но
 вни] погр'ім'іли, забрáли с'а та пушли́.
 Дівл'у с'а, такá лúnна нýч бýла. Дівл'у
 с'а, пушли́ долу́, а йа д'іти на рúкы та
 до д'івер'а. Ид гóр'і тák на бережóк. Дý-
 майу – аш вёрнут с'а, розуб'йут двéри,
 нийé н'а дóма, та пуйдут соб'і, – айбо
 н'і, ни вертáли с'а, пушли́ соб'і. Рáно-м
 ишла та бойáла-м с'а пут хáту йтí. Дý-
 майу, мóже м'іну йакýс' ват' йакý б'іду́
 тáм лішили. Та тák с'а бóйу, тай.. нó,
 шчó йа знáла. Йá ни познавáла н'і гра-
 нáты, н'і м'іны тогдý шче, н'ічóга. Та
 бóйу с'а, дáже тák на коридóрчику в н'а
 дорóшка такá стойáла, йá бойáла с'а и
 на тту дорóшку стáти, ци нийé шчос'
 пуд дорóшков. А тұл'ко..

А нóчов, нóчов.. і с'в'ітла ни мóж
 бýло, ф темнот'і с'ме сид'іли. Та тóго
 вóс'ка ишлó, мад'áру тíх, та пл'інных.
 Вéли пл'інных нáших, рúс'кых, туй че-
 рес Попад'у с'уды́. Та сíроты, ужé йа

мне дают, то я ем, – говорит. – То я ем,
 что мне дают». И дам ему, поест и пой-
 дет. А шел этот, немецкий солдат, и его
 встретил. А уже так осень была, что в
 канавах уже вода замерзла. И он там в
 эту воду примерз – «Ложись, встать, ло-
 жись», – по-немецки этому. Я говорю:
 «Неборе, [...] зачем ты его мучаешь, –
 говорю. – Ты иди мучай евреев побога-
 че, не этого нищего, потому что за этого
 грех тебе». Ну тот и на меня разозлился.
 Правда, ничего мне не сделал, не.. Вече-
 ром пришел, не один, еще с какими-то.
 Ну, и я не отозвалась никак из хаты. Ну
 они погромели, собрались и ушли. Смо-
 трю, такая лунная ночь была. Смотрю,
 пошли вниз, а я детей на руки и к деве-
 рю. Вверх так на горку. Думаю – если
 вернутся, выбьют дверь, нет меня дома,
 и пойдут себе, – но они не возвраща-
 лись, пошли себе. Утром я шла и боя-
 лась подойти к хате. Думаю, может
 мину какую, или мало ли что [букв. ка-
 кую беду] там оставили. И так боюсь, и..
 ну, что я знала. Я не знала ни гранат, ни
 мин тогда еще, ничего. И боюсь, даже
 так в коридорчике у меня дорожка такая
 лежала, я боялась и на эту дорожку на-
 ступить, нет ли чего-то под дорожкой. А
 только..

А ночью, ночью.. и света нельзя бы-
 ло, в темноте мы сидели. И шло [много]
 этих военных, мадяров этих, и плен-
 ных. Вели пленных наших, русских, тут
 через Попадью [название горы] сюда. И

там жыла коло р'ічки, гор'і в чолов'іковуй туй хыжи, та вже ни берова́ли йти́. А мин'і так йіг жа́лко ста́ло, йа́ за́чала.. йак тогды́ каза́ли, [со́косвы́затив], тепе́р'кы ни зна́йу, ста́ршый сержа́нт, та ка́жу – «Слу́шайте, – ка́жу, – ци мо́ж бы си́м, си́роты, да́ти попойи́сти?» – «Но́, – ка́же, аш йе́ у вас таке́ до́бре се́рце, та да́йте йім», – а йа́ по-мад'а́рс'кы говори́ла, бо йа зна́ла по-мад'а́рс'кы. А йа́ вы́несла таку́ коно́вку вели́ку дес'а́т'л'ітро́ву мо́лока, та ку́л'ко.. хл'іба-м ма́ла в ха́т'і. Бо́же, шчо́ тоты́ мин'і д'а́ковали л'у́де! Ц'і́л'ова́ли н'а в ру́кы, де́ котры́й попа́в, та́к мин'і д'а́ковали, шчо́ йа́ йіх на́корми́ла, бо уже́ бы бы́ли.. Уже́ та́кой, ка́же, умира́ли с'ме з го́лоду бы́ли. Укра́йинец' те́й быв, дес' ис-пут Кі́йева. А на́корми́ла-м йіх, вы́дыхлі́ коло ме́не та́м у дво́р'і, та пушли́. [Дак'] і́шче й то́т мад'а́р ми под'а́ковав, шчо́-м йіх на́корми́ла. «Май ско́ро, – ка́же, – бду́ и йа́ з ні́ми до́ма».

Тако́го прои́ше́ствийа́ бы́ло за тто́, шчо́ йа зна́ла по-мад'а́рс'кы говори́ти, туй бы́ли на сел'і́ л'і́сникы́ мад'а́ры, та.. Но́ бы́ли в одної́ жоны́ два́ паца́ны так'і́, но́ йак на́ш Ва́с'а, а вдён і́шче май ма́льый. Но́ тоты́ оту́й [...] і́д го́р'і жи́ли, та.. д'і́ти гра́ли с'а та́мкы. Сс'і́ л'і́сникы́ пйа́н'і, мад'а́рс'к'і, і́шли, а д'і́ти дес' ка́м'ін' ру́шили, [...] до́лу го́ров ка́м'ін' кача́йе с'а. А вы́и ка́зали, шчо́ хо́т'іли йіх тоты́ д'і́ти уби́ти, та в'і́д'іла жі́нка одна́ та́м. На тту́ жі́нку на́прави́ли, шчо́

бе́дные, уже́ я там жи́ла о́коло речки, на-верху в мужни́ной этой ха́те, и уже́ они бы́ли не в силах і́дти. А мне так их жа́лко стало, я на́чала.. как то́гда говори́ли, [по-венгерски], тепе́рь не знаю́, ста́рший сержа́нт, и гово́рю: «Слу́шайте, – гово́рю, – а не́льзя ли э́тим, бе́дные, да́ть пое́сть?» – «Ну, – говори́т, – е́сли у вас та́кое до́брое се́рдце, то да́йте им», – а я по-мадья́рски говори́ла, я ве́дь уме́ла по-мадья́рски. А я вы́несла та́кой бидон бо́льшой де́сятилитро́вый мо́лока, и хле́ба, ско́лько бы́ло в ха́те. Бо́же, как ме́ня э́ти лю́ди благода́рили! Це́ловали мне ру́кы, куда́ кто попа́дет, так ме́ня благода́рили, что я их на́корми́ла, пото́му что уже́ бы́.. «Уже́ так, – говори́т, – мы умира́ли с голо́ду». Укра́инец тот бы́л, где-то из-под Кі́ева. А на́корми́ла я их, ото́дхнули о́коло ме́ня там во́ дворе, и пошли́. И е́ще и то́т мадья́р ме́ня поблага́дарил, что я их на́корми́ла. «Скоре́е, – говори́т, – и я с ни́ми о́кажусь до́ма».

Так получи́лось пото́му, что я уме́ла говори́ть по-мадья́рски, здесь бы́ли в селе́ лесники́ мадья́ры, и.. Ну бы́ли у одной́ же́нщины два́ паца́на та́ких, ну как на́ш Ва́ся, а один е́ще ме́ньше. Ну они тут вы́ше жи́ли, и.. де́ти игра́лись там. Э́ти лесники́ пья́ные, мадья́рские, шли́, а де́ти где-то ка́мень двину́ли, вниз по скло́ну ка́мень ка́тится. А они сказа́ли, что хо́тели их э́ти де́ти уби́ть, и ви́дела же́нщина одна́ там. На э́ту же́нщину ука́зали, что она́ их ви́дела, паца́нов, а

ттá йїх в'їд'їла, пацану́, а вні́ ни каза́ли, шчо тто́ так'ї д'їти, ай шчо тто́ вели́к'ї пацаньї́. Бо́же, привели́ тту́ жїнку туй-кы, а такый попáв с'а закл'áт'ї два шанда́ры, шчо сїлно бїли. Л'удей. Привели́ тту́ жїнку, та йа ка́жу: «Йафїю, лиш кажїт' то́ шчо сте в'їд'їли, ни.. Не жур'їт с'а». Осподи. Она́ ка́же: «Хлópчыкы сид'їли, та́м онї йшли́, н'їткó, йá н'їко́га [sic] ни вїд'їла абы́ йїх бїв, н'їткó ни качáв кам'їна́, н'ї нїч». А сис'ї ка́жут: «Так кажї́, йак онї ка́жут!» Та хот'áт бїти жїнку, а такый закл'áтый бїв, шчо та́к с'а го л'уде бойáли то́го шанда́ра! Коли вьг'ах.. вз'áв, но туйкы багнёт, да то́т по́йас, та хот'їв жїнку вдáрити. Йá ззадá вхо́пила за багнёт то́т. Ка́жу: «Зна́йте шчо? Вы́ мене туй ни вз'áли, абїм йá с'а дивїла, шчо вы б'їдну жїнку б'їете. Вы́ вз'áли менé на товмачá. А вы́ – заставл'áете йе абы́ вна́ брехáла, а йá б.. На́й да́е в сўд. А йá бду в сўд'ї каза́ти, шчо вы́ йийї при-му́шовали, абы́ вна́ брехáла». Йá с тым шанда́ром та́к с'а загрызла бїла тогды́. Но́, пра́вд'ї бы́ти, вонї мин'ї н'їко́га [sic] ни с'м'їли, бо вні́ вже увїд'їли, шчо дру́г'ї.. то́т [ф'еуводнот'], шчо дўже вун́ изо мнóв до́брый. Из-за то́йї, из-за д'ївер'а. Та вже пак ни с'м'їв ми нїч каза́ти.

Ра́шк'їй клі́кав с'а, такый дўже бїв закл'áтый. Закл'áтый шанда́р. Та́к мо-рїв жїно́к, шчо чу́до. Туй і ма́чоха в хьбжи, и [sic] йá пришлá, та вун́ имїв

они не сказали, что это такие дети, а что такие большие пацаны. Боже, привели эту женщину сюда, а такой попался – злощие двое жандармов, что сильно били. Людей. Привели эту женщину, и я говорю: «Яфия, говорите только то, что вы видели, не.. Не беспокойтесь». Господи. Она говорит: «Мальчики сидели, там они шли, никто, я никого не видела, чтобы их бил, никто не скатывал камни, ничего». А эти говорят: «Так говори, как они говорят!» И собираются бить женщину, а такой был злощий, что так его люди боялись, этого жандарма! Когда вытянул.. взял, ну здесь штык, и этот ремень, и хотел женщину ударить. Я сзади схватилась за штык этот. Говорю: «Знаете что? Вы меня сюда взяли не для того, чтобы я смотрела, как вы бедную женщину бьете. Вы меня взяли за переводчика. А вы – заставляете ее, чтобы она говорила неправду, а я.. Пусть подает в суд. А я скажу на суде, что вы ее заставляли говорить неправду». Я с этим жандармом так сцепилась тогда. Но, правда сказать, они мне ничего не смели [сделать], потому что они уже увидели, что другие.. тот [по-венгерски], что он со мной в очень хороших отношениях. Из-за той, из-за деверя. И уже не смел мне ничего сказать.

Рашкий его звали, такой очень был зловерный. Злоущий жандарм. Так мучил женщин, что чудовищно. Тут и ма-чеха в хате, и я пришла, и он схватил

менé на пóс'ц'іл'і [этот]. Коли́-м с'а упéлла ногóв та дрýлила нím, [ате-дiсно], кáжу. Кáжу му – «Ты свiн'о. Шчó дýмайеш, хочеш абi-м т'а заголосiла, шó ты рóбиш? Мéне [sic] чолóв'iк на фрón'т'i. Шчó мин'i трéба, кáжу, кóпыла йакóгос' мад'áрс'кого ци шчó?» [Пак тák угáй] сердiтый бiв. Дрýг'и повертáли, знáти, ци ни об'i-жáйе н'а ткóс', но вún никóли ни заходiв, ужé бойáв с'а. А тák н'а наморiв, шчó гét-им плáт'а овс'удi порвáла, з нím мотáйучи с'а, тай сестрá мóйа пок'iйна в хýжи, i мáчоха. I д'iти. I тóт.. йакýз' з'в'iр' бiв, дура́к.

[...] ни трóнули, знáйте, бо в Брýс-тур'ix [*старое название с. Лопухов*] убi-ли бýли оф'iцэру мад'áрс'ких, а у нас тiхо бýло, нашi л'уде спок'iйн'и бýли, н'iкóго ни трóгали. Та так.. устáла с'а Рýс'ка Мокра. А мýй бiв дýже чолóв'iк такiй óстрый, тán'ц'i бýли, á пришлi мад'áри, так'i солдáты, выган'áти с тán'ц'ув л'удéй вон. Гóсподи, а мýй такiй закл'áтый бiв, коли вхóпив тóго шандá.. но н'é шандáр, áй солдáт. То тák ним дáв у двэр'и, шчó сéред вýлиц'и росплiв с'а тóт. Схóпив с'а, вiткы. А мýй стáв i менé обiйáв, тák стоимé. А [у] мiн'и сэрце лиш тáг гúпáйе, но тпér го забéрут, i вс'ó. – «Вы ни в'iд'или, ткó тто менé дрýлив вiц'с'и»? – «Мы ни в'iд'или, мы ни.. тýй л'удéй богáто, мы ни в'iд'или». Кáжу йа мóму: «Т'i-кáйме гét вiц'с'и, бо мóже шче ткóс'

меня на кровати, этот. Я как уперлась ногой и оттолкнула его, [...] говорю. Говорю ему: «Ты, свинья. Ты что думаешь, хочешь, чтобы я на тебя заявила, что ты творишь? У меня муж на фронте. Что мне, надо, – говорю, – байстрюка какого-то мадьярского или что?» И потом всегда он был сердит [на меня]. Другие навещали, узнать, не обижает ли меня кто, но он никогда не заходил, уже боялся. А так меня измучил, что совсем я платье тут порвала, пока с ним канителилась, и сестра моя покойная в хате, и мачеха. И дети. И этот.. какой-то зверь был, дурак.

[...] не тронули, знаете, ведь в Брустурах был случай, что убили офицеров мадьярских, а у нас тихо было, наши люди спокойные были, никого не трогали. И так.. осталась Русская Мокрая. А мой был очень человек такой острый, танцы были, а пришли мадьяры, такие солдаты, выгонять с танцев людей на улицу. Господи, а мой такой бедовый был, как схватил этого жанда.. ну не жандарм, а солдат. И так его вышвырнул в двери, что тот растянулся посреди улицы. Подхватился, откуда [т. е. кто его вышвырнул]. А мой встал и меня обнял, так стоим. А во мне сердце так стучит, ну теперь его заберут, и всё. «Вы не видели, кто это меня отсюда вытолкнул?» – «Мы не видели, мы не.. здесь людей много, мы не видели». Говорю я моему: «Бежим прочь отсюда, может быть, еще

напрáвит та забéрут т'а». Та пак... тák л'úде позаберáли с'а вс'í скóрше тáм ис.. тойí.. кóршма, йаг давнó казáли. Та забрáли с'а, та тák тóт í ни взнáв н'íг-да, ткó го.. [в]ёр ис кóршмы. Н'ítкó ни напрáвив.

Тáм палíли, убíли бýли оф'ицéру мад'áрс'ких испалíли, а туй н'ичóго, ни кýвали н'икóго. Í тák йак ужé забера́ли с'а вьц'с'í, та íшче-м попросила йíх абý хот' одéн мýст лiшили. Íшли б'йу́чи мосты. Та кáжу – лишít хот' одéн мýст, абí-м з'з'ít'мí моглá в селó пуйтí, шчóс' йiсти купíти. Онí тák послúхали н'а, ни.. ни убíли тóт мýст, шчо туй йé, óнде гор'í.

[...] (Н'ímé)ц'ку Мокру остáли, тáм однý н'íмц'í жiли. (И в Усть-Черной?) Í в Уш-Чóрнуй н'íмц'í жiли, тáм укрáйн'ц'ув ни бýло. То типéр'кы вжé, йак н'íмц'í забера́ли с'а в Герман'йу, та.. íз Лопухóва, с Колочáвы переходí.. перейшли жiти у Комсомул'с'к. А лопух'íвс'ких мнóго жийе в Уш-Чóрному, покупóвали соб'í домá выд н'íмц'ув, та тáм заселíли с'а лопух'íвс'к'í мнóго.

[...] дв'í с'а встáли жóны так'í, шчо при мад'áрах йím л'úде умéлли, йá та шчé вднá. Жийе бáба, май старá выд мéне за чотýри гóды шче. Чáсто приходит до мéне. Згáдуйеме свóйу б'íду, йák ис'ме б'íдовáли. Шчо йá б'íдовáла, в мéне.. Íра пок'йна в чотýри чáсы нóгу улóмила п'íсл'а об'íда, а в шiс'ц' М'í-

кто-нибудь укажет на тебя, и тебя заберут». Ну и.. так люди поуходили все скорее из.. этой.. корчма, как раньше говорили. И поуходили, а так тот и не узнал никогда, кто его выбросил из корчмы. Никто не указал [на мужа].

Там [в Лопухове] жгли, там до этого убили офицеров мадыарских, жгли, а здесь ничего, не трогали никого. И так, когда уже уходили отсюда, и я еще попросила их, чтобы хоть один мост оставили. Они шли, уничтожая мосты. И говорю: «Оставьте хоть один мост, чтобы я с детьми могла в село пойти, что-то купить поест». Они так послушали меня, не.. не уничтожили тот мост, что здесь, там выше.

[...] Немецкую Мокрую, там одни немцы жили. <И в Усть-Черной?> И в Усть-Черной немцы жили, там украинцев не было. Это теперь уже, как немцы уезжали в Германию, и.. из Лопухова, из Колочавы переходí.. перешли жить в Комсомольск [название Немецкой Мокрой при СССР]. А лопуховских много живет в Усть-Черной, понакупали себе дома у немцев, и там заселились лопуховских много.

[...] две остались женщины такие, у которых при венграх мужья умерли, я и еще одна. Живет бабушка, еще старше меня на четыре года. Часто приходит ко мне. Вспоминаем свою беду, как мы бедовали. Как я бедовала, у меня.. Ира покойная [дочь] в четыре часа ногу сломала после обеда, а в шесть родился

ша наро́див с'а. А ста́рший хло́пец' хво́-
рый б́ыв. Ота́к де́с'ат' м'іс'ац'у лежа́в
то́т хло́пец' у ме́не. Захво́р'ів на се́рце.
Та де́с'ат' м'іс'ац'у лежа́в, уже му́й
на фро́н'т'і б́ыв, коли́ уме́р хло́пчик,
де́в'яд' го́ду ма́в. Вели́кий уже́ б́ыв.
О́й, йа́к-им за ні́м.. пла́кала, гор'ова́ла,
бо́же (милости́вый). Та уме́р. Му́й на
фро́н'т'і.. Но́, Іра з но́гов.. Пра́вда, до́х-
тур б́ыв мад'а́рс'кий д́уже до́брый чо-
лов'я́к, ішо́в ча́сто пров'і́р'а́ти хво́ро-
го се́го мо́го хло́пчика, та́й но́гу, та́й
пришо́в до ха́ты г'і́пс изнима́ти, Іри́н'і
пок'ійну́й з но́гы. Та тто́ давно́ вуше́й
по́вно в г'і́псови б́ыло, та бло́х, ус'а́ко-
го тако́го. А ву́н.. Кажу́.. йа́ на по́стели,
на крава́т'і, та ка́жу – «Ту́й знима́йте,
н'і на..» сунду́к тако́й покла́в. Та йа́
покла́ла вере́ту, йа́ жал'іла Іру, абы́ ни
на го́луй до́с'ц'і та́м. И н'і, ву́н [...] тту́
ссу́нув ге́т вере́ту, изн'а́в г'і́пс, а тто́
ту́й нога́ б́ыла вло́млена. Вс'о́ че́рево,
у г'і́псови, і ці́ла нога́. У́н изн'а́в то́д
г'і́пс, вз'а́в п'інце́т, росц'іга́йе – бо дав-
но́ ни та́к кла́ли г'і́пс, йа́к тепе́рky, г'і́пс
на го́лу но́гу, навива́ли тогды́ ва́ту, ра́с
ва́тов опкла́дали но́гу, та по́тому г'і́псом
навива́ли. То́т до́хтор ус'і́м гово́рив,
шчо ву́н у жит'у́ тако́й г'і́пс ни знима́в
чи́стый, йа́к у ме́не. «Н'ігде́, – ка́же,
– ни б́ыло н'і во́ши, н'і б́лыхы́ в то́му
г'і́псови – йа́к вы́ ссе́, – ка́же, – мо́гли та́к
вско́тїти, шчо н'ічо́го нийе́?» Та ту́й
йеде́н н'іме́ц' ма́в но́гу то́же вло́млену,
шчо ву́н приході́в знима́ти г'і́пс. Та та́м

Миша. А старший мальчик был болен.
Так десять месяцев лежал этот мальчик
у меня. Заболел сердцем. И десять ме-
сяцев лежал, уже мой на фронте был,
когда умер мальчик, ему было девять
лет. Большой уже был. Ой, как я по
нему.. плакала, горевала, боже (милос-
тивный). И умер. Мой на фронте.. Ну,
Ира с ногой.. Правда, доктор был ма-
дьярский очень хороший человек, ча-
сто приходил проведать больного этого
моего мальчика, и ногу, и пришел на
дом гипс снимать, Ирине покойной с
ноги. А раньше вшей полно в гипсе
было, и блох, всякого такого. А он.. Го-
ворю.. я на постели, на кровати, и гово-
рю: «Здесь снимайте, не на..» сундук
такой положил. И я постелила просты-
ню, я жалела Иру, чтобы не на голой
доске там. И нет, он [...] стянул долой
простыню, снял гипс, а это тут нога
была сломана. Весь живот в гипсе, и
вся нога. Он снял этот гипс, взял пин-
цет, раскрывает – раньше ведь не так
клали гипс, как теперь, гипс на голую
ногу, обматывали тогда ватой, сначала
ватой обкладывали ногу, а потом гип-
сом обматывали. Этот доктор всем го-
ворил, что он в жизни такой гипс не
снял чистый, как у меня. «Нигде, –
говорит, не было ни вши, ни блохи в
этом гипсе, как вы это, – говорит, –
смогли так уследить, что ничего нет?
Тут у одного немца была сломана тоже
нога, и он приходил снимать гипс. И

было, каже, повно вušей у тум г'іпсови. Й'ак вы всокотіли?» – «Й'а кажзый ден' – им м'ін'ала чісте р'ан'д'а д'ітін'і, тай пос'ц'іл', та кажзый ден' перем'ін'ovala, і н'ікого-м на тту крават' ни пустила с'істи». Н'о, та тот'о вс'ім было, та пришла-м раз до него была на л'ікарства, та там й'ак'іс' панич'і сид'іли, – «Г'е, каже, за [с'ш']у жінку й'а вам росказывав, за т'од г'іпс. Шо й'а ни знимав такій г'іпс...» А т'то був оден й'ак л'існичий, – «А! – [д]а вун мен'е познавав, – та т'то вы, каже, так могл'і всокотіти д'ітину, д'охтор' нам росказуйе про вас. А м'ы ни зн'али, к'отра т'то». – «Й'а», – кажу. – «Н'о, – каже... – ф'айно сте всокотіли». Два м'іс'ац'і была в г'іпсови. І вс'о.. Н'о та так.. Вас'ка ум'ер, старший уж'е тот. М'уй на фр'он'т'і. Уж'е ни м'ож было д'ати н'і телеграму за н'им, бо вж'е ни пускали до д'ому, [т'оты (?)] д'ес' пустили го б'ыли – кол'і на фр'онд давали, та пустили д'ому попрощ'ати с'а. А так.. пуш'ов і пуш'ов. С'орок тр'етого г'ода пустили го б'ыли до д'ому попрощ'ати с'а. А д'але на фр'онт. Та с фр'онта вс'о¹⁴ ми пис'ав, таку к'учу м'айу онде пис'ем й'его с фр'онта. П'іше, та ни м'ож было інак та [...] ш'чо д'ідо ід'е впер'ет, ш'чо жен'е.. в'уц'і д'ідо н'і.. за н'імц'ув, ш'чо.. вж'е й'ак з'ачали выдступ'ати н'імц'і. Та вун уж'е п'іше: «М'оже ск'оро бдем'е

там было, – говорит, – полно вшей в этом гипсе. Как вы уследили?» – «Я каждый день меняла чистое белье ребенка, и постель, и каждый день меняла, и никого не пускала садиться на эту кровать». Ну, это у всех было, и пришла я однажды к нему за лекарствами, а там какие-то молодые господа сидели, – «Э, – говорит, – об этой женщине я вам рассказывал, об этом гипсе. Что я не снимал такого гипса...» А это был один как лесничий, – «А! – да он меня знал, – так это вы, – говорит, – так ухитрились доглядеть ребенка, доктор нам рассказывает о вас. А мы не знали, о ком речь». – «Я», – говорю. – «Ну, – говорит.. – хорошо вы доглядели». Два месяца была в гипсе. И всё.. Ну вот так.. Васья умер, старший уже тот. Мой на фронте. Уже нельзя было его и телеграммой вызвать, потому что уже не пускали домой, [...] однажды его отпустили – когда отправляли на фронт, пустили домой попрощаться. А так.. ушел и ушел. В сорок третьем году его пустили домой попрощаться. А потом на фронт. И с фронта всё мне писал, такая куча у меня там его писем с фронта. Пишет, что нельзя было иначе, и [...] что дед идет вперед, что гонит.. овец дед не.. немцам, что.. уже когда начали отступать немцы. И он уже пишет:

¹⁴ Ожидалось бы *все* 'всё время, постоянно', ср. выше: *й'его ний'е д'ома вс'е* 'его постоянно нет дома', ниже: *й'а вс'е над'й'яла с'а, ш'чо вун д'ез' жий'е* 'я всё надеялась, что он где-то живой'.

до́ма». Но́ так переве́ли йих.. переишли́ ис.. Б'і́лорусі́йі, у Б'і́лорусі́йі б'ыв. Переишли́ в [Кейсе́квошме́д'а]¹⁵, в'ы́тты ми пос'л'ідн'і дв'і́ піс'ма присла́в б'ыв. Му́й. Н'іме́ц'ков гра́нїц'ов, б'ы́ло та́м шісна́ц'ц'ит' к'і́ломе́тру выд Герма́н'і́йі. Присла́в ми дв'і́ піс'ма, а по́тому н'ічо́го, н'і́ч. Та́й писа́ла-м.. [...] отв'і́тили «поги́б бе́з в'і́сти».

Тко́ зна́йе, йа́ все́ на́д'і́йала с'а, шчо́ ву́н де́з'ж'і́йе. Ку́л'ко́ сва́тали с'а до́ н'а́, а йа́ каза́ла, шчо́ н'і́. Та́й н'а́ голо́ва́ из Ву́гл'і́, хло́пец', сва́тав. А́, ка́жу, С'ц'о́. па, же́ні с'а на д'і́вц'і́. Йа́ аш му́й чо́лов'і́к ве́рне с'а, йа́ ни хо́чу, абы мо́йі д'і́ти с'і́рота́ми б'ы́ли попр'і́ живо́го ву́ц'ц'а́. Йа́, ка́жу, лиш ве́рну с'а т сво́му чо́лов'і́кови жи́ти. [Зна́й], аж бы с'а ве́рну́в ис фронта́. Пак-і́м ни хо́т'і́ла н'і́ко́го. А́, [но і́] б'і́да. На́шчо́ ми чо́лов'і́ка. Йа́ б'ы́ла здубна́ до вс'о́го, зроби́ти соб'і́ вс'о́ сама́, вс'о́. Та́к йа́ на́вчи́ла с'а, шчо́ й тепе́р мин'і́.. ни б'ы́ло т'а́шко, і́ Ири́на пок'і́йна з ме́не на́вчи́ла с'а.. жи́ти на с'в'і́т'і́, і́ б'і́дова́ти, і́ де́с' і́ до́бре б'ы́ло, і́ б'і́дова́ла. Б'і́дова́ли с'ме́ вс'а́ко [мы]. Ири́на рози́йшла́ с'а ш чо́лов'і́ком, з одні́м, по́тому в'і́йшла за дру́гого вза́муш. Та́ д'і́т'ей ни б'ы́ло, зза́ д'і́т'ей рози́йшли́ с'а, а то́т і́ тепе́р жал'і́е за н'і́в, чо́го ву́н изза́ д'і́т'ей, ка́же, мо́гли вз'а́ти д'і́тіну з д'і́ддо́ма та в'ы́кохати. Та́ Іра́ уже́ ра́да б'ы́ла с'і́м д'і́т'ом, М'і́шовым, она́ йі́х та́к ду́же л'убі́ла...

«Может, скоро будем дома». Ну так перевели их.. перешли из.. Белоруссии, в Белоруссии был. Перешли в Кёсег, оттуда мне последние два письма прислал. Мой. На немецкой границе, было там шестнадцать километров до Германии. Прислал мне два письма, а потом ничего. И я писала.. [...] ответили «погиб без вести».

Кто знает, я всё надеялась, что он где-то живой. Сколько сватались ко мне, а я говорила, что нет. И меня голова из Угли, хлопец, сватал. «А, – говорю, – Степа, женись на девушке. Я, если мой муж вернется, я не хочу, чтобы мои дети сиротами были при живом отце. Я, – говорю, – вернусь к своему мужу жить. Знай, если бы вернулся с фронта». И я не хотела никого. А, ну и пусть [букв.: ну и беда (с ним)]. Зачем мне муж. Я ко все-му была способна, сделать себе всё сама, всё. Так я научилась, что и теперь мне.. не было трудно, и Ирина покойная от меня научилась.. жить на свете, и бедовать, и где-то и хорошее было, и бедовала. Бедовали мы по-всякому. Ирина разошлась с мужем, с одним, потом вышла за другого замуж. А детей не было, из-за детей разошлись, а тот и теперь жалеет о ней, чего он из-за детей, говорит, могли взять ребенка из детдома и вырастить. И Ира уже рада была этим детям, Мишиным, она их так сильно любила...

¹⁵ Город Кёсег на западной границе Венгрии, в медье Ваш.

[...] П'і'с'л'а войн'ы м'ы ни ч'у'ствова-ли так голодо'вки, йак теп'ер. Да'же і при ма'д'арах бы'ло.. б'і'л'ше про'дукту, при войн'і, мы зов'і'м ни.. б'і'дова'ли. За про'дуктами. Уже мо'го чолов'і'ка вз'я'ли на фр'онт, со'рок.. дру'гого го'да, але йа' получа'ла, гр'ошій нам не платі' (ли) лиш йак'і'с' та'м пен'гы. С'і'м ци ку'л'ко-м дустава'ла на м'і'с'ац'. Айбо дустава'ли с'ме про'дукты, муку, да'же і марга'рин дава'ли нам. Ус'о' так'е жо'нам, котри'х л'уд'ей забрали, та забра'ли мо'го. йак уз'я'ли. Іра пок'і'йна впала та но'гу вло'мила, у чоты'ри ча'сы. А у ші'с'ц' с'е'с' с'а наро'див. Тай ту'й дуста'в пове'стку му'й іти на фр'онт. Ну до'хтор бы'в ма'д'ар-с'кый ду'же до'брый чолов'і'к. Та напи-са'в.. у п'я'ад' бо'л'низ' [зов] Сиг'ота. У Румы'ни'ю, в Сигет туд'ы. Де' бы покла'ли г'і'пс на но'гу Іри'н'і пок'і'йну'й. Та он' у п'я'а'ту'й бо'л'ни'ци найшли. Із-за.. то'т вра'ч.. до'пому'х. Покла'ли, до'к приш'ов іс Сиг'ота, му'й, з Іров, уже го.. та пов'і'стка ж.. иж'з'ала. И.. [дн'ом] ун приш'ов та'кой, тай ра'но му'с'і'в іти, г'ет. Пов'і'стка. Ун іс ха'ты вы'йшов, пуш'ов на ста'нц'і'ю, ту'й по'йіст става'в о'де'кы. Тай ту'й ша'ндар'ы. За нім, ве'сти го на фр'онд, бо ву'н.. уже вы'тты да'ли, шчо ву'н ни йаві'в с'а.. ф ср'ок. Та ка'жу – ід'і'т. Ву'н пуш'ов, при-ш'ов с'но'чи, ка'жу, у но'чі с.. Сиг'ота. Та по.. пуш'ов уже, ка'жу. Но', пуш'ов, пу-ш'ов, ка'жу. И пуш'ов и на дн'ешный д'ен'. Н'і'ко'ли ни верну'в с'а.

[...] После войны мы не чувствовали так голодовки, как теперь. Даже и при ма-дьярах было.. больше продуктов, во вре-мя войны, мы совсем не.. бедовали. В от-ношении продуктов. Уже моего мужа взяли на фронт, в сорок.. втором году, но я получала, денег нам не платили, кроме каких-то там пенгё. Семь или сколько я получала в месяц. Но мы получали про-дукты, муку, даже и маргарин давали нам. Всё такое женщинам, чьих мужей забрали, и забрали моего, как взяли. Ира покойная упала и сломала ногу, в четыре часа. А в шесть этот [сын А. М.] родился. И тут получил повестку мой идти на фронт. Ну доктор был мадьярский очень хороший человек. И написал.. в пять больниц в Сигете. В Румынию, в Сигет туда. Где бы положили гипс на ногу Ири-не покойной. Так аж в пятой больнице нашли. Из-за.. тот врач.. помог. Положили, когда пришел из Сигота, мой, с Ирой, уже его.. эта повестка.. ждала. И.. днем он пришел так, и утром должен был уез-жать. Повестка. Он вышел из хаты, по-шел на станцию, тут поезд останавливал-ся вот здесь. И тут жандармы. За ним, отправлять его на фронт, потому что он.. уже оттуда сообщили, что он не явился.. в срок. И говорю: «Идите. Он пошел, при-шел вчера вечером, – говорю, – ночью из.. Сигота. И пошел уже, говорю. Ну, по-шел, пошел», – говорю. И пошел и до се-годняшнего дня. Никогда не вернулся.

О румынах, чехах, русских

[...] БЫли, і румыны бЫли. Та перед венгру шче перших, бЫли и румыны. Коли до.. допали с'а, ткос' шчос' провинив с'а, тай тепер' ишче говор'ат, шчо «дати.. по задници двац'ц'ат' п'йат' румын'с'ких». Ко.. тко шчос' провинит с'а шче, давнo звернулі чолов'іка, та двац'ц'ат' п'йат' румын'с'ких по задници йак улупіли, та сірота, бурше ни с'ідав на тту задниц'у, таг били. Та казали тому.. Васил'ови, румынови, шандарови мад'арс'кому: «Ци знайте і вы, – кажу, – румын'с'ких давати?» Бо тод знав і по-рус'кы мало говорити. Та кажу: «Знайте і вы давати румын'с'ких двац'ц'ат' п'йат'?» Вун с'м'ийав с'а: «Ни забыли сте шче?» Йа: «Ні, – кажу, – бо чуйу, йак л'уде говор'ат, котр'і дустали..» бЫли, па́ру л'удей. Но [...] румыны туй бЫли дес'.. гуд, ват' йак. І зайшли мад'ари. Пак мад'ары выц'с'і.. выгнали чехы. Та чехы туй бЫли годы. Триц'ц'ат' вoс'мого гoда выц'с'і чехы пушли. Дев'ятого факт'ическы так. Лиш уже.. они.. йак ув'ід'или, шчо йім выдступати, лишати, та вже так помалы с'а.. забрали чехы выц'с'і. Рус'к'і.. Но, поc'л'і войны тто бЫло. Но ни бЫло такой, ни бЫло такой голодовкы, йак тепер'. То такогo.. дорожничка ни бЫло поc'л'і войны.

[...] Были, и румыны были. Перед венграми еще первыми, были и румыны. Когда.. попались [на чем-то], кто-то в чем-то провинился, то и теперь еще говорят, что «дать.. по заднице двадцать пять румынских». Кто в чем-то провинится еще, раньше повалят человека и двадцать пять румынских по заднице как влупят, и, бедный, больше не садился на эту задницу, так били. И говорили этому.. Василю, румыну, жандарму мадьярскому: «А вы тоже умеете, – я говорю, – *румынских* давать?» Он ведь умел и по-русски немного говорить. И я говорю: «Умеете и вы давать *румынских* двадцать пять?» Он смеялся: «Не забыли вы еще?» Я: «Нет, – говорю, – я ведь слышу, как люди говорят, которые получили..», несколько человек. Но [...] румыны тут были где-то год, или как. И *зашли* мадьяры. Потом мадьяр отсюда выгнали чехи. И чехи тут были несколько лет. В тридцать восьмом году отсюда чехи ушли. [В тридцать] девятом фактически так. Только уже они как увидели, что им отступать, оставлять, то уже так постепенно уходили чехи отсюда. Русские.. Ну, после войны это было. Но не было такого, не было такого голода, как теперь. И такой.. дороговизны не было после войны.

Об истории села

Старé селó, давн'е. Зас'или туйкы пёрвий рас україин'ц'і, рус'к'і, а потóму н'імц'і за.. вéли с'уды. То тák мы жили дру́жно с німи. Ни было в нас н'і́якого.. ссо́ру, зва́ды н'і́якойі, вс'о́ по-до́брому мы жили с німи. И тепе́р приход'ат в го́с'ц'і тай.. тák шчо. Вс'о́ бо́дры [sic] бы́ли. Ну́, та шчо́ шче ва́м каза́ти. [...] Ма́р'і́а Терез'і́а за-вэ́ла. О-ой.. то́ вже іа́ ни впов'ім вам, ск'і́л'к'і.. ку́л'ко го́ду то́му, вы́ хóчете по м'і́снуй мо́в'і абы́ говорі́ти с ва́ми. То́ ни ска́жу, ку́л'ко, у іа́ко́му го́ду заvéли. Дэ́с'.. То́ шче бы́ло.. Бог зна́йе коли́, шче б мо́йі д'і́ды хыба́ тто́ зна́ли. Шчо́ коли́ вні́ зайшли́. [...] Сп'і́т К'і́.. спут К'і́йева. Но вні́ туйкы іак.. ем'і́гранты. Посели́ли с'а туй, туй лиш одén сву́р [sic] быв, ни бы́ло домо́в [sic]. Н'і́я́ких хаті́й ни бы́ло, одén зву́р, там оні́.. соб'і́ розробл'а́ли зе́мл'у, і.. посели́ли с'а туйка. В сел'і́. А мо́[го]го д'і́да.. дру́га фамéл'і́а бы́ла та́мкы. А туйка но́ іак ем'і́гранты, зна́йте. Пере.. чині́ли сво́йі фамéл'і́йі.

О семье

[...] ма́ма м'і́сна, і та́то м'і́сний. Фс'і́ м'і́с'н'і на́ші туйка. Ма́ма помéлла, іа́ лиш с'ім го́ду ма́ла. Но [мамы] с'а за-ли́шила. [...] уме́р в піз'д'і́с'ат дру́гому. [...] На́з бы́ло во́с'меро д'і́тэй, вс'і́ поу-ме́ра́ли. Іа́ ліши́ла с'а, іа́ са́ма мо́лoтша

Старое село, давнее. Сели здесь первый раз украинцы, русские, а потом немцы.. завели [их] сюда. Мы так дру́жно с ними жили. Не было у нас никакого.. ссоры, свары никакой, всё по-доброму мы жили с ними. И теперь приезжают в гости, и.. Всегда были в хороших отношениях. Ну, что мне еще вам сказать... [...] Мария Терезия завела [т. е. заселила село]. О-ой.. это я уже вам не скажу, сколько лет назад (вы хотите на местном языке чтобы говорили с вами). Этого не скажу, сколько, в каком году завели [т. е. заселили]. Где-то.. Это еще было.. Бог знает когда, еще бы мои деды, может, знали это. Что когда они пришли. [...] Из-под Киева. Но они тут как.. эмигранты. Поселились здесь, здесь только лишь ручей был, не было домов. Никаких хат не было, один ручей, там они.. себе обрабатывали землю, и.. поселились здесь. В селе. А у моего деда.. другая фамилия была там. А здесь ну как эмигранты, знаете. Переделали свои фамилии.

[...] Мама местная, и отец местный. Все местные наши здесь. Мама умерла, когда мне было всего семь лет. Ну [когда я мамы] лишилась. [Отец] умер в шестьдесят втором. [...] Нас было восьмеро детей, все поумирали. Я осталась, я самая млад-

была. Всі молоді повмерали. Одén брат умер.. двац'ц'ат' шіс'ц' ро.. го́ду ма́в. Лежа́в на стол'і ме́ртвий, коли́ му.. [...] свáл'ба ма́ла б'гити. Женіти с'а хог'ів. Ду́ста́в на́гле запал'ін'н'а́ лёхких. Тод'і ни́ бы́ло л'іка́рства тако́го, йак тепе́р'. Та́к в'у́н поме́р. Сестра́ залишила два́нац'ц'атеро д'іте́й, уме́лла в три́ц'ц'ат' во́с'ім. Го́ду. А бра́т.. по т'у́рмах туды́ вдён бы́в. Давно́ вы.. забра́ли д'іте́й, котр'і ма́ло шчоз' гра́мотн'і бы́ли, ты́г забра́ли. У т'у́рму, то низ'в'існо, і шшкoleй забра́ли. А дру́гый бра́т.. л'ісо-ру́б бы́в, то́же умер ско́ро. Йой. То ма́ло визна́йте шчо́с' ц'іка́вого, бо йа́ така́ заб'гита, у мене́ о́деки до́чка поме́рла. Шче́ нийе́ два м'іс'ац'і, йак йа́ похорони́ла до́чку. А мин'і та́к т'а́шко, йа́.. па́мн'ат' ус'у́ тер'а́йу. Ни п[у]мн'атáйу ніч.

Curriculum vitae

[...] прац'ова́ла снача́ла йак ру́с'к'і зайшли́, там пра[це]ва́ла сан'іта́рков. На ме́тпунт'і. А пото́му-м на л'існичеств'і прац'ова́ла, а з л'існичества́ перейшла́-м на пошта́л'йо́на. На пошта́рку. Прац'ова́ла-м п'йетна́ц'ц'ит' го́ду. Та пушла́-м на пензе́йу, та́г до сіх.. се́го ча́су йа́ на пензе́йі. [...] Робила́-м убо́ршчиц'ов. Убо́ршчиц'ов у л'існичеств'і, но́, тогды́ ни мо́ж бы́ло найті́ робо́ту, та с'ме.. пха́ла-м с'а хог' на йаку́ робо́ту. Давно́ ни бы́ли образо́ван'і та́к л'у́де, йак тепе́рки, шчо́ в'у́с'ім клáсу ко́нчила-м, та

шая́ была. Все молоды́ми поу́мирили. Один брат умер.. два́дцать ше́сть лет ему́ было. Лежал на столе́ ме́ртвий, ког-да у него́ [...] должна́ была́ бы́ть сва́дьба. Женіться хотел. Заболел скоротечным воспа́лением лёгких. Тогда́ не было тако́го лека́рства, как сей́час. Так он умер. Сестра́ оставила́ двена́дцать дете́й, умерла́ в три́дцать во́семь. Лет. А брат.. по т'ю́рьмам там один был. Давно́ заби́рали дете́й, которые́ так немно́го гра́мотные бы́ли, тех заби́рали. В т'ю́рьму, [...], и из шко́л заби́рали. А друго́й брат.. лесору́б был, то́же умер бы́стро. Ох. Тут ма́ло узна́ете чего́ интересно́го, потому́ что я така́я без па́мяти, у меня́ тут до́чка умерла. Е́ще двух ме́сяцев нет, как я похорони́ла до́чку. А мне́ так тяжело́, я.. всю па́мять теря́ю. Не помню́ ничего́.

[...] работала́ сна́чала, ког-да ру́сские при́шли, там работала́ санитар-кой. В ме́дпункте. А потом я́ в лесни-честве работала́, а из лесничества́ пе-решла́ в почта́льоны. Почта́ркой. Рабо-тала́ пятна́дцать лет. И пошла́ на пен-сию, так до сіх.. до се́го време́ни я на пенсии. [...] Я работала́ убо́рщицей. Убо́рщицей в лесничестве, ну, тогда́ нельзя́ было́ найті́ работу, и мы.. я ты-калась хо́ть на ка́кую работу. Раньше́ так люди́ не бы́ли такие образо́ванные, как сей́час, что во́семь классов я ко́н-

ход' дэ, лиж дэз' бы была-м робила. Чолов'ика забрали мад'ари на фронт, там погып, встала-м с'а зов'им бес.. н'іколі коп'ійкы ми ни дали за него, шчо погып на фронт'і. Встала-м с'а с тройимá д'іт'мі. Стáрший хлопчик в дэв'яд' году помер, но тепер дон'ка померла, шче вден сын у мене йе. Та в него п'атеро д'ітэй.

О детстве

[...] Мама домохозяйка была. Жили добре, докы бат'ка ни вз'али на войну. Перва с'в'ітова война. Бат'ко быв с'ім.. шіс'ц' году. Йа шче.. Лішив н'а в чéрев'і, у живот'і, й не знав, шчо.. А пришов, уже сёмый р'ік ми было. А пришов, вернув с'а из войны, в Російі, в Тóмску быв. Австр'ійаком быв, но у австр'ійской армийі. [*Реплика со стороны, мужской голос: Мы были пуд австр'ійцами.*] Пуд австр'ійцами тогды. А пришов дому... Но йаг давнó, п'ішкóм ішли с Т'ачева. П'ішкóм. Та кáжут нам л'уде – ід'іт.. е, прив'іс.. бат'ко мав сестру в Тернов'і, [вйтты] вна вйшла замуж за терну́с'кого хлопца. Ну ўн йак пришов.. іс войны, та там до нейі повернув оддыхнути. Шов п'ішкóм. А д'ад'а мав кон'і, но та наклали му продукту вйтты, бо знали, шчо в нас.. б'ідá, голодóвка была, нáз было семеро д'ітэй. Голодóвка, мы б'ідовали.

чила и хоть где, лишь бы работать. Мужа забрали мадьяры на фронт, там погиб, осталась я совсем без.. никогда ни копейки мне не дали за него, что погиб на фронте. Осталась я с тремя детьми. Старший мальчик в девять лет помер, ну теперь дочка померла, еще оин сын у меня есть. И у него пятеро детей.

[...] Мама была домохозяйкой. Жили хорошо, пока папу не взяли на войну. Первая мировая война. Папа был семь.. шесть лет. Я еще.. Оставил меня в животе, и не знал, что.. А пришел, уже седьмой год мне было. А пришел, вернулся с войны, в России, в Томске был. Он австрияком был, ну в австрийской армии. [*Реплика со стороны, мужской голос: Мы были под австрийцами.*] Под австрийцами тогда. А пришел домой.. Ну как раньше, пешком шли из Тячева. Пешком. И говорят нам люди – идите, привез.. у папы была сестра в Тернове, оттуда, она вышла замуж за терновского парня. Ну он когда пришел.. с войны, то туда к ней зашел отдохнуть. Шел пешком. А у дяди были кони, ну и ему наклали оттуда продуктов, потому что знали, что у нас.. беда, голодовка была, нас было семеро детей. Голодовка, мы бедовали. Ну и тетка

Нó а т'ітка вже знáла, шчо.. йáк мы жыйеме, наклáли пóвн'і бисáгы. Їдý. Та прин'іс.. Д'áд'а нам ттó прин'іс, а бáт'ко встáв с'а, селóм п'ішкóм ішóв. Нó там родн'á, кумы, вс'ó. Приб'ігла йá.. Нáс ус'іх сéмеро, н'é, сéмый ужé умér був, шéстеро нáс. Приб'ігла встр'ічáти бáт'ка. Кáже – «Нó, кúме, – вдén чолов'ік. – Нó тепér кúме...» А мнóго д'ітéй, іс вс'іх сус'іт собрáли с'а з нáми стр'ічáти бáт'ка. – «Нó тепér, – кáже, – кúме, упóзнай свóйиг д'ітéй». – Та менé ни в'ід'ів, бо шчé в живот'і н'а лішив. Подівив с'а по вс'іх, – «Нó іссé мóйа», – кáже. <Признал?> Признáв, узнáв по.. по óбразу, шчо ссé, кáже, мóйа д'ігíна. Хот' н'а ни в'ід'ів ишче дóты. Бо вún пушóв на вóйну.. веснóй, а йа ув óсени рóжена. [...] Д'іти.. ужé хлóпц'і бýли, йá сáма мéн'ша бýла. Наймолóтша. Ї мáма знóв заберéмен'н'іла, йак пришóв, мáма рóдила, а дóхтур' йакýз' був п'йан'ýга та пор'ізав у н'ўй і д'ітíну, дустáла [брóнт], через дв'і нед'іл'і умérла мáма. Пóс'л'е рóдув. А пак отéц' оженів с'а, мý жили з мáчохов, б'ідóвали. Мáчоха.. <А что было с мачехой?> Нó, тай мáмина бýла р'ідна сестрá. А онá мáла свóго *уднóго сýна, та внá вс'ó свóму сýну пхáла, а нáм дáже.. істи ни давáла. Шчó наваріт, напечé, та свóму сýнови несé. А йá бýла мáй малá, и внá т'ітка нам бýла, вс'ó.. внá дýже хот'іла, абы мý йі мáмов клікали. Та фс'і тты стáрші та ни каза-

уже знала, что.. как мы живем, наклали полные *бесаги* [переметные сумки]. Еды. И принёс.. Дядя нам это принёс, а батько остался, селом шёл пешком. Ну там родня, кумы, всё. Прибежала я.. Нас всех семеро, нет, седьмой уже умер к тому времени, шестеро нас. Прибежала встречать папу. Говорит – «Ну, кум, – один человек. – Ну теперь, кум...» А много детей, от всех соседей собрались с нами встречать папу. «Ну теперь, – говорит, – кум, узнай своих детей». А он меня не видел, потому что еще в животе меня оставил. Посмотрел на всех – «Ну вот это моя», – говорит. <Признал?> Признал, узнал по.. по образу, что это, говорит, мой ребенок. Хотя меня не видел еще до тех пор. Он ведь пошел на войну.. весной, а я осенью родилась. [...] Дети, уже парни были, я самая маленькая была. Самая младшая. И мама опять забеременела, когда он пришел, мама родила, а доктор какой-то был пьянчуга и порезал в ней ребенка, она заболела [...], через две недели умерла мама. После родов. А потом отец женился, мы жили с мачехой, бедовали. Мачеха.. <А что было с мачехой?> Ну, она была мамина родная сестра. А у нее был свой один сын, и она всё своему сыну пихала, а нам даже.. есть не давала. Что наварит, напечет, своему сыну несет. А я была самая маленькая, и она нам была тетка, всё.. она очень хотела, чтобы мы ее мамой называли. А все эти старшие

ли йі н'е «т'ітко», н'е «мамо», лиш «вбі». Но, а йа клікала йі т'ітков. Но, – Онá тэта, йа вам вуйко, ни тато. – Н'е, вбі, – кажу, – наш н'ан'о, а она тэта. – Йа так.. выдрубовала [фс'е]. А была май молодá. Та.. Но бывáло вйзве, скляде нас ус'іх, старшого, тай дру́гого, трэ́того, шэ́стого – та б'йе нас. Шчо чо́го йейі «мамо» ни клічеме. – Н'і, – кажу. – Мб́йа ма́ма те́мна у могіл'і ле́жит, на цы́нтар'і, – кажу. – Йа йуй ни впов'ім «мамо» н'ігда. – І так.. йа ни могла́, дру́г'і ни ка́зали н'ітко йуй, кро́м'і уже́ йак с'а хло́пц'і поже́нили, тогды́ нев'істкы́ ка́зали йуй «мамо». А мы́ н'ітко́ из.. д'ітэй. Та мы́ вже вс'і розум'іли, шчо тто́ ни ма́ма. Шчо мы́ на н'у́ навы́кли, шчо вна тэта. А зла́ была, зла́. Таѓ бывáло проклина́ла нас.. Бо́же борони́. Та йак умерла – сэз' до́м ус'ы́й був наш. Та вна́ ма́ла сво́йі вну́кы, та.. а, йак ру́с'к'і зайшли́, тогды́ мо́ж бы́ло спершу́ учині́ти и тко́ шчо́ хот'ів. Оні́ вс'ы́й до́м хот'іли сэз' забра́ти. [...] А пото́му туйкы́ мин'і да́в сес'у́ полови́ну му́й бра́д, бо д'ітэй ни бы́ло у них, а "у́н по́йав був при Лен'інови у т'урму́ бра́г тогды́, котр'і л'у́де бы́ли ма́ло шчоз' гра́мотн'і, та бы.. у нас выво́зили в т'урму́. Та бра́т сид'ів у т'урм'і годы́. Пак пришо́в іс т'урмы́, шче дэ́в'яд' го́ду прожів по́сл'і т'урмы́. Забол'ів, пришо́в уже́ хво́рый такы́й, лиж до́ма с'а.. коха́в та прожів ма́ло. [...] Но́, а йа ни мо́жу в сво́йуй ха́т'і жы́ти. С'у́ мин'і

не говорили ей ни «тетка», ни «мама», а только «вы». Ну а я называла ее теткой. Ну, – «[Если] она тетка, я вам дядя, не папа». – «Нет, вы, – говорю, – наш папа, а она тетя». Я так.. отрубала всё время. А была самая младшая. И.. Ну бывало вызовет, сложит нас всех, старшего, и второго, третьего, шестого – и бьет нас. Что почему мы ее «мама» не зовем. «Нет, – говорю. – Моя мама темная в могиле лежит, на кладбище, – говорю. – Я ей не скажу “мамо” никогда». И так.. я не могла, другие не говорили никто ей, кроме уже когда парни поженались, тогда невестки говорили ей «мама». А мы никто из детей. Мы уже все понимали, что это не мама. Что мы к ней привыкли, что она тетя. А злая была, злая. Так бывало проклинала нас.. Боже сохрани. А когда умерла – этот дом весь был наш. А у нее были свои внуки, и.. а, когда русские пришли, тогда можно было сначала сделать и кто что хотел. Они весь дом хотели этот забрать. [...] А потом тут мне дал эту половину мой брат, потому что детей не было у них, а он попал при Ленине в тюрьму, брат, тогда, которые люди были немногие грамотные, то у нас вывозили в тюрьму. И брат сидел в тюрьме годы. Потом пришел из тюрьмы, еще девять лет прожил после тюрьмы. Заболел, пришел уже больной такой, но дома за ним ухаживали, и прожил [еще] немного. [...] Ну а я не могу в своей хате жить.

бра́д да́в, бо ўн д'ітэй ні ма́в, і все́ гово-
рив, сёс', пок'ійный, шчо в т'урм'і бы́в,
шчо вўн лиш коло ме́не хо́че померáти,
но́ пак та́к і бы́ло. Возы́ла-м го по
бо́л'ниц'ах, ус'ўгды. У Т'áчев'і у бо́л'-
ниці уме́р, привезла-м до до́му, похоро-
ны́ла го.

Ещё о мачехе

Та ка́жу, вс'ый в'ік-им б'ідова́ла,
вс'ый свўй в'ік. Ма́ма умелла, с'ім го-
ду-м не ма́ла шче́. Н'áн'о вжені́в с'а,
б'ідова́ли с'ме з ма́чихов. Застáвл'ат
– клі́чте йі ма́мов, – ма́ма мо́я на
ц'ы́нтар'і. Но йá вже т'áмила, то та́к
май вели́чка-м бы́ла, йак Ва́с'а [внук
А. М.]. Та йду́ на цы́нтар', та́к хрестом
с'іпа́ю, – ма́мко, ка́жт ми шчо́с', ма́м-
ко, ого́лос'іт ми с'а. А му́й кр'осный
ішо́в гна́в коро́вы туды́, та в'ід'ів, та
вѣтты н'а вѣз'ме на ру́кы та принесе́
дому́. Ка́же – ку́ме! [в]áша д'іты́на та́м
пострада́йе де́с', вы чо́го ни дѣвите с'а
за д'іты́нов? – Тко́ за мно́в диві́в с'а,
ма́чос'і мы́ потр'і́бн'і бы́ли? А пото́му
бы́ло та́к шчо істи на́м ни дава́ла, [...]
йáг д'іти хо́т'ат йі.. мно́го ра́с йісти, не
лиш трира́с у де́н'. А вна́ зварі́т ма́ло
ра́но, а пото́му ка́же.. но́, спече́, напече́
колачу́, нагото́вид до́брого та сы́ну соб'і
несе́. А йá варгў́ю, де́ уна спр'áче тто́,
колі напече́ колачу́. Та спр'áче, бывáло,
в бербені́ц'у, в бо́чку, у му́ку спр'áче.
Абы́.. абѣм.. абѣс'ме мы ни в'ід'іли,

Эту мне брат дал, потому что у него де-
тей не было, и он всё говорил, этот, по-
койный, который в тюрьме был, что он
только при мне хочет умирать, ну так и
случилось. Возила я его по больницам,
всюду. В Тячеве в больнице умер, при-
везла я его домой, похоронила его.

И говорю, всю жизнь я бедовала,
всю свою жизнь. Мама умерла, мне еще
семи лет не было. Папа женился, мы бе-
довали с мачехой. Заставляет – зовите ее
мамой. «Мама моя на кладбище». Ну я
уже понимала, я так чуть больше была,
чем Вася [внук А. М.] И иду на кладби-
ще, так накрест сыплю, – «Мамочка,
скажите мне что-нибудь, мамочка, от-
кликнитесь мне». А мой крестный шел,
гнал коровы туда, и видел, и оттуда меня
возьмет на руки и принесет домой. Го-
ворит: «Кум! ваш ребенок там пострада-
ет где-нибудь, вы чего не смотрите за
ребенком?» Кто за мной смотрел, мачехе
мы нужны [разве] были? А потом было
так, что есть нам не давала, [...] как дети
хотят много раз есть, не только три раза
в день. А она сварит немножко утром, а
потом говорит.. ну, испечет, напечет пи-
рожков, наготовит хорошего и сыну сво-
ему несет. А я слежу, где она спрячет
это, когда напечет пирожков. И спрячет,
бывало, в кадушку, в бочку, в муку спря-
чет. Чтобы.. чтобы я.. чтобы мы не виде-

абіс'ме ни поїли, абы с'їну соб'ї по-
нєсла. А йа так хожу д'окы ни в'їнайду
тт'о. Тот'ї друг'ї стар'їши ни так ход'їли,
бо бой'али с'а м'їй. А йа в'їхожу, йак
в'їнайду [...] та зак'їччу вс'їх – «П'от'те
й'їсти». Та пак л'їшиме дв'а-тр'ї колач'ї
с'їнови йейі. А їнч'ї, друг'ї поїмє. Вн'а
п'аде у к'ол'їнкы, та так нам л'їе, про-
клина'їе н'ас, б'ыв'ало. О'споди, ї ни м'ожу
с'а нагад'ати, йак проклина'ла. «[о]б'їсте
щ'ас'ц'а н'їгд не м'али, тогд'ї б'їсте
с'а, – к'аже, – приб'рали¹⁶, кол'ї.. к'ам'їн'
у м'ори трав'ов поростє, ваг' на дол'они
трав'а в'їросте», – н'їгда-м ни ч'їла, то
н'їгда ни м'ожу й'їй заб'їти. Тот'ї лай-
к'ї. Та.. к'аже отєц' – «Ан'о, ч'ог'о й'ї м'а-
мов ни кл'їчете?» – «М'ама н'аша т'ам».
– «А ч'ог'о й'ї ни л'їб'їте?» – «Он'а н'ас
ни л'їб'їт, – к'ажу. – Он'а вс'о спечє, на-
вар'їт, та Й'овж'їюви, Й'осифови, понє-
се. А н'ам ни даїє й'їсти». Тогд'ї тт'о до
б'ат'ка дуйшл'о, щ'о.. он'а н'ам й'їсти не
даїє. Ну їн в'їступив на н'ї, – «Т'ї, –
к'аже, – д'їти м'ойї б'їли за ш'їз'з' г'оду
гол'одн'ї, д'ок йа на фр'он'т'ї б'їв, а те-
п'єр навар'ї, щ'о навар'їш, р'ано навар'ї,
абы к'їл'ко хот'їли, т'їл'ко соб'ї б'рали
та й'їли». Н'о в'же пот'ому вн'а м'їс'їла
тт'о роб'їти, навар'їти, щ'о в'же навар'їт,
хот' й'ак'ойї бурд'ї, а с'їну соб'ї д'обро-
го! Т'а в'же пак пр'їїде б'ат'ко з роб'оты,
тогд'ї в суб'оту, всє на ц'їл'їй т'їж'жен'
їш'ов на роб'оту. А вн'а – «Ни сл'їхайут
н'а д'їти, та с'ак'ї д'їти, та так'ї д'їти,

ли, чтобы мы не съели, чтобы сыну сво-
ему отнести. А я так хожу, пока не выи-
щу это. Эти другие, старшие, не так хо-
дили, потому что больше боялись. А я
выхожу, как выйщу [...], то позову всех
– «Идите есть». И так оставим два-три
пирожка сыну ее. А другие съедим. Она
упадет на колени, и так нас ругает, про-
клиняет, бывало. Господи, я и не могу
передать, как проклинала. «Чтобы вам
счастья никогда не было, тогда бы вы, –
говорит, – *прибрались*, когда.. камень в
море травой порастет, или на ладони
травы вырастет», – никогда я не слышала
такого, никогда не могу ее забыть. Эти
проклятия. И.. говорит отец: «А что вы
ее мамой не зовете?» – «Мама наша
там». – «А почему вы ее не любите?» –
«Она нас не любит, – говорю. – Она всє
напечет, наварит, и Йовжию, Иоифу, не-
сет. А нам не дает есть». Тогда это до
бадька дошло, что.. она нам есть не дает.
Ну он на нее напустился: «Ты, – говорит,
– дети мои шесть лет голодали, пока я на
фронте был, а теперь навари, что нава-
ришь, с утра навари, чтобы сколько хо-
тели, столько себе брали и ели». Ну уже
потом она вынуждена была это делать,
наварить, что уже наварит, какой угодно
бурды, а сыну своему хорошего! И уже
потом придет бадько с работы, тогда в
субботу, постоянно на целую неделю
уходил на работу. А она – «Не слушаю-
ся меня дети, да такие дети, да сякие

¹⁶ *Прибрати с'а* 'приодеться'; вероятно, здесь значение шире – 'зажить в достатке'.

та так'і». Та дэс' кой б'ыв.. тверэзый, та брав нас та б'ив, шчо мы ни сл'ухайеме йейі. А коли п'йанный, – «Заткай пысок! Выд мойих д'ітэй. Дай д'іт'ом покуй уже!» Такá б'іда б'ыла, г'осподи. Та коли-м с'а т'то нагадала, кул'ко н'а св'атали л'уде, ни б'ыло т'ого на с'в'іт'і, абы б'ыла йа вз'ала на св'ойі д'іти вутч'іма.

Несостоявшиеся женихи

[В юности за А. М. посватался один парень.] Но та пушли с'ме туды дивити с'а до него, обзерати. Боже – а т'то так ид гор'і, там куча мален'ка така, таг до.. в хату заходити.. А шчо «вун богач, бо в него земл'і богато». Горы так'і. Та собака така груба коло хыжи, та втак'і мухы по собац'і. Л'ізали, груб'і, л'ачн'і. Йа подивила с'а на мачоху та на.. баг'ка. «Йой, – кажу, – йа туй ни хочу быти. Н'і за шчо! Сс'у собаку убзериати выд мух», – ка.. Йа ни так казала, йа кажу – «Таку вушливу собаку убзериати – туй коло чо'го жити». А ун согласив с'а ити с'уды жити. А йего сестра дуже хот'іла, абы вун с'уды ишов.. абим йа туды йшла жити, абы мойа земл'а, уже шчо мин'і баг'ко мав дати час'ц', – абы йуй тот'о с'а устало. Не вы.. зробиш ты так'е д'іло, бо ни хочу йа. А пот'ому оженив с'а вун там, та приш'ов уже женатый с'уды, та такым, с'ирота, б'ідолахом приш'ов, шчо.. Кажу: «П'ет'а, П'ет'а, д'е твое.. лег'ін'ство, та ты такый быв

дети, да сакие». И иногда когда был.. трезвый, то брал нас и бил, за то что мы ее не слушаемся. А когда пьяный – «Заткнись! На моих детей. Оставь детей в покое уже!» Такая беда была, господи. И когда я это вспомнила, то сколько меня сватали люди, не было того на свете, чтобы я взяла на своих детей отчима.

[В юности за А. М. посватался один парень.] Ну и пошли мы туда смотреть к нему, осматривать. Боже – а это так наверху, там халупа маленькая такая, так.. в хату заходить. А «он богач, потому что у него много земли». Горы такие. И собака такая большая около хаты, и вот такие мухи по собаке. Ползали, большие, страшные. Я посмотрела на мачеху и на отца. «Ой, – говорю, – я здесь не хочу быть. Ни за что! Эту собаку доглядывать от мух», – говорю.. Я не так сказала, я говорю: «Такую шшивую собаку доглядывать – здесь с чем жить». А он согласился перейти сюда жить. А его сестра очень хотела, чтобы он сюда перешел.. чтобы я туда перешла жить, чтобы моя земля, уже которую мне отец должен был дать в приданое, – чтобы ей это осталось. Не сделаешь ты такое дело, потому что не хочу я. А потом женился он там, и приехал уже женатый сюда, и таким, бедняга, бедолагой пришел, что.. Говорю: «Петя, Петя, где твое.. молоде-

герой! А тепэр ты так с'а... – а йá вже была то́же в'удова́, í в йего́ жінка померла. – Ой, йакый ты, – ка́жу, – б'идола́х, чо́го-с' с'а та́к опу́стив?» – «Та йá ни мо́жу май íнаг б'ыти, но́». – «[Йди] в Бо́жий ча́с, – кажу. – Ни хо́чу йá, ни выдда́йу с'а в дру́гый ра́с».

И мене́ свáтав одéн.. в'ётвра́ч. Та зза д'итéй-ím го вы́гнала с ха́ты. Пушла́ йа, то́ у на́с йак на Ми́тр'а, ву́ц'í [йше́] на зи́му забира́йут выд вуча́р'у до до́му. У мене́ было́ ву́с'ím ове́ц', та йá пушла́ ву́с'ím ву́ц'í выбра́ти, йá го ли́шила-м до́ма. Коро́ва в н'а бы́ла, ма́сло, хл'íp. Тогды́ пёрвый ра́с йави́в с'а по́с'л'í войны́ тто бы́ло, со́рок се́мый р'ík. Та мин'í.. да́в, [...] то лиш кускáми та́г д'íлили хл'íба. Одéн продаве́ц' мене́ д'уже жал'ív. Та да́в мин'í ц'íлу́ бухáнку, кра́т'кы у м'íх, зави́в, – «На́те, – ка́же, Миха́йл'вна, нес'ít соб'í до до́му, ссе́ д'ít'ом». Зна́в, шчо́ йá н'í вы́ткы ни́ч ни ма́йу. Та йá [...]не́сла то́т хл'íp, ко́фе нараби́ла, з молоко́м, ма́сло покля́ла, (г)во́р'у: «Ту́й йе́ íда, д'íти вста́нут, та да́й íм íсти», мал'í бы́ли, Íра пок'íйна í М'íша. А йá прійду́ дому́ – а то́ вже дeс' п'íс'л'а об'íда йá до до́му пришлá, – а д'íти реву́т. – «Шчо́ вы реве...?» – «Д'а́д'а йiв, на́м íсти ни да́в». – «Йóй, б'íда бы т'а поби́ла, та ты мо́го кускá хл'íба мо́йим д'ít'ом ни да́в?» Уз'áла-м за шiворот та вóн. Íс ха́ты. «Íдi, йа т'а ни хо́чу зна́ти». Í так йа з ним розийшлá с'а навхте́ма. [...] Факт'íчес'ко ше́ лиш

чество, ты ведь такой был герой! А теперь ты так – а я уже тоже была вдова, и у него жена умерла. «Ой, какой ты, – говорю, – бедолага, чего ты так опустился?» – «Да я не могу иначе, ну». – «Бог с тобой, – говорю. – Не хочу я, не иду за муж во второй раз».

И меня сватал один.. ветврач. А из-за детей я его выгнала из дома. Пошла я, это у нас как на Дмитриев день, овец на зиму забирают от овчаров домой. У меня было восемь овец, и я пошла забирать восемь овец, я его оставила дома. Корова у меня была, масло, хлеб. Тогда первый раз явился, после войны это было, сорок седьмой год. И мне.. дал, [...] а это только кусками так делили хлеб. Один продавец меня очень жалел. И дал мне целую буханку, украдкой в мешок, завернул, – «Нате, – говорит, – Михайловна, несите себе домой, это детям». Знал, что у меня ниоткуда ничего нет. И я (при)несла этот хлеб, кофе сделала, с молоком, масло положила, говорю: «Здесь еда, дети встанут, дай им поесть», маленькие были, Ира покойная и Миша. А я прихожу домой – а это уже где-то после обеда я домой пришла, – а дети плачут. «Что вы плачете?» – «Дядя ел, нам поесть не дал». – «Ой, беда бы тебя побила, да ты моего куска хлеба моим детям не дал?» Взяла за шиворот и вон. Из дома. «Иди, я тебя не хочу знать». И так я с ним разошлась навсегда. Фактически он меня еще сва-

так ун сватав н'а. Йа прогнала, «Іді, – кажу, – на б'іды, йа своіі д'іти бим угро- бл'ала зза йакогос'.. в'єтвраща. Чорт ми до тебе», – кажу. А вун ишчє й тепєр, уженів с'а дєс' у.. на Мукачевщин'і. Та приходит, та шчє й тепєркы, дез' два гóды тóму, йак б'ыв. Ці вже, спрашуйє, ци йа вже розумна, ци йа бим стала з ним жити. «Іді на б'іды, – кажу, – куды вже. Йа бим тепєр у вус'імдис'ат гóду выддавала с'а». Такый б'ыв.. фыйный б'ыв чолов'ік, лиш уже так с'а опустив на стар'і дны, прóсто ци залишит с'а л'удіна, шчó така.. н'йака, н'і к чóму. Нó, шчó шчє вам приказовати..

После смерти дочери

Йой, бóже. А тепєр.. [...] вус'імдис'ат одєн гут. Нó йа таг была утратила.. И тепєр йа вже розум'йу с'а, шчó йа.. ни говор'у так за шóром, йаг бы трєба говоріти. Шчó вже плутайу. Але шчє.. Каже ми туй одєн.. м'іл'іц'онєр пришóв. «Н'і», – каже.. Туй, на вулицы н'а в'ыц'ілив, мнóго л'удєй было на вулицы, вун пришóв. Поц'іл'овав н'а прóсто у рóт, у лицє, каже – «Анна Михайл'івна, йа так ваз жал'ю! Йак вы з Іринов дужє дóбре дв'і жыли», – вун чáсто приходів, но внá в пáспортному стол'і робила. Та приходіли до нєйі. «А йак вам т'áшко», – каже, тóму чолов'ікови слызы потеклі з очєй. Ё. Гóстила-м го кáвов. Каже – «Знайте шчó. За впо-

тал. Я прогнала, «Иди, – говорю, *на беды*, чтобы я своих детей *угробляла* из-за какого-то.. ветврача. *Черт мне до тебя*», – говорю. А он еще и теперь, женился где-то.. на Мукачевщине. И приходит, и еще и сейчас, где-то два года, как был. Не поумнела ли я, спрашивает, не стала ли бы я с ним жить. «*Иди на беды*, – говорю, – куда уже. Я бы теперь в восемьдесят лет выходила замуж». Такой был.. красивый был человек, но уже так опустился в старости, просто останется ли человек, что такой.. никакой, ни к чему. Ну, что еще вам рассказать..

Ой, боже. А тепєр.. [...] восемьдесят один год. Но я так потеряла.. И теперь я уже понимаю, что я.. не говорю так подряд, как надо бы было говорить. Что уже путаюсь. Но еще.. говорит мне тут один.. милиционер пришел. «Нет», – говорит. Тут, на улице меня *выцелил*, много людей было на улице, он пришел. Поцеловал меня прямо в рот, в щеку, говорит: «Анна Михайловна, я так вас жалею! Как вы с Ириной хорошо вдвоем жили», – он часто приходил, ну она работала в паспортном столе. И приходили к ней. «А как вам тяжело», – говорит, и у этого человека потекли слезы из глаз. Вот. Я предложила ему кофе. Говорит: «Знаете что. За упокой

кóй Їрины вы́п'йеме», – кáже. – «Йá ни мáйу, – кáжу, – Михáйло Йúрович, у мéне кáпкы нийé в хýжи вóткы». – «У мéне йé за ттó, за впокóй Їрины». Нó, мýс'ила-м з нím вы́пити. Стó грам. Кáжу йа, кýл'ко л'удéй за нív, жiнкý прихóд'ат, так'í, шчо йi знáли, тáг жал'йут, та менé жал'йут, шчо йá с'а встáла. – Йóй, – кáжу. – Йáк т'áшко. Бат'кám у грóб дивíти с'а свóйуй д'í-тин'í. То Бóже упасí.

Знали свою смерть

Бáба мáмина, мáмы, умéрла на Пáску, пéрвый дéн'. Рáно пушли с'ме вс'í до цéркви с пáскáми. Тáй пушли с'ме до нéйi, пак попойiли рáно та пушли с'ме до нéйi, бо знáли с'ме, что внá дýже т'áшко хвóра. А бат'ко в цéркви тáй брáт'а сп'íвáли вже, д'áковáли в цéркви. А внá кáже – «Пóйдете на вечóрн'у, бiсте пришлi з вечóрн'í скóро с'уды. Бо йá, йаг бде сóнце заходíти, йá бдý умерáти». Тáк. Та тáг говорíла, нó, н'án'о пушóв, бат'ко, тáй брáт'а до цéркви, та вс'í с'ме пушли, вытслу-жiли вечóрн'у. «Ни йдемé домý, йдемé рáз до нéйi». Пришли с'ме. Í кáже – «Он бер'ít молíтву», – ттó на схóд душí. Но за отпушчéнийе гр'íхóв, йé такá молíтва. Уз'áv брáт. Читáйе, тáй онá за нím пувтор'áйе. Докóнчила ттý молíтву, шчé перекрестíла с'а í тáк помéрла. Вúс'íмдис'ат трí гóды мáла.

Ирины выпьем», – говорит. – «У меня нету, – говорю, – Михаил Юрьевич, у меня капли нет в доме водки». – «У меня зато есть, за упокой Ирины». Ну, я должна была с ним выпить. Сто грамм. Я говорю, сколько людей о ней [жалуют], женщины приходят, такие, что ее знали, так жалеют, и меня жалеют, что я осталась. «Ой, – говорю. – Как тяжело. Родителям смотреть в могилу своего ребенка». Это Боже упаси.

Бабушка мамина, [со стороны] мамы, умерла на Пасху, в первый день. Утром мы пошли все в церковь с куличами. И мы пошли к ней, так поели утром и пошли к ней, потому что мы знали, что она очень тяжело больна. А батько в церкви и брат пели уже, *дяковали* в церкви. А она говорит: «Пойдете на вечерню, приходите с вечерни быстро сюда. Потому что я, как солнце будет заходить, я буду умирать». Так. И так говорила, ну, папа пошел, батько, и братья в церковь, и все мы пошли, отслужили вечерню. «Не идем домой, идем сейчас к ней». Пришли мы. И говорит: «Вон берите молитву», – это на исход души. Ну за отпущение грехов, есть такая молитва. Взял брат. Читает, и она за ним повторяет. Дочитала эту молитву, еще перекрестилась и так умерла. Восемьдесят три года ей было.

Старá б́ыла. Та́к помéлла, она́ зна́ла сво́ю смéрт'.

Та та́к и сестра́ мо́я, в три́ц'ц'ит' вус'им го́ду. Двана́ц'ц'атеро д'и́тэй уста́ло с'а в не́йи. Вна́ б́ыла двана́ц'ц'атов д'и́тинов берéменна, ка́же – «А́нно, не-бо́ре, йа́ бду́ умерáти, йа́ сс'у́ д'и́тину ни врóжу. Йа́ умру́». Но шчо́ тогд́ы, акушэ́рки в на́с у сел'и́ ни б́ыло, бо б́ыла вдна́ н'имка, акушэ́рка, д́уже до́бра, та у тту́ х́ыжу то́йи н'имкы с'ив одéн на́ш чолов'ик жи́ти. Та йа́ вс'о́ вы́робила, аб́ы с'а тта́ вста́ла, акушэ́рка. Í то́т чолов'ик ни хот'ив, мус'или́ йи́ вы́вести в Си́б'ір, тоту́ н'имку. «Но́», – ка́жу.. а вдна́ на́ша ба́ба така́ б́ыла, шчо́ йшла́ роды́ принима́ти. Тотó вже б́ыв со́рок сэ́мый гут, уже да́же в на́с роддо́м б́ыв у Уш-Чо́рнум. Ка́жу: «Мар'йко. Абис'т́ы ни родила́ до́ма. Ты́», – ка́жу.. двана́ц'ц'ата д'и́тина. Йа́ сан'и́тарков ро-би́ла тогд́ы. «Иди́, – ка́жу, – в бо́л'ниц'у, ни дай Бо́х, – ка́жу, – д'и́ти – йаг бде́ она́ родити – абис́те кли́кали Шнайд'учку», – бо туй́ и ба́ба така́ б́ыла. А вна́: «Мене́ в бо́л'ниц'у абис́те ни ве́ли», – д'и́ти запр'и́тила и чолов'ика [зо́ ними]. Уро́дила до́ма, тта́ ба́ба – в то́йи ру́кы так'и́ пор'ипан'и́, так'и́ б.. гр'аз'н'и́. Ро́ды прин'а́ла, лéхко уро́дила. А ли́ж занéсла йа́кус' инфéкц'ийу, та́к шчо́.. сепс'из ду-ста́ла сестра́. Гéт изгор'ила, ув рот'и́ вс'о́ згор'ило. А зима́ така́ б́ыла – то п'йе́ис'ат пёрвóго го́да, нача́ло, – шчо́ ни мо́ж б́ыло.. н'йа́к'и́ трáнспорты́ ни йшли́.

Старая была. Так умерла, она знала свою смерть.

И так и сестра моя в тридцать восемь лет. Двенадцать детей осталось у нее. Она была двенадцатым ребенком беременна, говорит: «Анна, *неборе*, я буду умирать, я этого ребенка не рожу. Я умру». Ну что тогда, акушерки у нас в селе не было, потому что была одна немка, акушерка, очень хорошая, а в эту хату этой немки поселился один наш мужчина жить. И я всё сделала, чтобы она осталась, акушерка. А тот мужчина не хотел, должны были ее вывезти в Сибирь, эту немку. «Ну», – говорю.. а одна наша старуха такая была, что ходила роды принимать. Это уже был сорок седьмой год, уже даже у нас роддом был в Усть-Черном. Говорю: «Марийко. Ты не роди дома. Ты», – говорю... двенадцатый ребенок. Я санитаркой работала тогда. «Иди, – говорю, – в больницу, не дай Бог, – говорю, – дети, как будет она родить, чтобы вы звали Шнайдючку», – тут ведь и старуха такая была. А она: «Меня в больницу не ведите», – детям запретила и мужу тоже. Родила дома, эта старуха – у нее руки такие потре-скавшиеся, такие грязные. Роды приняла, родила легко. Но только занесла какую-то инфекцию, так что.. сепсис случился у сестры. Совсем сгорела, во рту всё сгорело. А зима такая была – это в пятьдесят первом году, в начале, – что нельзя было.. никакой транспорт не шел.

Но шчо́, у мене до́ктор знако́мий б́ыв у Дубово́му, Ц'ітровс'кий. Наш до́ктор був на ќурсах в У́жгород'і, йа́ то́го з Дубово́го вы[звала]. Пушли́ іс ќун'ми за н́им, довезли го о́ндекы до.. н́иже Уш-Чо́рної, до́ктора. Та́м ќун' іздо́х, то с'н'ігы так'і вели́к'і вы́пали б́ыли. Ќун' іздо́х, до́к пришо́в до́ктор, ка́же: «Уже́ вс'о. Пу́зно, – ка́же, – н'ічо́го помочи́ ни мо́ш. Дава́йте йі шче в бо́л'ниц'у у Дубове́». – «Но ч́им? Кой.. н'і́якого тра́нспорта, та ш ч́им?» – ка́жу. І та́к она́ помéрла двана́ц'ц'атов д'іти́нов. Вста́в с'а хло́пчик, то́д двана́ц'ц'аты́й, та д'івочка ста́рша. Б́ыло два́ хло́пц'і ста́рші, паг д'івочка трина́ц'ц'ад' го́ду ма́ла. Та тта́ сі́рота д'івочка вс'і тоты́ д'іти.. дозерала, а се́го мало́го попроси́в одéн.. мо́йи дво́йродної сестры́ дочка́ попроси́ла, в н́иг д'іте́й ни б́ыло. «Да́йте нам Ю́рика та да́йте». Та йа́ ка́жу: «Небо́ре, шчо́, Ци́ля, д'іти́на з д'іти́нов бу́де чини́ти». А йа́ на робо́ту му́шу йти́, бо й у мене́ д'іти́ тре́ба годова́ти. [...] н'і пéн'зійи на д'іти́ йа́ ни дустава́ла. Та ка́жу: «Тре́ба д'іти́ мин'і годова́ти». – «Та д.. да́йте», – но та паг да́ли то́го хло́пчика. Но ру́з до́бре.

Однажды в Сочельник

[...] подоро́жного в до́м при́йн'ати, накро́мити. Все́. Зна́йте, в на́с перехо́дили, уже́ йак ру́с'к'і зайшли́, та солда́ты. Час'ц'і з Мука́чева, з У́жгорода, із

Ну что, у меня доктор знакомый был в Дубовом, Цитровский. Наш доктор был на курсах в Ужгороде, я того из Дубового вызвала. Поехали на лошадях за ним, довезли его тут до.. ниже Усть-Черной, доктора. Там лошадь издохла, это снег такой большой выпал. Лошадь сдохла, пока доктор добрался, говорит: «Уже всё. Поздно, – говорит, – ничем помочь нельзя. Давайте ее еще в больницу в Дубовое». – «Но на чем? Когда.. никакого транспорта, на чем же?» – говорю. И так она умерла [родами] двенадцатого ребенка. Остался мальчик, тот двенадцатый, и девочка старшая. Было два мальчика старших, потом девочка, ей было тринадцать лет. И эта бедная девочка за всеми этими детьми смотрела, а этого маленького попросил один.. моей двоюродной сестры дочка попросила, у них детей не было. «Дайте нам Юрика да дайте». А я говорю: «Неборе, что, Циля, ребенок с ребенком будет делать?» А мне на работу надо выходить, потому что у меня детей надо кормить. [...] ни пенсии на детей я не получала. И говорю: «Мне надо кормить детей». – «Да дайте», – ну и дали этого мальчика. Но рос хорошо.

[...] путника в дом принять, накормить. Всегда. Знаете, у нас переходили, уже когда русские *зашли*, солдаты. Части из Мукачева, из Ужгорода, из Ху-

Хўста. Та йшли туй л'із бра́ли вьц'с'і. Та вдён С'атый вѣчур б́ыв такый – дошч! с с'н'ігом! А они з Уш-Чорного п'ішкóм ішли. Та дуйшли аж дóс'і, в кáжзү хату повергáли, тó на С'атый вѣчур б́ло. В кáжзү хату повертáли, просіли с'а нá нуч. Н'іткó йіх ни прійн'ав. Пришли с'уды, сіроты. Зайшли, та «хот' туй..» ішчé ни б́ло кор'ідора, лиш такый кор'ідорчик, малый б́в. «Прим'іт нас хот' туй до рáно пересід'іти, мы пруйшли вс'ó селó, н'іткó нас нá нуч ни прима́йе». Нó, та туй йіх чоты́ри б́ли. Двá уф'іцеры тай двá солдáты. Вдён Крáвченко б́в іс.. Кійева, а двá – Поприйкин, майор Поприйкин та Ісáйев л'іг'енáнт [...] Йáкóс'-им йіг за-памн'átала, то вні писáли мин'і, прáвда. Нó, та тоты́. «Та пót'те, хлопц'і, до хыш». Мокр'і так'і! Йá вáтру зато-пíла, розв'ішала-м ім куды моглá йіх.. р'án'д'а, та.. теплó в хáт'і учиніла. Ба шчó, у нас на С'атый вѣчур пус'н'і йіды ід'át. Йá шчóс' пуснé наваріла, і ни б́ло он' тák шчó варіти тогды́. «Нó, – йа кáжу, – с'ідáйте, хлопц'і, та бдетé йісти. Шчó йé, чім богáта, тым рáда. Мáло покушáйте», – бо тогды́ ни б́ло н'і ресторáнув, н'ічóг. А тóт Крáвченко б'ідный, йáг бим го нын'і в'ід'іла. Пу-шóв туй за хату, та тák áш у гóлоз за-плáкав: «Кобы́ мóйа мáмка в'ід'іла, йáк йá, – кáже, – пруйшóв прóс'ачи с'а с хáты в хату. Голóден такый». Ужé пак роскáзуйе, туй йак попойіли мáло – но

ста. И шли здесь лес брали отсюда. И один Сочельник был такой – дождь! со снегом! А они из Усть-Черного пешком шли. И дошли аж досюда, в каждую хату заходили, это в Сочельник было. В каждую хату заходили, просились переночевать. Никто их не принял. Пришли сюда, бедные. Зашли, и «хоть здесь..» еще не было коридора, только такой коридорчик маленький был. «Пустите нас хоть здесь до утра пересидеть, мы прошли всё село, никто нас на ночь не принимает». Ну и здесь их четверо было. Два офицера и два солдата. Один Кравченко был из.. Киева, а два – Попрыкин, майор Попрыкин и Исаев, лейтенант. Как-то я их запомнила, но они и писали мне, правда. Ну, и эти.. «Да заходите, хлопцы, в дом». Мокрые такие! Я огонь развела, развеси́ла им, где могла, их.. одежду, и.. тепло в хате устроила. Да что, у нас в Сочельник постую еду едят. Я что-то постное наварила, и не было особенно так что варить тогда. «Ну, – я говорю, – садитесь, хлопцы, будете есть. Что есть, чем богата, тем рада. Немного поедите», – тогда ведь не было ни ресторанов, ничего. А тот Кравченко бедный, как сейчас его вижу. Пошел здесь за хату, и так аж в голос заплакал: «Если бы моя мама видела, как я, – говорит, прошел, просясь, из хаты в хату. Голодный такой». Уже потом рассказывает, тут как поели немного – ну что у

шчó йа мáла, правáда, гóлуцп'і-м наварі́ла б́ыла і так'і, ужé і пус'н'і на С'а-т́ый вéчур [на́м, і] із мн'асом на с'áта абы б́ыло. А йá йім дáла попойісти, шчé в н'а вóткы б́ыло у четвeртýс'ц'і мáло. Та ттó ім россы́пала, а шчé вдéн т́уй кóн'ухом робів на л'існ́ичеств'і, сáм із Нарéсниц'і. Шче й тóго-м заклі́кала на вечeр'у, бо жонá му ни пришлá.. б́ыла з вечeр'ов с'уды́, шчóс' ци й автóбуса ни б́ыло, ци шчó, та заклі́кала-м і тóго т́уй йісти. Та та вс'і.. загн́ули с'а вс'і п'йáг' мушч́ин дóвкола столá, та вс'ім слызы́ потеклі з очéй. А в мéне шчé до тóго із Лопухóва д'івчина т́уй корóвы дойіла в колгоз'і. На фeрм'і робі́ла. Тай тт́у-м заклі́кала, но йá не нáд'йяла с'а с́их солдáту, шчо т́уй прійде т́о́с'. Йáкóс'-им іх ус'іх пом'істила, по.. по-годовáла, шчó б́ыло, ттó-м дáла, та. Нó тоты́.. колі́.. тó вже пруйшлó б́ыли годы́, колі́ Ір́ина, дóчка пок'йна, мáла виходіти взáмуш, сáм тóт оф'іц'eр пришóв с'уды́. За л'ісом изнóв ішли́, [в годы́]. Та кáжу шчó.. трина́ц'ц'а-того фeврал'á свáл'ба в Ір́ины. «Йóй, – кáже, – трина́ц'ц'а-того не роб'іт! шчасліва ни б́уде. Не роб'іт трина́ц'ц'а-того числá роб'іт [sic], йá вам дáм духовый аркeстр, вс'ó на свáд'бу, ліш ни трина́ц'ц'а-того числá. І йá прійду гул'áти на свáл'бу». І тóд з'áт' упeртый б́ыв такый, шчо н'і, йeмú лиш трина́ц'ц'а-того числá. І тák шчac'ц'а ни б́ыло.

меня было, правда, голубцов я наварила и такие, уже и постные для Сочельника нам, и с мясом, чтобы были на праздники. А я им дала поесть, еще у меня водки было в четвертинке немного. И ее им разлила, а еще один тут коноксом работал в лесничестве, сам из Нересницы. Еще и этого я позвала на ужин, потому что жена у него не приехала.. с ужином сюда, что-то то ли автобуса не было, то ли что, и я позвала и его здесь поесть. И все.. склонились все пять мужчин вокруг стола, и у всех слезы потекли из глаз. А у меня еще до этого из Лопухова девушка тут коров доила в колхозе. На ферме работала. И ее я позвала, ну я не ожидала этих солдат, что тут кто-нибудь придет. Как-то я их всех поместила, угостила, что было, то я дала, и всё. Ну они.. когда.. это уже прошли годы, когда Ирина, дочка покойная, должна была выходить замуж, сам этот офицер приехал сюда. За лесом опять ехали, [...]. И я говорю, что тринадцатого февраля свадьба у Ирины. «Ой, – говорит, – тринадцатого не устраивайте! не будет ей счастья. Не устраивайте тринадцатого, я вам дам духовой оркестр, всё на свадьбу, только не тринадцатого числа. И я приеду гулять на свадьбу». А этот зять упрямый был такой, что нет, ему только тринадцатого числа. И так счастья не было.

О дружбе с немцами

[...] нас, тфу, тфу, міловала дóбре. Аш н'і н'імц'і, йа вам кáжу, мý вже бис'мè і.. і з голоду поумерáли. Перет Пáсхов пришлі вднý н'імц'і, привéзли ми і маргар'іна, пос.. мáсла путсón'ачного, і мукý, і цýкру, і йак'іс' тр'áпки, над'іти, перет Пáсхы. Потóму.. тай дáли ми п'йáддес'ат мáрку бýли. Тай потóму знóв був одін зовс'ім крóвный н'імец', з Гермáн'ійі. М'ілер. Тóже ми допомýх, прин'іс шчóс', потóму шчé бýли. Тепérкы бýли, два тýжн'і. А, у п'йáтниц'у пойхали гét вýц'с'і. Тóже, но сé вже бýв сус'іт, шчо тýй вýрус. Коло мéне в сус'ід'ах, та всé ішóв ід мóйим д'іт'ом бáвити с'а. Ну мал'ый так'ый був, пушóв вýц'с'і, йак нáш Вáс'ко. Ї вún менé ни забýв, д'ітвáк тót, прáвда, мáти йийі шче жійе. А йийі мáти ішла вýц'с'і з д'ітíнов чтýрим'іс'ац'óвов. Та йак іх тто вéли óндекы на.. у.. ешелóн клáли, йа тák ревáла: «Шчо! – кáжу, – Ворóнико, тý вчíниш іс сів д'ітíнов, у дорóз'і, в с'в'іт'і?» Ї она заплакала, нó і ни забýла. Она див'йанóсто і п'йáд' гóду мáйе, прислáла ми п'йáддис'ат мáрку. Ї ттá д'івочка, шчо йі вýц'с'і вýвезла, тепér бýла тýйкы, та кáже ми, йийі сестрá [...], та кáже нáша, шчо чотýри м'іс'ац'і мáла, коли мáма з нів ішла вýц'с'і. «Йó, – кáжу, – йá за сів тák плáкала, та за мáт'ер'ов, шчó бде с тобóв, небóре, чиніти твóйа мáма

[...] нас, тфу-тфу, помиловала. Если бы не немцы, говорю вам, мы бы уже и.. и с голоду поумирали. Перед Пасхой приезжали одни немцы, привезли мне и маргарина, масла подсолнечного, и муки, и сахару, и какие-то тряпки, надеть, перед Пасхой. Потом.. и дали мне пятьдесят марок. И потом опять был один совсем чистокровный немец, из Германии. Миллер. Тоже мне помог, привез что-то, потом еще были. Теперь были, две недели. А, в пятницу уехали отсюда. Тоже, но это уже был сосед, который здесь вырос. Около меня по соседству, и постоянно приходил к моим детям играть. Ну был такого возраста, когда уехал отсюда, как наш Васко. И он меня не забыл, мальчик этот, правда, мать ее [sic] еще жива. А ее мать уезжала отсюда с ребенком четырехмесячным. И когда их это вели там на.. в эшелон сажали, я так плакала: «Что! – говорю, – Вороника, ты сделаешь с этим ребенком, в дороге, в мире?» И она заплакала, но и не забыла. Ей девяносто пять лет, прислала мне пятьдесят марок. И эта девочка, которую она отсюда вывезла, теперь была тут, и говорит мне, ее сестра [...], и говорит наша, что ей было четыре месяца, когда мама с ней уехала отсюда. «Да, – говорю, – я о ней так плакала, и о матери, что будет с тобой, *неборе*, делать твоя мама в мире». Она вы-

в с'в'іт'і». Она в'іт'агла тóже д'ес'ад' дóлару та ми.. подар'ила, тотá.

Ни мáла-м н'í.. н'íгда н'í с к'ым злóго в сел'í. З ус'íма-м дóбра.

тащила тоже десять долларов и мне подар'ила, эта.

Никогда у меня не было ни с кем ничего плохого в селе. Я со всеми в хороших отношениях.

Литература

- Брок 1899 — *Брок О.* Угросусское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб., 1899.
- Лешка, Шішкова, Мушинка — *Лешка О., Шішкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки Східної Словаччини. New York; Praha; Київ, 1998.
- Николаев 2001 — *Николаев С. Л.* Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86–121.
- Николаев, Толстая 2017 — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Рефлексы праславянских гласных под ударением в украинском говоре с. Убля в Восточной Словакии (по записям 2014 г.) // Діалекти в синхронії та діахронії. Трансформація діалектного континууму і проблеми лінгвоекотології. Київ, 2017. С. 296–317.
- Николаев, Толстая 2018 — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Работы Олафа Брока о говоре Убли и современные полевые записи // Слов'янський світ Олафа Брока / ред. Тамара Л'юнгрен, Наталя Хобзей. Львів, 2018. (Серія «Діалектологічна скриня»; Українознавча наукова бібліотека НТШ. Ч. 48). С. 159–203.
- Німчук 2004 — *Німчук В. В.* Закарпатський говір // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004. С. 189–191.
- Петров 1911 — *Петров А.* Материалы для истории Угорской Руси. VI. Пределы угорской речи в 1773 г. по официальным данным. Исследование и карты. СПб., 1911.
- Толстая 2001 *Толстая М. Н.* Из материалов Карпатских экспедиций // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 477–495.
- Толстая 2017 — *Толстая М. Н.* Люди и змеи в центральном Закарпатье (по полевым материалам рубежа XX–XXI вв.) // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 107–156.
- Толстая 2021 — *Толстая М. Н.* Священники и монахи как «знающие» люди в народной традиции Закарпаття (по полевым материалам) // Живая старина. 2021. № 2. С. 29–33.

*Summary**Sergey L. Nikolaev,
Marfa N. Tolstaya***Dialectal texts from Russkaya Mokraya (Transcarpathia, Ukraine)**

The Transcarpathian village of Russkaya Mokraya is located in the historic North Marmorosh region and has been known since the 17th century. The published texts were recorded during the expedition of the Institute of Slavic Studies in 1995 and contain mainly stories about the period of World War II, the Hungarian-German occupation, relations with the Hungarian administration and historical German and Jewish neighbors, deportation of Jews. The introduction briefly describes the phonetics of the dialect and its place on the dialectological map.

Keywords: dialectal texts, Transcarpathian dialect, Marmorosh dialects, World War II, oral history

Список печатных трудов Л. Э. Калнынь

Монографии

1. Развитие корреляции твердости-мягкости согласных фонем в славянских языках / отв. ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесов; Ин-т славяноведения АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 135 с.
2. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке / Ин-т славяноведения АН СССР; [отв. ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесов]. М.: Наука, 1967. 250 с.: схемы.
3. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; [отв. ред. С. Б. Бернштейн]. М.: Наука, 1973. 398 с.
4. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; [отв. ред. С. Б. Бернштейн]. М.: Наука, 1981. 403 с. Соавт. Л. И. Масленникова.
5. Опыт изучения слога в славянских диалектах / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Наука, 1985. 191 с. Соавт. Л. И. Масленникова.
6. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии [Вып.] 2: Южнославянские диалекты / Ин-т славяноведения и балканистики РАН, Науч. центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ); отв. ред. вып. Л. Э. Калнынь. М., 1993. С. 5–191. Соавт. Т. В. Попова.
7. Изучение вариативности в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 3 / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; отв. ред. Л. Н. Смирнов. М., 1995. 284 с. Соавт. Л. И. Масленникова.
8. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. А. Ф. Журавлев. М., 2001. 131 с.
9. Синтагматика сонантов в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 11 / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. вып. А. Ф. Журавлев. М., 2005. 192 с.
10. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. Г. К. Венедиктов. М., 2007. 2-е перераб. изд. 265 с. Соавт. Т. В. Попова.

Авторефераты диссертаций

11. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии: Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филологических наук / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М., 1952. 14 с.
12. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка: Фонологическая система: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. (10.02.03) / Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. М., 1976. 32 с.

Статьи

13. Развитие категории твердости-мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 13. М., 1956. С. 121–225.
14. К истории коломенских говоров // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 7. М., 1957. С. 5–87.
15. Категория твердых и мягких согласных в белорусском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 17: Исследования в области славянского языкознания. М., 1959. С. 73–127.
16. Корреляция твердых и мягких согласных в украинском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 23: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 63–102.
17. О фонологической системе одного нижнелужицкого говора // Studije k serbskej dialektologiji. wěnowane V. Mjezynarodnemu kongresej slawistow, Sofija 17.–23.IX.1963 / Institut für Sorbische Volksforschung in Bautzen. Budušin, 1963. (Spisy Instituta za serbski ludospyt; t. 18). S. 27–77.
18. О нижнелужицком вокализме // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 23–46.
19. К характеристике нижнелужицких звуковых диалектных различий // Советское славяноведение. 1966. № 6. С. 48–55.
20. Организация фонемного состава иноязычных заимствований в диалектном языке // Советское славяноведение. 1968. № 2. С. 36–46.
21. Вокализм одного надднестрянского говора // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1968. М., 1968. С. 211–228.
22. О предмете и задачах описательной диалектологии // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1970. Т. 29. № 5. С. 419–426.
23. Об одном способе сигнализации диэремы в украинском диалектном языке // Праці XIII Республіканської діалектологічної наради. Київ, 1970. С. 310–317.

24. Из истории нижнелужицкого вокализма // Исследования по серболужицким языкам / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; [отв. ред. Л. Э. Калнынь]. М., 1970. С. 3–43.
25. К вопросу о системной интерпретации говора как единицы диалектного дробления // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия проф. С. Б. Бернштейна. М., 1971. С. 343–349.
26. О некоторых средствах сигнализации дизеремы в украинском диалектном языке // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 16–50.
27. О фонологическом оформлении анлаута в надсянском говоре // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972. С. 98–105.
28. О некоторых приемах моделирования частной диалектной системы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 5–24.
29. Об организации фонологических систем смешанного типа // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975. С. 108–119.
30. К типологии восточнославянского внешнего консонантного сандхи // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976. С. 159–192.
31. Диалектологический аспект проблемы «Язык и диалект» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 34–45.
32. Место иноязычных заимствований в синхронной модели фонологической системы говора, функционирующего в условиях билингвизма // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976.
33. Некоторые закономерности изменений в консонантных сочетаниях, содержащих сонорный, в славянских диалектах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 75–94.
34. Позиционное чередование звуков как элемент сопоставительной диалектной системы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978. С. 115–140.
35. Об участии позиционного чередования глухих и звонких согласных в дифференциации славянских диалектов // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., 1979. С. 17–36.
36. К типологии украинского диалектного вокализма // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980. С. 296–308.

37. К вопросу о разделении звуковых чередований на фонетические и нефонетические // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 6:] Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 205–212.
38. Синхронное описание одного диалекта как особый вид диалектологического исследования // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 3–36. Соавт. Т. В. Попова.
39. О функциональном значении явлений слога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 5. С. 446–455.
40. О принципах составления обобщающих фонетических карт ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980. М., 1982. С. 3–22. Соавт. Т. И. Вендина.
41. К вопросу о соотношении звуковой синтагматики и слогоделения (на материале славянских диалектов) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980. М., 1982. С. 99–150. Соавт. Л. И. Масленникова.
42. Обобщающие карты как особый тип карт в Общеславянском лингвистическом атласе // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 2–9. Соавт. Р. И. Аванесов.
43. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов как способ их синхронной структурной классификации // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 95–109. Соавт. М. И. Ермакова, Л. И. Масленникова, Т. В. Попова.
44. [Kalnin L.] To the question of functioning of the syllable / Inst. of Slavic and Balkan Studies. Moscow, 1983. 4 p. (Paper presented to the Tenth International Congress of Phonetic Sciences (Utrecht 1983)).
45. Значение фактора нейтрализации для корреляции твердости-мягкости в славянских языках // Фонетика–83: Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук (авг. 1983 г., Утрехт, Нидерланды). М., 1983. С. 67–77.
46. О некоторых вопросах теории диалектологии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1984. № 6. С. 3–9. Соавт. К. В. Горшкова.
47. Инструкция к составлению фонетических карт ОЛА, индексов и комментариев к ним / публикация Л. Э. Калнынь // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984. С. 3–18.
48. Опыт обобщающих карт в ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 3–22. Соавт. Т. И. Вендина.

49. К вопросу о фонемном статусе назальных согласных в славянских диалектах // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 10:] Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986. С. 11–24.
50. Фонетическая программа слова как основная произносительная единица // Proceedings of XI International Congress of Phonetic Sciences, 1–7 Aug. 1987. Tallinn, 1987. Vol. 3. С. 230–233.
51. Опыт фонологического описания русского говора одного пункта, входящего в сетку ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988. С. 21–36.
52. Отношение рефлексации *е к ударению // Прилози = Contributions / Македонска академија на науките и уметност. Одделение за лингвистика и литературна наука. [Т.] 13. [Ч.] 1. Скопје, 1988. Соавт. Т. И. Вендина.
53. К проблеме изучения вариативности в диалекте. Фонетический уровень (на материале говора, включенного в сетку ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 65–98.
54. Отношение рефлексации *ё к ударению [Сводная карта № 3] // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1: Рефлексы *ё. Белград, 1988. Соавт. Т. И. Вендина.
55. Карта № 6. *t/ě/sto // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1: Рефлексы *ё. Белград, 1988.
56. К вопросу о значении многоязыковых атласов для изучения славянского диалектного континуума (на материале ОЛА и ОКДА): [к X международному съезду славистов (София, сентябрь 1988 г.)]. М., 1988. 18, [1] с. Соавт. Г. П. Клепикова.
57. Нижнелужицкое оглушение вибранта как факт славянской фонетики // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. С. 160–172.
58. Фонетика в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. М., 1989. С. 8–16.
59. О факторах фонетической стабильности языкового идиома в условиях языковых контактов // Deseta konferencija međunarodne komisije za fonetiku i fonologiju slovenskih jezika. Zbornik referata / Naučno društvo SR Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja. Knj. 88. Odjelenje društvenih nauka. Knj. 22. Sarajevo, 1989.
60. К вопросу о значении многоязыковых атласов для изучения славянского диалектного континуума (на материале ОЛА и ОКДА) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 91–103. Соавт. Г. П. Клепикова. См. также № 56.

61. Введение [I, II] // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а: Рефлексы *ѣ. М., 1990. С. 7–9.
62. Карта № 6: *ž/ѣ/ль // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а: Рефлексы *ѣ. М., 1990. С. 42.
63. Карта № 23: *pr/ѣ/detъ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а: Рефлексы *ѣ. М., 1990. С. 76.
64. Карта № 41: *vum/ѣ/ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а: Рефлексы *ѣ. М., 1990. С. 112.
65. Сводная карта № 1: Фонетические рефлексы *ѣ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а: Рефлексы *ѣ. М., 1990. С. 114. Соавт. Т. И. Вендина.
66. Карта № 4. */o/žь // *g/o/žь // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 26: Рефлексы *o. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.
67. Карта № 22: */l/o/čo // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 26: Рефлексы *o. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.
68. К проблеме выделения морфонологических признаков (на материале русских и украинских диалектов) // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990. С. 146–154.
69. К вопросу об участии мягких согласных в классификации славянских диалектов // *Studia Slavica*. Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991. С. 135–142.
70. Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Ч. 1: Пленарное заседание. Язык и культура. Культура речи. История и диалектология. Словари и развитие русистики. М., 1991. С. 229–336.
71. Фонетическое слово как пространство фонетических изменений в славянских диалектах // *Славяноведение*. 1992. № 1. С. 78–88.
72. Фонетический строй одного гуцульского говора // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 1: Карпатоукраинские диалекты. М., 1992. С. 7–74.
73. К вопросу о действии морфологической аналогии при разных типах ударения в славянских диалектах // *Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich: zbiór studiów*. Warszawa, 1992. (Prace slawistyczne; 97). С. 157–163.

74. К проблеме славянского слога: соотношение фонетических контуров слога и слова // Славистические исследования: доклады к XI Международному съезду славистов (Братислава, 30 авг. — 8 сент. 1993 г.). М., 1992. С. 5–26. Соавт. Л. И. Масленникова.
75. Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковых цепей в русских диалектах // Проблемы фонетики I. М., 1993. С. 212–227.
76. К вопросу о рефлексации редуцированных во флексиях им. ед. м. р. местоименных прилагательных (по материалам ОЛЯ) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993. С. 22–34.
77. О критериях типологического тождества на фонетическом уровне (на материале восточнославянских диалектов) // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993. С. 157–165.
78. Сводная карта № VI. Фонетические рефлексы интерконсонантных *ЪI, *ЬI. Типы рефлексов и их вокальные компоненты // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
79. Сводная карта № VII. Фонетические рефлексы интерконсонантных *ЪI, *ЬI. Сонант и его замена // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
80. Сводная карта № VIII. Влияние консонантного окружения на рефлексацию интерконсонантных *ЪI, *ЬI // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
81. Карта № 6. *d/ъI/gъ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
82. Карта № 15. *d/ъI/betъ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
83. Карта № 27. *ž/ъI/dъ // ž/ъI/dъka. // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
84. Карта № 31. *t/ъI/gajetъ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.
85. Карта № 35. *g/ъI/ba // *g/ъI/bъ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3: Рефлексы *ЪГ, *ЪГ, *ЬI, *ЬI. Warszawa, 1994.

86. Об одном диалектном различии в украинском вокализме // Проблемы сучасної ареології. Київ, 1994. С. 120–126.
87. Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме // Славяноведение. 1994. № 5. С. 75–79.
88. Рефлексація прасл. латерального сонанта (*l) в восточнославянських діалектах // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995. С. 114–120.
89. О некоторых итогах и перспективах исследований по славянской диалектологии // Славяноведение. 1995. № 6. С. 66–79. Соавт. Г. П. Клепикова.
90. К вопросу об использовании лингвогеографической информации при анализе динамики диалектной фонетической черты. Оглушение вибранта // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 4: Dialectologia Slavica: сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995. С. 93–99.
91. Нижнелужицкая рефлексація *o как компонент фонетической программы слова // Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1995. С. 174–189.
92. Особенности слога как сегмента естественной речи в его отношении к звуковой синтагматике и морфемному составу слова // Studia Slavica. Toruń, 1996. Z. 1. С. 79–86. (Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Z. 311).
93. Рефлексація *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996. С. 40–56.
94. Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице как следствие языковой ассимиляции // Славяноведение. 1997. № 2. С. 4–10.
95. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 115–124.
96. Протетические согласные перед лабиализованными гласными // Восточнославянские изоглоссы. 1998. [Вып. 2]. М., 1998. С. 9–28.
97. Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами // Восточнославянские изоглоссы. 1998. [Вып. 2]. М., 1998. С. 29–38.
98. Диалектная карта как инструмент изучения особенностей славянского диалектного континуума. // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 5: Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 8–65.
99. Особенности восточнославянского диалектного континуума в свете современной лингвогеографии // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 336–352.

100. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 58–68.
101. Об изучении македонских диалектов как компонентов славянского диалектного континуума // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 345–369. Соавт. Г. П. Клепикова.
102. О типологическом значении фонетических особенностей македонских диалектов // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте: сб. материалов Международной российско-македонской науч. конф. (Москва, 15–16 сентября 1998 г.). М., 1999. С. 31–35.
103. Опыт критики концепции Московской фонологической школы // Фортуна-товский сборник. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 гг. М., 2000. С. 47–54.
104. Протеза как компонент рефлексии инициального *o (по ОЛЯ) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. М., 2000. С. 51–59.
105. Об отражении языковых и графических представлений носителя диалекта в зеркале «наивного письма» // FOLIA SLAVISTICA. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 46–53.
106. К вопросу о фонологическом значении изменения $m > n$ в южнославянских диалектах // Јужнословенски филолог. Београд, 2000. [Год.] 56. Посвећено Павлу Ивићу. [№] 1–2. С. 509–514.
107. Согласные, различающиеся участием голоса, как компоненты фонетической программы слова в славянских диалектах // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 71–82.
108. Отношение к признакам вокальность/консонантность в восточнославянских диалектах // Восточнославянские изоглоссы. 2000. М., 2000. С. 10–30.
109. Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией праславянских сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными // Восточнославянские изоглоссы. 2000. М., 2000.
110. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник. К 100-летию Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 47–52.
111. Роль Р. И. Аванесова в создании Общеславянского лингвистического атласа // Аванесовский сборник. К 100-летию Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 53–57.
112. Восточнославянская лингвогеография и ее отношение к славянскому континууму // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 11–17.

113. Некоторые соображения об особенностях корреляции палатализованности в славянских диалектах // Материалы и исследования по русской диалектологии. I. (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 92–103.
114. О некоторых реакциях фонетики конца слова на изменение структуры слога после падения редуцированных в славянских диалектах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003. С. 22–32.
115. Фонетическая программа слова как инструмент типологической классификации славянских диалектов // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 289–308.
116. К вопросу о фонетической дифференциации славянского диалектного континуума (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. М., 2004. С. 50–56.
117. Лингвогеографический аспект рефлексации *о в славянских диалектах (по материалам ОЛА). // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. М., 2004. С. 57–69.
118. Об объекте картографирования в разных типах диалектных атласов // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 9: Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 14–21.
119. К вопросу об иерархии методов изучения славянских диалектов // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 9: Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 5–13.
120. О некоторых особенностях контакта русских диалектов с литературным языком // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 9: Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 220–226.
121. Сочетания гласных как компонент восточнославянского диалектного различия // Материалы и исследования по русской диалектологии. [Кн.] 2 (8). М., 2004. С. 69–82.
122. Диахроническая интерпретация одного фонетического явления по данным карт ОЛА // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 36–44.
123. Фонетический строй севернорусского говора костромской группы // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 189–201.

124. Фонетическое и фонемное оформление начала слова/морфемы в украинских говорах региона Карпат // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 202–224.
125. Вопросы «почему» и «зачем» относительно некоторых фонологических новаций в истории славянских языков/диалектов // Язык, личность, текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 472–478.
126. Гласные предударного слога в восточнославянских диалектах // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4. М., 2006. С. 30–40.
127. Динамика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007. С. 281–300.
128. О диахронической интерпретации фонетических карт ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2006–2008. М., 2008. С. 84–106.
129. О понятии «языковой контакт» в применении к русским диалектам // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 7–17.
130. Особенности консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 29–34.
131. [Статьи-комментарии к обобщающим картам] // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. Рефлексы *о. М., 2008. С. 134–143.
132. Диахронические характеристики некоторых особенностей русской диалектной фонетики в контексте славянской лингвогеографии // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 14: Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. С. 246–292.
133. О психологическом факторе в изучении диалектной фонетики // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 14: Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. С. 7–14.
134. К юбилею Татьяны Вениаминовны Поповой // Славяноведение. 2009. № 15. С. 122–123. Соавт. Е. И. Демина, М. И. Ермакова.
135. Круглый стол «Особенности сосуществования диалектной и кодифицированной форм языка в славяноязычной среде» // Славяноведение. 2010. № 5. С. 120–123.
136. О гармонии гласных в восточнославянских диалектах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2009–2011. М., 2011. С. 27–33.

137. О проявлении морфологически маркированной связи вокальных компонентов фонетического слова в русских говорах // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М., 2011. С. 185–189.
138. Памяти Майи Ивановны Ермаковой // Славяноведение. 2011. № 4. С. 122–123.
139. Об изучении слога в украинском диалекте // На хвилях мови: Аллі Йосипівні Багмут. Київ, 2011. С. 190–194.
140. Особенности диалектов как структурно организованных идиомов в ситуации сосуществования с литературным языком // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М., 2012. С. 9–17.
141. О некоторых фонологических последствиях изменения характера фонетической синтагматики в консонантизме славянских диалектов // Фанетичная праграма слова ў функцыянальна-стылістычным і эксперыментальным аспектах: сучасны стан і перспектывы: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 20–21 лістапада 2012 г.). Мінск, 2012.
142. Флексия им. ед. м. р. местоименных прилагательных как особенность русских диалектов // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции, утраты и инновации, историко-типологические явления. М., 2013. С. 240–246.
143. Предисловие // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 240–246. С. 5–8. [Без указания авторства].
144. Сосуществование литературной и диалектной форм языка как культурная константа современной славяноязычной ситуации // Языковая вариативность и культурный контекст. М., 2013. С. 82–126.
145. Типологическое значение аффрикагизации спирантов в южнославянских диалектах // Od indoeuropeistike do kroatistike: zbornik u čast Daliboru Brozoviću. Zagreb, 2013. С. 189–192.
146. О выявлении актуальных фонетических процессов в современных диалектах // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. Материалы международной научной конференции. М., 2013. С. 149–151.
147. О перспективах изучения территориальных диалектов в меняющейся языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии.

- [Вып.] 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 72–82.
148. Предисловие // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 5–8. [Без указания авторства].
149. Гласный *o* после палатальных/палатализованных согласных в украинских диалектах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. VIII. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 2012–2014. М., 2016. С. 81–94.
150. К вопросу о способах фиксации лексики диалектов // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 33–38.
151. Предисловие // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 5–7. [Без указания авторства].
152. Русские диалекты как компоненты современной языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. С. 8–13.
153. Фонетика в диалектном словаре // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. С. 223–227.
154. Предисловие // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. С. 5–7. [Без указания авторства].

Рецензии и обзоры

155. [Рец. на:] И. Леков. Насоки в развоја на фонолошките системи на славјанските езици. София, 1960 // Вопросы языкознания. 1962. № 4. С. 133–138.
156. Первое знакомство [Рец. на: Сказки, пословицы и песни лужицких сербов / Пер. с верхнелужицкого и нижнелужицкого; сост. А. Романенко; предисл. М. Ермаковой; ред. М. Павлова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 159 с.] // Иностранная литература. 1963. № 8. С. 267–268.
157. Новые публикации по сорабистике // Советское славяноведение. 1965. № 1. С. 107–108.

158. [Рец. на:] Siegfried Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, 483 стр. + 106 карт // Советское славяноведение. 1965. № 5. С. 78–81. Соавт. М. И. Ермакова.
159. [Рец. на:] Sorbischer Spachatlas. Bd. 1. Feldwirtschaftliche Terminologie bearbeitet von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk mit einer kurzgefaßten siedlungskundlich-demografischen Einleitung von F. Mětšk. Bautzen, 1965. 245 S. // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 93–97.
160. [Рец. на:] Studien zur sprachlichen Interferenz, I. Deutsch-sorbische Dialekttexte aus Nochten, Kreis Weißwasser, bearbeitet von Siegfried Michalk und Helmut Protze, Bautzen, 1967, 173 S. // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 111–114.
161. [Рец. на:] А. Е. Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). Публикация ОСиПЛ, Серия монографий. Вып. 10. Изд-во Московского университета. М., 1972, 181 стр. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976. С. 258–269.
162. Вопросы диалектологии на VIII Международном съезде славистов (Загреб – Люблина, 1978) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., 1979. С. 327–342. Соавт. Г. П. Клепикова и Т. В. Попова.
163. [Рец. на:] А. Песо. Pregled srpskohrvatskih dialekata. Drugo izdanje. Beograd, 1980 (А. Пецо. Очерк сербохорватских диалектов) // Советское славяноведение. 1983. № 3. С. 95–101. Соавт. Г. П. Клепикова.
164. [Рец. на:] Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984. С. 339–346.
165. [Рец. на:] Общекарпатский диалектный атлас. Вопросник. М., 1981, 125 с. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 315–317.
166. Важный вклад в изучение славянской диалектологии [Рец. на: Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986] // Russian Linguistics. 1990. Vol. 14, No. 1. P. 87–101.
167. [Рец. на:] Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Под ред. Я. И. Бьёрнфлатена, Oslo: Solum Forlag, 1997, ii + 210 стр. // Russian linguistics. 1999. Vol. 23, No. 2. P. 195–205.
168. Вопросы диалектологии на XII Международном съезде славистов // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 20–37. Соавт. Г. П. Клепикова.

169. [Рец. на:] Н. Н. Пшеничнова. Типология русских говоров. М., 1996, 208 с. + 7 карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. М., 2000. С. 309–318.
170. Круглый стол «Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст» // Славяноведение. 2002. № 1. С. 120–124. Соавт. Г. П. Клепикова.
171. [Рец. на:] Irena Sawicka, Stefan Grzybowski «Studia z palatalności w językach siołwiańskich» I. Toruń, 1999 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003. С. 227–230.
172. Вопросы диалектологии в «Українська мова. Енциклопедія». Київ, Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2000. 752 с. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. М., 2004. С. 414–418.
173. О третьем томе «Атласа украинского языка» (Атлас української мови) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. М., 2004. С. 418–423.
174. Вопросы диалектологии на XIII Международном съезде славистов // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 111–122. Соавт. Г. П. Клепикова.
175. Славянская диалектология: некоторые итоги и перспективы развития // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. М., 2004. С. 356–377. Соавт. Г. П. Клепикова и Т. В. Попова.
176. [Рец. на:] D. Grabka. Nagłos wokaliczny w gwarach polskich. Kraków, 2002 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006. С. 266–270.
177. [Рец. на:] В. Жобов. Звуковете в българския език. София, 2004. 122 с. (В. Жобов. Звуки в болгарском языке) // Славяноведение. 2007. № 1. С. 97–102.
178. Круглый стол «Особенности сосуществования диалектной и кодифицированной форм языка в славяноязычной среде» // Славяноведение. 2010. № 5. С. 120–123.

Тезисы

179. Об одном способе сигнализации дизремы в украинском диалектном языке // XIII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей (Київ, квітень 1969 р.). Київ, 1969. С. 63–66.
180. Место иноязычных заимствований в синхронной модели говора, функционирующего в условиях билингвизма // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2–5 октября 1973 г.). М., 1973.

181. К вопросу о типологии вокализма украинских диалектов // XIV Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей. Київ, 1977. С. 23–25.
182. Вариативные звенья диалектной системы как показатель происходящих в ней изменений // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию образования СССР и 40-летию победы под Сталинградом. Тезисы докладов и сообщений (Волгоград, 21–24 сентября 1982 г.) М., 1982.
183. Об одном аспекте изучения диалектной фонетики // Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі: XV Респ. діалектол. нарада. Тез. доповідей і повідомл. До IX Міжнар. з'їзду славистів. Житомир, 1983.
184. Об условиях изменения уровневого статуса звуковых чередований // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка), Ужгород, 18–20 сент. 1984 г.: тез. докл. и сообщ. [В 3-х т.]. М., 1984.
185. О синхронных описаниях болгарских диалектов // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. М., 1984. С. 310–312.
186. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Историческое развитие языков и методы его изучения. Тезисы докладов межвузовской конференции. Свердловск, 1988.
187. К вопросу о действии морфологической аналогии при разных типах славянского ударения // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3–5 октября 1989 г. М., 1989. С. 19–20.
188. Гиперфонемная ситуация в системе фонологических доказательств МФШ // Проблемы доказательства и типологизации в фонетике и фонологии. Материалы всесоюзного совещания. М., 1989. С. 33–34.
189. Об одной фонетической изоглоссе, объединяющей западнославянские и севернорусские диалекты // Всесоюзная научная конференция «Закономерности языковой эволюции». Рига, 1990. С. 172–173.
190. К проблеме типологической характеристики болгарских диалектов // Международная конференция «Болгаристика в системе общественных наук». Харьков, 1991.
191. К вопросу о критериях типологического тождества на фонологическом уровне (на материале славянских диалектов) // Межреспубликанская конференция «Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков». М., 1992. С. 15–17.

192. Пространство фонетических изменений как элемент диахронии // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Калининград, 1992.
193. О проблеме диахронии в славянской диалектологии // «Актуальные проблемы славянской филологии». Материалы научной конференции. МГУ, Филологический факультет. М., 1993.
194. О структурных особенностях праукраинской фонетики в период до падения редуцированных // Мовознавство: доповіді і повідомлення Другого міжнародного конгресу українців. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Львів, 1993. С. 81–85.
195. К вопросу об уровне архаичности отдельных славянских ареалов // Арэалогія. Праблемы і дасягненні = Ареология. Проблемы и достижения: тэзісы дакладаў міжнароднай навуковай канферэнцыі 25–27 траўня. Мінск, 1993.
196. Языковая ситуация в Нижней Лужице как результат политики германизации этой территории // Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции 20–22 февраля 1996 г., Москва. М., 1996. С. 33–35.
197. Изменения в консонантных сочетаниях как компонент славянских диалектных различий // Международная конференция. «Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание». М., 1998.
198. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовские чтения. Международная научная конференция. 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докладов. М., 2002.
199. Роль Р. И. Аванесова в создании Общеславянского лингвистического атласа // Аванесовские чтения. Международная научная конференция. 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докладов. М., 2002.
200. Парадокс фонемной интерпретации носовых сонантов в славянских языках/диалектах // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы IV Международной научной конференции. М., 2003.
201. Психолингвистический аспект результата контактов русских диалектов с литературным языком // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. Тезисы. М., 2004. С. 48–51.
202. О концепции изучения русской диалектной фонетики в трудах С. С. Высокотского // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V Ме-

- ждународной научной конференции 8–10 октября 2007 года. М., 2007. С. 92–94.
203. Об одной фонемной особенности надсянского говора // *Діалектна мова: сучасний стан і динаміка в часі*. Київ, 2008. С. 84–86.
204. Проблемы описательной диалектологии в контексте современного изучения диалектов // *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества*. [Тез. докл. Международной конференции 19–21 октября 2009 г.] М., 2009. С. 92–94.
205. О влиянии уровня артикуляционного контраста в пределах звуковой последовательности на фонетические изменения в славянских диалектах // *Фонетика сегодня: материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции, 8–10 октября 2010 года*. М., 2010. С. 61–64.
206. Аффрикатизация фрикативных согласных как компонент типологической характеристики славянских диалектов по вокальности/консонантности // *Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна*. М., 2011. С. 72–74.
207. О диахроническом аспекте вариативности в диалекте на уровне фонетики // *Актуальные проблемы русской диалектологии*. [Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г.] М., 2012. С. 66–68.
208. О выявлении актуальных фонетических процессов в современных диалектах // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии*. Материалы международной научной конференции 26–28 ноября 2013 года. М., 2013. С. 149–151.
209. Особенности включения диалектов в современную языковую ситуацию // *Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»*. III (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.) Труды и материалы. М., 2016. С. 215–216.

Редактирование

- 210–214. Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Отв. ред.: т. 23 (1962); член редколлегии: т. 22 (1961), 24, 25 (1962), 28 (1964).
215. Сербско-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. Отв. ред.
216. Славянская лексикология и лексикография. М., 1966. Отв. ред.
217. Исследования по серболужицким языкам. М., 1970. Отв. ред.
218. М. И. Ермакова. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. М., 1973. Отв. ред.

219. М. И. Ермакова. Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М., 1979. Отв. ред.
220. Славянское и балканское языкознание». Проблемы диалектологии. Категория поссессивности. М., 1986. Отв. ред. (совместно с Т. Н. Молошной).
221. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *ѣ. М., 1990. Отв. ред. (совместно с Т. И. Вендиной).
222. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2б. Рефлексы Рефлексы *q. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. Член редколлегии.
223. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 5. Рефлексы *o. М., 2008. Отв. ред. (совместно с Т. И. Вендиной).
224. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 6. «Рефлексы *e». М., 2012. Отв. ред. (совместно с Т. И. Вендиной).
226. *Dialectologia slavica*: Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995. Отв. ред. (совместно с Г. П. Клепиковой).
225. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. Отв. ред.
226. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. Отв. ред.
227. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. Отв. ред.
228. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. Отв. ред.
229. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 14: Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. Отв. ред.
230. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М., 2012. Отв. ред.
231. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. Отв. ред.
232. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. Отв. ред.

233. Общеславянский лингвистический атлас. Болгарские материалы. Серия фонетико-грамматическая. София, 2015. Отв. ред.
234. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. Отв. ред.
235. Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. Отв. ред.

Составители О. В. Трефилова, М. Н. Толстая

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

23

М.: Институт славяноведения РАН, 2021. – 302 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор серии: *А. Ф. Журавлев*
Отв. редакторы выпуска: *М. М. Алексеева, М. Н. Толстая*

Компьютерная верстка: *М. Н. Толстая*
Обложка: *М. И. Ленишина, М. Н. Толстая*
Автор фотографии М. В. Ясинская

Подписано в печать 14.12.2021. Усл. печ. л. 19.
Формат 60×84¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 24.
ООО «Пробел-2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д. 36